

Франсуа Отман

Франкогаллия

Франсуа Отман

Франкогаллия

Центр гуманитарных инициатив

Москва – Санкт-Петербург
2015

УДК 94(100-87)(09)

ББК 63.3(0)4

О83

Серия MEDIAEVALIA
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

Перевод, вступительная статья и комментарии И.Я. Эльфонд

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор А.Н. Галямичев

доктор исторических наук, профессор Л.Н. Чернова

Отман, Франсуа

О83 Франкогаллия / Публ., вступ. ст., комм. И.Я. Эльфонд. — М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. — 280 с. (MEDIAEVALIA)

ISBN 978-5-98712-525-0

Сочинение известного французского юриста, публициста и ведущего идеолога тираноборчества Франсуа Отмана (1524—1590) «Франкогаллия» является одним из ярчайших памятников политической мысли XVI века. Впервые трактат увидел свет непосредственно после Варфоломеевской ночи, т.е. в 1573 г., и его содержание в значительной степени было определено религиозным и политическим противостоянием в эпоху гражданских войн во Франции XVI в. Широкая популярность «Франкогаллии» в Европе оказалась связана с изложением учения о правах народа, суверенитете и легитимацией политического сопротивления монархической власти. Автор сочинения также изложил собственную концепцию этногенеза и истории Франции. Перевод был осуществлен с последнего, наиболее полного издания данного сочинения. Издание снабжено развернутой статьей, посвященной истории идейно-политической борьбы в эпоху гугенотских войн, обширными комментариями и указателями.

Для историков, юристов, политологов, культурологов, а также широкого круга читателей, интересующихся историей Средневековья и раннего Нового времени, гугенотских войн во Франции и европейской общественной мысли.

ISBN 978-5-98712-525-0

© Эльфонд И.Я., перевод., вступ. ст., коммент., 2015

© Гладков А.К., составление серии, 2015

© Центр гуманитарных инициатив, оформление, 2015

Содержание

<i>И.Я. Эльфонд. Ф. Отман — юрист, историк, политический мыслитель и идеолог гугенотов</i>	7
1. Жизнь и творчество Ф. Отмана	7
2. Исторические и правовые источники «Франкогаллии»	22
3. История изданий «Франкогаллии»	28
4. Политическая идеология «Франкогаллии»	31
5. Споры вокруг «Франкогаллии» и позднее творчество Ф. Отмана	37

Франкогаллия

<i>Введение</i>	53
<i>Глава I. О положении дел в Галлии до того, как римляне превратили ее в свою провинцию.</i>	57
<i>Глава II. Рассмотрим, каким же языком в древнейшие времена пользовались галлы</i>	61
<i>Глава III. О положении Галлии в бытность ее римской провинцией</i>	67
<i>Глава IV. О происхождении франков, которые, заняв Галлию, изменили ее название на Франкию или же Франкогаллию</i>	71
<i>Глава V. Об имени франков, их различных свободах, и о времени, когда они создали в Галлии свое королевство</i>	77
<i>Глава VI. О том, передавалось ли королевство Франкогаллия по наследству или было выборным, и об обычаях, сложившихся при избрании королей</i>	85
<i>Глава VII. О верховном праве (Summa Potestate) народа по известным причинам осуждать и низлагать своих королей</i>	90
<i>Глава VIII (VII). О законе, соблюдавшемся при наследовании умершему королю, в случае если он оставил несколько сыновей</i>	95
<i>Глава IX. О домне короля и апанажах его братьев</i>	98
<i>Глава X (VIII). О Салическом законе и праве женщин наследовать своим отцам-королям</i>	104
<i>Глава XI. О королевском праве носить длинные волосы</i>	107
<i>Глава XII. О том, как была учреждена форма королевства Франкогаллии</i>	110

Глава XIII (X). О королевском величии и ежегодном собрании народа Франкогаллии, известном также как « <i>Placitum</i> », « <i>Curia</i> » и « <i>Parlamentum</i> »	125
Глава XIV. О священной власти общественного совета и о том, какие дела в нем вершились.....	129
Глава XV (XII). О королевских должностных лицах, которые назывались майордомами	136
Глава XVI (XIII). О том, стал ли Пипин королем властью папы или же властью совета Франкогаллии	140
Глава XVII (XIV). О коннетабле и пэрах Франции	145
Глава XVIII (XV). О сохранении власти священного общественного совета в правление Каролингов	152
Глава XIX. О главном различии между королем и государством.....	155
Глава XX (XVI). О роде Капетингов и о том, каким образом к нему перешло королевство Франкогаллия	159
Глава XXI (XVII). О соблюдении власти общественного совета при династии Капетингов	162
Глава XXII (XVIII). О власти общественного совета в величайших делах, связанных с религией	166
Глава XXIII (XVIII). О приснопамятной власти совета в его борьбе против Людовика XI.....	171
Глава XXIV. Еще одно замечательное решение совета относительно осуждения и непризнания папы Бенедикта XIII	176
Глава XXV. О том, что король Франкогаллии не владеет безграничной властью в своем королевстве и о том, что она ограничена строго определенным правом и особыми законами	178
Глава XXVI. О том, запрещалось ли законами Франкогаллии женщинам не только наследовать корону, но и управлять государством.....	186
Глава XXVII. О парламентах и судах Франции.....	193
Комментарии.....	205
Указатель имен.....	265
Указатель этнических названий	276
Указатель географических названий.....	277

И.Я. Эльфонд

Ф. Отман — юрист, историк, политический мыслитель и идеолог гугенотов

1. Жизнь и творчество Ф. Отмана

Судьба известного французского мыслителя XVI века оказалась необычайной. Автор множества трактатов и памфлетов, Франсуа Отман вошел в историю политической науки благодаря произведению, написанному по горячим следам одного из самых кровопролитных событий позднесредневековой Западной Европы — Варфоломеевской ночи. «Франкогаллия» стала своеобразной программой гугенотской партии (затем ее идеи были позаимствованы представителями противоположного лагеря — ультракатоликами-сторонниками Лиги). Появление столь оригинального трактата, пользовавшегося во второй половине XVI в. исключительной популярностью у протестантов, во многом способствовало наступлению нового этапа в истории политической мысли Гуманизма и Реформации.

«Франкогаллия» Ф. Отмана (наряду с сочинениями Ж. Бодена) наметила перспективу развития не только национальной, но и европейской политологии в целом. Данное сочинение можно считать кульминацией идейной борьбы эпохи и одновременно апологией тираноборчества. Poleмические приемы, теоретические обобщения и выводы «Франкогаллии» в дальнейшем широко использовались современниками для обоснования прав народа и идеи народного суверенитета.

Судьба автора по сравнению с известностью его произведения представляется не слишком яркой. Отману не довелось, подобно Мишелю де Лопиталю, изведать громкую славу, которую ему принесла бы собственная политическая программа, а затем стать свидетелем ее полного провала; он также не обладал широтой сферы исследований, характерной, например, для Жана Бодена. Франсуа Отман не был наделен мудрой терпимостью и

скепсисом Мишеля де Монтеня, ярким гением Ронсара, пламенным талантом собрата по вере Агриппы д'Обинье или пылким пафосом Теодора де Беза. По сравнению со своими блистательными современниками он (как и Э. Пакье) представляется несколько суховатым, типично эрудитским исследователем. Но судьба и логика гражданских войн заставили талантливого, но ничем особо не выдающегося юриста принять на себя миссию ведущего идеолога гонимой части населения и взойти на вершину политической науки позднего Возрождения и Реформации.

Политическая мысль Франции второй половины XVI века формировалась в необычайно сложной социальной и конфессиональной ситуации. Религиозные войны, квалифицируемые современниками исключительно как гражданские, стали подлинной трагедией и испытанием на прочность национальной государственности¹. Они оказали огромное влияние на развитие идеологии, выделение различных ее направлений, возникновение и эволюцию новых тенденций в общественной мысли.

По мере углубления кризиса современники все более осознавали его социально-политическую подоплеку. Конфронтация двух не только религиозных, но и политических лагерей, а также постепенное оформление третьего, стоявшего на охранительных позициях, определила напряженный характер борьбы. Наконец, присутствие недовольного дворянства обозначило главную линию противостояния — опровержение или, наоборот, оправдание абсолютизма. Развитие идеологии и конструирование системы политической пропаганды обуславливались углублением гражданских войн, особым процессом их протекания, а также изменениями позиций противоборствующих партий.

¹ Литература, посвященная истории гражданских войн во Франции, огромна. Поэтому здесь следует ограничиться кратким обзором работ последних десятилетий. Только в конце XX — начале XXI в. (после длительного перерыва) стали появляться работы отечественных историков, посвященные данному периоду: *Плешкова С.Л.* Екатерина Медичи. Черная королева. М., 1995; *Эльфонд И.Я.* Адмирал Колиньи: жизнь и легенда // Вопросы истории. 2000. № 10; *Уваров П.Ю.* Франция XVI века. Опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004. Большое значение имеет публикация материалов международного коллоквиума, посвященного Варфоломеевской ночи. См.: *Варфоломеевская ночь. Событие и споры.* М., 2001. Развитие зарубежной историографии характеризуется отказом от традиционной версии и обращением к новым подходам — прежде всего, структурно-функциональному и культурному. Среди наиболее значимых работ последних десятилетий подробнее см.: *Crouzet D.* Les guerriers de Dieu. P., 1991; *Heller H.* Iron and Blood. Montreal, 1991; *Diefendorf B.* Beneath the Cross. P., 1991; *Crouzet D.* La nuit de Sainte Barthelemy. P., 1995; *Wolfé M.* Conversion of Henri IV. Cambridge, 1991; *Garrison J.* La Sainte Barthelemy. Bruxelles, 1987; *Bourgeon J.-L.* Charles IX et la Sainte Barthelemy. Genève, 1995; *Idem.* L'assassinat de Coligny. Genève, 1992; *Knecht R.* The Rise and Fall of Renaissance France. L., 1996; *Jouanna A.* La France du XVI siècle. P., 1996; *Mack P.* The French Wars of Religion. Cambridge, 1995; *Constant J.-V.* La Ligue. P., 1996.

Начало гражданских войн сопровождалось дикими даже для XVI века эксцессами (жесточайшие пытки и казни, расправы с населением, поругание могил, разрушение национальных святынь). Первая и вторая войны (1562—1563 и 1567—1568 гг.) вызвали невиданное до этого во Франции усиление пропаганды, результатом чего явились т.н. «памфлетные войны». Лидеры направлений стремились обосновать позиции своего лагеря; в такой стихийной и не очень высокой по теоретическому уровню полемике формируются основные положения зарождавшейся новой идеологии. В данный период становится ясно, что идейный, да и художественный приоритет принадлежал партии протестантов — гонимая группа вынуждена была аргументированно обосновывать вооруженное выступление против законной власти. Эта партия имела в своих рядах талантливых писателей и полемистов, которые, правда, в ходе двух первых войн еще не решались полностью порвать с традицией верности государю и короне. Их концепция сводилась к идее защиты монарха от дурных советников (т.е. своих политических противников, прежде всего, Гизов). Непродолжительное снижение накала страстей во время третьей войны дало шанс политическим оппонентам вступить в открытую дискуссию, в итоге позволившую всем сторонам подробно изложить собственные позиции.

Данный период в прямом смысле слова можно назвать затишьем перед бурей, грянувшей после Варфоломеевской ночи. Роль этого кровавого события в оформлении политических представлений эпохи еще не оценена должным образом не только в зарубежной, но и, тем более, в отечественной историографии. Варфоломеевская ночь стала не просто поворотным моментом в развитии идеологии, но и катализатором, объективно ускорившим возникновение новой политической теории и даже радикализовавшим ее. Масштабные изменения в области политической культуры и системы властных отношений нашли отражение на страницах трактата Ф. Отмана «Франкогаллия».

В протестантском лагере наблюдалась своеобразная «смена вех», при которой существенным коррективам подвергся характер идеологии. Гугеноты решили окончательно порвать с правительством, отказавшись от идеи верности законной власти. Фактически, они взяли курс на вооруженное сопротивление, политическое отделение и создание «государства в государстве». Варфоломеевская ночь ускорила оформление теории, получившей в истории общественной мысли название тираноборческой. Ее идеологи — монархوماхи — разработали учение, ключевыми аспектами которого явились проблема прав народа, идея народного суверенитета, договорная теория происхождения власти.

Основной идейной установкой, давшей название целого направления в политической науке, стало обоснование законности сопротивления подданных тирану. Большинство мыслителей отталкивалось от рассужде-

ний итальянского юриста Бартоло да Сассоферрато, обосновывавшего в своих трактатах наличие двух видов тиранов — «по приходу к власти» и «по образу действий». Представителями последнего типа, т.е. законными государями, правившими как тираны, монархомахи объявляли королей Франции. Во многом данное учение строилось на попытках опровержения построений Н. Макиавелли. Кроме Отмана к созданию теории тираноборчества приложили руку советник короля Наваррского Филипп дю Плесси-Морнэ (вероятнее всего, им подготовлена концепция и большая часть текста «Иска к тиранам» (1579 г.)), теолог, сменивший Кальвина в Женеве, Теодор де Без (автор «О праве должностных лиц по отношению к подданным и об обязанностях подданных по отношению к должностным лицам» (1573 г.)), протестантские филологи и богословы А. Этьен и С. Гулар, юрист И. Жантийе (перу которого принадлежит трактат «Анти-Макиавелли»), а позднее и великий поэт Агриппа д'Обинье.

В публицистической литературе того времени встречаются не только оригинальные сочинения, но и пространные компиляции — собрания цитат из трактатов античных авторов от Аристотеля до Тацита, в которых отстаиваются принципы борьбы с тираном и допускается его физическое устранение. Данный комплекс идей нашел отражение во множестве памфлетов, в теоретическом плане подобных наиболее крупным политическим творениям, например, «Будильнику французов» (1573 г.), «Политике», «Политической речи» (ок. 1575 г.) и «Франко-Турции» (1573 г.). Характерно, что большая часть политических сочинений писалась по-латыни, а памфлеты, в массе своей ориентированные на широкого читателя, наоборот, по-французски. Любопытно, что после Варфоломеевской ночи практически свертывается публицистика как католической партии, так и политиков (робкие две попытки после самой резни оправдать ее в счет не идут) — в сфере идеологии и пропаганды наблюдается полное доминирование идей тираноборчества. Идеологи «политиков» вообще пребывали в состоянии глубокого шока, о чем свидетельствует, скажем, письмо историка Э. Пакье, явно отправленное автором в состоянии потрясения и от самого факта резни, и от понимания последствий ее. По мнению В. де Капрариса, идеологи «политиков» «понимали значение событий и могли квалифицировать их только как преступление». Но после выход в свет программных сочинений тираноборцев защитники и идеологи абсолютизма (прежде всего, идеологи «политиков») Л. Леруа, Э. Пакье и великий Ж. Боден публикуют свои основные труды, в которых можно заметить наличие прямой полемики с тираноборцами.

Вслед за бурными событиями 70-х гг. установилась некоторая стабильность в жизни французского общества: окончание шестой по счету войны (1577 г.) способствовало угасанию вооруженного противостояния и политической полемики. Однако начиная с 80-х гг. стало

казаться, что пророчества публицистов о грядущей новой Жакерии и гибели «старого порядка» оправдываются. Кульминация противоборства приходится на вторую половину 80-х гг., т.е. период начала восьмой и последней по счету гражданской войны.

Данная эпоха характеризовалась еще и углублением экономического кризиса, воздействием революции цен, обнищанием населения и, как результат, активизацией социальной борьбы не только в городе, но и в деревне. Толчком, окончательно обострившим политическую ситуацию, стала смерть брата и наследника Генриха III (одиозной для современников и потомков фигуры), которая актуализировала идею смены правящей династии и превратила лидера протестантов короля Наваррского в реального претендента на престол. Ультракатолики срочно воссоздали давно распущенную королем Католическую Лигу; в свою очередь Лига принцев заключила договор с Испанией. У Генриха III буквально вырывают Немурский эдикт, поставивший протестантов во Франции вне закона (король высказался о нем следующим образом: монарх подписывает этот эдикт с ужасом, поскольку, хотя он и находится в согласии с его совестью, но неизбежно принесет гибель государству).

Период 1586—1588 гг. характеризовался конфронтацией партий, ростом иностранного вмешательства, союзом «политиков» с протестантами и резким ослаблением центральной власти. Разрыв короля с католической партией был неминуем, а «День баррикад» (22 мая 1588 г.) и бегство монарха из столицы, контролировавшейся католическими силами, вели к распаду Франции. Расправа Генриха III с Гизами, взрыв возмущения в Париже (и не только в нем) накалили обстановку в стране до предела. Декларация Сорбонны о низложении Генриха III, роспуск Генеральных Штатов в Блуа, союз двух Генрихов против Лиги и испанская интервенция — события развивались по нарастающей и апогеем стало убийство короля (1 августа 1589 г.).

Все это приводило к некоторому отрезвлению католического населения, религиозные вопросы окончательно отступили перед грозящей катастрофой; 90-е гг. XVI в. стали временем политического умиротворения. Предшествующий бурный период нашел выражение в истории идеологии. К этому времени «властители умов» всех партий уже приобрели готовое оружие — отработанную в 70-е гг. систему пропаганды (памфлеты, летучие листки, проповеди) и сформулированную политическую теорию (представленную учениями о тираноборчестве и абсолютизме).

Однако для данного периода также характерна определенная смена идеологических ориентиров. Католики, традиционно отстаивавшие идею прав монарха, берут на вооружение учение своих оппонентов — тираноборчество, иногда на редкость бездумно его списывая. Протестанты же переходят на строго легитимистские позиции и вместе с

«политиками» защищают доктрину абсолютной власти государя. Неслучайно, что именно тогда сложился крайний вариант абсолютистской доктрины, учение о «божественном праве королей», ставшее платформой политических учений XVII в. вплоть до Фенелона и Боссюэ. Публицистика практически не была ограничена цензурой; факты грубо извращались, а лексика носила крайне оскорбительный характер: достаточно вспомнить, что государя открыто называли «воплощением Антихриста», «врагом Бога и рода человеческого». В этот период история идеологии характеризуется не столько генерированием новых идей, сколько популяризацией или развитием учений, выдвинутых в 70-е гг. XVI в.

При несомненной связи политической мысли с событиями гражданских войн следует отметить, что ее содержание было глубже и оригинальнее действительности. Если бы видные писатели ограничились лишь анализом современных им политических явлений, то почти наверняка их сочинения, составленные «на злобу дня», в силу своей теоретической ограниченности не привлекли бы внимание потомков. Однако результатом идейной полемики оказалось оформление двух оригинальных политических теорий — тираноборческой и абсолютистской. Данные учения, порожденные самой эпохой, оказались необычайно устойчивыми. Их важнейшие положения широко использовались не только в XVI в., но и в последующие столетия. В частности, это относится к рассуждениям Жана Бодена о суверенитете, а также к концепциям прав народа и тираноборчества, разработанным монархомахами и Ф. Отманом в том числе.

Автор «Франкогаллии» и крупнейший теоретик тираноборчества получил признание современников и потомков. Политическое учение Отмана легло в основу доктрины тираноборчества, а позднее было не только интерпретировано, но и прямо списано идеологами католического лагеря. Фигура мыслителя и его наследие неоднократно привлекали к себе внимание исследователей. На трактовку биографии и творчества Отмана оказывали влияния оценки, утвердившиеся в исторической и политической науке в отношении тираноборчества. Ученые XIX в., стремившиеся представить мыслителя умеренным конституционалистом, все же подчеркивали его «демократические позиции», и реже радикальность².

Большинство исследователей обращалось, главным образом, к анализу основного сочинения Отмана — «Франкогаллии». Именно по-

² Из работ конца XIX — середины XX в. можно назвать следующие: *Allen J. A History of Political Thought in Sixteenth Century. L., 1958 (2-d ed.); Armstrong E. The Political Thought of Huguenots // English Political Review. 1899. Vol. XIII. P. 13—40; Treumann R. Die Monarchomachen. Leipzig, 1895 (русск. пер. — 1906); Church W. Constitutional Thought in Sixteenth Century France. Cambridge, 1941; Mesnard P. L'essor de la philosophie politique en XVI siècle. P., 1951 (2 ed.); Weill G. Les théories du pouvoir royal en France pendant les guerres de religion. P., 1891.*

этому историография, посвященная интерпретации данного памятника политической науки, определению круга его источников и степени воздействия на построения интеллектуалов последующих веков, чрезвычайно обширна, и во много раз превосходит литературу, посвященную, собственно, биографии самого автора.

Оценки наследия французского мыслителя присутствуют практически в каждом крупном западном исследовании по истории политических и социальных учений XVI века. Нередко подобные обобщающие работы носят правовой характер³. Со времени появления труда Б. Рейнольдса⁴, стремившейся подчеркнуть конституционалистские идеи в творчестве Отмана, в позднейшей литературе наблюдается отчетливая тенденция сопоставить позиции мыслителя с построениями других его современников.

Данные сравнения могли производиться как с идеологами Реформации (прежде всего, Кальвином), так с гуманистами (Боденом) и другими тираноборцами⁵. От биографических штудий XIX в. резко отличается исследование жизни и творчества Ф. Отмана, принадлежащее американскому политологу Д. Келли, который подчеркивал революционность и радикальность позиции мыслителя, определившей всю его деятельность⁶. Однако анализ взглядов Отмана, как правило, ограничивается все той же «Франкогаллией».

В отечественной литературе творчество Франсуа Отмана не привлекало особого внимания (за исключением краткой оценки тираноборчества в трудах И.В. Лучицкого⁷). О его знаменитом произведении вскользь упоминает в «Истории Франции» С.Д. Сказкин, оценивая «Франкогал-

³ Skinner Q. *The Foundations of Modern Political Thought*. Cambridge, 1972. V. II; Kingdon R. *Myths about St. Bartholomew's Day Massacres. 1572—1576*. Cambridge—London, 1988; Kelley D. *The Beginning of Ideology*. Cambridge, 1983; Franklin J. *Constitutionalism in the Sixteenth Century: Protestant Monarchomachs // Political Theory and Social Change*. N.Y., 1967. P. 117—132; Goyard-Fabre S. *Philosophie politique. XVI—XX siècle*. P., 1987; Nürnberger R. *Die Politisierung des Französischen Protestantismus*. Tübingen, 1948; Stricker G. *Das Politische Denken der Monarchomachs*. Heidelberg, 1967; Yardeni M. *Le conscience nationale en France pendant les guerres de religion*. P., 1977; Yardeny M. *French Calvinist Political Thought // International Calvinism. 1541—1715*. Oxford, 1985. P. 315—338.

⁴ Reynolds B. *Proponents of Limited Monarchy in Sixteenth Century // Studies in History, Economics and Public Law*. L., 1931. № 334.

⁵ Kleysler F. *Kalwin und François Hotman // Geschichtliche Kräfte und Entscheidungen*. Wiesbaden, 1954. S. 47—64; Salmon J.H. *François Hotman and Jean Bodin // History today*. 1973. Vol. XXXII. P. 81—89.

⁶ Kelley D. *François Hotman: A Revolutionary's Ordeal*. Princeton, 1973. Кроме этой биографии имеются еще две работы XIX века: Cougny E. *François Hotman*. P., 1870; Darestre R. *François Hotman*. P., 1850.

⁷ Лучицкий И.В. Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции. Киев, 1871. Ч. I. С. 323. Исследователь критично характеризовал построения Ф. Отмана, не считая их прогрессивными.

лию» весьма критически⁸. Возможно, формирование данной историографической парадигмы было связано с двумя факторами — влиянием концепции И.В. Лучицкого и малым интересом к проблемам тираноборчества. Свидетельством последнего является тот факт, что ни об Отмане, ни о других монархах практически до настоящего времени ничего не говорится в отечественных сводных трудах по истории политических и правовых учений. Специальных исследований, посвященных творчеству Ф. Отмана на русском языке, к сожалению, не существует; только в общей работе, посвященной истории французского тираноборчества XVI в., разбираются основные положения учения мыслителя⁹.

Жизненный путь автора «Франкогаллии» был не совсем обычен. Ф. Отман родился 28 августа 1524 г. в семье выходцев из Силезии. Его отец Жан Отман принадлежал к «дворянству мантии», состоял советником Парижского Парламента и исповедовал католицизм. Сыновья пошли по стопам родителя, планируя сделать карьеру на ниве государственной службы. Именно поэтому Отман получил соответствующее образование, однако в отличие от брата все же решил не связывать свою жизнь исключительно с юриспруденцией. Франсуа приступил к обучению праву в 1546 г. в Орлеане, через год обратился в кальвинизм и бежал сначала в Лион, а позднее в Швейцарию. Юридическое образование он завершил в Швейцарии и Германии, преподавал в университетах Лозанны, Женевы, Страсбурга, постепенно приобретая славу крупного знатока права как в Швейцарии и Германии, так и во Франции. В основном как юрист он обращался либо к теории государства, либо к гражданскому праву. Уже в 50-е гг. Франсуа увлекается политической деятельностью и сближается с немецкими протестантскими князьями — Филиппом Гессенским, его сыном Вильгельмом и курфюрстом Иоганном Фридрихом Великодушным. Ими-то, по всей видимости, и была выдвинута кандидатура Отмана для оправдания на имперском

⁸ Сказкин С.Д. Реформация и религиозные войны во Франции // История Франуции. М., 1972. С. 217.

⁹ Эльфонд И.Я. Тираноборцы. Саратов, 1991. С. 16—48. См. также наши позднейшие работы: Эльфонд И.Я. Эволюция династического мифа в культуре Франции позднего Средневековья // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006. С. 345—364; Она же. Эволюция идей конституционализма во Франции XVI в. // Искусство власти. Сборник в честь профессора Н.А. Хачатурян / Отв. ред. О.В. Дмитриева. СПб., 2007. С. 286—301; Она же. Образ власти: pro et contra. Политическая мифология, пропаганда и культура во Франции XVI века. Саратов, 2011; Она же. Проблема этногенеза французов во французской историографии XVI в. // Историческая память в культуре эпохи Возрождения / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2012. С. 207—223; Она же. Место «Франкогаллии» Ф. Отмана во французской историографии Ренессанса // Историографический сборник. Саратов, 2014. С. 83—100.

сеймс во Франкфурте в глазах императора Максимилиана II и всех чинов Священной римской империи (в том числе и католиков) вооруженного выступления протестантов.

В середине 60-х гг. Ф. Отман возвратился на родину, начал читать курс права в университете Гренобля. В 1566 г. занял кафедру в университете Буржа. При этом мыслитель оставался кальвинистом и не порывал прежних связей с германскими князьями. После выхода в свет наиболее известного в области права трактата «Анти-Трибониан» в 1567 г. Отман получил от королевы Елизаветы приглашение посетить Оксфордский университет, но ответил отказом. Позднее он все же согласился вступить в должность королевского историографа, которую для него добился известный гуманист, в то время канцлер Франции Мишель де Лопиталь.

С 1567 г. Отман принимал активное участие в идейной и политической борьбе; прекратив разрабатывать проблемы гражданского права, он стал секретарем принца Конде — главы фанцузских протестантов. С этого времени мыслитель в качестве политического публициста и в силу служебных обязанностей взял на себя труд по составлению или редактированию всех документов (включая воззвания и обращения), выходивших от имени Конде. В конце 60-х гг. он как королевский историограф прочно обосновался в Париже (после гибели своего покровителя в 1569 г.), приступив к изучению разнообразных архивных и рукописных материалов. В данный период формируется политическое учение Ф. Отмана и ведется подготовительная работа, предшествовавшая написанию «Франкогаллии».

Варфоломеевская ночь отразилась на ходе и характере протестантского движения, перевернув судьбы многих его участников. Отман чудом пережил кровавое событие, т.к. за день до начала резни пешком покинул Бурж, затем бежал сначала в Лион, а в 1573 г. в Женеву. В изгнании мыслитель узнал о смерти Мишеля де Лопиталья — давнего заступника и «последней жертвы Варфоломеевской ночи». В эти годы он опубликовал свои наиболее известные сочинения, в том числе «Франкогаллию». С 1576 г. возобновил преподавательскую деятельность, однако так и не сумел выбраться из бедности. Большим ударом для него стал переход сына в католицизм.

Заслуги Отмана перед протестантской партией не забыли; так, в 1584 г. он получил от короля Наваррского послание, подписанное «добрый и верный друг Генрих». Действительно, августейшему покровителю срочно потребовался полемический талант знаменитого публициста; в результате появился труд Отмана «О наследовании французского королевства» (1584 г.). Король Наваррский в благодарность сделал автора членом своего частного совета (1586 г.).

После Немурского эдикта и буллы папы мыслитель вновь взялся за перо, выступив в печати с обращенной ко всем французам пламенной речью в защиту правящей династии и установленных законов. Война с Савойей привела его в Базель, где Отман и умер 12 февраля 1590 г. Он был современником почти всех важнейших событий религиозных войн, в эмиграции проявив себя в новом качестве политического теоретика и одного из наиболее оригинальных писателей-полемистов XVI в. В Женеве и Базеле издавались все сочинения Ф. Отмана, посвященные проблемам политической науки, в том числе и весьма радикальные, запрещенные не только во Франции, но и за ее пределами.

Карьере политического публициста и ведущего идеолога протестантской партии предшествовала не менее блистательная судьба в юриспруденции. Данное обстоятельство оказало существенное влияние на подход Отмана к анализу политической теории и выработке аргументации. Формирование воззрений мыслителя на власть и общество пришлось на 60-е гг. XVI в.

Первым политическим сочинением Ф. Отмана является памфлет «Тигр», направленный против кардинала Лотарингского. В этом произведении мыслитель изложил претензии к Гизам и лично кардиналу со стороны протестантов и обойденных принцев крови. Соединение религиозных и политических обвинений стало для Отмана одним из излюбленных полемических приемов. Кроме того, в памфлете впервые проявилась продворянская позиция автора, выраженная в противопоставлении национальной элиты иноземной, принцев крови пришельцам — чужакам. Отман не уставал удивляться долготерпению Бурбонов и французской знати по отношению к узурпаторам, отнявшим власть у тех, кому она принадлежит по праву. По сути, автор выступил в роли подстрекателя дворянских междоусобиц. Отман пытался сохранить флер легитимизма, настаивая на том, что принцы крови должны как члены династии управлять страной.

Мыслитель предвидел политическую перспективу еще тогда, когда положение королевского дома было незыблемым, настойчиво обвиняя Гизов в стремлении захватить власть, отстранить от ее кормила национальное дворянство и сменить династию; все это, по мнению Отмана, свидетельствует о тираническом характере их действий.

В первом памфлете Отмана проявилась позиция, которой автор навсегда остался верен. Мыслитель раскрыл собственное понимание тирании, опираясь на анализ современной ему социальной и политической действительности. В отличие от подавляющего большинства крупных теоретиков XVI в. Отман выстраивал свои политические тезисы и аргументы не только на основании выдержек из произведений эллинистически-римского мира (напомним, опора на древность —

привычный прием ренессансной политологии), но на материалах, отражающих исторический опыт родной Франции.

В «Тигре» Ф. Отман несколько отходит от общепринятой типологии тиранической власти, предложенной Бартоло, и указывает на принципиальную связь тирании и ксенократии, т.е. господства иноземцев. Кроме того, мыслитель уже с этого времени проявляет интерес к статусу и юридическим правам сословий и различных социальных слоев по отдельности.

Данные черты более отчетливо проявились в его теоретическом юридическом трактате «Анти-Трибониан» (1567 г.). Главная задача произведения состояла в опровержении классического римского права — *corpus juris civilis* (Трибониан — юрист, составлявший этот свод по поручению императора Юстиниана), а также его позднейшей средневековой интерпретации.

Для разрешения подлинной задачи трактата Отман обратился к теоретическим проблемам права и политической науки. По мнению мыслителя, законы вторичны по отношению к государству и определяются им. Своим тезисом «законы должны приспособляться к форме государства, а не государство к законам» он фактически опровергает излюбленный принцип гуманистической политологии. Более того, продолжает Отман, закон, используемый в демократической республике, непригоден для монархии; только переворот, трансформации в основах государства могут затронуть и право.

Таким образом, для Отмана право неразрывно связано с характером государственной власти. Его наличие и реальное воплощение в системе правосудия — важнейшая и необходимая составляющая совершенного государства, тогда как отсутствие оно — явный признак тирании.

Право и правосудие тесно связаны с типологией и эволюцией политических форм общественной организации. Отмечая кардинальную важность их изменений в государстве, Отман в то же время, как и значительная часть современников, весьма критично относился к реальным попыткам внесения значительных корректив в функционирование утвердившегося строя. Обстановка гражданских войн также способствовала тому, что мыслитель в своих суждениях по данному вопросу присоединился к мнению наиболее авторитетных политических писателей Возрождения. Трансформации, происходившие в республиканском строе, по мнению Отмана, наиболее опасны с точки зрения повсеместного распространения беззакония и последующего превращения государства в «тиранию, занятую усобицами». Впрочем, мыслитель не раскрывает механизмы данных процессов и не оговаривает характер такого рода тирании. В отличие от многих французских интеллектуалов он, в принципе, вполне терпимо относится к республиканскому строю, считая, например, период существования античного Рима — «эпохой свободы».

Гораздо более критичен он к монархии и любой форме единовластия. Как юрист Отман полагал, что в государстве, управляющемся одним человеком, не может быть прочных законов, поскольку право в них зависит исключительно от волюнтаризма и субъективных желаний суверена. Исторический опыт показывает, что при этом подавляющее большинство правителей далеко от совершенства, «чаще они проявляли себя как жестокие тираны, а иногда более похожи на злодеев, отвратительных чудовищ». Оценки Отмана, вероятно, складывались под влиянием трудов античных историков-республиканцев и итальянских гуманистов (даже эпитеты он заимствует из подобных источников).

Проблема единовластия в «Анти-Трибониане» затрагивается, прежде всего, в связи с проблемой правового государства; невозможность достижения стабильности правосудия дает основания Отману негативно характеризовать принцип единовластия, не гарантирующий приход к власти достойного правителя. Таким образом, уже в раннем сочинении Отман начал сомневаться в целесообразности монархии, поднимая вопросы, впоследствии разработанные во «Франкогаллии».

В «Анти-Трибониане» поставлена и другая, для данного сочинения ведущая проблема — историческое место римского права. Процесс рецепции римского права уже давно осуществлялся во Франции. Отман был, пожалуй, первым, кто попытался доказать неприемлемость использования правовых норм римского права в новых исторических условиях. Характерно, что при этом он вообще отказывается от малейшей идеализации Античности и выступает против рецепции римского права¹⁰. Свою позицию мыслитель объясняет тем, что «существует огромное различие между устройством нашей Франции и государством римлян». Так, впервые в сочинениях появляется одна из важнейших тем Отмана-политического теоретика: италофобия, недоверие ко всему, что когда-либо пришло или может придти из Италии. С его точки зрения недопустимо заимствование данного права, поскольку оно не соответствует ни политической системе, ни социальной структуре, ни форме национального государства. Факт рецепции римского права во Франции отрицать было невозможно, но с ним Отман связывает возникновение политической системы, которая утвердилась в современное ему время. Абсолютизм для него — «варварское рабство», «глупый и варварский обычай, который существует и господствует в настоящее время во Франции». Следовательно, утверждает Отман, эта система, возникшая в результате слепого подражания итальянским порядкам в целом и, прежде всего, римскому праву противоречит французским традициям, законам и обычаям. Данный весьма важный для взглядов Отмана тезис сочетается с негативным отношением к самому своду римского права. Мыслитель по-

¹⁰ *Hotman F. Anti-Tribonian // Hotman F. Opuscules. P., 1616. P. 8, 16.*

лагал, что единого права не существует, поскольку историческое развитие государства влечет за собой и неминуемую трансформацию юридических норм («одни законы были приняты во времена царей, другие же — во времена свободы, а третьи — в эпоху Цезарей»). Таким образом, заключает Отман, *corpus juris civilis* не пригоден для использования в современной Франции (отсюда и название сочинения «Анти-Трибониан»). Мыслитель впервые провозглашает: «недостойно людей, носящих имя и звание христиан, — высоко почитать и ценить законы романских стран, в которых можно видеть столько примеров омерзительных и отвратительных тиранов»¹¹.

К концу 60-х гг. XVI в. идеи о связи тирании и абсолютизма, о заимствовании итальянских незаконных порядков стала в протестантской публицистической литературе популярной и определялась отношением к учению Н. Макиавелли о государе. В представлении протестантских теоретиков итальянские правители — тираны, а их власть освящена римским правом; эту идею они усиленно популяризировали.

Отман шагнул дальше своих собратьев по вере, не ограничился критикой существующих порядков и римского права, но противопоставил им старые древнегерманские установления и законы. В «Анти-Трибониане» апелляция велась как к исторической традиции (т.е. к временам Меровингов), так и к современности — Отман утверждал, что средневековые французские законы «имеют что-то общее с немецкими и, особенно, со швейцарскими»¹². Упоминание Швейцарии, являвшейся не только союзом республик, но и оплотом протестантизма в Европе, отчетливо показывает, что для мыслителя идеалом является организация государства по кальвинистскому образцу. По сути, в данных рассуждениях присутствует явная антимонархическая направленность.

Теоретические позиции Отмана отражали, прежде всего, его отношение к французской действительности; он не скрывал своего недовольства единовластием, открыто критикуя абсолютную монархию и признаваясь в симпатиях к республиканскому образу правления. Апология порядков древних германцев (позднее использованная его же политическими противниками-лигерами) впоследствии не только принесла Отману славу «отца германистики», но и стала, по сути, основанием для попыток вернуть «старые добрые времена». Идея уничтожения абсолютистских нововведений объективно отразила при всех республиканских симпатиях автора позиции сепаратистки настроенного дворянства, мечтавшего о восстановлении былых вольностей на всем протяжении гражданских войн.

На политических сочинениях Отмана, явившихся откликом на события Варфоломеевской ночи, лежит отпечаток непосредственного

¹¹ *Hotman F. Anti-Tribonian // Hotman F. Opuscules. P., 1616. P. 108—109.*

¹² *Ibid. P. 102.*

восприятия трагедии и возмущения действиями правительства. Полный разрыв с идеей повиновения государю, крушение традиционного монархического мифа мог быть достигнут только в среде кальвинистов, признававших, как известно, лишь высший авторитет Бога и оспаривавших законность любой мирской власти¹³. Впервые в истории гражданских войн именно идеологи кальвинистов, включая ведущего богослова Теодора де Беза и Франсуа Отмана сформулировали требования полного разрыва с королевской властью, запятнавшей себя кровью подданных и превратившейся тем самым в тиранию; они же признали ее нелегитимной. В сочинениях указанных мыслителей на доступном для широкой аудитории уровне были изложены те же положения, которые чуть позже получили развитие в трактате «Франкогаллия».

Непосредственным откликом на события стал политический памфлет Ф. Отмана «О французских неистовствах» (начало 1573 г.), скоро переведенный с латыни на французский язык. Название предполагало только изложение событий 1572 г., однако автор построил свое сочинение как краткий исторический очерк протестантизма во Франции. Варфоломеевская ночь трактовалась как кульминация религиозных и политических преследований протестантов и логическое завершение конфессиональной политики абсолютизма, главным результатом которой Отман объявил гражданские войны. При изображении событий мыслитель изложил ведущие идеи собственной политической программы. Прежде всего, Отман обратил внимание на то, что войны против коренного населения Франции были спровоцированы иностранцами. Ксенофобия заметна не только при описании деятельности Гизов, но и, в особенности, в оценках действий Екатерины Медичи. Испытывая к ней явную и нескрываемую ненависть, Отман в очередной раз продемонстрировал свое неприятие как романского начала, так и пресловутой «гинекокрации». Мыслитель отрицает права женщин не только на корону, но и на регентство. Акцентируя внимание на моральном разложении «итальянизированного» двора и на жестокости итальянцев, Отман обвинил правительство в предательстве национальных интересов: «измена королевских советников проявилась совершенно явно; одни из них превратились в прислужников короля Испанского, другие получили от него субсидии и были обязаны ему многими благодеяниями на протяжении всех этих лет, а взамен открыто продавали ему дела королевства»¹⁴.

¹³ Об этом подробнее см.: *Le Roy Ladurie*. Э. Королевская Франция. М., 2004. С. 242—243.

¹⁴ *Hotman F. Discours simple et veritable des rages exercees par la France, des horribles et indignes meurts commis tn personne de Gaspar de Coligny, admiral de France et des plusieurs grands, seigneurs, gentilhommes, et de lache et estrange carnage non faits indefferens les chrestiens qui sont peu recouvrer en la plupart des villes de ce royaume sans resopect aucun du sang, sex, aage ou condition.* (Basel), 1573. P. A5v.

При описании резни автор подчеркивал, что ее организаторами являлись не прирожденные французы, а чужестранцы; так в пропагандистских целях создается представление о враге-иноземце. Данный образ конструируется весьма последовательно: Отман сужает социальный состав парижского населения, участвовавшего в кровопролитии, обвиняет своих противников в том, что они подняли социальные низы, выступили как демагоги, пообещавшие санкционировать грабежи, и «дали в руки черни оружие». Религиозная конфронтация в его описании выглядит как погром бедноты, поднятой врагами Франции — иностранцами против законопослушных подданных короля. Таким образом, вопреки всякой очевидности Отман пытается обелить народ в целом, перекладывая вину на маргиналов — деклассированные элементы, и чужеземцев.

Однако оценка этих событий однозначна — подобная резня позорит страну и дискредитирует правительство, уничтожает «королевское величие, веру общества и нерушимое человеческое право». Главным же в памфлете становится характеристика сущности королевской власти. Если в суждениях о правительстве Отман не колеблется, то в трактовке действий государя наблюдается известное противоречие. Хотя мыслитель достаточно позитивно оценивает действия Карла IX до резни, тем не менее, ответственность за кровопролитие все же возлагает на корону, а, следовательно, «имя государя обесчещено постыдным предательством».

Памфлет имеет своеобразную структуру. Отман не посмел открыто называть короля тираном, однако содержание сочинения выстроено по образцу описания «Стокгольмской кровавой бани», почерпнутого им у С. Мюнстера и приложенного как параллель французским событиям к изданию памфлета. Кристиан II Датский вошел в историю с прозвищем «тиран», хотя и получил его не за упомянутую резню. Но сама подобная параллель предоставляла читателю возможность оценивать по аналогии и правление Карла IX как тиранию.

Отман переходит от описания резни к рассуждениям общего характера, настаивает на существовании взаимных и непреложных обязательств короля и подданных, отвечающих нормам феодального права, регламентировавшего отношения сеньора и вассала. В рамках данной логики он последовательно проводит тезис о законности сопротивления народа в случае, если правитель нарушил взятые на себя обязательства; мыслитель, фактически, разрабатывает учение о праве подданных на свержение государя.

Рассуждения о наличии взаимных обязательств между правителем и народом Отман завершает выводом, предвосхитившим теоретические сочинения тираноборчества: «если король не считается ни с чем, если

он не считает нужным опираться на право, то следует считать, что ни подданные, ни чужеземцы не должны рассматривать его как короля»¹⁵.

В памфлете «О французских неистовствах» Отман, не отказываясь от предшествующих положений, приходит к важной мысли, согласно которой законный правитель может превратиться в тирана (*tyannus quod exercitum*) в случае нарушения им определенных обязательств. Заметим, что данное учение свидетельствует о том, что автор стоял на позициях договорной теории происхождения власти. На этом основании Отман развивал фундаментальное положение о легитимном характере сопротивления народа своему государю, ставшему тираном.

Ранние сочинения Отмана, выдержанные в особом полемическом стиле и в полной мере не отвечавшие жанровым канонам политических трактатов, позволяют судить о становлении его воззрений на власть и общество. Для системы авторских представлений наиболее характерны такие существенные элементы, как патриотизм, национализм и демократизм. Мыслитель критически относится к единовластию и стремлению к нему, трактуя последнее как тиранию. Отман, по сути, разработал учения, нашедшие отражение в его юридических и полемических сочинениях, — о ксенократии, гинекократии и праве народа на сопротивление недостойному государю; наконец, именно ему принадлежит заслуга создания образа врага во французской публицистике XVI в.

2. Исторические и правовые источники «Франкогаллии»

Некоторые части трактата «Франкогаллия» содержали столь вызывающие, порой провокационные суждения, что Отман был вынужден детально аргументировать каждое свое положение. Вероятно, именно этим объясняется не только использование значительного корпуса античных и средневековых источников, но и характер их интерпретации; кроме того, стремясь усилить доказательную базу собственных построений, автор пошел на существенное расширение текста первого издания и введение новых глав в последующих.

Основной особенностью авторской методики работы с источниками была фактическая подгонка документального материала под предварительно сформулированную концепцию. Отман ставил задачу доказать ряд теоретических положений, а потому с особой тщательностью отбирал

¹⁵ *Hotman F. Discours simple et veritable des rages exercees par la France, des horribles et indignes meurts commis tn personne de Gaspar de Coligny, admiral de France et des plusieurs grands, seigneurs, gentilhommes, et de lache et estrange carnage non faits indifferens les chrestiens qui sont peu recouvrer en la plupart des villes de ce royaume sans respect aucun du sang, sex, aage ou condition.* (Basel), 1573. P. 44.

малейшие данные, способные их проиллюстрировать. Подход к подбору источников страдал несомненным схематизмом; в частности, мыслитель допускал натяжки, распространяя на предмет исследования суждения и свидетельства, относящиеся к другим временам и явлениям. Так, например, упоминая о свободолюбии франков, Отман ссылается на свидетельства Тацита, относящиеся к совершенно иным германским племенам. Мыслитель даже позволял себе искажать смысл источников, дополняя их собственными словами для усиления эффекта воздействия на читателя или изымая из оригинального текста не устраивавшую его информацию. Рассказывая в разных главах трактата об одном и том же событии, Отман нередко вырывал из контекста источника отдельные факты и интерпретировал их вопреки историческому содержанию оригинала. Так, в описании убийства франкскими королями Хильдебертом и Хлотарем своих малолетних племянников, автор опустил слова Григория Турского об отчаянии Клотильды, фактически возлагая вину на нее, а не на непосредственных участников преступления. В данном случае толкование Отмана вступало в противоречие не только с источником, но и с его собственными суждениями, высказанными в другой главе «Франкогаллии». Безусловно, обращение мыслителя с источниками было зачастую произвольным. Впрочем, следует отметить одну важную особенность «авторской лаборатории» — на уровне технического оформления научный аппарат «Франкогаллии» гораздо аккуратнее, чем у большинства историков того времени.

Отман считал необходимым непосредственно в тексте давать точные ссылки на книги и главы тех сочинений, которыми пользовался; на сегодняшний день исследователям не удалось идентифицировать только некоего «хрониста Идалия». Подобная дотошность в техническом оформлении своего трактата преследовала двойную цель: с одной стороны, убедить читателя в правоте авторских рассуждений, а с другой, — обезопасить себя на случай появления критических выпадов оппонентов. Удивительным образом в работе Отмана сочеталась аккуратность приведения выходных данных источников с их нередко весьма искаженным, далеким от точности оригинала цитированием. Возможно, возникновение расхождений в тексте оригинала и фрагмента, приведенного во «Франкогалии», связано с характером изысканий мыслителя — нельзя исключать, что многие памятники он цитировал по памяти; такая практика повлекла за собой тиражирование ошибок и неточностей. На эту своеобразную сторону работы Отмана с источниками обратили внимание его политические противники, прежде всего, получивший превосходное филологическое образование П. Массон. Именно он уличил оппонента в ряде передержек и существенных неточностей.

Однако данная полемика, завязавшаяся в 1575 г., в которой позднее приняли участие Этьен Пакье и Жан Боден, заставила Отмана вновь взяться за работу над «Франкогаллией».

При последующих изданиях изменения в текст вносились посредством более обильного цитирования разнообразных источников, призванного доказать теоретические построения Отмана. Зачастую автор усложнял восприятие собственного текста, загромождая его многочисленными (порой излишними) ссылками. Один и тот же тезис он подкреплял указаниями на источники разной степени достоверности, ценности и информативности. Так, например, для Отмана имеют одинаковую важность данные свидетелей описываемых событий (Григорий Турский), позднейших (Сигиберт, Отгон Фрейзингенский) и даже современных ему писателей (И. Тритемиус, Г. Муций).

В результате разрастания библиографического аппарата текст «Франкогаллии» значительно увеличился: издание 1586 г. почти в два раза превышает по объему *editio princeps*; количество ссылок также весьма велико: 200 на труды античных авторов и около 300 — на произведения средневековых и ренессансных писателей.

Фундаментальный корпус источников, использованный Отманом при подготовке «Франкогаллии», отличается обширностью и многоплановостью; все документальные материалы можно сгруппировать по времени их создания и содержанию. В духе гуманистической историографии мыслитель уделял преимущественное внимание анализу текстов классической эпохи, отдавая предпочтение штудированию римских авторов. Менее всего Отман был осведомлен в трудах греческих писателей, отсюда и редкость ссылок на их произведения во «Франкогаллии». Однако отличное образование и эрудиция позволили мыслителю в необходимом для работы объеме освоить трактаты крупнейших философов и историков греческого мира: Аристотеля, Платона, Полибия, Ксенофонта и Плутарха. Во «Франкогаллии» встречаются отсылки к трудам Гомера и Исократа, а также (в главах, посвященных ранней истории франков и галлов) сочинения античных географов, прежде всего, Страбона и Птолемея.

Основополагающим греческим источником, во многом задавшим тон политических изысканий Отмана, были трактаты Стагирита. Любопытно, что цитаты на языке оригинала встречаются в тексте крайне редко и заимствованы преимущественно из работ византийских писателей.

Гораздо активнее Отман использовал труды латинских авторов. Во «Франкогаллии» обнаруживается знакомство мыслителя с широким кругом произведений римских историков и писателей эпохи «Золотого века». Наиболее часто он обращается к трактатам Цезаря («Записки о галльской войне») и Тацита. Из сочинений последнего («Жизнеописание Юлия Агриколы», «О происхождении германцев») Отман извлекает данные, проливающие свет на генезис и становление галльского общества, историю романского владычества и раннюю историю франков. Впрочем, в своих исследованиях он опирается и на другие труды Таци-

та — «Анналы» и «Историю». В количественном отношении ссылки на двух упомянутых выше римских авторов распределяются следующим образом: в первых главах «Франкогаллии» указаний на работы Цезаря около сорока, тогда как Тацита — более двадцати.

Весьма часто Отман обращается к трудам Тита Ливия, Саллюстия и, особенно, Светония. Из писателей и мыслителей эпохи республики и принципата он использует по преимуществу различные сочинения Цицерона, реже встречаются упоминания произведений Сенеки.

Гораздо шире диапазон ссылок на римских писателей и историков IV—V вв.; Отманом были востребованы материалы, приведенные в сборнике «Жизнеописания Августов» (биографии Проба, Аврелиана, а также фрагмент о тридцати тиранах). Мыслитель также активно прибегает к сочинениям Аммиана Марцеллина, Аполлинария Сидония, Евтропия, а также галльских латинских панегиристов (по преимуществу Паката Дрепаниа) и поэтов (Клавдиана и Авзония). Во «Франкогаллии» встречаются ссылки на раннехристианских авторов (Сальвиан) и Отцов Церкви (особенно, на переписку Иеронима и Амвросия).

Несколько избирательным был подход Отмана к чтению и цитированию византийских историков: помимо Прокопия Кесарийского, Агафия и Зосимы мыслитель обращался также к трудам поздних греческих авторов — Георгия Кедрина и Иоанна Зонары. Отман не преминул показать собственное владение «языком древних», помещая во «Франкогаллии» отрывки греческих текстов в сопровождении с переводом на латынь.

И все же для доказательства своих генеральных положений мыслитель, прежде всего, опирается на сочинения средневековых хронистов. Имена некоторых авторов остались для него неизвестными — значительно позднее было установлено, что ту часть хроники аббатства Урсперг, которую Отман использовал во «Франкогаллии», написал аббат Эккехард, а хронист «монастыря близ Дижона» — некий Жан де Без, монах, живший во второй половине XII века. Судя по всему, не ведомо Отману и имя Реймского хрониста — Флодоарда.

Впрочем, факт незнания некоторых произведений латинской историографии не мешал мыслителю активно пользоваться средневековыми хрониками, особенно эпохи Меровингов и Каролингов. Излюбленными работами данного круга источников были сочинения аббата Эймона Флерийского (выявлено не менее семидесяти ссылок на его «Хронику») и «История франков» Григория Турского (около сорока). Последняя работа известна Отману по изданию с позднейшими дополнениями.

Кроме упомянутых памятников автор «Франкогаллии» использовал труды архиепископа Адо Виеннского, аббата Регинона Прюмского, реймского архиепископа Тюрпена, реймского канонина Флодоарда, а также

знаменитый трактат Эйнхарда «Жизнь Карла Великого». Только «История в четырех книгах» Нитхарда осталась вне поля зрения Отмана.

В целом, можно заключить, что подход мыслителя к анализу и воспроизведению документальных материалов был весьма некритичным (достаточно указать, например, на работу Отмана с переложением Иоганна Тритемия хроники Гунибальда). Причина очевидно предвзятого отношения ко многим историческим произведениям прошлого скрывалась в его религиозной позиции. Как истовый кальвинист, Отман сомневался в точности и достоверности многих рассматриваемых свидетельств, поскольку их авторы не были мирянами.

В корпусе использованных автором источников особое место занимают памятники историописания развитого Средневековья — сочинения Сигеберта из Жамблу, Оттона Фрейзингенского, Готфрида Витербского, Эккехарда Урспергского и его продолжателя Роберта Монкского, епископа Вальрама Наумбургского (Венерика Верцеллина) и Жана де Безе. Несомненный интерес Отман проявлял к работам Ж. Фруассара, а также бургундских хронистов XV в. (А. Монстреле и Оливье де ла Марша) и французских историков Н. Жилия, А. Бушара, Р. Гагена, Филиппа де Коммина.

Желая подкрепить собственные суждения доводами источников, мыслитель провел, безусловно, большую работу по изучению трактатов немецких авторов XV—XVI вв. — Альберта Кранца, Иоганна Авентина, Навклера, Тритемиуса, Беатуса Ренануса. Менее широко во «Франкогаллии» представлена историческая литература других стран Европы — Отман использовал три сочинения английских (чаще всего «Историю Англии» Томаса Уолсингема) и испанских хронистов (впечатляют пространные цитаты из сочинения Х. Зуриты в XII главе). Не прошел он и мимо итальянской (Платина, Помпоний Лэт), а также нидерландской историографии (Вассеус).

Политико-правовой характер трактата обусловил обширные экскурсы в юридическую литературу разных эпох. Прежде всего, следует упомянуть об источниках по римскому праву — *corpus juris civilis*. Примечательно, что Отман, выразивший в «Анти-Трибониане» свое явно негативное отношение к данному своду и его составителю, во «Франкогаллии», напротив, активно прибегает к авторитету римского права, особенно когда рассматривает вопросы наследования владений (главы о домене, апанажах и т.д.). Также нередки случаи апелляции мыслителя к Ульпиану и Юлию Павлу; заметно знакомство Отмана с «Кодексом» Феодосия.

Может показаться странным весьма редкое обращение Отмана к записям обычного права германцев. Фактически, только один раз он ссылается на Салическую правду, причем характерно, что указание на титул «Об аллодах» приводится в связи с рассуждениями о Салическом зако-

не, санкционирующем отстранение женщин от короны. Кроме того, во «Франкогаллии» встречаются упоминания Алеманнской правды.

При подборе средневековых юридических документов, прежде всего связанных с законодательством, Отман обращал пристальное внимание на капитулярии Карла Великого и указы его преемников, используя, главным образом, сведения, приведенные в сочинении Ансегия. Данный круг правовых источников привлекал мыслителя в связи с необходимостью разбора системы потестарных учреждений и доказательством существования верховной власти народа, воплощением которой являлись судебные собрания, рассматривавшиеся Отманом как сословные объединения.

Наконец, он опирался в своих изысканиях на законодательные памятники развитого Средневековья, прежде всего, — французские эдикты и ордонансы, а также «Мельфийские конституции» Фридриха II Гогенштауфена. В целом, во «Франкогаллии» редки ссылки непосредственно на законы европейских государств, т.к. многие сведения Отман извлекает из исторических сочинений. Так, например, об английских законах он судит по труду Томаса Уолсингема, а об арагонских — по трактату Х. Зуриты.

Автор «Франкогаллии» также счел необходимым привлечь, пусть и в ограниченных количествах, материалы канонического права. Они понадобились Отману, главным образом, для подготовки глав трактата, связанных с анализом роли Католической церкви в политической истории Франции. Знакомство с данным корпусом источников заметно, например, по рассуждениям мыслителя о переходе власти к династии Каролингов. Отман, в частности, опровергает версию об определяющей роли двух римских понтификов Захария и Стефана II в этом процессе.

Вполне естественно, что наиболее активно мыслитель пользовался трудами средневековых юристов, особенно французских легистов Дю Брейя, Г. Шасне, Г. Папа, Ф. Коннана и др., детально изучил сочинения Г. Бенедикти, Жана де Терружа и Г. Бюде (впрочем, последнего — крупнейшего знатока своего времени — можно лишь с оговорками отнести к правоведам).

Упоминания итальянских юристов и их трактатов производят впечатление формальных и иногда случайных. Перед нами, скорее, проявление эрудии автора, чем свидетельство его подлинного интереса к правовой традиции Средиземноморья. Тем не менее, Отман ссылается на произведения Бартоло, Бальда, а также Андреаса де Изерния, Париса де Путео, Ясона де Майано, Ольдрадуса да Понте, Панормитана. Некоторые важные для себя правовые идеи он извлек из политических трактатов не только итальянских (Марсилий Падуанский), но и английских (Джон Фортескью) мыслителей.

Пребывая после событий Варфоломеевской ночи в Базеле, Отман использовал в своих изысканиях местные издания памятников, осуществленные в 50-е—60-е гг. XVI в. Таким образом, ему были доступны сочинения Беатуса Ренануса, Дитриха Нимского, И. Тритемиуса, Григория Турского (с позднейшими добавлениями), Марсилия Падуанского, Г. Муция и др. В 1585 г. Отман опубликовал известный трактат Терружа, оказавший заметное влияние на авторские суждения, представленные в последнем издании «Франкогаллии».

Значительный круг использованных им источников, безусловно, впечатляет. Отдавая должное гуманистической традиции, Отман не прошел мимо наиболее значительных памятников философской, политической, правовой и исторической мысли прошлых лет. Правда, по подбору литературы, характеру и методам ее цитирования видны пристрастия автора, весьма критично относившегося к сочинениям большинства предшественников. Обширнейшая библиография, как говорилось выше, была призвана усилить впечатление читателей от знакомства с оригинальными и нередко провокационными идеями Отмана. При подготовке последующих изданий «Франкогаллии» мыслитель сознательно шел на увеличение числа ссылок на труды древних и современных писателей, рассматривая данный шаг как необходимый элемент ведения полемики с оппонентами.

3. История изданий «Франкогаллии»

Впервые трактат увидел свет в июле 1573 г. на латинском языке. Издание представляло собой небольшую брошюру, состоявшую (подобно другим памфлетам эпохи), по преимуществу, из теоретических рассуждений, лишь изредка подкреплявшихся ссылками на источники. Политические идеи Ф. Отмана были сформулированы четко и ясно, что способствовало их лучшему восприятию читателями. Кроме того, *editio princeps* еще не приобрело пространственный характер и громоздкость последующих изданий.

В 1574 г. С. Гулар подготовил перевод «Франкогаллии» на французский язык, не только получивший одобрение Ф. Отмана (об этом он сообщил в письме к пастору при дворе курфюрста Пфальца Фридриха), но и ставший впоследствии хрестоматийным и часто перепечатаваемым¹⁶.

Структура *editio princeps*, состоявшая из 20 глав, была сохранена во всех последующих переизданиях и переводах памятника. При под-

¹⁶ *Hotman F. La Gaule Française: Nouvellement traduite de Latin en françois. P., 1991.* Подготовка издания была осуществлена К. Фремон по первому французскому изданию.

готовке исправленного и дополненного варианта трактата Отман был вынужден учитывать развернувшуюся вокруг «Франкогаллии» полемику, в ходе которой его обвиняли в искажении и фальсификации источников. Наконец, на внесение ряда корректив в первоначальный текст повлияла смена политической конъюнктуры: в 1576 г., казалось, реализовалась мечта гугенотов о созыве Генеральных Штатов, что нашло отражение на страницах «Франкогаллии». Однако надеждам Отмана, его соратников и идейных последователей все же было не суждено воплотиться в жизни.

Издание «Франкогаллии» 1576 г. несет на себе печать развернувшейся дискуссии автора с оппонентами, протекавшей на несколько ином уровне аргументации, чем, например, в *editio princeps*. Кроме того, Отман считал необходимым отреагировать в своем трактате на появление сочинений защитников абсолютизма; данное обстоятельство также способствовало существенному расширению круга привлекаемых источников и усилению доводов в пользу отстаиваемой позиции.

Серьезной переработке автор подверг собственный труд в 80-е гг. Ряд событий — тяжелые для французских протестантов месяцы после Немурского эдикта 1585 г., поставившего их, по сути, вне закона, фактическое лишение принцев крови своих наследственных прав, а также активное вмешательство папства во внутренние дела королевства — побудил Отмана внести заметные коррективы в текст «Франкогаллии».

Третье издание включало рассуждения о фундаментальных законах страны, проблеме взаимодействия власти короля, народа и церкви, а также исторической и политической традиции. Пожалуй, наиболее отчетливо позиция Отмана проявилась в материалах по истории отношений *regnum* и *sacerdotium* во Франции, которые автор впервые включил в трактат; мыслитель не скрывал своих негативных оценок католической церкви и папства.

Кроме того, Отман существенно утяжелил сочинение многочисленными ссылками на источники и пространными цитатами из них, усложнявшими читателям понимание авторских рассуждений. При очевидном стремлении укрепить доказательную базу собственных построений он, тем не менее, работал над текстом весьма спешно, что повлияло на общий композиционный строй переиздания «Франкогаллии». Отман включил в структуру сочинения новые фрагменты, которые нередко повторяли прежние суждения и аргументы; встречаются многократные повторы в цитировании памятников, например, работ Цицерона. Знаменитая максима римского оратора «благо народа — высший закон», ставшая лейтмотивом «Франкогаллии», повторена Отманом не менее пяти раз. Слова Тацита о выборности правителей у германцев также воспроизведены несколько раз.

Иногда, одна и та же мысль встречается в разных частях трактата (например, описание события конца правления Карла Простоватого или низложения Хильдериha III и Тьерри III). Нередко Отман теряет меру в цитировании — особенно это относится к грандиозным выдержкам из сочинения испанского хрониста Х. Зуриты. Ими автор стремился доказать справедливость собственного понимания идеального государства, а также существование порядков и учреждений, стоявших ранее выше королевской власти.

Третье издание, вышедшее в свет в 1586 г., отличается не только по объему, но во многом и по содержанию от прежних вариантов «Франкогаллии». Обширные дополнения, внесенные автором в первоначальный текст, стали следствием его реакции на политические споры эпохи. Наиболее отчетливо это заметно по отношению мыслителя к конституционализму Э. Пакье, разделявшему точку зрения Отмана на необходимость ограничения властных полномочий государя за счет усиления Парламента, а также неприятию учения Ж. Бодена о законе и верховной власти. В полемических целях Отман вводит новые главы, которые оказываются не только выражением его собственных убеждений, но и опровержением позиций оппонентов.

В итоге доработки текст «Франкогаллии» значительно увеличился в объеме; изменения коснулись также и структуры трактата. Отман добавил семь глав, но не все из них были написаны заново. Новыми являлись лишь части (XXIV и XXV), относившиеся к истории взаимоотношений французского государства с папством, — материалы о столкновении монархов с Бенедиктом XIII и об ограничении короля особыми законами (фактически, последний раздел посвящен опровержению трактата Ж. Бодена).

Другие «оригинальные» фрагменты «Франкогаллии» представляют собой результат вычленения из глав первоначальной редакции сочинения новых частей путем их расширения и изменения композиции (на основе XV-ой главы первого издания были созданы XVIII и XIX третьего). Главу X *editio princeps* Отман решил разделить на две, причем обе носили теоретический характер, — о форме государства в древней Галлии и об историческом развитии «общественного совета». Из главы, посвященной проблеме выборности королей, автор извлек часть, повествующую о законности низложения государей, а также о верховной власти народа. Кроме того, Отман добавил в третье издание разделы об апанажах и о значении Генеральных Штатов в вопросах религии.

Таким образом, вычленение материалов из уже написанного текста «Франкогаллии» и подготовка новых глав были связаны с разработкой теоретических вопросов политической науки и, вместе с тем, реакцией на острейшие вопросы действительности.

Трактат редакции 1586 г. снабжен обширным научным аппаратом и множеством ссылок на источники; именно он справедливо считается наиболее полным, тем более что за исключением двух фрагментов автор полностью включил в него тексты предшествующих изданий. Именно эта последняя по времени публикация, в которой нашли отражение бурные события эпохи гражданских войн, была использована при подготовке перевода памятника на русский язык.

4. Политическая идеология «Франкогаллии»

«Франкогаллия» — сочинение сложное по жанру, форме и содержанию. Внутреннее многообразие памятника объясняется, вероятно, тем, что сперва Отман собирался написать исторический трактат, основные положения которого должны были доказать незаконность абсолютистских порядков, однако затем, отдавая должное собственным интересам в области юриспруденции, включил свидетельства и аргументы правового характера. Отсюда наличие различных смысловых уровней и подтекстов. За всеми теоретическими выкладками и цитатами из хронистов нередко просматриваются прямые политические аналогии с современностью. Произведение было посвящено преимущественно анализу государственных учреждений и их становлению на заре рождения французского государства. В традициях XVI в. Отман обращался к обширному интеллектуальному наследию разных эпох и народов, уделяя преимущественное внимание исследованию институциональной истории. Сравнивая политические учреждения прошлого и современности, мыслитель сделал ряд основополагающих выводов по проблеме перспектив развития Франции.

Автор почти не касается типологии государственных форм; вопрос о преимуществах республиканского способа правления также практически не анализируется, поскольку национальная история рассматривается им исключительно в связи с эволюцией французской монархии. Идеалом политической и экономической организации общества является для Отмана монархия, фундаментальные задачи которой согласуются с формулой «для всех стран и народов, которые пребывают под властью государя, а не тирана, характерно соблюдение одного общего правила — благо народа — высший закон»¹⁷. Таким образом, только при соблюдении данного правила, с точки зрения политического теоретика, может быть обеспечено благоденствие и счастье населения. И далее Отман восклицает, прекрасно понимая, что современная ему Франция далека от этого идеала: «сколь же счастливы те страны, которые обладают добры-

¹⁷ *Hotman F. Francogallia*. Cambridge, 1972. P. 316.

ми и благородными правителями»¹⁸. Мыслитель не скрывает зависти к жителям более стабильных европейских государств, однако при этом, разумеется, связывает их благоденствие с торжеством Реформации (речь идет о немецких протестантских княжествах).

Обращение к ранним этапам социально-политического развития Франции определило интерес Отмана не только к национальной истории, но и к этнологии. В частности, он детально рассмотрел проблему этногенеза французов и возникновения государства, а также роли Римской империи в жизни племен, заселявших некогда территории Франции. Мыслитель утверждал, что галлы и франки развивались в тесном взаимодействии не только из-за этнической близости, но и ввиду одинакового понимания свободы и права. Отман усматривал основной механизм формирования франкской народности в ее постоянном противостоянии Римской империи. Характерно, что он провозглашал единство галлов и франков в этой борьбе, даже не упоминая о возникновении галло-романской народности. Самым важным тезисом, выдвинутым в этом историко-этнографическом экскурсе, являлось положение, согласно которому франки и галлы были исконными носителями вольного духа. В контексте данных рассуждений возникал закономерный вопрос, касающийся соотношения принципа единовластия и приверженности народа к свободе. Указанное противоречие Отман попытался снять утверждением о том, что во Франции с незапамятных времен существовала исключительно выборная монархия, наследственная же передача власти от отца к сыну — позднейшее изобретение королей из династии Капетингов, ставившее целью сокращение политических прав подданных.

Отман выявляет специфические черты галльской и франкской государственности: «следует отметить, что эти королевства не являлись наследственными, но передавались по воле народа кому-либо, кто имел репутацию справедливого человека, и кроме того, короли не пользовались неограниченной свободой, но находились под контролем особых законов, вследствие чего они оказывались под властью и могуществом народа не в меньшей степени, чем народ был под их властью»¹⁹. Такое положение дел давало, с точки зрения мыслителя, возможность считать, что «подчинение королю не является рабством, так как те, кто равен государю, не оказываются в положении рабов».

Ограничение центральной власти при соблюдении гражданских и политических прав подданных, в представлении Отмана, является необходимой гарантией сохранения принципа свободы и народовластия: «мы

¹⁸ Ibid. P. 138

¹⁹ Hotman F. Francogallia. Cambridge, 1972. P. 154.

считаем своим долгом сохранить свободу даже, если и находимся под властью государя»²⁰. Следовательно, в роли легитимного правителя выступает тот, кто гарантирует права и свободы, защищая их инструментами судопроизводства. Напротив, государи, нарушающие нормы, регламентирующие жизнь подданных и тем самым посягающие на *libertas populi*, «должны рассматриваться не как законные властители, а как тираны».

Вопрос превращения монархии в тиранию Отман пытался разрешить, обращаясь исключительно к проблеме сущности центральной власти, а также опыту развития французских политических учреждений. Сосредоточение всех властных рычагов в руках государя, по убеждению мыслителя, неизбежно создает предпосылки утраты легитимности и, как следствие, утверждение тирании. Страх перед усилением могущества монарха заставляет Отмана отстаивать ведущую идею французского конституционализма, восходящую еще к трудам Клода де Сейселя, согласно которой власть государя должна быть ограничена контролем со стороны, иначе велика опасность его превращения в тирана. Силой, способной «обуздать» правителя с его неуемными амбициями и притязаниями, мыслитель считает «общественный совет». Именно поэтому Отмана справедливо считают апологетом сословного представительства.

Тирания, в представлении автора «Франкогаллии», не отождествляемая с абсолютной властью монарха, все же является ее непосредственным продолжением. Формальным определяющим признаком нечестивой формы правления оказывается ликвидация свободы. С необычным пафосом Отман провозглашает тезис о том, что принцип *libertas populi* был сформулирован и реализован еще древними франками, которые уже в силу этого «не допускали подавления ее тираном или палачом». Опасность установления римского владычества и последующего утверждения тиранических порядков побудила франков, как полагает мыслитель, выработать особую историческую форму общественной и политической организации. Речь идет, замечает Отман, о выборности центральной власти и механизмах контроля за нею со стороны сословий.

Данные раннесредневековых источников и, прежде всего, сочинений Григория Турского, Эймона и Регинона Отман использовал для обоснования положения об отсутствии во Франции права наследования короны и, одновременно, доказательства существования традиции передачи верховной власти путем избрания, а также подотчетности государя собственному народу.

Исследовавав общественный строй древних франков и деятельность государственных учреждений эпохи Каролингов, Отман заключил, что

²⁰ Ibid. P. 204.

королевская власть возникла из договора между народом и правителем, легитимизировавшего передачу последнему властных функций. Поскольку власть принадлежит всем жителям государства и именно они распоряжаются ею по своему усмотрению, король находится в услужении у подданных до тех пор, пока исполняет возложенные на него обязанности.

Указанные положения легли в основу тираноборческой концепции Отмана, отрицавшего возможности наследственной передачи короны и последовательно отстаивавшего идею верховного суверенитета народа. Подданные, как отмечал мыслитель, вольны определять собственную политическую судьбу, отдавая предпочтение тому, кто способен привести их к «общему благу», или, напротив, лишая полномочий недостойного. В этой связи он писал, что «право народа являлось верховным не только при избрании короля, но также и при отвержении от престола королевских детей и возведении на трон лиц не королевского рода»²¹.

В контексте развития теории народного суверенитета Отман подробно обосновал правомочность тираноборчества как легитимной формы сопротивления подданных нечестивому государю. Главный тезис мыслителя о законности вооруженного восстания, направленного на низложение правителя, имел важное практическое значение. Идеолог протестантской партии в очередной раз напомнил, что право на свержение любого монарха (как достойного, так и недостойного) принадлежит исключительно подданным, и только они, следуя собственной воле и желанию, могут его сместить. Фактически, государь утрачивал свой сакральный статус, становясь фигурой, получающий от людей власть во временное пользование.

Идея народного суверенитета, как пытался доказать Отман, получила широкое распространение во Франции эпохи Меровингов и Каролингов. Подробному рассмотрению данной темы мыслитель посвятил целую главу трактата, в которой попытался обосновать свои наблюдения множеством фактов и выдержек из раннесредневековых памятников хронистики.

Однако возникает вопрос, насколько точен был автор в работе с историческими сочинениями. Известны критические суждения Отмана о принципах и методах анализа источников, в частности, хроники Тюрпена и труда Эйнхарда. Тем не менее, отдельные вполне дельные текстологические замечания, а также справедливые выпады в адрес «нерадивых авторов» еще не дают оснований утверждать, что Отман интерпретировал исторические материалы беспристрастно. Отказываясь от одних политических мифов, он создавал другие: достаточно

²¹ Hotman F. Francogallia. Cambridge, 1972. P. 230—232.

познакомиться, например, с его рассуждениями о раннем этапе развития франкской государственности, чтобы убедиться в очевидном передегивании фактов и идеализации картины прошлого. В полемических целях Отман отходит от описания исторической действительности, зафиксированной источниками, и создает мифы: о Карле Великом как о защитнике прав народа, о пагубной роли женщин-правительниц, о спасительной миссии франков для Галлии, об их извечной свободе, а также праве на сопротивление королям и низложение.

Любая форма протеста (в том числе и вооруженного) подданных против политики государя расценивается Отманом в качестве прямого волеизъявления и, несомненно, оправдывается. Противостояние недостойному королю со стороны народа не только законно, но и необходимо, т.к. он «оказывается в зависимости от жестокости тирана»²² и нуждается в освобождении.

Непротивление власти лишенного добродетелей правителя, по мнению Отмана, недопустимо. Во введении к «Франкогаллии» мыслитель провозгласил борьбу с тиранией священным долгом граждан перед государством; он не только взывал к патриотическим чувствам современников, но и решительно осуждал тех, кто «подчиняется распутному тирану или же разбойнику, или же головорезу, подобно скоту под ножом мясника». Всех неспособных подняться против незаконной власти и терпеливо переносящих ее иго, Отман называет рабами. Речь идет, конечно, не о социальном или юридическом статусе человека, а о его моральном состоянии (именно поэтому «рабство» в трактате «Франкогаллия» в большинстве случаев является этическим термином).

При исследовании учения Ф. Отмана о тираноборчестве и народном суверенитете необходимо определить его социальное содержание, а для этого важно обратиться к анализу понятий (их применения и интерпретации автором), имеющих исключительное значение в политических построениях мыслителя. Примечательно, что при разработке теории народного суверенитета Отман в большей степени учитывал достижения гуманистической науки, чем, например, схоластической. Тогда как в трактовке терминов «народ» и «сословие», наоборот, проявил идейную близость к средневековой политической традиции. Показательно, что во «Франкогаллии» Отман, если и не отождествляет «народ» со знатью, то неразрывно связывает с нею; большинство как бы передает «лучшим» своим представителям собственные права. Поэтому именно «избранными», составившими «народные собрания», «общественные советы», должна контролироваться королевская власть. Под этими терминами Отман понимает практически все учреждения от

²² *Hotman F. Francogallia. Cambridge, 1972. P. 480.*

меровингских сотенных собраний до Генеральных Штатов включительно, объединяя судебные, исполнительные и консультативные органы, существовавшие с древнейших времен.

Многочисленные свидетельства из ранней истории Франции служат в трактате доказательством главной идеи — политическая власть в стране должна принадлежать Генеральным Штатам. Отман открыто призывал вернуться к тем временам, когда, по его мнению, власть передавалась сословно-представительным учреждениям (которые во Франции никогда не имели подобных полномочий).

Практическую роль Генеральных Штатов мыслитель видел весьма многогранной, однако основное направление их деятельности состояло в организации сопротивления недостойным правителям. Отман настаивал на том, что функция по защите граждан от тирании должна принадлежать органам сословного представительства при использовании легальных способов борьбы, в частности, обращений и петиций.

Важнейшие проблемы следует рассматривать в еще более узком кругу: в совете, избранном собранием представителей сословий. Главным образом, это касается механизмов перехода центральной власти из одних рук в другие (избрания или низложения короля, определения временного правителя). Ряд принципиальных вопросов может решаться только названным органом, поскольку вся власть «принадлежит исключительно общественному совету»²³.

Данный идеальный тип политических отношений, описанный Отманом во «Франкогаллии», существовал, как он пытался доказать, с незапамятных времен и завершился с периодом правления последних Капетингов, когда короли стали лишать народ и его представительство законных прав. В крахе освященной традицией модели взаимодействия власти и общества мыслитель обвинял тех монархов, которые начали передавать престол по наследству, коронуя преемников еще при своей жизни (от Гуго Капета до Филиппа Августа). Однако главным источником зла он считал повсеместное распространение права и укрепление позиций легистов, окончательно уничтоживших старые сословно-представительные учреждения. При этом Отман даже не упоминает, что Генеральные Штаты возникли в период правления Филиппа Красивого, когда деятельность критикуемых автором «знатоков законов» достигла расцвета. Мыслитель обрушивается на «сутяг и крючкотворов», покупавших и продававших судебные должности за деньги, а также на парламенты, которые из общественного совета сословий превратились в «омерзительное сборище»²⁴.

²³ Hotman F. Francogallia. Cambridge, 1972. P. 480, 516.

²⁴ Ibid. P. 518.

Окончательный удар по старым добрым порядкам, по убеждению Отмана, нанес Людовиком XI, уничтоживший господство феодальной знати. Огромный урон, как отмечает автор, «был нанесен нашей конституции» и подорвал «превосходные учреждения, установленные нашими предками». В данном случае Отман довольно неожиданно выступает в роли защитника феодальных мятежей, квалифицируя Лигу общественного блага как проявление «права народа». Таким образом, в решении проблемы тираноборчества наиболее наглядно проявляется трактовка автором «Франкогаллии» термина «народ». Новое положение о суверенитете превращается у Отмана в фактическую защиту старинных феодальных вольностей; он даже рискует еще больше сузить собственное видение термина «народ», заявляя, что права собрания сословий сближаются с правами принцев крови. Заметим, что его трактовка изменилась по сравнению с «Анти-Трибонианом»: от античного и гуманистического понимания народа как совокупности граждан Отман перешел, по сути, к отождествлению его с дворянством и верхушкой третьего сословия.

Во «Франкогаллии» — идеологической программе конфессиональной оппозиции и, одновременно, ведущем политическом сочинении тираноборчества — проявилась неоднородность, во многом характерная для самой протестантской партии. Отсюда, видимо, и проистекает известный эклектизм данного памятника, порой причудливо сочетающий положения различных направлений европейской мысли от Античности до позднего Средневековья. Политическая гегемония дворянства в протестантской партии в эпоху гражданских войн определила проникновение старых средневековых представлений в новое политическое учение тираноборчества.

5. Споры вокруг «Франкогаллии» и позднее творчество Ф. Отмана

Трактат «Франкогаллия» вышел в свет летом 1573 г. и был немедленно признан современниками политической программой протестантской партии. Прежде всего, ссылки на данное сочинение появились в трудах других теоретиков гугенотов. К примеру, в известной работе «О праве должностных лиц по отношению к подданным и о праве подданных по отношению к должностным лицам» Теодор де Без продемонстрировал хорошее знание «Франкогаллии». Анонимный автор «Будильника французов» неоднократно ссылается на трактат Ф. Отмана, считая его классическим произведением политической доктрины тираноборчества²⁵.

²⁵ Reveil-matin des françois et de leur voisins. [Edinburg], 1574. P. 94.

Популярность «Франкогаллии» не имела себе равных в истории публицистики и общественно-политической мысли позднего Средневековья не только во Франции, но и в других европейских странах. За короткий срок трактат выдержал четырнадцать изданий и уже в 70-е гг. XVI в. был переведен на французский и немецкий языки. О появлении французского перевода, осуществленного известным протестантским деятелем С. Гуларом в 1574 г. и получившего положительный отзыв Ф. Отмана, вскоре узнала значительная аудитория. Благодаря доступности сочинения и активному распространению многих политических идей автора «Франкогаллия» стала в 1574—1576 гг. объектом полемики, захватившей различные слои французского общества. Парижский Парламент не только приговорил трактат к сожжению, но и запретил его чтение. Очевидно, что жесткие меры, принятые против популяризации построений Ф. Отмана, подтверждали очевидный факт: противники мыслителя в полной мере оценили огромный потенциал «Франкогаллии» для развития не только политической науки, но и, прежде всего, ведения религиозной полемики. Многие оппоненты пытались опровергнуть суждения Ф. Отмана, указывая на его некомпетентность и несостоятельность доводов; наличие фактических ошибок и неточностей, по их мнению, лишало автора «Франкогаллии» убедительной системы доказательств. О характере развернувшейся в 1574—1576 гг. полемики можно судить, например, по содержанию работ, написанных с целью обличения Ф. Отмана и ниспровержения созданной им политической теории. В марте 1574 г. в Париже увидел свет памфлет «Ответ на «Франкогаллию» Ф. Отмана», принадлежавший перу близкого ко двору Екатерины Медичи адвоката А. Матареля. С полемическим задором юрист взялся за развенчание построений неугодного власти писателя, решив доказать несостоятельность выводов Отмана о германском происхождении франков, существовании на раннем этапе их развития выборной монархии, а также особом значении Салического закона для национальной истории и идентичности.

Находившийся в Базеле Ф. Отман чрезвычайно быстро ознакомился с этим сочинением, в письме от 20 апреля 1574 г. оценивая опус оппонента как «глупое, варварское, нелепое послание». Его ответ Матарелю не заставил долго ждать: под псевдонимом «Матаго из Матагонов, последователя канонического права» мыслитель опубликовал памфлет «Против Италогаллии или “Анти-Франкогаллии”». Подобное название вносила определенную тональность в характер полемики, придавая ей острую политическую направленность.

В этой работе (кроме нескольких не вполне вежливых эпитетов в адрес противника) Отман вел, главным образом, научную дискуссию, защищая собственные взгляды и изложенные на страницах «Франко-

галлии» теории. Памфлет был построен по аналогии с «Ответом...» Матареля и включал в себя подробные разъяснения нескольких проблем: происхождения франкских племен и населения Галлии, характера общественной жизни и форм организации населения в древности, роли и значения Салического закона.

Начав с перечисления наиболее абсурдных положений оппонентов, Отман перешел к прямому опровержению как мелких упреков (в частности, в отсутствии у него гуманистического образования), так и серьезных обвинений (в недостоверности использованных источников и их тенденциозной интерпретации).

В основе всего спора между Отманом и Матарелем (и его более серьезными последователями) лежит принципиальное расхождение во взглядах на характер французской монархии. Если первый автор защищал тезис о выборном характере королевской власти, то второй — наследственным. Отман считал необходимым зафиксировать суждение оппонента и обстоятельно обосновать собственное: «Матарель утверждает, что шестьсот лет королями Франции становились путем наследования, а нам источники сообщают, что некогда было иначе, и в ранние времена короли Франкогаллии были выборными»²⁶. В этой связи встает вопрос о происхождении французского народа. Ф. Отман использовал исторические, литературные и даже лингвистические аргументы для доказательства правоты своих положений (так, например, он опровергал миф о Трое, широко распространенный в интеллектуальной культуре XVI в.).

Ссылаясь на данные Цезаря, Отман излагает собственную версию развития Галлии (перенесенную потом в позднейшие издания «Франкогаллии»): «Рассказывают, что до прихода Цезаря в Галлию, там почти у всех народов имелись свободные государства и ни единого ничтожного государя»²⁷. Мыслитель утверждал, что франки принадлежат к германцам, а потому имеют особое восприятие свободы и вольности; он не останавливается перед использованием недоказуемых и даже неверных положений. Примером такого подхода к интерпретации источников является, например, тезис о том, что «галлы во времена Цезаря являлись единственными, кто разговаривал на германском языке»²⁸.

Стремление доказать читателю любой ценой свою правоту и, тем самым, достичь политической цели (противопоставить старые патриархальные, т.е. восходящие к временам Меровингов и унаследованные от германцев традиции новациям, привнесенным во французскую жизнь итальянцами, а потому несущим очевидное зло для общества), просле-

²⁶ *Hotman F. Matagonis de Matagonidus decretorum, baccalavrey monitoriale adversus Italogalliam sive Anti Francogalliam Anthonii Matharelli alvergnogeni. S. l., 1574. P. 14.*

²⁷ *Ibid. P. 16—17.*

²⁸ *Ibid. P. 19.*

живается уже в названии памфлета. Отман заявляет: «многие ответят тебе, что для всего французского королевства было гораздо больше пользы от гордых германцев, чем от италогаллов».

В данном контексте мыслитель впервые вводит термин «италогаллы», противопоставляя его «франкогаллам» — наименованию этноса, зародившемуся после появления в Галлии германцев-франков и имевшему определенные социально-политические традиции. Под «италогаллами» автор подразумевает итальянцев, обосновавшихся во Франции, а заодно и ту часть ее населения, что следует за иноземцами и подчиняется введенным ими порядкам (т.е. абсолютизму). Критикуя излишне активное участие чужеземцев в жизни страны, Отман не обходит вниманием нравственное состояние Франции XVI в., обличая падение нравов и общий моральный упадок. Всему виной, убежден мыслитель, италогаллы, что «сосут кровь и мозг из несчастного франкогалльского простого народа». Именно они «сумели изобрести все налоги и поборы, которыми с обнищавшего народа сдирают шкуру: габель, налоги, подати и общественные сборы. Все сконцентрировано в руках откупщиков — италогаллов». Отман выступает в качестве защитника интересов непривилегированных слоев населения и, прежде всего, их свободы, понимаемой как право на самостоятельный выбор правителя²⁹. Как утверждает мыслитель, оно предоставлялось не всему народу: «некогда в древние времена у наших предков имелся совет, так что король провозглашался этим советом и правил не по наследственному праву, а благодаря избранию». Отман не пытался доказать, что электоральный принцип прихода государя к власти применим для всех стран, однако настаивал на необходимости его соблюдения во Франции. Утверждением традиций выборной монархии он объяснял укоренение на национальной почве Салического закона.

Сквозной темой, объединяющей «Франкогалию» и памфлет, были рассуждения Отмана о Салическом законе, а также месте женщин в политической жизни. В этой связи мыслитель даже отметил, что «ничего нет в природе более противоестественного, чем мужчина, которого направляет разум женщины»³⁰. И вновь для обоснования собственной позиции автор обращается к далекому прошлому, напоминая о первом применении Салического закона и приходе к власти династии Валуа. Данное событие французской истории утратило на родине Отмана политическую актуальность, однако для него оно было по-прежнему весьма значимым. Действие Салического закона и его благотворный

²⁹ *Hotman F. Matagonis de Matagonidus decretorum, baccalavrey monitoriale adversus Italogalliam sive Anti Francogalliam Fnthonii Matharelli alvergnogeni. S.l., 1574. P. 25.*

³⁰ *Ibid. P. 36.*

эффект для укрепления национальной государственности расценивается мыслителем как убедительный аргумент в споре с оппонентами, главным образом, «защитниками итальянцев». Отман расширяет сферу применения закона, распространяя его также и на регентство и вновь заявляя о недопустимости управления страной женщинами. Очевидно, что объектом критического выпада была Екатерина Медичи, олицетворявшая в глазах Отмана политику абсолютной монархии.

После выхода в свет «Ответа...» полемика вокруг «Франкогаллии» не только не прекратилась, но лишь разгорелась с новой силой. В защиту Матареля (и, прежде всего, его августейшей покровительницы) выступил молодой, но уже известный гуманист П. Массон. В своем стремлении убедить читателей в несостоятельности суждений Ф. Отмана он пошел даже дальше предыдущего автора (вместе с которым, вероятно, писал «Ответ...»). Грубый по форме и резкий по содержанию памфлет П. Массона был призван продемонстрировать уязвимость построений мыслителя. Появление очередного полемического текста заставил Ф. Отмана без промедления выступить с ответом «Ушной шприц для Папира Массона» (август 1575 г.). В памфлете он продолжил начатую в предшествующем сочинении литературную и политическую борьбу с «италогаллами» — правительством Генриха III и Екатерины Медичи.

В лице П. Массона мыслитель обрел весьма квалифицированного оппонента, сумевшего, в частности, обнаружить серьезные неточности, допущенные им при работе с юридическими документами. Действительно, выявленные во «Франкогаллии» ошибки трудно оправдать. Однако Ф. Отман не считал нужным и возможным признавать собственные источниковедческие просчеты. В духе того времени он перешел от доказательств к ответным обличениям и насмешкам над противником; Массон в его изложении предстал «глупым, обиженным судьбой, неистовым, утратившим рассудок, омерзительным и даже свихнувшимся на праве»³¹. На личных оскорблениях Отман не остановился, усмотрев в самом факте появления памфлета очевидную провокацию. От взора писателя не укрылись политические силы, стоявшие за инспирированной против него клеветнической пропагандистской кампанией. Практика травли инакомыслия вписывается, как отмечал Отман, в манеру поведения иностранцев, ведь она «соответствует привычкам всех италогаллов, которые загадили нашу Францию — они хотят восстановить всех против гугенотов, но не могут ответить им силой оружия, они жаждут убивать, насиловать, осквернять и резать, но не в силах при-

³¹ *Hotman F. Strigilis Papiri Massoni sive Remediale charitativum contra rabiosam frenesim Papirii Massoni Iesuitae escucullati: per Mathagonidem de Mathagonibus baccalaurem formatum in jure canonico et in medicinae si voluisset. S.l., 1578. P. 32.*

коснуться к чему-либо кроме самих себя. Книги свои они пишут лишь о том, какие были совершены жестокости по отношению к ним самим. Однако если появится что-либо, написанное об их собственных жестокостях, то они начинают вопить о том, что подобные книги развращают, ударят в тимпаны, заиграют в трубы и разожгут пожар гражданской войны»³².

Так впервые были оценены роль и значение политической пропаганды для хода гражданских войн. Отман возложил на своих идейных противников — идеологов католического лагеря — всю ответственность не только за подстрекательство к братоубийственным конфликтам на религиозной почве, но и за упрочение положения чужестранцев во Франции. Мыслитель выдвинул тезис о том, что раздоры в стране вызваны не политическими, социально-экономическими или даже конфессиональными причинами, а исключительно национальными противоречиями: распри раздуваются итальянцами в корыстных целях. Значит, ответственность за зверства войн должна нести противоположная партия. В памфлете высказывается вполне определенное отношение к гражданским войнам, причины которых тракуются автором достаточно узко.

Ксенофобия Ф. Отмана доходит до предела: в «Ушном шприце для Папира Массона» он открыто заявляет о своей ненависти уже не только к «италогаллам» (т.е. сторонникам правительства), но и ко всем итальянцам вообще. Обратившись к старым проблемам, мыслитель рассмотрел в новом свете, в частности, прояснив соотношение германских, кельтских, романских традиций в процессе становления законов, порядков и обычаев французского государства. Речь идет уже не столько о противопоставлении древних германцев римлянам или выяснении этногенеза французов, сколько о значении современных Германии и Италии, олицетворявших протестантские и католические традиции, для развития европейских стран (особенно, Франции). Оценки Отмана во многом были определены соответствующими высказываниями Массона.

Мыслитель не приемлет уничижительного отношения оппонента к «германскому миру». Слова Массона, называвшего немцев «пьяницами» и считавшего их родную землю подобием «свиного хлева»³³, вызывают у Отмана негодование и осуждение. Конечно, ему трудно согласиться с такими оценками соседей, тем более что сама история опровергает несправедливые выпады Массона. В этой связи Отман напоминает, в частности, о традиционном союзе Франции с немецкими князьями против Габсбургов. Угадывая в антинемецких построениях

³² Hotman F. Ibid. P. 14.

³³ Hotman F. Strigilis Papiri Massoni sive Remediale charitativum contra rabiosam frenesim Papirii Massoni Iesuitae escucullati: per Mathagonidem de Mathagonibus baccalaurem formatum in jure canonico et in medicinae si voluisset. S.l., 1578. P. 32.

оппонента явный конфессиональный подтекст, мыслитель не только защищает Германию — оплот Реформации в Европе, но и обрушивается с резкой критикой на папство. Различия между итальянцами и немцами Отман также проводит по политическому принципу, доказывая вольнолюбивый характер последних. Унаследовав от древних германцев представления о свободе как неотъемлемом элементе социальной жизни, они на протяжении веков отстаивали собственные политические принципы и порядки; в этом кроются истоки Реформации и борьбы князей против центральной власти.

Также Отман поднимает вопрос о причинах изменения социального статуса, при котором «человек переходит от свободного состояния к рабскому»³⁴. Термин «свобода» в данном случае трактуется автором в связи с развитием политического знания и властных представлений. Отсюда следует расширительное (по сравнению с классической интерпретацией, предложенной Бартоло да Сассоферрато³⁵) толкование понятия «тирания». Недостойный правитель, согласно рассуждениям Отмана, не только сам по себе вредит своим подданным, но также и его потомки. Следуя данной логике, мыслитель сделал вывод, согласно которому правление Каролингов и Капетингов было губительным для Франции, т.к. их могущество укрепилось через узурпацию. Отман заметил: «если Пипин приобрел власть в государстве путем нарушения законов, то он был тираном, а потому и все его потомки впоследствии также владели королевством как тираны»³⁶.

Политическое содержание подобных построений означало, что Капетинги, пришедшие к власти в обход лиц из законной династии, также являются узурпаторами. Отман приписал ход собственного рассуждения оппоненту, фактически обвинив его в оскорблении величества, т.е. в государственной измене. Поводом для этого послужила фраза самого Массона: «Каролинги стали королями в результате тиранического захвата власти». Его тезис о незаконности низложения Хильдериха III Отман использовал для подтверждения своей теории о тиранических династиях. В итоге, аргументация автора «Ушного шприца...» произвела безупречное впечатление, тогда как вся ответственность за провозглашение монархов правящей династии тиранами автоматически возлагалось на Массона.

³⁴ *Hotman F. Ibid.* P. 15.

³⁵ Бартоло да Сассоферрато — итальянский юрист (1315—1347), автор множества сочинений, среди которых особое место занимает трактат «О тирании», получивший широкую известность в Европе.

³⁶ *Hotman F. Strigilis Papiri Massoni sive Remediale charitativum contra rabiosam frenesim Papirii Massoni Iesuitae escucullati: per Mathagonidem de Mathagonibus baccalaurem formatum in jure canonico et in medicinae si voluisset.* S.l., 1578. P. 20.

Благодаря ряду полемических приемов Отману удалось доказать читателям не только несостоятельность выдвинутых против него обвинений, но и справедливость главного положения его памфлета, согласно которому королевская власть во Франции XVI века представляет собой тиранию. Таким образом, фундаментальные идеи, впервые изложенные в трактате «Франкогаллия», получили оригинальное развитие в новых политических работах автора.

После публикации памфлета «Ушной шприц...» полемика вокруг «Франкогаллии» фактически завершилась. Выйдя победителем из спора с оппонентами, Ф. Отман отмечал небывалую популярность своего сочинения и плодотворность выдвинутой идеи о необходимости борьбы с несправедливой и незаконной властью.

В послании к Бонифацию Амербаху от 6 июля 1575 г. мыслитель писал: «все подтверждают, что моя книга имела большой успех и приобрела большое значение в деле утверждения права народа против тирана»³⁷. Ощущение полного удовлетворения от выполненного долга, тем не менее, не помешало автору спустя десять лет после окончания дискуссии в необычайно грубой форме отозваться о бывших оппонентах. В очередном издании «Франкогаллии» его противникам, прозванным «угодливыми шавками», хорошо досталось.

Многие радикальные построения Ф. Отмана вызывали несогласие, в том числе, сторонников конституционализма. Так, например, Э. Пакье в очередном издании своих исключительно эрудитских «Рассуждений о Франции», также посвященных изучению древних учреждений, вступил в открытую полемику с автором «Франкогаллии». Прежде всего, ему показалась несостоятельной точка зрения Отмана о роли сословно-го представительства во Франции: «некоторые считают и отмечают, что собрания сословий сыграли большую роль в истории Франции, имеют очень древнее происхождение и видят в этих учреждениях воплощение свободы народа. Но ни то, ни другое не соответствует истине.... Не нужны нам ассамблеи трех сословий для улучшения наших дел, они и сами наладятся»³⁸. Наконец, призывы к свержению государя, встречающиеся в тираноборческих разделах трактата Ф. Отмана, побудили Э. Пакье отозваться максимой, гласящей «Бог дал королям полную и абсолютную власть»³⁹.

Построения Отмана подвергались жесткой критике со стороны защитников абсолютной монархии и устоявшихся политических поряд-

³⁷ Цит. по: *Hotman F. F. Hotman, sa vie et sa correspondance // Revue historique. 1876. V. 2. P. 360.*

³⁸ *Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1643. P. 82. Idem. Les lettres. L.XII, 5 // Les lettres. P., 1617. V. I. P. 817.*

³⁹ *Pasquier E. Les Recherches de la France. P. 182.*

ков. Тем не менее, за некоторыми исключениями мыслитель не считал нужным отзываться на серьезные выпады в свой адрес. Может он и не был знаком с работой гуманиста Луи Леруа⁴⁰, однако наверняка слышал о фундаментальном труде другого своего противника — трактате «О государстве» Жана Бодена. Данное произведение, безусловно, не могло пройти незамеченным для Отмана, тем более что в тексте встречаются прямые выпады в адрес «тех, кто под прикрытием... свободы заставляет подданных бунтовать против их законных государей, открывая дверь распушенной анархии, которая куда хуже самой злейшей тирании»⁴¹.

Нетрудно под этими безымянными обличениями угадать критику конкретного человека — Ф. Отмана, и его теории, объявленной прямым подстрекательством к бунту и призывом к анархии. Ж. Боден рассматривал собственное произведение как опровержение всех вредных политических идей, захвативших Францию XVI в. Потому-то, объясняет автор «О государстве», и написано оно по-французски (не на латыни, как «Франкогаллия»), чтобы расширить круг читателей и восстановить «прирожденных французов» против учений, инспирировавших гражданские войны.

Ж. Боден стремится оспорить все фундаментальные положения политической системы оппонента, противопоставляя ей свою собственную. В качестве альтернативы договорной теории автора «Франкогаллии» мыслитель выдвигает учение о суверенитете; идее Отмана о передаче высших потестарных полномочий противопоставляет разработанную им концепцию неделимости власти. Боден также не приемлет предложенное противником толкование закона как «узды».

Объективно абсолютистская теория выростала и формулировалась как противостояние тираноборчеству и, прежде всего, «Франкогаллии». Примечательно, что Отман никак публично не откликнулся на появление в печати трактата Бодена «О государстве». Впрочем, в по-

⁴⁰ Трактат Леруа с программным названием «О превосходстве монархической формы правления» увидел свет в 1575 г., и автор первым сформулировал идеи абсолютизма. Мыслитель не только обрушивается на идеи республиканизма и конституционализма, но и критикует большинство идей Отмана и его последователей (за исключением апологии Салического закона). В рассуждениях о законе, границах власти и принципах выборности государя прослеживается полемика Леруа с Отманом: «некоторые пытаются доказать, что французское королевство было выборным и управлялось скорее советами народа, чем волей короля» // *Leroy L. De l'excellence du gouvernement royal*. P., 1575. P. 25v. И далее Леруа заметил, что мыслители, придерживающиеся подобной точки зрения, отстаивают наследственный принцип перехода власти согласно первородству. См.: *Ibid.* P. 28v.

⁴¹ *Bodin J. Les six livres de la République*. P., 1578. P. Aiiij.

следнее издание «Франкогаллии» мыслитель все же включил ряд материалов, явно направленных на опровержение доводов оппонента. С этой целью он не только поместил в работу выдержки из хроники Зуриты, но и написал новую главу о законах Франции. Кроме того, следы полемики с Боденом заметны по части трактата, посвященной конституированию государства у франков (XII).

На протяжении ряда лет Отман сознательно избегал участия в политической полемике, публичном или печатном обсуждении собственных сочинений. Мыслитель на время отошел от идеологической борьбы, признанным лидером и вдохновителем которой являлся. Возможно, причиной самоустранения Отмана послужило его изгнание и давление оппонентов. Также нельзя исключать, что он, видя неугасающий интерес публики к своим старым трудам, решил на время отойти в сторону, дожидаясь необходимого момента. И такой момент наступил: ситуация, сложившаяся в 80-е гг. XVI в. вокруг протестантской партии, вынудила Отмана включиться в активную политическую деятельность.

В своем сочинении «О праве наследования французского королевства», вызвавшем у позднейших историков недоумение, мыслитель комментировал законы страны и рассматривал формальные юридические проблемы. Однако и в данном, казалось бы, далеком от политических изысканий Отмана тексте он вновь обратился к интересовавшим его вопросам. Прежде всего, мыслитель в очередной раз с помощью правовых источников обосновал антитезу «король—тиран», подчеркнув, что обладателем высшей светской власти является не правитель, а сословно-представительные учреждения, на времяверяющие ему определенные полномочия. Наконец, не обошел вниманием Отман и вопрос о роли Салического закона в истории французской государственности.

Ф. Отман методично повторял главный тезис собственной политической теории, согласно которому монархическая власть не только может, но и должна существовать исключительно ради блага подданных, — «король заботится либо о пользе для своих граждан, либо об их достоинстве и лучшей жизни, соблюдая при этом законы своего государства».

Первым признаком утраты правителем легитимности является несоблюдение им законов: «если государь выходит за рамки правил, обычаев и пределов, предписанных ему, и постоянно выдает свои личные прихоти за пользу народа, то он — хищный тиран, жестокий и невыносимый, который по этой причине приобретает ненависть всех народов и Бога»⁴².

Подобные рассуждения мыслителя, конечно, не вызывали сочувствия и поддержки у сторонников абсолютизма. Безусловно, Отману были хорошо известны альтернативные точки зрения ряда авторитет-

⁴² *Hotman F. De jure successionis in regiae Francorum. S.l., 1588. P. 4—5.*

ных современников. Ж. Боден, например, считал короля — носителя высшей власти — источником закона, а потому рассматривал монарха вне его сферы действия. Отман придерживался противоположной позиции, доказывая, что именно закон как результат волеизъявления народа, а не божественного установления в полной мере определяет политическую судьбу государства и его главы. Воля подданных находит продолжение в законе, на страже которого стоят сословно-представительные учреждения. Именуя в духе аристотелевской традиции совокупностью общественно-политических органов «политией» (и следуя в данном толковании за Лопиталем), Отман провозглашал их «уздой, которая связывает королей Франции». Под ней он понимал «обычаи и учреждения королевства, которые были созданы сословиями»⁴³.

Салический закон, уходящий корнями к временам Меровингов, мыслитель объявил важнейшим в национальной конституционной истории, уделив особое внимание первому опыту его применения во Франции Филиппа V. Опровергая претензии испанцев на французский трон с помощью примеров из времени последних Капетингов, Отман в очередной раз подчеркнул необходимость следования Салическому закону. Свои историко-политические рассуждения он завершил показательной формулой «во Франции существует только одно право наследования — по мужской линии». Допуская возможность передачи трона преемнику в исключительных случаях, мыслитель, тем не менее, не отходит от фундаментальных положений собственной политической теории. В частности, Отман указал на древнюю франкскую традицию, по которой «наследник владеет короной не благодаря отцу, а благодаря законам и обычаям этого королевства»⁴⁴. Таким образом, он в очередной раз предпочел праву наследования право на избрание монарха. Наблюдения и наиболее удачные примеры мыслитель впоследствии включил в новые главы третьего издания «Франкогаллии».

В своем последнем сочинении «Пустые угрозы» (1585 г.) Отман выступил уже против общеевропейской феодальной реакции в лице римского папы Сикста V и испанского короля Филиппа II. Данный памфлет был вызван к жизни появлением буллы понтифика, ставившей вне закона лидеров протестантов — принцев крови. Отман задумал «Пустые угрозы» как сочинение, не только подводящее итог трех десятилетий политической полемики с оппонентами, но и призванное защитить национальные порядки от вмешательства иноземцев. Именно поэтому он издал памфлет от имени Брута Галльского, фактически символизировавшего всю Францию, а не отдельную партию или рели-

⁴³ *Hotman F. De jure successionis in regiae Francorum. S.L., 1588. P. 4.*

⁴⁴ *Hotman F. Ibid. P. 16.*

гиозную группу. В «Пустых угрозах», заметим, во многом перекликающихся с «Иском к тиранам», осуждается практика иностранных держав вторгаться во внутренние дела страны и навязывать ей собственную политику. Столь активного вмешательства Св. Престола, немыслимого после заключения Болонского конкордата, Франция не знала со времен противостояния Филиппа IV Красивого и Бонифация VIII.

Вновь Отман обращается к своему излюбленному полемическому приему — использованию исторических фактов и свидетельств — в доказательстве несостоятельности папства как религиозного, политического и социального института.

Перед лицом внешней угрозой, каковой для Отмана являлся Св. Престол, мыслитель-кальвинист выступил на защиту галликанизма. Главное внимание автор памфлета обратил не на внутренние религиозно-политические распри, а на унижение национального достоинства французов чужеземцами. Отман не только утверждает неправомочность попыток католической церкви отменить гражданские и конституционные законы королевства, но и инкриминирует папству ряд преступлений. Таким образом, мыслитель полностью отрицает право Св. Престола вмешиваться во внутренние дела государства. В ходе изучения юридической сущности отлучения Отман пришел к заключению, что католическая церковь выступает одновременно в трех качествах — истца, прокурора и судьи. Подобная практика, резюмирует мыслитель, не соответствует «ни естественному, ни гражданскому праву»⁴⁵.

В качестве иллюстраций Отман использовал исторический опыт государств (Англии, Арагона, Дании, Кастилии, Польши, Шотландии), отказавшихся подчиняться понтифику как верховному арбитру. Кроме того, он поставил вопрос о правах Св. Престола в тех европейских странах, где возникла автономная церковь и оформилось гражданское право.

Следующим этапом наступления мыслителя на позиции сторонников римского понтифика была обстоятельная критика папской буллы и, особенно, центрального ее положения, легитимировавшего отлучение от церкви короля Наваррского и принца Конде. Последствия анафематствования, по мнению Отмана, не предвещают ничего хорошего: «пусть каждый ведает, что этот жестокий и ужасный тиран Сикст V не принесет все французам, кроме тревог, волнений, бедствий, страданий, проклятий, разрухи и гибели сотен тысяч людей»⁴⁶.

⁴⁵ *Hotman F. Protestation et defence por le roy de Navarre Henri III et Henri, prince de Conde, aussi princes du mesme sang contre l'injuste et tyrannique bulle de Sixte V, publiée à Rome au mois du septembre. S.l., s.a. P. 8.*

⁴⁶ *Ibid. P. 245—246.*

Характеризуя буллу как документ, направленный против королевства и инспирированный ее злейшим врагом, Отман обратился за поддержкой ко всем французам независимо от религиозной принадлежности. События последних лет (убийство Вильгельма Оранского, покушения на королеву Елизавету Английскую) наглядно показали, что следует ждать за отлучением.

При перечислении знаменитых тиранов прошлого Отман отводит в нем ведущее место римскому папе — кровожадному, нечестивому, жестокому как Нерон «врагу человеческого рода» и воплощению дьявола на земле. Для мыслителя — последовательного сторонника Реформации — теократия (как и светская абсолютная власть) представляет собой тиранию. Отсюда появление в последнем издании «Франкогаллии» двух глав, посвященных столкновению французских королей с папством.

В сочинениях Отмана представлено законченное политическое учение, в котором сформулированы многие новаторские для XVI века теории — о народном суверенитете, конституционной свободе французского народа, праве подданных на сопротивление тирану и т.д. Для предания рассуждениям большей убедительности мыслитель подкреплял каждый тезис ссылками на памятники эллинистически-римской историографии и источники, проливающие свет на национальное прошлое страны.

Трактовка Отманом проблемы власти, происхождения и назначения государства отличалась светским подходом и влиянием античной традиции. Вместе с тем на характер и стилистику авторских построений оказали влияние гуманистическая и реформационная политология. В разработке ряда ключевых категорий собственного учения Отман ориентировался на точку зрения, выдвинутую идеологами дворянства и определившую особенности толкования мыслителем термина «народ». Впрочем, в его интерпретации также прослеживается определенная эволюция. Если в ранних сочинениях («Анти-Трибониан») Отман понимал под народом всех граждан, т.е. знатных и неблагородных, то в работах 70-х гг. характеризовал его как совокупность социальных слоев, представленных в сословных учреждениях. Таким образом, дворянство, верхушка горожан и, по всей видимости, зарождавшаяся буржуазия составили, в понимании мыслителя, французский народ.

Принципиальное неприятие Отманом абсолютной монархии во многом было связано с позицией протестантского дворянства. В наибольшей степени это влияние сказалось на трактовке проблемы тираниборчества. Оправдание феодальных мятежей прошлого (вроде Лиги общественного блага) являлось для Отмана способом легализации вооруженных действий гугенотов, осуществлявшихся в рамках реализации «права народа».

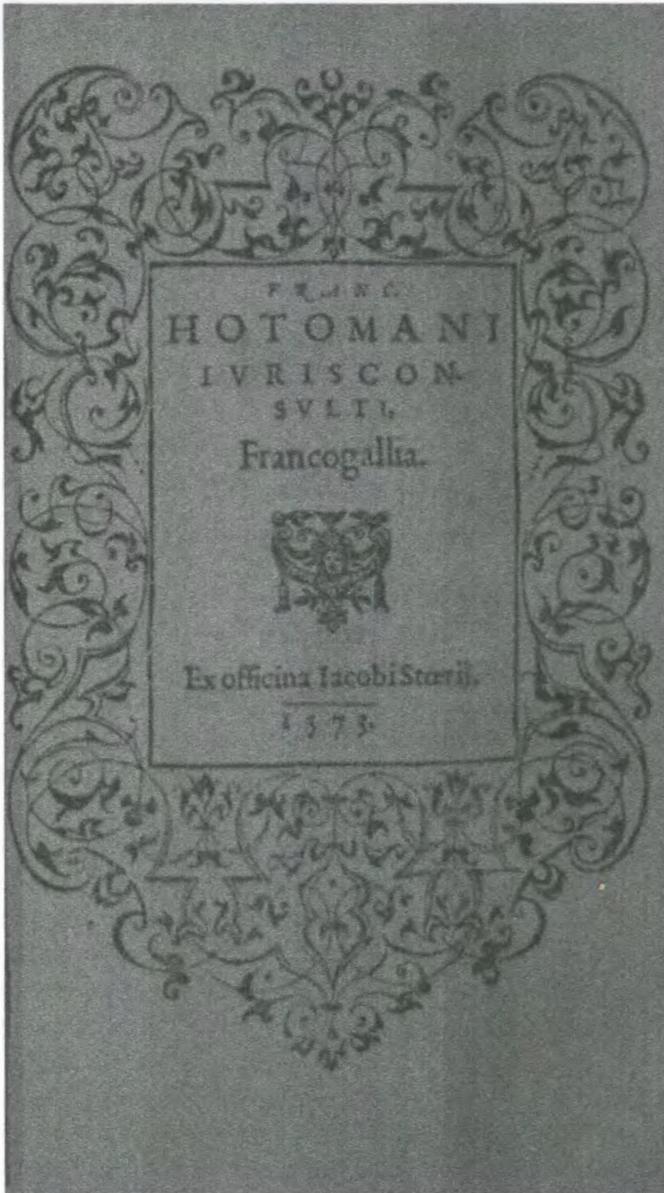
Концепция Отмана, воплотившая в себе основные положения политической программы партии гугенотов, все же полна противоречий, явившихся, видимо, следствием внутренней неоднородности протестантского лагеря. В сочинениях мыслителя нашли выражение позиции дворянства и горожан; в данном случае проявилось очевидное влияние средневековой традиции (прежде всего, правовой) и идеологии гуманизма.

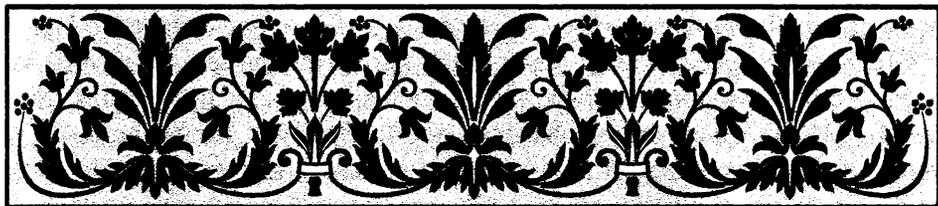
«Франкогаллия» — уникальный памятник политической, правовой и общественной мысли Франции XVI в. В трактате Отмана, знаменовавшем наступление нового этапа в истории интеллектуальной культуры, с наибольшей полнотой представлена его потестарная теория. Появление подобного полемического сочинения в период бурных социальных и профессиональных потрясений стало свидетельством глубоких изменений, произошедших в сознании европейского общества и повлиявших на все сферы его деятельности. Все прижизненные издания «Франкогаллии» несут печать внутренней эволюции, которую терпел автор в условиях ведения ожесточенных споров с оппонентами, переоценки стандартов политической действительности и необходимости своевременного реагирования на актуальные события современности.

Издание «Франкогаллии» 1586 г. подводит итог долгого и непростого творческого пути Франсуа Отмана — юриста, мыслителя, полемиста — и обобщает его исторические, правовые и политические взгляды, знаменуя высшую точку развития европейского тираноборчества.

Франсуа Отман

Франкогаллия

Введение

Могущественнейшему и светлейшему принцу и государю, Фридриху¹, графу Рейнского Пфальца, герцогу Баварскому и прочая, и прочая, первому курфюрсту Священной Римской империи и наимилостивейшему повелителю, которому первое издание этой книги посвящено, шлю привет и пожелание процветания.

О знаменитейший государь, древним является изречение, приписываемое Тевкру, сыну Теламона², которое столь распространилось в последние века, о том, что родина человека находится там, где ему хорошо. Ведь хорошо известно, что признаком сильного и доброго характера души человека является способность выносить с величием духа неудобства, в том числе изгнание и презрение, несчастья, доставляемые неблагоприятной родиной, принявшей облик мачехи вместо матери. Но все же я считаю, что [истинно] другое суждение. Если считается преступлением и даже близким к святотатству проявление неудовольствия и раздражения в случае, когда пришлось сносить брань и даже жестокость наших отцов и матерей, то насколько же большим надругательством следует считать попытку пренебречь своей страной, любовь к которой все мудрецы единодушно ставили среди человеческих привязанностей выше, чем любовь к своим родителям, друзьям и всем прочим³. Только глупец ставит свою любовь и чувства к родине в зависимость от того, сколько благ он получил от нее. Но кажется, что для добродетельного человека недостойно не заботиться о родине и отбросить мысли о ней, и последнее присуще скорее тем, кто склоняется к учению либо Эпикура, либо циников. Именно отсюда берет начало ужасающее выражение: «когда я буду мертв, пусть хоть сгорит земля!»⁴. Поистине, оно вызывает отвращение не меньше, чем древняя формула тирана: «Пусть погибнут мои друзья, если и мои враги вместе с ними будут уничтожены!». Людям же более благоразумного характера всегда присуща врожденная любовь к родине, и невозможно для них позабыть о ней, так же, как и многие другие человеческие чувства; именно такой была любовь (которую Го-

мер⁵ приписал Одиссею, предпочитавшему свое родное отечество Итаку (хоть оно и представляло всего лишь крохотное гнездо на грубой и твердой скале) всем восторгам, а также и царству, кои предлагала ему Калипсо. И как же истинно возвестил поэт⁶: «Всех нас родная земля непонятною сладостью манит и никогда не дает связь нашу с нею забыть»⁷. И не в силах все мы отринуть эти чувства, когда вспоминаем воздух, в котором сделали свой первый вздох, землю, по которой сделали свой первый шаг, а заодно и друзей, соседей, соплеменников.

Однако кто-нибудь станет утверждать, что даже родина иногда лишается разума или же вынашивает в себе злобу, как нам некогда поведал об этом Платон⁸. Иной раз и родина впадает в яростное и жестокое безумие, а тогда обрушивает и выплескивает свою ненависть на своих же детей. И все же нам следует заранее оговориться, что мы не собираемся приписывать только своей невинной родине вину, которую вместе с ней разделяют и другие [страны]. Ведь и в Риме, и во многих других государствах существовало множество страшных тиранов, которые подвергали самым разным мучениям не только добрых людей, но даже многих из тех, кто имел много заслуг перед отечеством.

Однако разве отсюда вытекает то, что безумие и жестокость тиранов должны переноситься на всю страну?

Вспомним же о жестокости императора Макрина⁹, которого, как поведал нам Юлий Капитолин¹⁰, прозвали Мацеллием, ибо вел он себя подобно мяснику на бойне, и подобно мяснику, проливал кровь людей. Историки ведают и о многих других тиранах, подобных этому, и тот же Юлий Капитолин писал об их жестокости; так, один из них звался Циклопом, второй — Бузирисом, третий — Скироном, четвертый — Тифоном, пятый же — Гигом¹¹. Из-за них-то люди и пришли к убеждению, что без жестокости не может удерживаться порядок в королевстве или империи.

Но должны ли при этом оказываться в стороне добрые граждане? Разве безумие тирана должно приносить бесчестие стране? И разве добрые граждане должны перестать заботиться о благе родины, и позабыть тревоги за нее? Наоборот, они просто обязаны позаботиться о ней, словно о каком-нибудь несчастном страдальце, слезно молящем о помощи! Они обязаны изыскать средства помочь ей любыми путями, всеми возможными способами! И сколь же счастливы государства, обладающие добрыми и милосердными правителями, насколько же блаженны граждане, которые благодаря благоволению своего государя, могут в спокойствии состариться в доме своих отцов, у очага своих предков в окружении своих детей и жен. Поскольку сказать по правде, частенько бывает, что средства, которыми хотят изгнать зло, полезны, но иногда случается, что они оказываются еще хуже и опаснее, чем сами болезни, ради которых и используется лекарство.

Мне хорошо известно, о светлейший государь, что уже шестнадцать лет [прошло с тех пор], как всемилостивейший Господь доверил Вам и Вашей мудрости значительную часть немецкого Рейнланда. И за это время сложно было добиться тишины и спокойствия, которые ныне можно заметить в Пфальце повсюду, словно он — гладкое и незамутненное море. Трудно даже понять, как удается все сохранить в мире и спокойствии, и каким образом удается управлять государственными делами с благочестием и почти божественной святостью. О кротчайший государь, пусть и впредь тебе представится возможность править с мягкостью и блеском ума, проявляя доброту и милосердие, так чтобы ты мог воскликнуть: «Хвала твоей доблести!» Правь же с приятной и кроткой добродетелью, а не в соответствии с обычаем, который, как сообщил Ливий¹², существовал у римлян; ведь они приветствовали вышеприведенными словами своих вождей, возвращавшимися окровавленными с поля битвы. Правь же милостиво, с кротостью и благочестием, справедливо и обходительно, мирно используя свою власть. Похоже, что это спокойствие распространилось повсюду в Германии, подобно тому как люди избегают, путешествуя, бурных и тревожных вод, но ищут спокойных и удобных путей по твердой суше. Им подобны и многие другие люди, которые покидают страны, охваченные раздорами, и ищут спокойные и мирные места. Некогда было время, когда молодые люди, жаждавшие знаний, стремились в нашу Франкогаллию со всех сторон мира, прибывая к нам для совершенствования в науках. Ныне же они бегут наших земель, словно морей, захваченных пиратами, и проклинают их, будто они — логово варварского Циклопа. Мысль об этом обстоятельстве глубоко меня ранит, когда я вспоминаю, что моя бедная и несчастная родина изуродована гражданскими войнами уже в течение двенадцати лет. Моя душа страдает еще горше, когда я вспоминаю о том, сколько же людей стояли безучастно, наблюдая за пламенем войны, подобно тому, как некогда это делал Нерон, наблюдая за пожаром Рима¹³, а некоторые из них еще и подливали масло в огонь своими речами и ненавистными книжонками, и, увы, лишь немногие стремились заглушить пламя. Я прекрасно осведомлен о своем смиренном и низком положении, но в этом всеобщем ослеплении все же убежден, что все здравомыслящие люди, которые любят покой и мир в вашей стране, как и в моей, не станут презирать меня за то, что я стал подыскивать хоть какие-то средства улучшить положение общественных дел; ведь это станет поистине добрым делом, поскольку никто не может по чести отказать в помощи тому, кто пытается залить пожар водой, разве что он сам злобен и низок. Прошло уже несколько месяцев [с тех пор], как я принялся перелистывать всех историков (германцев и галлов), которые писали о состоянии нашей Франкогаллии, и выживать [сведения] из их сочинений, чтобы составить краткий обзор,

содержащий (описание) государства и формы управления, которая, как они свидетельствуют, была принята в наших гражданских делах на протяжении почти тысячи лет. Ясно, что наши предки были удивительно мудрым народом и сумели прекрасно организовать управление страной. И если уж я в чем-то не сомневаюсь, так это в том, что следует добиваться единственного лекарства от всех наших бед, чтобы изменить наш образ жизни, отлив его по образу доблести тех великих лиц и вернуть наше испорченное государство к прекрасному согласию, существовавшему во времена наших отцов. Когда я ищу причины этих бедствий и раздоров, то мне представляется, что подобно тому, как наши тела начинают распухать и разлагаться, когда они сражены неистовой силой ударов извне, или смертельными ранениями, или из-за внутренних пороков, то и тело государства разрушается различными несчастными случаями, одни разрушаются вследствие бедствий войны, другие же гибнут от внутренних раздоров и гражданских несчастий, третьи подорваны временем. Хотя все бедствия, которые ныне оказывают влияние на наше государство, обыкновенно связывают с внутренними распрями, все же они должны рассматриваться не как причина, а скорее как основа наших бедствий. Заслуживающий доверия историк Полибий¹⁴ в своих сочинениях наглядно показал, насколько важно уметь отличить причину событий от его основы. Я же глубоко убежден, что первопричиной является тот удар, который был нанесен нашей конституции сто лет назад человеком, который и оказался в действительности тем, кто впервые подорвал превосходные установления, созданные нашими предками¹⁵.

И подобно тому, как наше тело повреждается от удара извне и мы не можем излечиться иным путем, кроме как восстановив каждый орган на его привычном месте, то нам следует считать, что и наше государство снова восстановит свое здоровье только тогда, когда сумеет возвратиться благодаря некоему проявлению божественного благодеяния, к своему древнему и, если можно так выразиться, к естественному состоянию.

А так как вы, Ваше Высочество, всегда показывали, что милостивы и благожелательны к нашей родине, я и решил, что лучшее из того, что я могу сделать, — это посвятить краткое рассмотрение нашей старинной истории Вашей светлости лично, ради того, чтобы ваше покровительство и могущество могли бы поспособствовать тому, что это сочинение дойдет до рук читателя под защитой Вашего имени. Шлю Вам свой привет и прощаюсь с Вами, о светлейший государь. Я молю Всемогущего Бога со всем смирением и почитанием, чтобы он даровал [возможность] вечно жить в блаженстве и все более процветать вашему славному роду. 21 августа 1573 года.

Ваш смиренный и преданный слуга Франсуа Отман

Глава I

О положении дел в Галлии до того, как римляне превратили ее в свою провинцию.

И задумал и поставил перед собой следующую задачу — изучить государственные учреждения нашей Франкогаллии, определив целью пожелать нашему собственному государству. Ведь при современных обстоятельствах подобную цель едва ли можно счесть никчемной ерундой. Кажется, что следует показать все, как в былые времена, и, прежде всего, положение дел (status) в Галлии в целом с самого начала, до того, как Рим превратил ее в свою провинцию. Любой человек, обладающий хотя бы скромным образованием, ведает, что Цезарь¹, Полибий, Страбон², Аммиан³ и все остальные [писатели] рассказывали о происхождении и древности этого народа, его военных победах, развитии расноязычия, а также о местонахождении и природе страны, о частных обычаях народа. «Большая часть Галлии, — писал Катон Цензор⁴ в своем «Происхождении», — со страстью предается двум занятиям — ведению войн и умению произносить речи»⁵.

Следовательно, должно быть усвоено, что в те времена вся Галлия не находилась под властью одного человека, который управлял бы им как король (rex), равно как и отдельные государства не пребывали под властью аристократии или же народа. Скорее всего, вся она была разделена на множество государств, где в одних правил совет знати, и они назывались свободными, в других же управляли цари. Но, конечно же, все они придерживались единого порядка — проводить общественный совет народа⁶ в определенное время года и уж там все они вместе заботились о государственных делах, чтобы способствовать вящей пользе общества.

Согласно Корнелию Тациту⁷ в третьей книге [«Анналов»], в Галлии существовало «шестьдесят четыре государства»⁸ или же области, как их именовал Цезарь⁹, у которых были не только общие язык, нравы и учреждения, но они также признавали одних и тех же должностных лиц (что более важно). [Тацит] неоднократно особо отмечает государства эдуев, вернов и ремов именно в этом смысле¹⁰ среди многих других. Когда же Цезарь приказал убить эдуа Думиорига, то последний, как рассказывает нам Цезарь, «оказал сопротивление, стал защищаться с оружием в руках и просил своих земляков о помощи, причем неоднократно кричал, что он свободный человек и гражданин свободного государства»¹¹.

Страбон так писал в четвертой книге своего сочинения о том же: Государственное устройство у них было в большинстве аристократическим и в старину они ежегодно выбирали одного предводителя; точно так же на время войны народ избирает одного полководца»¹². Кроме

того, к этому вопросу относится и сообщение Цезаря по тому же поводу в четвертой главе шестой книги: «считается, будто правление в этих государствах более эффективно, когда оно нерушимо охраняется законом так, что если кто-либо получает сообщение, имеющее отношение ко всему государству, то он должен информировать должностное лицо и никого, кроме него. Должностные же лица сохраняют новость в тайне, так что никто не смеет рассуждать о делах государственной важности, если только не делает этого на заседании совета»¹³.

Дополнительно мы приведем еще некоторые выдержки из сочинения Цезаря, которые имеют отношение к общественному совету. В двенадцатой главе первой книги своего сочинения Цезарь рассказывает о том, как посланцы государств Галлии «просили у Цезаря разрешения и согласия на созыв к определенному дню представителей всей Галлии»¹⁴. Далее [он писал] в двенадцатой главе седьмой книги: «назначают общегалльский съезд в Бибракте. Со всех сторон собираются массами»¹⁵. В шестой главе седьмой книги он рассказывал, говоря лично о себе: «в начале весны он, по обыкновению, назначил общегалльское собрание, на которое явились все, кроме сенонов, карнутов и треверов, он... перенес собрание в город парисиев — Лутетию»¹⁶. И, наконец, в шестой главе седьмой книги у Цезаря (где он рассказывает о Верцингеториксе) отмечается: «те общины, которые расходятся с остальными галлами, он¹⁷ всячески постарается привлечь на свою сторону и таким образом создать единый общегалльский союз; и [если в нем будет согласие], то даже весь мир не в состоянии бороться с ним»¹⁸.

Тот же автор нередко писал и о царях, правивших в некоторых из этих государств, и эти места многочисленны; из них следует счесть достойным упоминания вот что: римляне обычно объединялись в союзе и дружбе с теми царьками, которых они сочли наименее пригодными для своего звания и которых они могли вести за собой. Они полагали, что подобным образом им вполне удастся сталкивать государства между собой, создавать союзы и партии и занять всех галлов междоусобными войнами. С великой лестью в публичных заявлениях римляне предоставляли этим правителям звание друзей и союзников и куда меньше выказывали этим правителям существенные почести или оказывали милости, которые им ничего не стоили. Многим чужеземным царькам вождями римской республики расточительно предоставлялись почести; более того, царями или вернее царьками, как именовали их галлы, становились не на какое-то время, подобно гражданским должностным лицам, но навечно. Они добивались лишь такой царской власти на своих крохотных территориях, какую только могли получить, и их впоследствии называли герцогами, графами и маркизами.

Но вновь некоторые государства, как указывал Цезарь, становились более могущественными, чем другие, и те из них, кто имел мало воз-

можностей просуществовать самостоятельно, сами по себе, становились союзниками или данниками более сильных государств. Цезарь называл их «наемниками и данниками более великих государств и они повиновались их могуществу»¹⁹. Тит Ливий описывал в пятой книге [своей «Истории»], что «когда в Риме царствовал Тарквиний Древний»²⁰, высшая власть у кельтов, занимающих треть Галлии, принадлежали битуригам, они давали кельтскому миру царей»²¹. Когда же в Галлию прибыл Цезарь (а это произошло в 695 году после основания Рима), то «вся Галлия распадалась на две партии; во главе одной стоят эдуи, во главе другой — арверны. Они много лет вели друг с другом ожесточенную борьбу за господство»²². Но эта вражда еще более усугублялась тем, что битуриги, которые граничили с арвернами, находились под властью и защитой эдуев, и в то же время секваны являлись соседями эдуев и союзниками арвернов²³. Так рассказывает Цезарь в двенадцатой главе первой книги и четвертой главе шестой. Поскольку раньше римляне рассматривали распри в Галлии лишь в связи со своими собственными интересами (то есть возможностями для расширения собственной власти), то они принялись с усердием раздувать пожар раздора²⁴. А потому они приняли эдуев в качестве своих союзников, стали называть их своими братьями по крови и произносить множество льстивых речей.

Первым народом, ставшим союзником и отдавшимся под покровительство эдуев, оказались сеноны, с которым незадолго до этого объединились союзом и договором парисии²⁵. Затем, как писал Цезарь, пришли белловаки, «первое место по храбрости, влиянию и численности занимают среди них (бельгов) белловаки»²⁶. [Так пишет Цезарь] в четвертой главе второй книги, первой главе шестой книги и седьмой главе седьмой же книги своих «Записок». А в одиннадцатой главе пятой книги Цезарь также перечисляет находившихся под властью нервиев, цевтронов, эбуронов, грудиев, леваков, плевмоксов и гедумнов. Он также во второй главе четвертой книги упоминает эбуронов и кондрунов как племена, зависящие от треверов²⁷. И, наконец, во второй главе третьей книги он отметил: «это племя пользуется наибольшим влиянием по всему морскому побережью, [так как венеты, которые обитают в Арморике, располагают самым большим числом кораблей]. Они сделали своими данниками всех плавающих по этому морю»²⁸. В четвертой главе шестой книги и десятой главе седьмой он рассказывает, что столь велика была власть арвернов, что они не только сравнились с эдуями, но незадолго до прибытия Цезаря «они перетянули на свою сторону значительную часть зависимых племен»²⁹. Да и Страбон заметил в четвертой книге: «под властью Верцингеторикса они вели войну против Цезаря с войсками в 400 тысяч человек»³⁰.

Но все они питали отвращение к царской власти. Согласно Цезарю (первой главе седьмой книги), «[Кельтилл], отец его [Верцингеторикса],

стоял некогда во главе всей Галлии и за свое стремление к царской власти был убит своими согражданами»³¹. Цезарь в первой главе седьмой книги своих «Записок» об этом рассказывает. И, напротив, во второй главе первой книги он отмечает: «у секванов имелся царь по имени Каламантед, которого римляне именовали другом и союзником». Кроме того, Цезарь записал: «у суэссенов больше всех земли и притом самой плодородной. Еще в наше время у них был царем Дивитиак, обладавший наибольшим в Галлии могуществом; в его руках была власть не только над значительной частью этой местности, но и над Британией. Теперь у них царем Гальба... Городов у них двенадцать, они обещают пятьдесят тысяч вооруженных»³². По прибытии Цезаря царем у них был Гелота. Дед Писона Аквитанского сам являлся царем в Аквитании, и римляне называли его другом³³. В тринадцатой главе четвертой книги он сообщает, что и сеноны, которые создали одно из сильнейших государств и обладали в Галлии огромной властью, на протяжении длительного времени признавали своим царем Моритастугса, предки которого в том же государстве также достигли царской власти³⁴. И подобно этому и нитиоброги признавали своим царем Олловика, который носил имя друга римского народа³⁵.

Кажется, здесь необходимо отметить и не следует нам легкомысленно проходить мимо того, что эти царства, прежде всего, не являлись наследственными, но доверялись народом кому-либо из тех людей, кто был прославлен как справедливый человек. Далее, эти цари не обладали неограниченной и необузданной властью и не могли делать все, что пожелают, но сами были так ограничены особыми законами, что оказывались под властью народа и подчинялись его могуществу, точно так же, как и сам народ подчинялся их власти³⁶. Эта царская власть, похоже, представляла собой нечто вроде постоянной магистратуры; конечно же, Цезарь перечисляет множество частных лиц, чьи отцы и предки были наделены царским званием, среди них: «Кастика, сына Катаманталеда, который много лет был царем секванов» и сам он долго правил³⁷. Также в третьей главе четвертой книги упоминается Писон Аквитанский («храбрый и очень знатный аквитанец Писон, дед которого некогда был царем своего народа и получил от нашего сената титул друга»³⁸, а далее — Тазгетий, «предки которого были у себя на родине (в стране карнутов) царями»³⁹.

Амбиориг, царь эбурунов, поведал Цезарю о характере власти и о системе властвования в следующих выражениях: «власть его такова, что народ имеет над ним такие же права, как и он над народом»⁴⁰

Это — наилучшая и превосходнейшая форма правления согласно мнению Платона, Аристотеля⁴¹, Полибия и Цицерона⁴². Ведь, как утверждал Платон, «если царская власть ничем не обуздана, то она может достичь

такого могущества во всех делах, что оказывается на скользком пути и очень легко превращается в тиранию»⁴³. А по этой причине царскую власть, дополняет он, следует контролировать с помощью знати и выдающихся людей, которым народ позволяет властвовать, дабы те и осуществляли то, что может быть нами определено как ограничение власти.

Глава II. Рассмотрим, каким же языком в древнейшие времена пользовались галлы

Быть может, именно теперь и здесь следует нам разобраться с неизбежно возникающим вопросом, который уже обсуждался столь многими учеными людьми, а именно: что за язык употреблялся галлами в те давние времена. Как мы уже показали, Цезарь дал полное описание их верований, частных обычаев и прочих установлений. И поэтому, прежде всего, следует вспомнить, что же писал сам Цезарь в начале своих «Записок о галльской войне» (где разделяет галлов на бельгов, аквитан и кельтов): все они отличаются друг от друга по языку точно так же, как и по обычаям. Страбон в четвертой книге свидетельствует о том же, у них *ὁμοῦλωσσοῦσ* (одного языка) не имелось, *ἀλλὰ, ἐνίοισ* *μικρὸν παραλλὰ στονξασταῖσ ὑλώσσαισ*¹. Аммиан Марцеллин в пятнадцатой книге своей «Истории» говорит о том же².

Однако существующая точка зрения, что галлы использовали греческий язык (а ее поддерживали очень известные ученые и в особенности наши соотечественники), может быть опровергнута одним фрагментом у Цезаря. Цезарь в двенадцатой главе четвертой книги вспоминает о том, что когда Квинт Цицерон был галлами осажден в собственном лагере, то он направил письмо Цезарю на греческом языке для того, чтобы галлы не узнали бы его планов в случае, если им удастся перехватить письмо³. И далее Цезарь пишет в четвертой главе книги первой, что когда он беседовал с Дивитиаком (братом Думиорига), то делал это благодаря посредничеству Гая Валерия Трояцилла, своего близкого друга и принцепса провинции Галлии, поскольку обычные переводчики оказались в данном случае бесполезны.⁴ Трояцилл был римским гражданином и владел и латинским, и галльским языком. Если бы Дивитиак знал греческий, то зачем бы Цезарю вести разговор с ним через переводчика? Замечание Цицерона в его речи в защиту Фонтея⁵ также имеет значение для данной проблемы. Он говорит о галлах так: «счастливые и гордые они бродят тут и там, облекая угрозы в слова ярости и варварского ужаса»⁶. Я полагаю, что никто не сочтет, что греческий язык для Цицерона являлся варварским и ужасным. А Ульпиан⁷ говорил в законе о фидеикомиссе (см. «Дигесты», 32, II): фидеикомисс может быть дарован при-

несением клятвы, причем не только по-латыни, или по-гречески, но и на пуническом, галльском или любом другом наречии⁸.

Но некоторые приведут рассуждение Страбона в четвертой книге его «Географии», где он писал: «καὶ φιλέλληνας, καὶ τερκνάζε τοῖς Γαλαταῖς ὥστε καὶ τὰ συμβόλαια Ἑλληνιστὶ γράφειν»⁹. Однако нашелся бы сразу быстрый и готовый ответ на это возражение. Прежде всего, если галлы учили греческий, подражая населению Массилии, очевидно, что греческий не являлся их родным языком. Далее, Страбон ясно говорит в том же самом месте, что обычай составлять соглашения и контракты по-гречески, устанавливается как раз в то время, когда вся Галлия оказывается под властью Рима. Более того, он уверенно говорит только о тех людях, кто проживает неподалеку от Массилии, и замечает в этой связи, что в этих областях не только многие частные лица, но и «местные магистраты просили ученых Массилии и предлагали им награду за обучение их молодежи греческому»¹⁰. Однако же, школы процветали и во многих других местах Галлии, в которых греческие искусства и науки преподавались на галльском языке, о чем и упоминает Иероним¹¹ в послании к Рустику: «После обучения в (школах) Галлии, которые процветают, мать послала тебя в Рим, чтобы богатство и блеск галльской речи дополнились римской твердостью»¹².

Остается место у Цезаря, где он говорит, что греческий алфавит использовался галлами в частной и государственной переписке¹³. Но давайте предположим, что слово «греческий» в этом месте не только ничему не служит, но и употреблено ошибочно и не дает пользы, тогда следует считать, что оно извращает смысл [фразы]. Для понимания смысла слов Цезаря достаточно сказать, что при обучении друидов галлы избегали писать, хотя они и использовали письменность во всех других делах, как частных, так и общественных. Ведь понятие *uti litteris* часто использовалось римскими писателями как способность писать. Так Фабий Квинтилиан¹⁴ в одиннадцатой главе одиннадцатой же книги заявляет: «Я считаю, что Платон считает стиль препятствием для запоминания»¹⁵. Сверх того, было бы противоречием утверждать как то, что галлы были несведущи в греческом (об этом говорит Цезарь выше), так и то, что греческие буквы обычно использовались ими при употреблении частных и общественных рассуждений и речей. И все же многие считают, что «греческий алфавит» в приведенной выдержке означает использование скорее греческих букв, чем использование самого греческого языка. Это едва ли, так как (что отмечалось выше) античные писатели всегда говорили «*uti litteris*», имея в виду «умение писать», но они никогда, насколько можно заметить, не относили его к красотам стиля.

Это мнение не подтверждается и упоминанием Цезаря в его первой книге «Записок», что «в лагере гельветов были найдены и доставлены

Цезарю списки, написанные греческими буквами»¹⁶, так как очевидно, что тот, кто умел писать по-гречески, должен был и уметь использовать греческий алфавит. То были либо жрецы, либо молодежь из знатных семей, которая изучала греческий. А ведь он тогда ценился и почитался так, как теперь латынь, а многие ее также изучают. Тем самым показана несостоятельность довода о школах Массилии. А когда Цезарь упоминает о письме, которое ему отправил Цицерон, то он пишет: «оно было написано по-гречески, чтобы враг не распознал о наших планах в случае, если его и перехватит»¹⁷. И Юстин записал в двадцатой книге своего сочинения: «сенат издал постановление: пусть впредь ни один карфагенянин не учится ни писать, ни говорить по-гречески, дабы никто не мог ни разговаривать с врагом, без переводчика, ни вести с ним переписку»¹⁸. Тацит в своем сочинении «О происхождении германцев и их обычаях» говорит: «некоторые памятники и могилы с начертанными на них греческими письменами и сейчас существуют на границах Германии и Реции»²⁰. Ливий в девятой книге «Истории» писал, что «детей римлян тогда было принято обучать этрусской грамоте, также как теперь — греческой»²¹. Или же он писал далее в двадцать восьмой книге: «он (Ганнибал) поставил и посвятил алтарь с большой надписью на греческом и пунийском языках, перечислявшей его подвиги»²². Далее он отметил в сороковой книге, что каждый жертвенник был усыпан греческими и латинскими надписями²³. Юрист Ульпиан писал в титуле VII «Об обязательствах и исках» сорок четвертой книги «Дигест»: «Согласимся ли мы, что дело известно, если оно ясно написано, пусть по-латыни, или по-гречески? Я полагаю, что это зависит от местных условий и кто-либо может сослаться на незнание грамоты»²⁴. Требоний Поллион²⁵ в жизнеописании Сципиона Эмилиана²⁶ писал: «Ведь, как передают, в Мемфисе на золотой колонне написано египетскими письменами»²⁷.

Короче говоря, я думаю, что Цезарь, говоря о том, что «писал греческими буквами», имел в виду не знание языка, а форму, образ или же знаки этих букв. В том же смысле следует понимать и слова Тацита: «он»²⁸ прибавил также новые буквы и ввел их в обращение, установив, что и греческий алфавит был создан не сразу»²⁹. И чуть дальше [читаем]: «начертание латинских букв было таким же, как и у древнейших греческих»³⁰. То же употребление можно найти и у юрисконсульта Павла³¹ в «Дигестах»: «мы должны оценивать поручительство не по форме букв, а по смыслу, который они выражают»³². О том же идет речь и в первой из «Тускуланских бесед» Цицерона: «кто уложил в немногие знаки букв все звуки речи, казавшиеся...»³³. И пусть никто не удивляется, каким именно образом слово «греческий» попало в приведенный нами фрагмент сочинения Цезаря; я могу привести похожую мысль у Плиния³⁴ в пятьдесят седьмой главе восьмой книги, где написано так:

«сперва молчаливое согласие всего народа вдохновляло их использовать ионические буквы»³⁵. А вслед за этим следует фраза: «последующее согласие народа коснулось манер, причесок и тому подобного» и затем последовало и третье «ввели их счет времени»³⁶. Из этого становится ясно, что ионийцы должны быть склонны к бесполезным развлечениям, они совершенно не знают меры, так как все, что Плиний хотел сказать, — это то, что сперва народ согласился использовать алфавит³⁷. И более того, как ошибочно утверждает сам Плиний чуть раньше, первый алфавит был создан ионийцами³⁸. То же самое говорит и Тацит в первой книге «Анналов»³⁹.

Однако я заметил пару мест в пятой книге у Григория Турского⁴⁰ и у Эймона⁴¹ (в сорок первой главе третьей книги), которые, похоже, указывают, что галлы употребляли греческие буквы. Они говорят о короле Хильперике⁴²: «он же прибавил и буквы к нашему алфавиту, то есть ω, ψ, ζ, θ как у греков; и «разослал во все города своего королевства письма [с требованием], чтобы так учили детей»⁴³. Эймон упоминает лишь о трех буквах χ, θ, φ; но следует помнить, что речь идет о франках, а не о галлах, или скорее, франкогаллах, которые пользовались германским языком как родным, а не языком древних галлов, которые перестали использовать его, оказавшись под властью Рима. Так что если франкогаллы и использовали греческий алфавит, то как же они пришли к тому, что, высоко ценя все прочие греческие буквы, они опустили лишь эти в порядке исключения? Но мы уже повторяли это более чем достаточно.

Мнение тех, кто считает, будто галлы использовали германские наречия, является преобладающим. Но у Цезаря в сорок седьмой главе книги первой его сочинения имеется указание, которое это опровергает. Он пишет: «на котором (галльском языке) Ариовист⁴⁴ бегло говорил, от давнего пребывания в Галлии»⁴⁵. Тацит в (сочинении) «О происхождении германцев» согласен с Цезарем: «марсигны и буры утверждают, что свевы и готы, и те, кто называют себя осы, — не германцы»⁴⁶. Светоний⁴⁷ подтверждает это суждение еще более недвусмысленно в жизнеописании Калигулы⁴⁸: «он отобрал из жителей Галлии...пригодных для триумфа..., заставив их...даже выучить германский язык и принять варварские имена»⁴⁹. Глареан⁵⁰ приводит еще более очевидное доказательство, и есть и другие [авторы], которые еще шире распространяют это мнение. Я склонен думать, что им следует верить.

Мне представляется наиболее близким к истине суждение тех, кто писал, что древние галлы имели особый язык, не слишком отличавшийся от языка бриттов, по двум причинам. Во-первых, Цезарь указывал, что в Галлии существовал обычай, чтобы те, кто желал глубоко изучить науку друидов, обычно отправлялись в Британию; поскольку друиды не использовали книги, становится ясно, что они могли об-

чать на языке, доступном и для галлов. Во-вторых, Корнелий Тацит писал в «Жизнеописании Агриколы»⁵¹, что «и языки тех и других мало отличаются»⁵². Я склонен согласиться с выводом Беатуса Ренануса, что язык тех, кого ныне именуют бретонцами, должно считать остатками нашего древнейшего языка⁵³. По его комментарию это вполне вероятно, в особенности, когда он утверждает, что, когда англосаксы изгнали из родной страны бриттов, то те бежали в упомянутые земли. Именно из этого обстоятельства и берет начало древний закон, изданный Эдурдом I⁵⁴. По нему англичанам предписывалось, чтобы в случаях, когда бретонцы появлялись в Англии, их защищали и поддерживали бы так, как если бы они являлись прирожденными гражданами, поскольку они рождены от крови бриттов [жителей] этого королевства. Тот же вывод можно сделать и о древнем языке Галлии.

Я обнаружил, что язык, на котором мы говорим теперь, представляет собой смесь языков нескольких народов. Если коротко и ясно объяснить, то в языке, которым мы пользуемся, можно выделить четыре источника. Наполовину он был создан из заимствований, почерпнутых у римлян, как свидетельствует Оттон Фрейзингенский в четвертой книге⁵⁵. Это может отметить и любой образованный человек, знающий латынь. Ведь даже игнорируя тот факт, что галлы, став подданными римлян, естественно, охотно и по необходимости перенимали римские обычаи и язык, ясно, что и сами римляне заботились о распространении своего языка и внедрении уважения к нему у всех народов. Валерий Максим⁵⁶ свидетельствует об этом: «когда только можно ради этого они вводили повсеместно поэтические состязания, как, например, в Лугустодуне, Везонтионе или Лугдунуме»⁵⁷. Об этом же упоминает Тацит⁵⁸ и Авзоний⁵⁹. Мы можем прочесть и в письмах святого Иеронима Рустику: «После обучения в (школах) Галлии, которые процветают, мать послала тебя в Рим, чтобы богатство и блеск галльской речи дополнился римской твердостью»⁶⁰.

Итак, искусство латинского красноречия столь ценилось в Галлии, то законы, касавшиеся благоденствия галльского общества, писались по-латыни (старые памятники несут на себе доказательства этого обычая, равно как и постановления наших старинных королей, которые хотя бы частично еще хранятся в рукописях наших парламентских кувий). Верно и то, что латынь использовалась и в правительственных актах и при вынесении приговоров и в особенности в порочной практике утяжничества, внедрившейся в Галлии через двор пап в Риме. Прежде всего, это был источник тяжб о религиозных делах с множеством гоночаров, которые включались. Этот обычай сохранялся чуть ли до нашего времени. Эдикт Франциска I — первый закон, который с 1539 года поощрял процветание нашего доброго языка в Галлии, предписывал, что-

бы судебные решения выносились по-французски. Ведь религиозное образование и наука также пришли к подлинному искусству суда, так как с самого начала наука возникала на латинском языке, о чем свидетельствуют древние церковные авторы Иреней⁶¹, епископ Лиона, Иларий, Сидоний⁶², Беда⁶³, Сальвиан⁶⁴ из Массилии и Григорий Турский. Обычай этот распространился уже после того, когда римские обычаи и церемонии позднее были введены в христианских храмах. В особенности [это укоренилось] с тех пор, когда, добившись королевства Галлии благодаря влиянию и совету папы Захарии⁶⁵, Карл Великий⁶⁶ отплатил ему за столь великое благо⁶⁷, провозгласив, что будут соблюдаться нравы и религиозные обычаи церкви и в этом даются заверения. Именно в связи с этим и был издан закон: «чтобы изучили песнопения римлян более совершенно, пусть не прекращается служба в храмах постоянно в ночное время либо иначе, либо в дневное время, следуя тому, что установил наш блаженной памяти отец Пипин⁶⁸, когда он поддержал галльские обычаи, действуя в согласии с апостолическим престолом и с милостивого согласия святой божественной церкви». Сигиберт⁶⁹ также опубликовал все тот же указ от 774 года⁷⁰. Об этом даже вспоминать нестерпимо, такой тьмой оба они покрыли галльскую церковь. Карл передал всю власть в религиозных делах римским папам, которые злоупотребляли этой властью против французских королей так, как даже трудно представить себе. Эта власть снова была приобретена королями при Карле V⁷¹, прозванном Мудрым, который в 1370 году так стал возмущаться тиранией пап, что даже предпринял перевод священного писания на французский язык⁷². Эта версия Библии есть, ее можно увидеть во Франции часто. Она был осуществлена по повелению и приказу Карла V. И я сам могу засвидетельствовать, что видал ее в королевской библиотеке в Фонтенбло, изданную в 1563 и вновь в 1567 годах.

Оставшаяся половина нашего языка должна быть разделена следующим образом — мы можем отнести одну треть слов к языку древней Галлии, другую — к наречию франков и последнюю — к греческому влиянию. Ведь давно было показано различными исследователями, что многие слова, которые мы употребляем в повседневном обиходе, происходят от языка франков (то есть от германцев), как мы вскоре покажем. Многие ученые также давно отмечали, что разные понятия вошли и в наше употребление из греческого языка, как мы уже отмечали ранее. Ни в коем случае их не следует связывать с друидами, которые, как мы учим, не говорили по-гречески. Скорее их следует связывать с обычаем и обучением, принятым у жителей Массилии. А уж из Массилии этот обычай широко распространился и в других областях Галлии.

Глава III

О положении Галлии в бытность ее римской провинцией

Известно всем образованным людям, что римляне предприняли много попыток завоевать Галлию, и чаще всего встречали в ответ отчаянное сопротивление до тех пор, пока Цезарь после того, как почти десять лет велась война и множества сражений, наконец, не покорил и не укротил полностью всю страну и низвел ее до положения провинции. Да, именно такой оказалась судьба этого могучего и воинственного народа — в итоге он покорился Великому зверю (как Рим назван в Писании)¹. Тем не менее, как сообщает нам Иосиф², этот народ на протяжении восьмисот лет неистово боролся за право быть подобным Риму, и часто ему сопутствовала удача, так что в Риме никого так не боялись, как именно этого народа и никакая военная мощь не была римлянам столь ненавистна, как сила галлов³. О том же рассказывает нам и Плутарх⁴ в «Жизнеописании» Марцелла⁵ и Камилла⁶, Аппиан⁷ во второй книге «Гражданских войн»⁸ и Ливий в восьмой и десятой книгах «Истории»⁹. Все они передали потомкам, что римляне взирали на галлов с таким страхом, что у них был даже установлен закон, согласно которому все освобождения от службы в ополчении (а они предоставлялись жрецам и старцам) оказывались недействительными в случае опасности вторжения галлов. Об этом же говорит и Цицерон в своей второй «Филиппике»¹⁰. А Саллюстий¹¹ при описании Югуртинской войны указывает, что римляне установили как общий порядок, чтобы «все дела подчинялись опасности, которую они воплощали, ибо борьба с галлами велась не ради славы, но ради выживания»¹². Даже сам Цезарь свидетельствует об этом в шестой книге¹⁴, да и Тацит изложил то же мнение в своем труде «О происхождении германцев». Он пишет, что «галлы некогда превосходили германцев доблестью и вели войну за границами, созданными колониями за рекой в результате возрастания количества людей в племени»¹⁵.

В «Жизнеописании Агриколы» Тацит связывает упадок военной доблести галлов с утратой ими свободы: «мы знаем, что галлы так же славились доблестью, но с той поры как у них установилось спокойствие и вместе со свободой ими было утрачено мужество, утасла и их воинственность»¹⁶. Ко всему сказанному мы можем привести (и это вполне допускается любовью к родине) знаменитое суждение о доблести галлов, приведенное Юстином в двадцать четвертой книге (его труда)¹⁷: «Дело в том, — писал он, — что галлы стали так многочисленны, что их уже не вмещали те земли, на которых они родились... они послали триста тысяч человек искать новых мест для поселения. Часть из этих трехсот тысяч осела в Италии, они-то и сожгли взятую ими римскую столицу. Другая часть проникла к Иллирийскому заливу, пробиваясь

через варварские племена, и осела в Паннонии. Этот суровый отважный и воинственный народ, который впервые после Геркулеса, подвиг которого вызывал всеобщее изумление перед его доблестью и доставил ему бессмертную славу, перешел неприступный альпийский хребет в необитаемые местности, скованные льдом. Покорив жителей Паннонии, они много лет вели войны с соседями. Затем, ободренные своими успехами, они разбились на отряды. Одни напали на Грецию, другие на Македонию, сокрушая все своим оружием. Имя галлов внушало такой ужас, что даже те цари, которые еще не подверглись их нападению, покупали у них мир, за громадные деньги»¹⁸. И далее он продолжает: «однако, в это время у галлов было так много молодежи, что их толпы наводнили всю Азию. Впоследствии ни один восточный царь не вел ни одной войны без галльских наемников, а тот, кто лишился престола ни у кого не искал убежища, кроме как у галлов. Само имя галлов внушало такой страх и так велика была слава их военных удач и непобедимости, что одним казалось, будто невозможно сохранить свою власть, другим — что нельзя возратить утраченную мощь, не прибегая к военной доблести галлов»¹⁹. Именно так выглядит восхваление воинственной природы и доблести галлов, но, как мы уже разъяснили, сославшись на Тацита, все исчезло, когда они утратили свою свободу. И все же иные галльские государства сумели сохранить свою свободу и после того, как римляне превратили Галлию в провинцию. Как рассказывает Плиний в семнадцатой главе четвертой книги, подобное произошло с неврвиями, суессенами, ульбониями и левками. Некоторые из государств союзников оставались свободными — лингонов, ремов, карнутов и эдучев²⁰. Все это подтверждается и Светонием Транквиллом в «Божественном Юлии»: «Всю Галлию, что лежит за Пиренейским хребтом, Альпами, Севеннами и реками Роданом и Рейном, более 3200 миль в охвате, он целиком, за исключением лишь союзных или оказавших Риму услуги племен, обратил в провинцию»²¹.

Каким же оказалось положение тех государств, которые были низведены до положения провинции, легко понять из слов арверна Критоignата, приведенных Цезарем: «А если вы не знаете того, что делается в отдаленных землях, то взгляните на соседнюю Галлию, будучи унижена на степень провинции, получила совсем иное право и законы, и, покоряясь римским секирам, страдает вечным рабством»²². Цицерон в своей речи в защиту Фонтеев²³ заявляет: «Галлия заполонена римскими торговцами и до того в ней полно римлян, что ни один человек не желает вести какое бы то ни было дело иначе, чем через римского гражданина. Ни одна серебряная монета не находит обращения в Галлии, если только она не прошла через руки римского гражданина»²⁴. Более того, это рабство оказалось тройным. Прежде всего, римляне держали гарнизон, разделен-

ный на четыре части, хотя я и считаю, что в провинцию большие силы не направлялись, особенно если те считались мирными и спокойными. Иосиф писал в второй книге «Иудейской войны», что во времена императора Тита²⁵ в Галлии находился гарнизон не более чем в двенадцать тысяч солдат²⁶. Хотя и он отмечает, что галлы боролись за свою свободу против римлян около восьмисот лет, и у них имелось государств почти столько же, сколько римляне потом держали солдат в гарнизоне²⁷.

Но существовала и иная форма рабства. Она выражалась в том, что провинции были обязаны выплачивать римлянам налоги и подати. Для этого их принуждали принимать сборщиков налогов, а точнее гарпий и коршунов, которые высасывали из провинций кровь и поедали их. Мы уже привели по этому поводу свидетельство Светония, но увековечено это и у Евтропия²⁸, который поведал нам, что когда Цезарь завоевал Галлию, то ввел ежегодный налог в сорок миллионов сестерциев, а если перевести на современные деньги, то в миллион золотых²⁹. И, наконец [следует сказать] и о третьей форме рабства — запрещении родных обычаев в провинциях и насаждении чужеземных чиновников, как бы воплощавших римский народ; они направлялись туда, наделенные всей полнотой полномочий и верховной властью, и именно они вершили у них суд. Почти все провинции и, конечно же, весь наш галльский народ сносил это тройное рабство с горечью и максимальным отвращением. Корнелий Тацит рассказывал, что когда вскоре после завоевания Цезаря императором стал Тиберий³⁰, государства Галлии взбунтовались против продолжения сборов налогов, жестокости сборщиков и вызывающего высокомерия солдатни³¹. Светоний писал, что позднее во время правления Нерона Галлия была охвачена таким отвращением к нему, что свергла его власть. «Такого-то правителя мир терпел почти четырнадцать лет и наконец низвергнул. Начало этому положила Галлия»³². И для нас просто невозможно найти достаточно высокую похвалу, заслуженную нашими предками: ведь они оказались первыми в мире, кто начал сбрасывать с себя ярмо столь могущественного тирана и требовать для себя освобождения от рабства у столь чудовищного изверга.

Римляне разделили Галлию на шестнадцать провинций — Вьенну, I Нарбонну, II Нарбонну, I Аквитанию, II Аквитанию, Новемпопулану, Приморские Альпы, I и II Бельгики, I и II Германии, I и II Лугдунумы, III Лугдунум, Максиму Секвану и Греческие Альпы. Так все это изложено Антонином³³ в его «Итнерарии»³⁴ и Секстом Руфом³⁵. Но Аммиан Марцеллин перечисляет их детально, по отдельности в пятнадцатой книге своей «Истории»³⁶.

Теперь вернемся к нашему основному вопросу. Трудно даже вообразить себе тот стыд и горечь, с которыми галлы сносили коварство римлян и как же часто они восставали против римлян... А поскольку у них

не хватало своих воинов, чтобы низвергнуть римскую тиранию, то они использовали древнейший опыт — набирать на службу германских наемников, призывая их к себе на помощь. Откуда и появились первые франкские колонии. Что до германцев (а они либо были покорены римлянами, либо, что более вероятно, были ими подкуплены), то они немедленно приступили к созданию собственных поселений на территории самой Галлии. Светоний отметил в «Божественном Августе: «он³⁷ оттеснил германцев за Альбию, а подчинившихся ему свевов и сикамбров перевел в Галлию и поселил на полях близ Рейна»³⁸. В «Жизнеописании Тиберия» Светоний писал: «он захватил сорок тысяч пленных, переселил их в Галлию и отвел им земли возле берега Рейна»³⁹. Нам также не следует пренебрегать и тем, сообщает Флавий Вописк⁴⁰ при описании правления Проба⁴¹: «после этого, — рассказывает автор, — он с огромным войском устремился в Галлии, которые после убийства Постума⁴² были охвачены волнениями, а после убийства Аврелиана⁴³ были захвачены германцами. Он дал столько битв с таким успехом, что отобрал у варваров шестьдесят благороднейших городов Галлии. В то время как они, чувствуя себя в полной безопасности, бродили по нашему берегу, мало того, по всем Галлиям, он перебил около четырехсот тысяч, которые заняли римскую землю, а остальных оттеснил за реки Нигр и Альбию»⁴⁴.

Наилучшую возможность для того, чтобы мы поняли, сколь жестоким и бесчеловечным было владычество римлян, сколь свирепы были их разбои, сколь чудовищны были их злодеяния, сколь омерзительны и ужасен был образ жизни римлян и сколь ненавистны и отвратительны они были жителям Галлии, и в особенности христианам, вероятно, из всех свидетельств, как я полагаю, нам предоставляет сочинение епископа Массилии Сальвиана⁴⁵, в котором он писал о Провидении. Ничего нет удивительного в том, что когда полчища германцев начали вторгаться в Галлию, то галлы были далеки от того, чтобы сдерживать это нашествие, но активно поддерживали его⁴⁶. Латинус Пакат⁴⁷ обратился к Феодосию⁴⁸ [с такими словами]: «С чего же я должен начать, если не с твоих бедствий, о Галлия! Изю всех стран, которых коснулась эта чума, ты с уверенностью можешь заявить, что испытала наибольшие страдания и наибольшие несчастья»⁴⁹. И совершенно очевидным становится (благодаря сочинениям Аполлинария Сидония⁵⁰ и в особенности письмам Сальвиана), что наши франки оказались только частью прочих германских народов.

Глава IV

О происхождении франков, которые, заняв Галлию, изменили ее название на Франкию или же Франкогаллию

А потому предмет нашего исследования теперь требует от нас углубиться в изучение спорного вопроса о происхождении франков в их природной среде обитания, где именно находилась колыбель их народа. Очевидно, что племя, которое носило это имя, занимало большую часть Европы на протяжении длительного времени, и франки происходили от германцев. Кажется, что эти розыски должны у нас вызывать изумление, поскольку невозможно найти ни единого упоминания о них у Страбона, Птолемея¹, Плиния и даже у Тацита, который чрезвычайно тщательно описывает расселение германцев и названия их племен. Мы все же приведем несколько выдержек из разных сочинений, которые подтверждают положение франков и существование такого имени.

Прежде всего, святой Иероним² в «Жизни св. Илария»³ [отмечает]: «телохранитель императора Константина, обладал рыжими волосами и белой кожей, что указывало, что он был выходцем из провинций саксов и алеманнов. Этот народ принято считать скорее могучим, чем приятным; историки называют его германцами, хотя ныне они сами себя и именуют франками»⁴. Чуть далее Иероним записал: «он владел франкским наречием не хуже, чем латинским языком»⁵. Другой пример можно разыскать в двадцать седьмой книге сочинения Иоганна Навклера «О происхождении»⁶, где он говорит так: «Карл Великий называл себя королем франков, это по сути дела то же самое, что заявить — он именовал себя королем германцев и галлов; ведь хорошо известно, что в те времена вся Галлия, лежащая за Альпами, и Германия, короче вся страна, простиравшаяся от Пиренейских гор до Паннонии, называлась Франкией. Последняя звалась Германией или Восточной Франкией, первая же — Галлией или Западной Франкией»⁷. И все подлинные историки соглашаются в том, что данное утверждение правдиво. Так и аббат Урспергский⁸ в своей «Жизни Карла Лысого»⁹ называет Восточную Франкию Острофранкией, в то время как Западную — Нейстрией¹⁰ или даже Вестрией, как добавляет Ренан¹¹. Потому и Сигиберт¹² писал в своей «Хронике»: «Эброин¹³ был майордомом Нейстрии», и далее «Пипин¹⁴ подчинил себе Нейстрию»¹⁵. Эймон в главе 27 книги первой пишет то же самое и довольно часто употребляет эти названия: «Нейстрия занимает области Парижа и Орлеана и простирается от Нижней Сены и Луары к Великому Океану»¹⁶. Аббат Урспергский сообщает об этом в тех же выражениях, что и Отгон Фрейзингенский, который упоминает два франкских королевства¹⁷, но писал в третьей главе четвертой книги относительно Константинова дара: «Отныне Западная

Римская церковь властвует, так как королевства были ей переданы Константином законно, и не существует никаких сомнений в ее правах на взыскание податей даже теперь, и признаются они повсюду за исключением двух франкских королевств»¹⁸. Эйнхард в «Жизни Карла Великого» рассказывал: «он столь основательно расширил уже достаточно большое и могущественное королевство франков, полученное от отца Пипина, что прибавил к нему почти двойное количество земель. Ведь раньше власти короля франков подчинялась только та часть Галлии, что лежит между Рейном, Легером и океаном; часть Германии, населенная франками, называемыми восточными, что располагается между Саксонией, Данубием, Рейном и Салой, которая разделяет турингов и сорабов; кроме того, власть королевства франков распространялась и на алеманнов и баваров. Карл же подчинил в упомянутых войнах сначала Аквитанию»¹⁹.

Оттон Фрейзингенский в девятой главе пятой книги своей хроники рассказывал о правлении Дагоберта²⁰, как королевство франков «от Испании простирается вплоть до Паннонии, включая два благородных герцогства, Аквитанию и Баварию»²¹. В семнадцатой главе шестой книги он рассказывает об этом же более подробно.

Готфрид Витербский²², следовавший за ним, [записал] под годом 881: «Когда император Арнульф²³ правил в Восточной Франкии, которая зовется теперь королевством тевтонов, то есть Баварией, Швабией, Тюрингией, Саксонией, Фризией и Лотарингией, Одо²⁴ держал Западную Франкию»²⁵. И далее отметил под годом 913: «мне ясно из свидетельств многих писателей, что королевство тевтонов, которым в наши дни владеет император Фридрих²⁶, было некогда частью королевства франков, поскольку франки были первыми, кто тогда заселил оба берега Рейна. Та часть, которая простирается до границ Баварии, и теперь называется Восточной Франкией. Но другая часть, которая ныне называется Западной Франкией, — это королевство, которое занимает область, расположенную по обоим берегам рек Сены и Луары»²⁷. А далее он [добавляет]: «когда королем франков был Карл Великий, то вся Галлия (Кельтика, Бельгика и Лугдунум) и вся Германия от Рейна до Иллирии составляли единое королевство Франкию»²⁸. Как я уже упомянул, все это изложено в труде Оттона Фрейзингенского.

Видукинд Саксонский²⁹ записал в первой книге своего сочинения: «последним из Каролингов императором Западных Франков был Лотарь³⁰»³¹. Следует также указать и на то, что записал в своей хронике Регинон Прюмский³² под годом 576: «после смерти Карла Простоватого³³ его сын Людовик³⁴, который присутствовал при смерти отца и оказал ему почести пышными похоронами, прибыл во Франкфурт, главный город Восточного королевства»³⁵. И у аббата Урспергского было за-

писано: «У Карла Великого было две дочери от его супруги Фальстрыды³⁶, которая была родом из восточных франков, то есть германцев»³⁷. Тот же автор так говорит в своем труде о происхождении саксов: «Теодорих³⁸ принял Австразию, а главный город этого королевства находился в районе Меца»³⁹. Лиутпранд Тессенский⁴⁰ записал в шестой главе первой книги: «Итак, совместно было решено, что Гвидо⁴¹ должен был получить ту часть Франкии, которую зовут романской Франкией, а Беренгер⁴² собирался получить половину Италии»⁴³. И чуть дальше он отметил: «пройдя через королевство Бургундию, он пожелал вторгнуться во Франкию, которую обычно называют романской»⁴⁴. Похоже, что они называли Франкию романской, потому что, во-первых, франки захватили Галлию, прежде покоренную римлянами, а во-вторых, потому, что, как уже отмечалось выше, в этой стране использовался романский язык. А отсюда и происходит древнее выражение: «говорит по-романски», которое относили к тем людям, которые разговаривали не на германском наречии и не на франкском языке. И говорили именно о Романской Галлии: Регинон во второй книге своей хроники под годом 939 записал: «в то время как Людовик⁴⁵, король Романской Галлии и сын Карла⁴⁶, вторгся в Эльзас по наущению врагов короля»⁴⁷. Сходное упоминание встречается и в четвертой главе хроники Оттона Фрейзингенского: «мне представляется, что франки, которые находились в Галлии, переняли язык римлян в результате их общения с римлянами, да так и употребляют его вплоть до наших дней. Однако, другие франки, расположившиеся вдоль Рейна или же те, кто оставались в Германии, использовали язык тевтонов»⁴⁸. Подобные этому рассуждения встречаются неоднократно и у Готфрида Витербского в семнадцатой книге его труда: «нам кажется, — пишет он, — что франки приняли язык римлян, которым продолжают пользоваться и в наши дни, еще в те времена, когда в тех местах обитали римляне и франки обучились этому языку от самих же римлян»⁴⁹. Из всего сказанного становится совершенно очевидно, что и имя франков, и их могущество были широко известны, поскольку они занимали большую часть территории Европы. Этого и следовало ожидать.

Более того, мы можем видеть, что и те германцы, которых император Фридрих II переместил в Неаполитанское и Сицилийское королевство, как колонистов ради укрепления страны, также именовались франками. Так Пьетро да Винеа⁵⁰ сообщил в двадцать пятом письме шестой книги: «те, кто живет по закону франков [соблюдают следующее]: замок наследовать должен только старший сын, а младшие братья должны исключаться из наследования»⁵¹. Или же можно привести и такое свидетельство — Фридрих II⁵² также упоминает о франках в 32 титуле 1 книги своих «Неаполитанских конституций»: «те же, кто обеспокоил себя, возбудив какое-либо уголовное дело против франков,

вскоре отказались от этой затеи, поскольку франки выражали желание при защите себя самих или же своего имущества в суде решать дело путем единоборства, или же, как это обычно называется, судебным поединком»⁵³. Чуть дальше император там же записал: «они использовали соответствующий порядок суда, которым пользовались те, кто жил по франкскому закону»⁵⁴. И вновь в тридцать третьем титуле первой книги он упоминает об этом: «мы повелеваем, чтобы закон был общим как для франков, так и для лангобардов, применялся ко всем судебным казусам в обязательном порядке»⁵⁵.

Вопрос, кажется, представляется ясным, и все же Григорий, епископ Турский⁵⁶, который писал о происхождении франков восемьюстами годами раньше, в самом начале своей истории франков заявляет, что хотя он и предпринимал тщательное исследование упомянутого вопроса о происхождении франков, ничего не обнаружил такого, что не вызывало бы сомнений⁵⁷. Григорий использовал древнейшее сочинение, принадлежавшее одному из их историков Сульпицию Александру⁵⁸, но и тот ничего не сообщает ни об исконном месте их обитания, ни о происхождении королевства. Тем не менее, мы отметили, что согласно сведениям различных авторов, подлинные франки происходили из областей, лежащих между Альбией и Рейном и морем, неподалеку от страны, где обитали великие и малые хавки; «этот народ, — по утверждению Тацита, — среди германцев — самый благородный народ, предпочитающий оберегать свое могущество, опираясь только на справедливость»⁵⁹. Эта область соприкасалась со страной батавов, так что все сходятся во мнении, что сначала франкские поселения располагались на берегу моря среди болот и что франки именно поэтому и преуспели в мореходстве и ведении морских войн. Сохранились и свидетельства в других книгах, подтверждающие это, и, прежде всего сочинения Клавдиана⁶⁰, который написал стихи, дабы восхвалить победы Стилихона⁶¹: «так за реку уже ушли хавки, сопротивляющиеся бельгам, над рекой пасется скот бельгов, а франкские холмы покрыты ордами галлов, пересекших Альбию»⁶² (здесь, как мне представляется, автор допустил поэтическую вольность и назвал кайсами народ, который географы именовали хавками).

Панегирик Константину Великому доказывает непреложность того факта, что франки жили у моря, ведь ритор возглашает: «О дайте же мне снова возможность поведать о самых отдаленных народах — франках, которые были отброшены силой, но не с мест, которые прежде были завоеваны римлянами, а со своих коренных поселений на далеких берегах варварских земель, те, кто расположились на покинутых жителями просторах Галлии, дабы помогать сохранять власть римской империи на море, обрабатывая землю и держась за оружие»⁶³. В другом панегирике ритор Евмений⁶⁴ доказывает прямо противоположное: «там, где неког-

да варварство франков казалось незыблемым, теперь оно кончает свое существование, так словно бы его утопили в их же реках, пролившихся на них, или же его смыло море»⁶⁵. Прокопий⁶⁶ в первой книге «Готских войн» дает еще одно подтверждение, описывая место, где Рейн впадает в Океан «существуют обширные области, где во времена древности обитали германцы, когда еще были варварским племенем, никому не известным, которые ныне именуется франками»⁶⁷. В третьем томе своих «Анналов» Зонара⁶⁸ упоминает первую книгу «Готских войн» Зосима. В «Жизнеописании императора Проба» Флавий Вописк описывал, как франки были разгромлены Пробом среди их недосыгаемых болот; «франки, поверженные, — пишет он, — в непроходимых болотах»⁶⁹. Аполлинарий Сидоний также отметил: «ты дошел до болот, в глубочайшие болота франков, и сикамбры в лесах склоняются с почтением»⁷⁰.

Все то, что мы говорили о франках, живших неподалеку от хавков, становится очевидным, если сравнить облик поселений хавков с описанием франкских поселений географами и другими авторами. Плиний в первой главе шестнадцатой книги описал хавков, автор панегириков — франков. Плиний отмечал, «мы видим племена на севере, которые зовутся большими и малыми хавками. Здесь вода в Океане поднимается дважды в течение суток через равные промежутки времени и заливают огромные пространства, приоткрывая, таким образом, вечное противостояние природы. Океан оставляет нерешенным вопрос, следует ли назвать данное место сушей или частью моря»⁷¹. Панегирист же писал: «эти области Цезарь освободил и очистил с помощью своих благословенных небом войск. Через эту страну протекает Рейн с извивающимися (здесь должно стоять это слово (*callidus*), а не *scaldus*, как в скверных варварских версиях) изгибами из стороны в сторону и своими извилинами окружает нечто такое, что даже с трудом можно назвать землей, настолько она пропитана и промочена водой. И ведь это относится не только к тем ее частям, которые совершенно точно можно считать болотами, проваливающимися при малейшем надавливании, даже если сама почва и кажется более твердой, отпечаток ноги на ней тут же заполняется водой, а сама почва подается при ходьбе и дрожит, словно испытывает невыносимую тяжесть»⁷².

Мы смеем надеяться, что завершили обсуждение вопроса об области, из которой племя франков пришло в Галлию, да, из той самой болотистой области по берегам между устьем Рейна и Альбия. Мне представляется, что наилучшим доводом, подтверждающим это, является то, что франки хорошо изучили мореходное дело и далеко плавали, грабя побережье океана и рыская вдоль его берегов. Евтропий⁷³ упоминает об этом в девятой книге своего сочинения (где рассматривает историю названия «Галлия»): «Каравзий, — пишет он, — был направлен отвоевать приморские области Бельгики и Арморика, которые

беспокоили своими набегами франки и саксы»⁷⁴. В седьмой книге Павел Орозий⁷⁵ сообщает нам о том же⁷⁶. Мы уже ссылались на высказывание автора панегирика, где ритор говорит так: «когда страсти франков обрушиваются и начинается война, — отмечает он, — их сила превосходит мощь других народов и толкает их в дали океана в ярости, так что они совершали набеги даже на берега Испании со всей своей мощью оружия»⁷⁷. Потому-то император Юстиниан⁷⁸ и писал во второй части «Кодекса», где он определяет обязанности префекта претория Африки, упоминая о франках, которые обосновались в некоторых областях Галлии неподалеку от испанских границ.

Достоин упоминания и служит безграничной славе франков в военном деле, то, что описывается другим автором панегирика, где он рассказывает о том, как малые силы франков, побежденных в войне императором Пробом, доставленные в качестве пленников в Понт, захватили несколько кораблей, проплыли мимо Греции и Азии, вторглись на Сицилию, захватили Сиракузы и возвратились в Атлантический океан через Геркулесовы столпы, нагруженные добычей и трофеями. «Следует запомнить, — писал он, — как в правление Божественного Проба небольшой отряд пленных франков с невероятной дерзостью и великой удачей (вряд ли ими заслуженной) отплыл из Понта на судах, которые они до того захватили, и достиг берегов Греции и Азии, грабя все по дороге, а потом плыл вдоль берегов Ливии, хотя и не без потерь. В конце концов, после нескольких морских побед они даже захватили Сицилию и взяли благородный город Сиракузы и, далеко уплыв, вышли через Геркулесовы столпы в великий Океан, который омывает всю землю. Этим безумным деянием они показали, что нет ни единого места на земле, которое было бы защищено от проклятия пиратства, если только рядом могут плавать корабли»⁷⁹. Зосим в первой книге своей «Истории» также поведал об этом: «когда франки приблизились к императору и добились от него земель, то часть их решила ускользнуть, случайно заполучив большой отряд кораблей. Они сеяли смятение по всей Греции. Им удалось также добраться до Сицилии, где они напали на город Сиракузы и учинили там великую резню; однако, когда они добрались до Африки, то были отброшены силами, собранными в Карфагене. И все же они сумели преодолеть все препятствия и вернуться домой. Все это случилось во время правления Проба»⁸⁰.

Можно и еще привести множество свидетельств, на которые и следует опираться, чтобы показать, что поселения франков находились неподалеку от берегов Батавии. Автор панегирика отмечает в обращении к Максимиану⁸¹ и Константину: «он убивал, изгонял, взял в плен многие тысячи франков, которые населяли Батавию и другие земли по эту сторону Рейна»⁸². Более того, имеется поразительный фрагмент в двадцатой

книге [«Истории»] Корнелия Тацита, где, отметив, что Батавия и Фризия соседствуют друг с другом, он также называет каниннефатов среди тех [племен], у которых имеется право избирать царей (что, как мы покажем в дальнейшем, было в обычае и у франков) и описывает их порядок избрания царей: «К каннинефатам были направлены послы с поручением убедить их поддержать затеваемое предприятие. Это племя, похожее на батавов по происхождению, языку и доблести, но уступающее им численностью, занимает часть острова»⁸³. Далее он говорит: «Согласно местному обычаю Бриннон был вознесен на щит и избран вождем»⁸⁴. Эти слова — далеко не мелочь в нашем рассуждении, что станет ясно в дальнейшем, в последующих разделах. Я просто не могу скрыть свое изумление, вызванное суждением очень ученого автора нашего времени Адриана Тюрнеба⁸⁵, который, изучив множество версий древних авторов, вдруг объявил, будто ему кажется, что франки пришли из Скандинавии, поскольку Птолемей⁸⁶ предположил, что в этой области обитали фирасы (φίρασοι)⁸⁷. И он счел, что слово «фирасы» искажено и должно быть заменено словом «франки». Но при этом он не привел ни единого довода в свою правоту, кроме чистой догадки и эта точка зрения очень отличается от суждений всех известных старинных авторов.

Что же до всех прочих сочинителей, которые находят удовольствие в баснях и связывают происхождение франков с троянцем, не знаю уж каким сыном Приама⁸⁸ Франкионом, то мы можем лишь сказать, что подобные доводы могут служить предметом для поэтов, но не для историков⁸⁹. Среди же них первое место должно быть по праву присуждено Гийому дю Белле⁹⁰. Его, несомненно, долженствует высоко почитать за знание всех совершенных искусств и превозносить за его талант, однако, в своей книге о древностях Галлии и Франции он, похоже, сочинил не историю Франкогаллии, а сборник сказок, напоминающих Амадиса Галльского^{91 92}.

Глава V

Об имени франков, их различных свободах, и о времени, когда они создали в Галлии свое королевство.

Мне представляется, что будет разумно, если мы слегка более внимательно приступим к обсуждению [вопроса] о самом имени франков, которое, как мы уже отмечали выше, никто не может найти в описаниях Германии. Для того чтобы мне не пришлось бы долго прилагать усилия, необходимо просто [предположить], что народ франков, которому был предназначен столь высокий удел, мог иметь очень темное

происхождение. Нечто подобное произошло и в другом случае: слово *Suittis* было связано с незначительнейшим округом Гельвеции, но поборники свободы происходили именно оттуда, и имя швейцарцев (жителей самого маленького из кантонов) распространилось в итоге на всех жителей Гельвеции. Но возможно (и это представляется нам более вероятным), что это название родилось в связи с каким-то определенным происшествием, когда те, кто оказался величайшими вождями и поборниками вновь обретенной свободы, назвали себя франками, что у германцев означает «свободные», «не испытывавшие рабства». Мне кажется, что этого вполне достаточно для германских ученых и образованных людей. А поэтому в простонародной речи слово «франк» означает свободного и независимого человека, «*francisiam*» — убежище, а «*francisare*» или «*affrancisare*» — освобождать.

Итак, Иоанн Авентин в четвертой книге своего сочинения совершенно правильно утверждает: «имя франков часто встречается в наших древних сборниках законов. Он и точно восходит к германскому языку, в котором «*freughait*» или «*freughun*» обозначают свободу и следует считать, что имя франков является родовым для нашего племени. Их ведь обычно называли “*die freyen francken*”, что означало «свободные франки»¹. Также Херонимо Зурита² в своем [труде] об арагонских королях отмечает под годом 844: «Карл Лысый, король франков, расширил свободу и льготы жителей Барселоны, независимо от того были ли ее жители испанцами или готами, расширил их привилегии и свободы, которыми там наслаждались франки, и дозволил, чтобы у них и впредь сохранялись готские законы»³. В Испании эти свободы (*immunitas*) так и назывались «*frankitas*». Ведь Карл Великий предпочитал франкскую часть германского народа прочим германцам и фризам, поскольку именно франки добились этого положения свободы. Под годом 1110 тот же автор (Зурита) записал: «в месяце июле особая привилегия (*frankitas*), что означает благородство рода (*ingenuitas*), было предоставлено горожанам Эхеи императором⁴, чтобы город оставался населенным и обитаемым»⁵. Далее и Альберт Кранц⁶ в четырнадцатой главе своей четвертой книги писал: «название «франк» родилось в немецком языке, оно означает в языке германцев свободный, то есть неподчиненный никакой форме рабства»⁷. Да и Антонио Сабеллико⁸ записал в третьей главе десятой книги «Эннеад»: «франки, — говорит он, — зовутся итальянцами свободными, и это, несомненно, потому, что они жили рядом с итальянцами»⁹. Как еще одно доказательство истинности сказанного можно напомнить то, что Прокопий в первой книге своих «Готских войн» указывал, что в древнейшие времена франки назывались общим прозвищем германцев, но «впоследствии, когда они вошли в пределы своих земель, получили имя франков»¹⁰. И, насколько я могу

заметить, того же мнения придерживались и Григорий Турский, и аббат Урспергский, Сигиберт, а также Адо Вьеннский¹¹ и Готфрид из Витербо: франки получили свое имя от слов «свобода» и «жестокость» (поскольку они были наделены величавой свободой и жестокостью; последнее представляет собой у этих авторов намек на само имя «франк»), поскольку франки отказались стать наемниками императора Валентиниана¹² и, что было тогда обычно, платить дань наряду с другими племенами. Другой довод можно найти в двадцатой книге Корнелия Тацита, там, где он рассказывает о каннинфатах, которые, как мы уже рассказывали, были соседями франков, если не самими франками. Тацит описывал их первую победу над римлянами в следующих выражениях: «блестящая победа не только тотчас же прославила батавов, но и в будущем принесла им немалую выгоду. Они получили оружие и корабли, которых им не хватало, все восхищались мужеством своих освободителей, и слава о них разошлась широко по землям Галлии и Германии»¹³, и их прославляли как создателей свободы. Итак, имеет смысл считать, что франков называли правильно, так как они свергли рабство, установленное тиранами, и сочли долгом сохранить свою почетную свободу, хотя и жили тогда под властью королей. Ведь подчинение королям — не рабство, и те, кто повинуется королю, не приобретают статус раба, но те, кто покоряется распутству тирана, или разбойнику, или же мяснику, превращаются в скотов, самих идущих под нож на бойне, только подобные люди, должны называться позорным именем рабов.

Итак, франки всегда имели королей, даже во времена, когда они объявляли себя защитниками и радетелями свободы. Но когда они избирали себе королей, то выбирали не тиранов или мясников, но скорее правителей, стражей управления и защитников своей свободы. И делалось это только в соответствии с теми обычаями (о чем будет рассказано дальше), которые уже были установлены в государстве Франкогаллии. Так Клавдиан в своей третьей книге воспел это: «нет столь приятной формы свободы, как та, которая существует под управлением благочестивого и преданного короля»¹⁴. Так и Саллюстий пишет, что в древние времена и у римлян существовала царская власть, «сперва служившая сохранности свободы и расширению государства»¹⁵. А когда они ощутили, что их свобода оказалась в опасности из-за безумия царя, то рассудили, что эта свобода будет защищена лучше, если царей изгнать.

Что до мнения какого-то человека по имени Жан Тюрпен¹⁶ (уж не знаю кто это такой, но он, несомненно, был монахом, и оказался столь же глуп, сколь невежествен, поскольку написал не жизнеописание Карла Великого, а сказку о нем) насчет того, что слово «франк» произошло от некоей игры слов, что якобы человек, внесший деньги на строительство храма св. Дионисия, звался Франк или свободный (как будто по-

добное слово могло появиться уже во времена Карла Великого)¹⁷, то это мнение не стоит того, чтобы о нем помнили, как и обо всем остальном в его смеси басен старых баб и безумных рассказней. Более того, наше мнение об имени франков опирается на суждения Григория Турского, Адо Вьеннского, Сигиберта, аббата Урспергского и Готфрида Витербского¹⁸. А насчет того, что этим именем франки обязаны не только франкской свободе, но и жестокости, то все эти авторы просто играют словами, вырабатывая единую точку зрения. Это было, утверждают они, потому, что франки отказались стать наемниками Валентиниана и платить подати, обязательные для других народов. Хотя упоминания имени франков и встречаются задолго до правления императора Валентиниана, поскольку (как мы уже показали выше) его использовали за сто лет до этого при императоре Галлиене¹⁹. Скорее всего, соседние народы, которые подражали доблести франков, следовали их примеру и требовали свободу от тирании Рима, полагали, что должны также присвоить себе и имя франков.

Ведь Гунибальд²⁰ отмечает, что их именовали франками по имени Франка, сына короля сикамбров Антара, и что это было во времена Октавиана Августа, но эта точка зрения противоречит всем греческим и римским историкам, в сочинениях которых нет даже намека о народе франков в древние времена (как это уже было выше показано). И поскольку этими народами управляли короли, которых они себе сами и избирали (об этом уже говорилось раньше и будет сказано еще), то нелепо считать, будто такой народ получил свое имя по имени короля, скорее уж народ дал свое имя королю. И еще более глупо утверждать, что франки и сикамбры были единым народом на основании загадочных слов святого Ремигия²¹, воодушевлявшего при крещении Хлодвига²²: «склони свою выю, гордый сикамбр!». Ведь одни являлись сикамбрами, а другие — франками, о которых Аполлинарий говорит в своих стихах: «Приди, если хочешь в глубины франкогалльских болот, сикамбры их держат в страхе»²³. Кроме того, можно привести и стихи Клавдиана, адресованные Гонорию²⁴: «сикамбры склонили желтые гривы перед нашим вождем, и франки простерлись лишь с робким шепотом»²⁵. Даже если мы и признаем как непреложный факт, что святой Ремигий действительно употребил приведенное выражение, возможно, что оно скорее представляло собой переносное выражение, чем точное определение.

Итак, вернемся же к нашей цели: можно твердо считать и заявлять, что имя франков, или, как его интерпретирует Тацит, поборников свободы, считалось счастливым, приносящим удачу и везение; можно предположить, что этой победе пытались следовать другие бесчисленные народы. Немногим позднее, после того как франки покинули свою собственную территорию с этими намерениями, они освободили Гал-

лию, как и свою общую германскую родину от римской тирании, и, перейдя Альпы, освободили большую часть Италии от тирании римлян. Я считаю, что первое и наиболее древнее упоминание об этом славном имени можно найти не в правление императора Деция, как иногда считают, но во времена правления императора Галлиена, то есть около 260 г. нашей эры. Ведь в жизнеописании Галлиена Требоний Поллион²⁶, записал в его жизнеописании: «в виду того, что Галлиен погряз в роскоши и пороках, не занимался ничем, кроме забав и кутежей, и вел государственные дела так, как дети, которые в своих играх придумывают всякие должности, галлы, которые в силу своих прирожденных свойств не могут терпеть легкомысленных, выродившихся в результате утраты римской доблести, несправедливых и развращенных государей, призвали к власти Постума»²⁷. Постум был в это время легатом в Галлии и был наделен всей полнотой власти. Дальше читаем: «против Постума Галлиен начал войну, Постум получил много вспомогательных отрядов от кельтов и франков и выступил на войну вместе с Викторином²⁸»²⁹. Из этих слов ясно, что галлы привыкли призывать силы франков, то есть ревнителей свободы, на помощь себе, для того, чтобы сбросить рабство тирана Галлиена. Об этом же кратко упоминает Зонара³⁰, описывая жизнь Галлиена, ἐπολέμησε φράγγοις etc. Зонара рассказывает, что Галлиен боролся с франками.

Другое упоминание о франках можно встретить в жизнеописании Аврелиана³¹ у Флавия Вописка: «будучи трибуном шестого Галльского легиона, он нанес под Могунтиаком сильное поражение вторгшимся и бродившим по всей Галлии франкам, убил семьсот человек и взял в плен и продал в рабство триста»³². Ведь и в этих войнах франки не только побеждали в сражениях, в которых участвовали, точно также как и другие народы в иных войнах, независимо от того, насколько они были справедливы. И в самом деле, рассказывается, что два короля франков были захвачены Константином, позднее прозванным Великим, и брошены диким зверям на римских зрелищах, как это описал Евтропий в девятой книге своей истории. То же самое рассказывает и автор панегирика, который мы уже цитировали несколько раз, так как тот же панегирист описывает и другие случаи в войне, которая велась на землях батавов (а они, как мы уже показали, были близки к нашим франкам). Мы приведем эти слова: «они убивали, — говорит Ритор, — изгоняли или уводили в рабство тысячи франков, вторгшихся в Батавию и другие земли по эту сторону Рейна»³³. В другом месте [панегирист пишет]: «земля батавов, которая находилась под его личным надзором, а до этого — под присмотром его приемного сына, была заселена различными народами. Одолев франкских королей, он изгнал всех противников прочь из этого региона и, недовольный своей побе-

дой, заставил их принять обычаи Рима, так что те вынуждены были не только сложить оружие, но и отвергнуть свои варварские обычаи»³⁴. Приведенные слова ясно показывают, что Константин, которого принудила военная мощь франков, позволил им селиться уже на территории Римской империи, за ее границами. Более того, Аммиан Марцелин в пятнадцатой книге писал, что с начала гражданской войны между Константином и Лицинием³⁵ франки сражались храбро и чаще всего на стороне Константина; но в другом месте того же труда он отмечает, что в царствование Константина³⁶, сына Константина Великого, огромное количество франков находилось при дворе и достигало наивысшего фавора, получив и власть и почести. Он продолжал: «после этих событий Маларих³⁷ внезапно захватил власть при поддержке франков, которых было много и которые имели силу при дворе»³⁸.

В царствование Юлиана, который получил прозвище Отступника³⁹, те же франки попытались освободить Колонию Агриппину, находившуюся под рабством римлян, и после длительной осады вынудили ее сдаться, как это описывает Аммиан в двенадцатой книге. Часть франков расположилась у реки Залы, и с тех пор они стали именоваться Салическими. Аммиан так писал о них в третьей книге своего сочинения: «после всех этих приготовлений он искал среди франков их великих вождей около места, именуемого Токсандрия»⁴⁰. Зосим также писал о них в третьей книге: «они изгнали народ салиев, который был вынужден продвигаться вперед из-за мощи франков и изгнан силами саксов из своих поселений на этот остров (он говорил о Батавии). Этот остров, некогда находившийся под властью Рима, в это время принадлежал салиям»⁴¹. И еще Аммиан в двадцатой книге рассказывает о том, каким именно образом вся область по Рейну была захвачена франками и стала называться потом Франкией: «переправившись через Рейн, — пишет он, — он сделал набег на область Аттуарийских франков, беспокойного народа, который совершал дерзкие набеги на окраины Галлии»⁴². Когда в тридцатой книге Аммиан описывает короля Макриана, который заключил мир с императором Валентинианом на берегах Рейна у Могунтиака, он замечает: «Впоследствии он погиб в земле франков. Прорвавшись туда в опустошительном походе, он попал в засаду, подстроенную ему воинственным царем Меллобавдом и был убит»⁴³. Тот же самый автор писал, что названный Мелобавд⁴⁴, король франков, был отважным и воинственным и благодаря своей должности стал графом domestikом императора Грациана⁴⁵ и одновременно легатом в армии (вместе с Нанниеном), которую он и должен был вести против германских лентиатов⁴⁶. Позднее в правление императора Гонория франки заключили договор с этим императором, согласно которому защищали границы Римской Галлии от Стилихона. Но согласно Орозью, который рассказывает об этом

в последних книгах своей истории, Стилихон поднял против своего повелителя племени аланов, свевов, вандалов и многих других, которые перешли Рейн и ворвались в Галлию, сокрушив франков⁴⁷.

После правления императора Гонория имеется мало сведений о деяниях франков и относительно этого периода мы должны обращаться к 29 письму святого Амвросия⁴⁸ к императору Феодосию, где он писал, что «франки победили командующего римской армией Максима⁴⁹ в Сицилии и других местах»⁵⁰. Он пишет о Максиме: «итак, его вскоре разбили франки и саксы в Сицилии, Сиции и Петавионе, и, в конечном счете, всем изведенном нами мире»⁵¹. Однако, впоследствии все историки сходятся на том, что в правление Валентиниана III⁵², то есть около 450 года н.э., Хильдерих⁵³, сын Меровея⁵⁴, короля франков, в конце концов отвоевал свободу Галлии, [освободив ее] от римского рабства после борьбы, продолжавшейся больше двухсот лет, и стал первым, кто заложил твердые и прочные основы этого королевства. Ведь хотя мы согласно перечням и считаем первыми королями франков Фарамонда и Хлогиона Длинноволосого⁵⁵, не подлежит сомнению, что и до них было много франкских королей, которые вторглись в Галлию после перехода через Рейн, но ни один из них не достиг непререкаемой власти внутри Галлии. Меровея, обычно считающийся третьим по счету королем, был, конечно же, королем франков. Но он оставался чужестранцем и чужаком, который не был возведен на трон в Галлии, или, по крайней мере, Франкогаллии по воле и избранию собравшихся народов. Первым же королем Франкогаллии, провозглашенным как франками, так и галлами на общем собрании двух народов, стал, как мы уже сказали, Хильдерих, сын Меровея. Он был избран королем вскоре после того, как его отец Меровея был убит в битве с Аттилой⁵⁶ в царствование продажного и развратного государя Валентиниана III. В то время англв и скотты захватили Британию, бургунды заняли земли секванов, эдуев и аллобрегов, готы — Аквитанию, а вандалы захватили Африку и Италию и даже сам город Рим. Гунны же, которыми командовал Аттила, разоряли Галлию, убийствами и пожарами. Меровея, король франков, не упустил случая и начал действовать. Он перешел Рейн и прибыл в Галлию с большими силами, которые все же успел собрать. Когда же многие государства обратились к нему за помощью, чтобы вернуть себе свободу, он занял многие кельтские города в центре страны. Гунны под предводительством Аттилы опустошали Галлию огнем и мечом. Аттила, обладавший войском в пятьсот тысяч человек, прошел через Галлию вплоть до Толозы. Аэций⁵⁷, бывший в это время проконсулом Галлии, был так встревожен мощью Аттилы, что заключил союз с готами. При их поддержке он дал сражение Аттиле, и в этой битве по слухам погибло сто восемьдесят тысяч человек. Но позднее император Вален-

тиниан заподозрил, что Аэций возмечтает сам стать королем, и он был лишен жизни по приказу императора. А вскоре после этого и сам император был убит Максимом, о котором мы упомянули прежде⁵⁸.

К моменту смерти Меровея из двух народов — франков и галлов — уже было создано единое государство, и они единодушно избрали королем сына Меровея Хильдериха. Они вознесли его по своему обычаю на щит и трижды обнесли на плечах вокруг места собрания. Они приветствовали его как короля Франкогаллии под рукоплескания и клики ликования всех присутствовавших. Среди авторов, рассказавших об этом, — Аполлинарий Сидоний, Павел Диакон⁵⁹, Григорий Турский, Оттон Фрейзингенский, Эймон⁶⁰ и другие. Достоверность же их свидетельств мы скоро рассмотрим, когда начнем обсуждать вопрос о том, как именно короли приходили к власти. Захват городов был описан Оттоном Фрейзингенским в четвертой книге: «когда франки перешли Рейн, они сперва изгнали римлян, живших там, а затем заняли галльские города Торнак (Турнэ) и Камерак (Камбре). Оттуда они двинулись дальше и захватили Ремос, Суэссион, Аврелиан, Колонию Агриппину и Тревиум»⁶¹. Не следует нам пренебрегать и замечанием выдающегося историка Гунибальда⁶²: «во времена Меровея франки прибавили к своему королевству почти всю Галлию. Римские силы были либо ослаблены, либо совсем ушли, их слабость стала совершенно явной после гибели Аэция, которого Валентиниан убил из зависти. Так франки смешались с галлами и взяли в жены себе их дочерей. Дети от этих союзов приняли и язык, и обычаи, которые остались привычными для них вплоть наших дней»⁶³. Итак, согласно свидетельствам различных авторов, галлы и франки пришли к тому, чтобы называться единым именем. И Павел Диакон в своей «Истории лангобардов» пишет: «галлы были в великой печали, и хотя многие из них и оказались пленниками, другие с трудом сумели спастись. Однако они возвратились в свои родные земли, и хотя и велика была победа франков, помнили о ней только в Галлии»⁶⁴. Так возник общий термин «Франкогены» (*Francigenarum*), который употребляли по отношению к тем франкам, которые были возвращены в Галлии. Этот порядок отразился и в постановлениях Синода в Трибуции, касающихся браков: «некий человек родом из Франкии привел благородную женщину из Саксонии, но так как саксы и франкогены не использовали данные законы, то...»

Короче, все эти замечания могут быть только добавлены к тому, что говорилось о первых королях Франкогаллии, — хотя это королевство Франкогаллия и просуществовало двенадцать веков, на протяжении всего этого времени им правило всего три династии королей: Меровинги, которые продолжали свой род от пращура Меровея двести восемьдесят три года; Каролинги, восходившие к Карлу Великому, и их род длился триста тридцать семь лет; Капетинги, шедшие от Гуго Капета⁶⁵, которые царствуют и теперь на пятисот восьмидесятом году правления династии.

Глава VI

О том, передавалось ли королевство Франкогаллия по наследству или было выборным, и об обычаях, сложившихся при избрании королей

Теперь перед нами встает знаменитый вопрос, который наилучшим образом позволяет понять величайшую мудрость наших предков: передавалось ли королевство Франкогаллия согласно наследственному праву или же согласно решению и выбору народа. Корнелий Тацит свидетельствует в своем труде об обычаях германцев, что королями у германцев (а как мы уже показали выше, наши короли были именно такого происхождения) люди становились только по избранию: «царей они выбирают из наиболее знатных, вождей — из наиболее доблестных»¹. Подобное установление, которое соблюдается у немцев, датчан свевов и поляков даже в наши дни, известно нам достаточно хорошо, поскольку они избирали своих королей на собрании народа. Однако сыновья умершего короля при избрании пользовались преимущественным правом. И как нам о том поведал Тацит в том же сочинении, их предпочитали прочим. Мне не приходит на ум ни один обычай, который бы являлся более благоразумным, чем этот. И что может быть придумано ради пользы государства лучше? Ведь (как справедливо заметил в своем жизнеописании Суллы² Плутарх), если хозяин, предпочитая собаку или коня лучших статей тому, у кого лучше родословная, поступает правильно, то и те лица, которые устанавливают порядки в государстве, не совершат ошибку, если станут предпочитать личные заслуги благородству происхождения³. К этому Плутарх еще добавляет, что родители, обуреваемые надеждой передать владения своим детям в наследство, стремятся наделять своих сыновей властью так, чтобы их не могли позднее счесть недостойными занять престол и отвергнуть решением народа.

Доказательством мудрости наших предков при учреждении порядков в королевстве Франкогаллии служит и завещание Карла Великого, приведенное в хронике Иоанна Навклера, изданной Генрихом Муцием⁴. В этом завещании содержится и такое положение: «если у кого-либо из трех моих сыновей родится сын, которого народ может пожелать избрать преемником своего отца как наследника его королевства, то наша воля такова — пусть его дядья дадут на это согласие и предоставят сыну их брата царствовать в той части королевства, которая принадлежала его отцу»⁵. Кроме того, не следует нам забывать и о сообщении Регинона во второй книге хроники под годом 806. Так как Карл Великий имел трех сыновей⁶, и он хотел заключить с ними союз в определенное время своей жизни. «Вместе с вельможами и знатью франков (*primoribus*

et optimatibus), — пишет Регинон, — он решил разделить свое королевство между сыновьями, когда же оно было разделено на три части, то составил по этому поводу завещание, которое было подтверждено торжественной клятвой франков»⁷. Об этом же пишет и Эйнхард в своей «Жизни Карла Великого»: «Он призвал к себе Людовика⁸, короля Аквитании, единственного из сыновей Хильдегарды⁹, оставшегося в живых. Собрав надлежащим образом со всего королевства знатнейших (primoribus) франков, Карл при всеобщем согласии поставил сына соправителем всего королевства и объявил наследником императорского титула»¹⁰. То же самое рассказывает нам и Дижонский хронист¹¹.

Но давайте рассмотрим более ранние по времени примеры. Вот что рассказывает Эймон в четвертой главе первой книги о Фарамонде, который, как я уже отметил, считается обычно первым королем франков: «франки, — рассказывает он, — избрали себе короля согласно обычаю и других народов и они возвели Фарамонда на королевский трон»¹¹. Да и у наиболее древнего из наших хронистов (Гунибальда) встречается множество упоминаний того же содержания: «В 405 году, — пишет он, — все вельможи, вожди и знать франков собрались в марте в Неопагуме, чтобы избрать нового короля»¹². Чуть дальше в пятьдесят седьмой главе четвертой книги он замечает: «все эти люди, а также и остальные присутствующие, с общего согласия избрали единодушно королем Фарамонда, основателя королевского рода»¹³. [Обратимся] снова к Эймону (главе 5 книги четвертой): «франки привели клирика Даниила¹⁴ и, когда волосы на его голове отросли¹⁵, то сделали его своим правителем и дали ему имя Хильперик»¹⁶. Он также пишет в шестьдесят седьмой главе четвертой книги: «по смерти короля Пипина его сыновья Карл и Карломан¹⁷ стали королями с согласия всего народа франков»¹⁸. А в другом месте он указывает: «после смерти короля Пипина франки торжественно собрались и провозгласили своими королями обоих его сыновей, оговорив до этого одно-единственное условие — чтобы они разделили королевство поровну». По этому же вопросу встречается упоминание и у Эймона в связи с событиями после гибели Карломана: «после смерти брата Карл стал королем с согласия всех франков»¹⁹.

Подобных же свидетельств можно отыскать очень много и у Григория Турского и мы приведем здесь несколько примеров. В двенадцатой главе второй книги своего труда он пишет: «Франки же, прогнав Хильдериха²⁰, единодушно признали своим королем Эгидия²¹»²². Далее он сообщает в пятьдесят первой главе четвертой книги: «Тогда Франки, которые некогда находились под властью старшего Хильдеберта²³, направили Сигиберту²⁴ посольство с просьбой, чтобы пришел к ним, а они, оставив Хильперика²⁵, поставят его королем над собой»²⁶. В другом месте он замечает: «Сигиберт принял предложение франков

и согласно обычаю народа, был вознесен на щит и так провозглашен королем, подобным путем получив королевство от брата своего Хильперика»²⁷. Немногим далее можно прочесть: «когда бургунды и австразийцы заключили мир с остальными франками, то они вознесли над собой королем Хлотаря²⁸, дабы он правил во всех трех королевствах»²⁹. Аббат Урспергский подтверждает эти слова: «Бургунды и австразийцы заключили мир с франками и возвели на престол короля Хлотаря во всей Франкогаллии»³⁰. Чуть дальше он пишет: «франки поставили над собой другого брата Хильдериха³¹»³³, который правил в Австразии.

Недавно я нашел рукописную хронику монастыря св. Бенигна в Бургундии, где обнаружил следующее замечание под годом 658: «так как король Хлотарь³⁴ рано умер и королевство осталось без наследника по феодальным обычаям (то есть он не оставил сына), то на его похоронах вожди франков подняли на щит его единокровного брата Хильдериха, короля Австразии, как короля всего королевства франков»³⁵. Чуть дальше он пишет: «король Хильдерих правил королевством франков несколько лет, а когда он умер, то на престол вместе умершего был возведен его единокровный брат»³⁶»³⁷. Подобное же свидетельство встречается в этом сочинении и раньше: «Дагоберт³⁸ прибыл в город Мец с советом епископов и знати; и с согласия всех вельмож королевства он возвысил своего сына Сигиберта³⁹ и дозволил ему держать свое местопребывание в области Меца»⁴⁰. Похожее событие он описал и под годом 768: «франки заключили всеобщее торжественное соглашение — они учредили себе двух королей, при условии, оговоренном заранее. Пусть они разделят территорию королевства поровну»⁴¹.

Здесь подобает привести слова Лиутпранда Тессенского (в шестой главе первой книги его сочинения): «пересекая королевство бургундов, он⁴² уже готов был вступить в ту часть Франкии, которая обычно называется романской, когда его встретили послы франков. Они заявили ему, что возвращаются в свою страну, поскольку устали ожидать его прибытия, а так как больше не могли уже жить без короля, то объединились, решив избрать королем Одо, и избрали его»⁴³»⁴⁴. Говорят, что этот случай (как франки не признали Гвидо своим королем) опровергается. Но об этом Одо имеется важное свидетельство у Регинона и других, в частности у Сигиберта. От них можно получить более полное представление о том, каким образом сын короля мог быть отвергнут и королем избирался другой человек. Регинон во второй книге под годом 888 рассказывает: «Тогда народы Галлии собрались, и по своему усмотрению и решению они сделали своим королем Одо, сына Роберта⁴⁵, который превосходил всех своей красотой, мощью тела и мудростью»⁴⁶. Но и в анналах Реймса хронист⁴⁷ говорит: «так как силы Роберта⁴⁸ с каждым днем все возрастали, а силы Карла⁴⁹, наоборот, все

уменьшались, то он тайно отбыл и пересек Мозу (Маас) вместе с Аганомом⁵⁰. Франки же избрали государем Роберта Старого и намеревались следовать за ним. Таким образом, этот король был поставлен королем с помощью епископов и вельмож королевства в Реймсе, в церкви св. Реми»⁵¹. А под годом 750 тот же Рeginон записал: «Пипин был избран королем согласно обычаям франков. Он был помазан рукой Бонифация, епископа города Майнца, и получил от франков власть над королевством в Суассоне»⁵². Сигиберт отметил также под годом 890: «франки пренебрегли Карлом, сыном Людовика Косноязычного⁵³, которому было всего десять лет, и избрали своим королем Эда, сына герцога Роберта, который, как мы сказали выше, был убит норманнами»⁵⁴. Также Оттон Фрейзингенский указывал в десятой главе шестой книги своей хроники: «с согласия Арнульфа⁵⁵ западные франки сделали своим королем Эда, сына Роберта, который был отважным мужем»⁵⁶.

Все эти свидетельства должны быть тщательно отмечены и осмыслены, поскольку они доказывают, что право народа являлось верховным не только при избрании короля, но и тогда, когда народ отвергал сыновей умершего короля и избирал на королевский престол [лиц] из других родов, что вошло в обычай после смерти Карла Простоватого. Так Рeginон [пишет] под годом 925: «король Карл, о котором говорят, что он — тупоумный человек и мало пригоден для пользы королевства, умер в заключении, где его содержали. Все покинули его сына, и избрали королем некоего Рудольфа⁵⁷»⁵⁸. Эймон, который описывает это не так, как следует, называет сына Карла Людовиком и сообщает, что «Карл содержался в заключении по решению франкских вельмож для того, чтобы Рудольф, сын бургундского герцога Ришара⁵⁹, мог быть провозглашен королем⁶⁰»⁶¹. Однако составитель Реймских анналов объясняет вопрос куда более исчерпывающе: «когда франки услышали, — записал он, — что Карл призвал на помощь норманнов, они вместе с Рудольфом оставались в ожидании, опасаясь, что те могут объединиться. Но после того как Карл бежал через Маас, сами франки избрали королем Рудольфа»⁶². И еще мы можем прочитать в тридцатой главе пятнадцатой книги дополнений к Григорию Турскому: «после смерти Дагоберта его сын Хлодвиг⁶³, который тогда находился в нежном возрасте, получил королевство»⁶⁴ и все его левды, то есть подданные, возвели его на трон в сельском поместье Мазолано».

Также Сигиберт пишет в своей хронике под годом 987: «после смерти Людовика⁶⁵, короля франков, последние хотели передать власть брату восемнадцатого короля Лотаря Карлу⁶⁶, но пока Карл обращался к совету, Гуго узурпировал трон⁶⁷»⁶⁸ и т.д. Много свидетельств такого рода описывается и в сочинении Адо Вьеннского. Так, например, под годом 696 [мы читаем]: «после смерти короля Хлодвига в 686 году

франки сделали его сына Хлотаря королем»⁶⁹. А чуть далее он пишет: «Хлотарь умер через четыре года царствования, и тогда франки избрали на его место его брата Теодориха⁷⁰»⁷¹. Или же снова упоминается под годом 669: «франки поставили королем над собой некоего клирика под имени Даниил, после того как у него отросли волосы, и назвали его Хильпериком»⁷². Или же чуть ниже: «франки сделали Теодориха, сына Дагоберта, своим королем»⁷³. О том же самом обычае нам сообщает и Оттон Фрейзингенский в тринадцатой главе шестой книги своей хроники: «по смерти Эда, короля франков, — пишет он, — Карл был избран королем по всеобщему желанию⁷⁴»⁷⁵. То же самое можно заметить и в добавлениях к Григорию Турскому в сто первой главе одиннадцатой книги: «после смерти короля Теодориха франки избрали королем его малолетнего сына Хлодвига⁷⁶»⁷⁷. И далее в сто шестой главе: «франки избрали королем некоего Хильперика⁷⁸», чуть дальше можно прочесть в сто седьмой главе: «после его смерти они возвели на трон Теодориха⁷⁹»⁸⁰. И, наконец, в четвертой главе семнадцатой части своей хроники Готфрид Витербский записал: «Пипин благодаря папе Захарии⁸¹ по выбору франков стал франкским королем, Хильдериха⁸² же ленивого короля франки отправили в монастырь»⁸³. Я полагаю, что достаточно явно показано этими свидетельствами и многими другими подобными им, что в древности королями франков становились по согласию и избранию народа, а не по праву наследования. Отсюда и взялся обычай, который наши предки использовали при коронации короля. Так, все что нами сказано, подтверждается сообщением Тацита о том, что канинентаты, соседи или родичи франков, имели обычай возносить на щит того, кого они провозгласили королем и нести его на своих плечах⁸⁴. Мы видим, что точно также поступали согласно обычаю и при восхождении на трон наших королей. Ведь они использовали ту же церемонию, поднимая на большой щит того, кого объявили королем голосованием и волеизъявлением народа, и, вознеся его на плечи, трижды обносили вокруг собравшегося народа, приветствуя его кликами. Об этом свидетельствует Григорий во второй книге, где он повествует об избрании короля Хлодвига: «они, услышав об этом, стали рукоплескать и кричать от радости, вознесли его на щит и поставили его над собой королем его на щит»⁸⁵. И далее в десятой главе седьмой книги (он рассказывает), когда повествует о Гундовальде: «Там Гундовальда подняли на щит и провозгласили королем. Но когда в третий раз его обносили по кругу, то, говорят, он упал, так что едва могли удержать на руках стоявшие вокруг люди»⁸⁶.

Также и Эймон в шестой главе книги третьей своей хроники рассказывает: «Провозгласив Гундовальда, они согласно другому обычаю франков провозглашать королей, вознесли его на щит и трижды обнес-

ли его вокруг собравшихся, однако, лишь только его понесли, щит вместе с королем внезапно обрушился на землю». Также и Адо Вьеннский в шестой книге и Сигиберт рассказывают: «с согласия франков по обычаю народа он был вознесен на щит и провозглашен королем». Известно, что именно от этого деяния происходит выражение, которое употребляется историками, когда они рассказывают об избрании королей, они охотно говорят, что он был поднят или вознесен на трон.

Глава VII

О верховном праве (*Summa Potestate*) народа по известным причинам осуждать и низлагать своих королей

Теперь пора перейти к третьему моменту в нашем рассуждении. Прежде всего должно быть усвоено следующее: поскольку у народа и его представительных учреждений имеется право избирать и возводить на трон государей, то безусловно следует считать (ведь известно это из всех наших анналов), что собрание сословий наделено также высшей властью и низлагать королей. И судьба первого же человека, который стал королем во Франкогаллии, предоставляет нам великолепное свидетельство существования подобной власти. Когда народ обнаружил, что он предался позорным действиям и вел себя распутно, проводя свое время в разврате и развлечениях, то он по общему согласию низложил короля и изгнал его из Галлии¹, о чем свидетельствуют наши анналы; это случилось в 469 году. Впоследствии и Эдо², которого франки избрали вместо него, использовал свою власть ради [удовлетворения своей] гордыни и жестокости и был лишен ее с точно такой же суровостью своими судьями. Об этом деле свидетельствуют Гунибальд (под годом 647), Григорий Турский в двенадцатой главе второй книги, Эймон в седьмой главе первой книги его хроники, Готфрид Витербский в семнадцатой части (его сочинения), и Сигиберт³ (под годами 461 и 469). «Хильдерих, — писал Григорий, — стал распущенным благодаря излишней роскоши, и в то время, когда правил народом франков, стал совращать их дочерей. Они пришли в ярость из-за его поведения и изгнали его из королевства. Когда же он узнал, что они также замышляют его убить, тайно бежал в Тюрингию»⁴. Гунибальд также рассказывает [о тех же событиях]: «в годы его правления князь и вельможи составили заговор против него, потому что он жил необузданно и крайне распущенно и надругался над многими женами и дочерьми знати. Когда же ему стало известно, что те собираются его убить, то тайно бежал в Тю-

рингию с несколькими сторонниками»⁵. Впоследствии франки поставили над собой государем Эгидия⁶, который правил восемь лет. И он также правил как великий тиран, приняли жестокую смерть знатные люди франков, и когда франки не могли больше сносить его тиранию, то изгнали его. Аббат Урспергский отметил: «он предавался разврату с дочерьми народа, так что, не желая убивать его, франки изгнали»⁷. Об этом сообщает нам и Сигиберт: «Хильдерих вел себя бесчестно и распутно, так что франки низложили его и избрали королем Эгидия»⁸. И Сигиберт подтверждает это, рассказывая, что они лишили его престола и поставили на его место некоего Эгидия. А ведь вызывающие восхищение и исключительные эти деяния наших предков должны быть отмечены очень тщательно, поскольку все это происходило в самом начале их пути, у колыбели нашей государственности, так что кажется, будто данные сообщения становятся как бы свидетельствами и громко возглашают: во Франкогаллии королями становились согласно непреложным законам, и короли не утверждались подобно тиранам при неограниченной власти и при необузданной совести.

Так как и позднее франки сохранили названный нами обычай, то в 679 году они низложили своего одиннадцатого короля Хильдериха⁹, за бесчестный характер его правления; он повелел, чтобы некий знатный человек по имени Бодилон, был привязан к столбу и выпорот розгами, причем даже не объяснил, в чем же состояло его преступление. Спустя несколько дней король был заколот этим самым Бодилоном. Об этом повествуется у Эймона в сорок четвертой главе четвертой книги, у Адо в разделе 6 «Времен», Тритемиуса¹⁰ под годом 673 и у Сигиберта под годом 667¹¹. Немногим позже суровость наших предков точно таким же образом проявилась по отношению к двенадцатому королю Теодориху¹², так как он злобно и жестоко властвовал, управляя государством, «Франки, — отметил Эймон в сорок четвертой главе четвертой книги, — восстали против него и изгнали из королевства, вырывая волосы на его голове и обрезав их»¹³. Адо при описании событий под 696 годом и Сигиберт при изложении их в 677 году возлагают большую долю ответственности на майордома (префекта) Эброина¹⁴. «Король Теодорих, — говорит Сигиберт, — был отвергнут франками из-за бесстыдства Эброина, а на царство был всеобщим собранием призван его брат Хильдерих»¹⁵. Адо отмечает, что «франки отрешили от власти Теодориха, постригли в монахи Эброина в монастыре Люксей и возвели на трон Хильдериха»¹⁶. В добавлениях к Григорию Турскому (в шестьдесят четвертой главе одиннадцатой книги) записано: «Франки восстали против Теодориха, низвергли его с трона и остригли его так, и то же было проделано с Эброином»¹⁷.

Но наилучшее описание всего происшедшего дано в примечаниях Гунибальда: «Теодорих предался безделью и праздности и допустил, что

ведение государственных дел стало принадлежать графу-управителю дворца, который назывался майордомом. Майордомом же был Эброин, скверный и нечестивый человек, который совершил много злодейств. Франкская знать, которая поднялась из-за этого, низложила Теодориха и отправила обоих, как Теодориха, так и Эброина, одного вслед за другим в разные монастыри»¹⁸. Чуть дальше [он пишет]: «когда Теодорих, младший брат, был свергнут с франкского трона, Хильдерих, сын Хлодвига II¹⁹ и средний брат тех двоих²⁰, о которых уже рассказывалось выше, был призван из Австразии на трон в результате его избрания знатью. Он властвовал несколько лет, которые были отмечены суровостью его правления, и стал ненавистен многим знатным вельможам, так что вскоре он был убит во время охоты»²¹. То же самое отмечено и в хрониках Идалия, которые в настоящее время еще не изданы, под годом 703: «после Хлотаря, — пишет он, — Теодорих был избран на трон вместо него, но вскоре, когда был изгнан вместе с майордомом Эброином, франки возвеличили его младшего брата Хильдериха, короля Австразии, чтобы тот управлял всем королевством»²².

Подобная же доблесть была проявлена впоследствии нашими предками и по отношению к восемнадцатому королю Хильдериху III²³, которого они не сочли достойным править из-за его бездеятельности. Они заставили его отречься от трона и отправили в монастырь. Об этом свидетельствуют Эймон в шестьдесят первой главе четвертой книги, Сигиберт и Тритемиус под годом 750, а также Готфрид Витербский в своей хронике²⁴. Карл Толстый²⁵ (двадцать пятый король) дает нам еще один, шестой (по счету) пример подобной же суровости, поскольку в результате такого же бессилия и из-за того, что он допустил, чтобы франкское королевство уменьшилось, так как уступил часть Франции норманнам, он оказался (как сообщает нам об этом Сигиберт), «низложен лучшими людьми (optimates) королевства» (как он пишет, это произошло в 890 году)²⁶. Готфрид Витербский придерживается того же мнения в семнадцатой части своего сочинения.

Но Оттон Фрейзингенский еще более обстоятельно излагает это событие в девятой главе шестой книги своей хроники, описывая его так, что это достойно упоминания: «человек, который был единственным из всех французских государей, правивших после Карла Великого, который обладал столь же большой властью, как и Карл, за короткий промежуток времени оказался в такой нищете, что испытывал недостаток в хлебе и для того, чтобы не голодать, ему пришлось жалостно просить помощи у Арнульфа²⁷, уже ставшего королем, так что Карл был благодарен, получив от Арнульфа вспомоществование»²⁸. Кстати, на этом примере мы можем познать пагубную брэнность всех человеческих деяний. Ведь Карл управлял королевством и западных франков, и вос-

точных, обладал властью подобной власти римских императоров и все-таки в конце концов дошел до такого положения, что испытывал недостаток в хлебе насущном.

Следующий памятный пример (уже седьмой по счету) оказался связан с судьбой Эда²⁹ (двадцать шестого короля франков), избранного ими государем после того, как Карла, сына Людовика Косноязычного³⁰, отстранили от трона при избрании. После того, как Эд правил на протяжении четырех лет, они удалили его в Аквитанию и приказали оставаться там и избрали королем вышеупомянутого Карла, сына Людовика Косноязычного. Об этом напоминают данные хроник Сигиберта под годом 899, Эймона (в сорок второй главе пятой книги) и Готфрида из Витербо (в семнадцатой части)³¹. Однако Регинон отмечает: «в то время как Эд задержался в Аквитании, франкские князья в большинстве своем отказались ему покорствоваться и Карл, сын Людовика, был возведен на трон в городе Реймсе»³².

Карл, двадцать седьмой государь (прозванный Простоватым, поскольку он был скудоумен), также заслуживает того, чтобы его имя было добавлено к числу наших примеров. Он причинил вред королевству благодаря собственной глупости, а также потерял Лотарингию, которая была присоединена к франкским владениям раньше. Он был захвачен в плен и отправлен в заключение, а взамен его был избран королем Рудольф³³. Эймон в сорок второй главе пятой книги и Сигиберт под годом 926³⁴ повествуют об этом событии.

И об этом случае составитель анналов Реймса³⁵ под годом 920 сообщает нам следующее: «почти все графы Франции покинули короля Карла Простоватого в городе Суассоне, поскольку не пожелал расстаться со своим советником Аганоном³⁶, [выходцем] из среднего сословия, которого он сделал могущественным»³⁷. Далее во второй книге «Хроники» Регинон также сообщает под 838 годом: «Людовик был полностью отстранен от власти в государстве, а королевский титул по избранию франков был передан его сыну Людовику³⁸»³⁹. И далее [он записал] под годом 922: «Людовик был отрешен от власти своими собственными сторонниками, а королевский титул получил его сын Лотарь⁴⁰ в соответствии с избранием франками»⁴¹. И далее хронист Реймса записал под годом 923: «так как силы Роберта⁴² день ото дня возрастали, то могущество Карла день ото дня уменьшалось»⁴³. В конце концов он тайно удалился и переправился через Маас вместе с Аганоном.

Франки же избрали себе государем Роберта Старого и решили следовать за ним. Таким образом он короновался королем в Реймсе в церкви св. Ремигия при поддержке епископов и вельмож королевства. Тот же автор отметил под годом 923: «когда у франков прошел слух, будто Карл призвал себе на помощь норманнов, то они не пожелали оказаться (за-

жатыми) между силами Карла и норманнами у реки Изер. Но когда Карл бежал и переправился через Маас, то многие собрались для того, чтобы избрать себе королем Рудольфа. И тогда Рудольф, брат Ришара, был избран королем в городе Суассоне»⁴⁴. О да, именно такова была прекрасная доблесть наших предков после того, как возникло королевство Франко-галлия, а ведь они в свою очередь восприняли ее от своих предков. Так, Гунибальд, наиболее древний из франкских писателей, как указывал Иоганн Тритемиус, поведал следующее, рассказывая о франках и их короле Гелене: «на четырнадцатый год его правления сикамбры собрались в Неопагуме, и все вместе низложили государя, поскольку полагали, что он ленив и бездеятелен. Они заставили его вернуться к частной жизни и избрали на его место его же младшего брата»⁴⁵.

Да, совершенно ясно, что именно таков был установленный обычай, и когда Агафий⁴⁶ рассказывает, будто в королевстве франков «дети наследуют власть отцов»⁴⁷, то следует заметить, что либо указанный автор мало что знает о франках и их обычаях, потому что сам он — грек и чужестранец, либо его высказывание надлежит понять следующим образом: существовал обычай (как уже отмечалось выше), что сыновья королей, родившиеся и выросшие в бытность их отцов королями, имели преимущественное право при избрании королями. Родители же, влекомые надеждой к тому, чтобы их сыновья достигли высших благ и почестей, прилагали все старания для того, чтобы их сыновья были избраны королями.

Ведь совершенно невежественным и нелепым является утверждение, подобное тому, что высказал Дитрих Нимский⁴⁸ в своем трактате «Об обычаях»: Карл Великий установил порядок, согласно которому франки должны были принимать как своих королей сыновей, наследующих своим отцам-государям. Выше уже было показано, что Карл Великий в своем завещании полностью и безукоризненно оберегал право народа франков избирать себе королей. Вот что писал по данному поводу Дитрих Нимский: «более того, Карл не только был королем франков, но и королевство досталось ему по наследству (и что же может быть глупее такого утверждения). Видя, что ему самому после того, как он стал императором, удалось значительно уменьшить их власть в собственных владениях в королевстве франков (как представляется, и это также глупо утверждать), он установил (такой порядок), что народ франков в определенной части королевства франков должен будет иметь королем отпрыска королевского рода, а тот получит королевство отца по наследственному праву и не станет признавать кого бы то ни было выше себя в земных делах ни путем принесения клятв в вассальной верности, ни каким-либо другим способом подчиняться потомкам императоров»⁴⁹. Это — слова Дитриха Нимского, и уж если они и со-

держат истину, то подтверждают и тот факт, что до Карла Великого королевство Франкогаллия не являлось наследственным, но передавалось согласно избранию народа.

Однако, мне представляется, что суждение, высказанное Дитрихом Нимским, должно бы приниматься во внимание при обсуждении некоторыми учеными законоведами, когда они решают вопрос «считал ли король франков императора или кого-нибудь еще выше себя» (о чем говорится в «Декреталях», а также у Бальда в «Consilia», у Наблюдателя (в параграфе относительно оммажей трактата о феодах), а также у Ги Папа (двадцать третий вопрос 3)⁵⁰.

Глава VIII (VII)

О законе, соблюдавшемся при наследовании умершему королю, в случае если он оставил несколько сыновей

Прежде всего, при обсуждении этого вопроса следует указать на то, что королевство Франкогаллия не было подвластно закону наследования так, как если бы оно было частным наследственным владением, но обычно передавалось согласно голосованию и решению сословий и народа; и поэтому кажется, что вопрос о том, какие именно доводы закона применялись в случае, если имелось несколько здравствующих сыновей умершего короля, имел небольшое значение. Ведь поскольку верховная власть как в том, чтобы передавать королевство, так и в том, чтобы его отбирать, принадлежала собранию народа и общественному совету народа, то из этого непреложно вытекало и то, что та же власть должна решать вопрос о том, будет ли наследие королевства разделено между всеми сыновьями или же передано одному.

Тем не менее, здесь поднимается вопрос: остается ли какая-либо возможность у сыновей короля сохранить свое положение и достоинство, если народ их отверг и избрал королем другого. В этой связи необходимо понять, что согласно римскому праву существует всего четыре вида собственности, которые находятся во власти и распоряжении государя; то имущество, которое является наследственной собственностью самого государя, собственность фиска, общественная собственность и частное владение. Во времена правления поздних римских императоров вотчинная собственность описывалась как та, которая принадлежит лично государю, а не государству, и по закону наследования указанная собственность является частным имуществом государя (см. первый параграф третьей книги «Кодекса» «О правильных предписаниях»¹). На-

пример, если народ передает высшую власть государю, то, конечно, те владения, которые принадлежали ему до прихода этого достоинства, остаются под его контролем, не потому что он был императором, но потому что он — Валент, Гонорий, Феодосий. В наших сообщениях о ней говорится как о священной наследственной собственности (об этом см. последнюю книгу «Кодекса» «О налогах» и первую книгу «Кодекса» «О чрезвычайных налогах»²). По той же причине, следовательно, и считается, что в случае перехода королевства от Дагоберта или Хлотаря по решению сословий королевства, Дагоберт или Хлотарь сохраняет полностью права на владения, которыми он владел до прихода к власти.

Иначе обстоит дело с фиском или с фискальной собственностью, переданной государю волей народа, для того, чтобы отчасти возвысить его положение, а отчасти, чтобы поддерживать королевство, независимо от того, определен ли фиск в деньгах, состоит ли он из земель или оформлен каким-либо правом. Ведь хотя слово «фиск» означает «сокровище» в самом точном смысле слова (как в первом титуле третьей книги «Кодекса» («О налогах»), где показано также и происхождение термина³), тем не менее, он используется дополнительно к фермам и земельным владениям, которые включены в фиск (см. об этом во втором титуле второй книги «Дигест» и титуле «Да не будет что-либо сделано в общественном месте»⁴). Конечно же налоговые привилегии совместно со многими монетными установлениями и привилегиями в пользу государя включены в это понятие, что очевидно по использованию многих разделов, касающихся фискальных законов в «Дигестах» и «Кодексе» (см. об этом в шестом титуле сорок девятой книги «Дигест», в титуле первом тридцать восьмой книги «Дигест», титуле о «Жителях муниципия»)⁵. Поэтому существует большое различие между наследственными владениями государя и фиском и они отличаются друг от друга во многих разделах «Кодекса» и «Дигест» (см. первый титул третьей книги «Кодекса» (о правильных предписаниях), а также шестую книгу и последнюю книгу «Кодекса», главу о налогах, а также сорок девятую книгу «Дигест», а также шестую книгу «Дигест», титул «О праве фиска» и последнюю книгу «Дигест», титул «кто считается имеющим преимущества в отношении залога»⁶).

Ведь никакие продажи наследственных владений, которые происходят, не могут быть осуществлены без желания государя, [что указано] в тридцать девятой книге «Дигест» о рабах, последнем титуле, а также в титуле «О легатах и фидеикомиссах»⁷; продажа фискальных владений законом не принята. Наследственное владение переходило к наследникам государя, но они не были его наследниками в империи [о чем следует смотреть пятую книгу «Если заботится», [титул] «О праве фиска», книгу о договорах, семьдесят третий титул, последний фрагмент «Ди-

гест», «О заключении договора»]⁸. Однако, статус государства шире статуса государя и потому, когда частное владение переходит к лицу, к которому также перешло государство, тогда наследственное владение объединяется с государством. Ульпиан замечает по этому поводу во втором титуле второй же книги «кто считается имеющим преимущества в отношении залога», что фискальные дела подобны частной собственности самого Цезаря⁹, то есть они не рассматриваются как подлинная собственность по полному законному праву, хотя временно оно и классифицируется как подобие собственности, как сказано в тридцать четвертой книге «Дигест» «о том, что считается ненаписанным»¹⁰.

Мы называем общественными те владения, которые являются общими для владельца и государства и используются всеми вместе. Это — суды, рынки, общие склады, общественные земли и леса, используемые для выпаса¹¹. Если брать пример из нашей ранней истории, то это противоречивый источник относительно таранов (об этом рассказывает Андре Тирако¹² в особом разделе). Когда государство предлагало свои боевые машины для использования какому-либо королю Галлии, а последний удалялся в частную жизнь, то государство стремилось снова найти тараны для его преемника. Придворные же посланцы очень глупо ответили, что новый король не связан обязательствами и договорами своего предшественника, что следует считать нелепостью, и никогда подобный обычай не соблюдался во Франкогаллии, о чем и свидетельствует Папон¹³ в двадцатой книге в разделе «О завещаниях» (статья 14), куда он включает и мнение Ольдрадуса (94 совет)¹⁴. Следовательно, верно и то, что государство владеет многим имуществом, совершенно отличным от фискальной собственности (см. титул об отчуждении во второй книге «Дигест», «Да не будет что-либо сделано в общественном месте», на который ссылаются все доктора права и ряд других указаний в «Дигестах»: раздел о городе книги «О городских поселениях» «Кодекса», титул «О легатах и фидеикомиссах» «Дигест», фрагмент «о продаже общественного имущества» в первой книге «Кодекса», последний титул четырнадцатой книги «Дигест» «О сервитутах», семьдесят второй фрагмент последнего титула первой книги «Дигест» «О заключении договора»¹⁵).

Частным владением именуется те владения, которые считаются богатством и собственностью главы дома (см. первую книгу «Дигест» «О делении вещей и их свойствах»¹⁶). Подобным образом, толкуя более широко это определение, некий легист утверждает еще одну особенность, а именно: она в определенном смысле принадлежит государю (хотя как мы показали, почерпнув у Сенеки, в нашей же книге знаменитых вопросов¹⁷) она находится под его управлением, но не в его владении. Она находится в его распоряжении, но не является его собствен-

ностью, она — всеобщая, но — не одного человека. Она принадлежит ему только по решению закона, но не является его владением. Итак, мы видим, что частные лица могут продавать, дарить или завещать свои владения государю (императору или королю), но даже если подобная собственность прежде была частной, она не может потом снова стать таковой.

Глава IX

О домене короля и апанажах его братьев

Вернемся же теперь к вопросу, который уже был поставлен выше: следует узнать, что же за закон существовал в древние времена и имелись ли правовые нормы в фискальных вопросах, а также было ли у королей франков (если вообще оно было) хоть какое-то право фиска, подобно тому, по которому иные римские императоры получали владения. Ведь последние также получали продукты от тех поместий, которые были предназначены им для поддержания их царственного положения. Такие поместья назывались в варварских наречиях как «демен», «демением», но в большинстве случаев их называли «домен». Ведь королевский домен напоминает как бы королевское приданое, что-то вроде брачной доли, как говорили в древности; чтобы более точно разъяснить — в ходу было как бы пользование определенными поместьями, выделенными королю, дабы возвысить блеск его положения. Я сказал «как бы пользование», вследствие того, что собственником этих владений оставался народ, и даже малая часть их не могла быть отчуждена королем без волеизъявления народа, то есть без согласия сословий или общественного совета. Как мы покажем дальше, в более подходящем месте, подобное право пользования доходами уступалось ими королю. Более того, я добавил слова «как бы», поскольку это право во многих отношениях не согласовывалось с правом пользования чужой собственностью. Например, как осмотрительно выбрать доброго человека, чтобы пользоваться чужой собственностью (участком земли) так, чтобы размер и характер этой земли не изменились, и другие подобные вопросы того же рода сохраняются.

Как бы то ни было, из этого определения становится ясно, что существует великая разница между вотчиной и королевским доменом. Ведь вотчина принадлежит самому королю, но домен принадлежит королевству, или же, как это часто называется, самой короне. Король имеет полное право в отношении первого владения, и он обладает полной и верховной властью отчуждать вотчину по своей собственной воле. Обычным же

собственником второго является весь народ в целом, или государство, в то время как король имеет право пользования чужой собственностью. А по этой причине король, как мы уже говорили, не имеет никакой власти отчуждать ее. Все это исключительно правильно изложено в рассуждениях ученых по данному вопросу, король обладает такими же правами и возможностями в домене, как муж — в отношении приданого жены. Подобным же образом рассуждает Лука делла Пенна¹ в своем комментарии к «Кодексу», и Парис де Путео², изложивший свое мнение в своих рассуждениях о корпорациях в рубрике о границах императорской власти, а также и Андреа де Изерния³ в титуле его труда, посвященных королевским поместьям. Существует различие и между доменом и фиском, так как первый из них создан для поддержания образа жизни, подобающего королевскому величию, а второй — для безопасности и сохранения королевства и государства. Если же всех этих доходов не оказывается достаточно из-за необходимости военных расходов и других дел подобного же рода, то тогда поборы и формы воспомоществования объявляются, следуя обычному решению сословий и общественного совета всего народа. Более того, домен не может использоваться для целей, связанных с торговлей, в то время как торговля допускается и используется во владениях, принадлежащих фиску, как это было показано ранее. Размеры одного хорошо известны и четко определены, в то время как размеры другого неизвестны и неограничены, поскольку само понятие «фиск» включает в себя не только то, что обычно называется «регалии» или более полно «права короны», но также и бесконечное множество других видов собственности, которые предоставляются верховной власти монарха для [обеспечения] безопасности государства. Природа домена может быть понята по описанию Эйнхарда в книге, которую он написал для того, чтобы возвеличить Карла Великого и Каролингов и приуменьшить значение Меровингов. Он описывает это так: «кроме бесполезного царского титула и содержания, выдаваемого ему из милости на проживание, очевидно, дворцовым управляющим, король не имел из собственности ничего, за исключением единственного поместья и крошечного дохода от него; там у него был дом и оттуда он получал для себя немногочисленных слуг, обеспечивающих необходимое и выказывающих покорность»⁴.

Таким образом, позднее, когда уже четче определились обычаи, корона Франкогаллии превратилась в наследственную и переходила к сыну или ближайшему родственнику по мужской линии, то, хотя было много людей подобного ранга (либо сыновей, либо родственников), корона все же переходила только одному, а именно старшему. Домен принадлежал старшему по праву рождения, а все остальные того же ранга, будь-то сыновья или родственники, отрешались от домена, несмотря на то, что и их права неукоснительно соблюдались. Для того, чтобы

обеспечить подобающий им образ жизни и возвысить достоинство и величие рода, вошло в обычай выделять им определенные владения. Эти владения обычно именовались апанажами, и как я убежден, название происходило от старинного франкского слова *Ausbannen* (что по-латыни означает «исключать»). Эти владения и были всем известны как *Ausbannen* или же *Forbannen*, поскольку считалось, что если члены королевского рода принимали эту часть, то они исключались из наследования королевства. Точно так же Оттон Фрейзингенский в девятой главе книги пятой и Готфрид Витербский писали, что когда Дагоберт, сын Хлотаря, был избран королем, то он отдал некоторые города и деревни по Луаре для пользы и радости своему брату Хариберту⁵. Эймон в семнадцатой главе книги четвертой рассказывает нам то же самое и прибавляет следующее: «он заключил с ним договор, что брат довольствуется жизнью частного лица и не станет надеяться на что-то большее в королевстве их отца»⁶. У Регинона в первой книге также [говорится]: «Дагоберт добился полного могущества в монархии, за исключением тех земель, которые были им дарованы своему брату Хариберту по ту сторону Луары, включая часть Гаскони и города Тулузу, Керси, Ажен, Перигор и Сант, но исключая области, прилегающие к Пиренейским горам»⁷. Следует понять, что, как Эймон и пишет в приведенном отрывке, хотя Хариберт и получил часть королевства, это было сделано не по какому-либо установленному закону, но по решению королевства. Подобаает также учесть, что Эймон пишет чуть дальше [о том], что этот Хариберт не удовольствовался властью, данной ему, и принял титул короля по праву оружия и начал войну против своего брата вопреки их договору. Подобным же образом Эймон в шестьдесят первой главе четвертой книги своего труда, когда, рассказывая о Пипине, пишет: «он даровал двенадцать графств своему брату Гризону⁸, что подобает герцогу»⁹. Здесь также уместно привести и замечание Григория Турского: «Гундовальд вновь отправил двух послов к королю, по обычаю франков со священными ветками, чтобы к послам никто не прикасался»¹⁰. Григорий Турский продолжает: «Гундовальд сказал, что он был сыном вашего отца короля Хлотаря и направил послов получить ту часть королевства, которая ему подобала»¹¹.

Давайте же вернемся к поставленному вопросу, поскольку он касается и наследования королевства. Я не разыскал достоверного закона во Франкогаллии по этому вопросу, поскольку, как я уже отмечал, королевство не являлось наследственным. Однако о других владениях знати, которые называются поместьями¹², Оттон Фрейзингенский записал в двадцать девятой главе книги второй «Деяний Фридриха»: «в Бургундии существует обычай (как и по почти во всех остальных провинциях Галлии), согласно которому власть над отцовским наследием всегда пе-

реходит к старшему из братьев и его детям, будь-то мужчины или женщины, а все остальные относятся к нему, как к своему господину»¹³. Из всех приведенных отрывков можно понять, что владение под названием «апанаж», которое передается младшим по рождению сыновьям, не является ни частью королевства, ни королевским наследием. Они также не являются ими, как и то, что завещано согласно закону или по порядку наследия и является частью наследства (об этом см. книгу «Кодекса» «Об установлении наследников» и титул третьему «Дигест» о том же («К Фальцидиевому закону»), или титулу 9 книги о том же в «Дигестах» «О сообщении формулы иска ответчику», нигде в подобном случае не подразумевается в подлинном смысле часть наследства (хотя, в книге «Дигест» и [сказано] «если кто-либо, не приняв наследства по завещанию владеет наследством...»¹⁴. Пьетро де Винеа в 25 письме шестой книги и других письмах многословно показывает, что у франкского народа все это — всеобщая правовая норма наследования¹⁵.

Однако закон относительно наследования королевства — совершенно иной. Ведь изначально существовал древний закон, согласно которому, хотя высшая власть и выбор при переходе короны принадлежали собранию сословий и общественному совету всего народа, сыновья умершего короля, которые были моложе двадцати четырех лет, не имели права становиться королями; при подобных обстоятельствах возникала необходимость избирать кого-либо, кто находился в установленном возрасте. И ясно, что можно только превозносить мудрость наших предков в этом вопросе: они не верили, что управление государством может быть доверено лицу, находящемуся в юном возрасте, поскольку при этом может быть выказано желание выслушать советы чужеземца, особенно при управлении своими частными делами. Вот что говорит по этому поводу Гунибальд (как [сказано] у Иоганна Тритемиуса): «в 309 году Хлогион, король франков, необдуманно начал войну и был убит римлянами. Он оставил двух сыновей, из которых старший — Геллен — находился в возрасте двадцати лет, а младший — Рикимер — только достиг восемнадцати. Но по закону франков было запрещено кому бы то ни было становиться королями, если человек не достиг двадцати четырех лет. Итак, ни один из сыновей Хлогиона не смог стать королем, а потому их дядя Хлодомир, брат отца, был избран князьями королевства и коронован»¹⁶.

Из всего этого становится ясно, как мы уже сказали, что именно [имел в виду] Агафий, когда писал, что сыновья королей отстранялись от наследования их же родственниками¹⁷. И ни в коем случае этот порядок не должен пониматься упрощенно и отвлеченно, но необходимо учитывать причины подобных действий родственников. Ведь вопрос рассматривался собранием сословий и общественным советом народа,

в чьей юрисдикции и находилось окончательное решение вопроса — имелись ли у [умершего] короля сыновья старше двадцатичетырехлетнего возраста. Так до нас дошли сведения, что в древнейшие времена королевство Франкогаллия часто не передавалось после смерти короля народом одному-единственному сыну, но разделялось и каждая часть предназначалась взрослому правителю. Так случилось, когда умер в 515 году второй король франков Хлодвиг¹⁸, оставив четырех сыновей — Тьерри¹⁹, Кловиса (он же Хлодомир)²⁰, Хильдеберта и Хлотаря — и хорошо известно, что все предпочли разделить между ними королевство. Тьерри получил Мец, Кловис — Орлеан, Хлотарь — Суассон, а Хильдеберт — Париж. Об этом рассказывает нам в первой книге своей «Истории» Агафий, Григорий Турский в первой главе третьей книги, Эймон и под годом 421 — Регинон²¹. Вскоре после смерти четвертого короля Хлотаря королевство вновь так было разделено между его четырьмя сыновьями, что Хариберт — получил Париж, Гонтран — Орлеан, Хильперик — Суассон, а Сигиберт — Реймс. Об этом нам рассказывали Григорий Турский в двадцать второй главе первой книги, Эймон в первой главе второй книги и Регинон под годом 408²². Однако Готфрид Витербский и Оттон Фрейзингенский в девятой главе пятой книги иначе описывают положение дел вскоре после смерти четвертого короля Хлотаря²³ в 630 году: «Дагоберт, сын Хлотаря, правил во Франкии один. Но он предоставил своему брату Хариберту несколько городов и обосновался неподалеку от Луары. Конечно же, со времени Хлодвига и до этого момента королевство франков подвергалось бесконечным разделам и беспорядочно управлялось всеми сыновьями и сыновьями сыновей. Более того, границы франкского королевства в это время простирались от Испании до Паннонии. и Дагоберт был единственным королем, который давал законы и баварам»²⁴. Таково мнение Готфрида, на которое часто ссылались многие мыслители. Ведь, как отмечает в двадцать первой книге своего труда Юстин, «государство будет более сильным в руках одного, нежели будет разделено на части между многими сыновьями»²⁵.

Однако, по прошествии многих лет, когда королевство франков расширилось и умер король Пипин, общественный совет галлов принял иное решение; это обстоятельство укрепляет и подтверждает то, о чем говорилось выше; а именно, что верховная власть в этом вопросе заключалась в выборе сословий и совета. Так Эйнхард в своей «Жизни Карла Великого» говорил об этом следующее: «по смерти Пипина франки созвали всеобщее собрание со всей подобающей случаю торжественностью и избрали обоих его сыновей как своих государей с условием, что они разделят всю территорию королевства поровну между собой; так, чтобы Карл правил той частью, которой владел его отец Пипин, а Карломан — той, которой прежде правил его дядя»²⁶²⁷. Далее, и аббат

Урспергский [писал по тому же поводу]: «после смерти Пипина его сыновья Карл и Карломан были оба избраны королями с согласия всех франков при условии, что они разделят всю территорию государства поровну между собой»²⁸. Сразу же после смерти Карла Великого при разделе королевстве происходило многое, напоминающее о тех же самых целях²⁹, что видно из завещания Карла, изложенного у Иоанна Навклера³⁰ и из книги Эйнхарда о его жизни. Таким образом, можно понять, как почти вся Европа была разделена между его тремя сыновьями таким образом, что ничего не было выделено даже как приданое или оговоренное владение для его дочерей³¹: но полная власть в определении их браков или приданого была оставлена на добрую волю, милосердие или благоразумие их братьев. И ничего неприятного не могло воследовать, поскольку государи и вельможи, с которыми могли быть заключены браки, и не могли надеяться на большое приданое или же на дополнительные почести своему роду или семье благодаря браку³¹.

Оттон Фрейзингенский в шестой главе шестой книги и Регинон в своих хрониках под годом 877 свидетельствуют и о том, что же произошло в восточной Франкии, когда после смерти Людовика в 874 году она была разделена³². Несколько лет спустя в 880 году, после смерти их двадцать третьего короля Людовика Косноязычного использовался подобный же способ раздела королевства. Раздел, однако, не производился самими королями, поскольку его осуществляли сословия и общественный совет, что можно узнать из слов Эймона в главе 40 книги пятой: «сыновья Людовика³³, покойного короля франков, собрались в Амьене и, когда они там встретились со своими верными, то разделили между собой отцовское королевство»³⁴. Из этого становится совершенно ясно, что в отношении этого вопроса во Франкогаллии не было четко определенного древнего закона и что вся власть в его решении принадлежала общественному совету сословий и народа. Конечно, в более поздний период Филипп III, сорок четвертый король, постановил, что определенные богатства должны быть переданы королем младшим братьям, но возникли также и различные толкования этого закона. А кроме того множество споров возникло из-за положения дочерей, так что в силу всего этого для нас оказалось невозможно полностью выявить хоть что-то в этом вопросе, не вызывающее сомнений, за исключением того, что если вопрос касается обычаев, которым следовали наши пращуры в древности, то полная власть в решении этих дел принадлежала общественному совету народа и сословий и они действовали в пользу всех детей, дабы даровать им какие-нибудь области для поддержания своего положения и пользования ради (сохранения) достоинства своего рода.

Глава X (VIII)

О Салическом законе и праве женщин наследовать
своим отцам-королям

Так как мы уже предприняли попытку изложить некоторые рассуждения о законах наследования короны, то кажется, что мы не должны пренебрегать и Салическим законом и упомянуть о нем. Этот вопрос постоянно находится на языке у наших современников, а в памяти наших предков он утвердился как крайне затянувшийся и предельно опасный раздор и спор из-за наследования королевства. В 1328 году, когда умер сын Филиппа Красивого Карл Красивый¹, он оставил жену² в ожидании ребенка³. Она родила через несколько месяцев девочку⁴. Эдуард, английский король⁵, рожденный Изабеллой, дочерью Филиппа Красивого и сестрой Карла Красивого⁶, потребовал передать королевство ему как наследство деда. Однако против него выступил Филипп Валуа⁷, двоюродный брат короля Карла Красивого по отцовской линии, и он утверждал, что в королевстве существовал древний закон, называвшийся Салическим законом, согласно которому женщины исключались из наследования королевства. Гаген и все такого же рода писатели рассказывают, будто этот закон был принят во времена Фарамонда. Он говорит о нем как о «наиболее замечательном законе, действующем и до нашего времени»⁸. В своем жизнеописании Филиппа Валуа [он писал]: «Салический закон воспрепятствовал претензиям на трон Эдуарда. Этот закон был дан франкам Фарамондом, и его должны были тщательнейшим образом соблюдать даже в те времена. Согласно этому закону правят королевством только короли мужеска пола, и происходящие от королей только по мужской линии, а женщины не могут быть допущены к подобному достоинству. Такова суть этого закона. Никакая часть в наследовании Салической земли не может переходить к женщине, более того, французские юристы определяют Салический закон как относящийся только к королям, отличая его тем самым от аллодиального закона, который распространяется на подданных. По аллодиальному закону подданные свободно владеют всем, за исключением того, что имеет отношение к величию государя»⁹. Таковы слова Гагена. Все франкогаллы, не только историки, но также юристы и практические законники придерживаются этого суждения до наших дней. Например, Папон в первой главе четвертой книги своих «Декреталий»¹⁰, так что эта всеобщая ошибка, похоже, уже превратилась в закон.

Однако необходимо напомнить то, о чем мы уже упоминали прежде, а именно, франки имели два королевства и две столицы. Одна была в Галлии, и она сохраняется до наших дней, в то время как другая нахо-

дидась за Рейном, неподалеку от реки Сала. Потому-то они и назывались общим именем Салических франков, а чаще коротко — Саликами, хотя это их королевство (теперь уже и наименование) исчезли. Мы уже отмечали, что историк Аммиан Марцеллин сообщает, будто одни именовались восточными Саликами, а другие — западными¹¹. А так как существовало два франкских королевства, то имелось и два закона: Салический (принадлежавший Саликам) и Франкский (принадлежавший франкогаллам). Эйнхард пишет в своей «Жизни Карла Великого»: «приняв императорский титул, Карл обратил внимание на то, что многое в законах его народа было несовершенно — ведь франки имели два закона, которые во многих местах очень различались. Он задумал добавить то, что недоставало»¹². Составитель предисловия к «Салической правде» говорит следующее: «Еще до того как прославленный народ франков обратился в католическую веру, он пользовался Салическим законом, осуществляемым его вождями (proceres), которые тогда были и правителями. Четыре человека были тогда избраны из многих — Визигаст, Арбогаст, Салогаст и Виндогаст. На протяжении трех маллосов, то есть народных собраний, они тщательно изучали все подлинные причины и все вопросы по отдельности прежде чем вынести свое решение». Сигиберт в своей хронике под годом 422 и Оттон Фрейзингенский в четвертой книге говорят об этом почти в одних выражениях: «С этого времени стали использоваться законы, подготовленные Визигастальдом и Салагастом. Говорят, что закон, который сейчас называется Салическим, был создан Салогастом, и был назван по его имени. А самые благородные люди из франков, которые зовут Салическими, все еще его используют»¹³. Даже древние хронографы приводят такие положения, которые позволяют нам установить ошибку тех, кто-либо выводит название закона из слова sal, то есть «благоразумие» или «здравомыслие», либо утверждают, что это искаженное слово «галльский», а уж ничего более нелепого нельзя заявить.

Спустя столетия, однако, возникли большие ошибки, которые родились из того же источника. Прежде всего, благодаря этим авторам утвердилось мнение, что Салический закон являлся частью публичного права государства и империи и был законом о наследственном переходе королевства. Ведь не так давно были обнаружены и изданы тексты Салического закона, и из этих записей стало известно, что они впервые были записаны и изданы во времена короля Фарамонда; более того, стало ясно, что все основные положения Салического и Франкского закона действовали в сфере частного права, но не являлись всеобщим законом королевства и государства. И в свидетельство мы приведем лишь один из титулов, а именно шестьдесят второй, который имеет заголовок «Об аллодах», то есть он относится к собственности, которой владеют

частные лица по вотчинному, а не поместному праву, что следует отметить особо: «В Салической земле никакая часть наследства не переходит к женщинам. но только кому-либо мужского пола (это означает, что наследуют только сыновья), однако, в случае, когда по истечении длительного времени возникнет спор между внуками или правнуками относительно аллода, он должен быть разделен не среди боковых представителей, а между главами рода»¹⁴. Закон, подобный этому, существует и в «Рипуарской правде» (титул 58) и в законах англов (титул 7), {последний} так далеко находится от подтверждения чего-либо, имеющего отношения к наследованию королевств, что было постановлено, что он не имеет отношения к наследованию поместий и королевств, но используется исключительно при наследовании аллодиальных земель. В то же время эти законы разрешают выделить из тех же аллодиальных земель участки в приданое женщинам. Следовательно, легко выявить невежество тех, кто доказывают, что Салический закон (который либо не читали, либо не сумели понять) был благороднейшей магической формулой для того, чтобы не перешла власть в королевстве к женщинам.

И все же это могло иметь место; ясно с первого взгляда, что даже если и нет в Салической и Франкской Правде статьи, согласно которой женщины отводятся от права наследования королевства, тем не менее, учреждения и обычаи народа, действовавшие на протяжении столетий, должны были приобретать силу писаного закона.. Так, после смерти третьего короля Хильдеберта¹⁵ обе его дочери¹⁶ были обойдены наследством и королевство перешло к его брату Хлотарю¹⁷. Опять-таки после смерти пятого короля Хариберта¹⁸ наследие перешло к его брату Сигиберту¹⁹, хотя он оставил трех дочерей, переживших его¹⁹. Таким же образом, когда Гонтран (король Бургундии и Орлеана)²⁰ умер, то королевство перешло к его брату Сигиберту²¹, но не к дочери Клотильде²². Так что сторонники Филиппа Валуа могли бы советовать куда лучше, если бы вели спор на основе феодального права, согласно которому наследование поместий переходит к детям только по мужской линии и женщины исключаются из линии наследования. Когда же та линия, по которой переходит поместье, не имеет мужских представителей, поместье переходит к другой линии рода на условиях, которых удовлетворяют всех. Конечно же, те владения, которые по некоему извращению закона переходят к женщинам, не являются феодами вообще, но скорее должны называться квази-феодами, что мы уже в достаточной мере доказали в других своих сочинениях, написанных нами об этом законе.

Глава XI

О королевском праве носить длинные волосы

Кажется, что здесь не помешает упомянуть и еще об одном обычае наших предков — их короли носили длинные волосы. Нам рассказывают, что у них имелось исключительное установление: те люди, которые принадлежали к царствующей династии, или же те, кто избирался королем народом, обязаны были заботиться о своих волосах, и умащали их маслами, разделяли на лбу, украшали знаками королевского достоинства или же драгоценностями, принадлежавшими королевской семье. Все остальные граждане, сколь бы ни был велик их ранг по рождению, не имели права носить длинные волосы, однако все же вследствие их ревностного отношения к военным занятиям (и кажется, этому следует верить) обстригали или сбривали свои волосы подобно тому, как это описывается в римских исторических сочинениях в отношении Юлия Цезаря¹ и многих других. Так Эймон в четвертой главе первой книги сообщает нам: «в соответствии с обычаем многих народов франки избрали себе сами короля и возвели Фарамонда на королевский трон. Ему наследовал его сын Хлогион Длинноволосый, прозванный так потому, что те времена франкские короли носили длинные волосы»². Он же упоминает об этом обычае и в шестьдесят первой главе третьей книги: «Гундовальд был возвращен своей матерью в соответствии с королевскими обычаями и носил на голове огромную гриву волос, что было обычаем древних королей Франции»³. Подобным же образом и Агафий, в первой книге «Готских войн», где рассказывает о гибели нашего короля Хлодвига (которого он называет Хлодомиром) в сражении с бургундами, описал это так: «когда он лежал на земле, бургунды, увидев его длинные развевающиеся волосы, простирающиеся со спины, тотчас поняли, что они убили неприятельского предводителя. Ибо запрещено правителям франков когда-либо стричься, и они остаются с детства нестриженными, как можно видеть, волосы их царей красиво падают на плечи»⁴.

Разумеется, можно придти к этому выводу из множества указаний на обычай наших предков обрезать волосы всех людей, которых они желали либо отстранить от царствования, либо лишить надежды на трон. У Эймона по этому поводу сказано в том же месте: «Он посмотрел пристально на него [человека] и повелел, чтобы тому отрезали волосы, отрицая тем самым, что тот человек являлся его сыном»⁵. И далее [он пишет]: «когда же его волосы были обрезаны, то его отправили под стражей в Кельн, откуда он ускользнул благодаря бегству и, дав своим волосам отрасти снова, направился к Нарсесу»⁶⁷. Григорий Турский также упоминает об этом событии⁸ в двадцать четвертой главе шестой книги. Далее он рассказывает в сорок четвертой главе о коро-

ле Теодорихе: «франки поднялись против него, изгнали его из королевства и жестоко обрезали ему волосы»⁹. В главе тридцать шестой книги четвертой он пишет: «не ты ли тот, которого франкские короли за непомерные притязания неоднократно остригали и выгоняли?»¹⁰. И далее [Григорий продолжает]: «Что Хлотарь, отец мой, возненавидел меня, это всякому известно; что он меня остриг, а потом и братья остригли, это всякому ясно»¹¹. Григорий Турский также рассказывает о событии поразительном (а я бы даже сказал ужасающем) — как королева-мать Клотильда¹² предпочла, чтобы двум ее сыновьям отрубили голову, но не отрезали волосы¹³. Рассказ его содержится в восемнадцатой главе третьей книги и выглядит примерно так: «наша мать, сказал король своему брату, держит у себя сыновей нашего брата и хочет наделить их королевством. Быстрей приезжай в Париж, чтобы решить, что с ними делать, обрезать ли им волосы, чтобы они казались обычными людьми, или лучше убить их и поделить поровну между собой королевство нашего брата»¹⁴. И далее он пишет: «Затем Хильдеберт и Хлотарь¹⁵ послали к королеве Аркадия¹⁶{о котором мы упоминали выше} с ножницами и обнаженным мечом. Придя к королеве, он показал ей и то и другое и сказал: “О славнейшая королева, твои сыновья, а наши господа-повелители ожидают твоего решения по поводу участи детей. Прикажешь ли ты обрезать им волосы и оставить их в живых или же обоих убить?”. Однако она предпочла, чтобы их убили, тому, чтобы обрезают им волосы»¹⁷. Эймон в главе двенадцатой своей второй книги рассказывает ту же самую историю и он приписывает Клотильде такую речь: «что бы ни случилось с ними, я не в силах буду снести того, что их превратят в священников»¹⁸, как будто речь шла о том, чтобы мальчикам выстригли тонзуру клириков. Этот рассказ отличается от сообщения Григория, поскольку Эймон рассматривает такой распространенный обычай так, будто тонзура считалась своеобразным знаком отречения и отлучения от наследования королевства. Более того, я обратил внимание на то, что имелся и другой обычай — короли, уходя на битву, завязывали свои волосы узлом над шлемом как некий знак, который отличал бы их в сражении. Об этом упоминает Эймон в восемнадцатой главе четвертой книги, где он описывает жестокую битву между королем Дагобертом и герцогом саксонцев Бертоальдом: «король, — пишет он, — потерял свои волосы и часть шлема, отрубленные ударом меча, который был нанесен ему по голове, и направил их с оруженосцем своему отцу, чтобы тот поспешил придти к нему на помощь»¹⁹.

Когда я стал разыскивать причины этого обычая, то ничего не сумел обнаружить кроме следующего: поскольку племена франков и галлов носили длинные волосы (известно, что это было в обычае также и у сикамбров и почти всех остальных народов этой области), очевидно,

что наши предки считали необходимым признавать длинные волосы украшением, соответствующим королевскому достоинству, и отличием королевского статуса. Любой человек, получивший хотя бы какое-то образование, не нуждается в каком-либо свидетельстве того, что галлы носили длинные волосы (отсюда и появилось выражение *Comata Gallia* — косматая Галлия) в особенности же я вспоминаю строки Клавдиана, из сочинения, посвященного Руфину²⁰:

«Здесь шагают им вслед огромные рыжие галлы,
Те, кого быстрый Родан питает и медленный Арар,
Те, кто, рождаясь на свет, испытуются водами Рейна»²¹.

Мы не можем не привести доказательство и свидетельство из первой книги стихов Лукана²², которое показывает, что этот обычай был у франков, которые, как мы уже поведали, происходили от хавков или же являлись хавками: «Ради Рима храбро искал, как остановить длинноволосых хавков в их продвижении, подобном войне»²³.

Итак, мы можем заметить, что чужеземцы, которые были в сердце враждебны нашим длинноволосым королям, не только оскорбительным образом называли их «покрытыми щетиной», но еще и прибавляли к этому, что щетина сближает их со львами, лошадьми и даже свиньями (по этой причине они и называли всех «setivi», «setigeri», то есть «ощетиненные») и они даже простирали свои поношения так далеко, что заявляли, будто наши короли покрыты свиной щетиной. А уж здесь появлялись грязные и лживые рассказы и отвратительное прозвище *τριχοχάρκτοι* (щетиноспинные), о котором Георгий Кедрин пишет следующим образом: «те, кто происходят из царственного рода обычно именуется *κρίσταιοι*, то есть поросшие пучками, что истолковывается как «имеющие спину, поросшую щетиной», растущей вдоль позвоночника, как у свиней»²³. Я считаю, что это суждение — лживое и искажающее правду, а вместо слова *κρίσταιοι* должно читаться *σεταιοι*, или по крайней мере оба слова должны стоять вместе. Поскольку одни авторы называли королей *κρίσταιοι*, выражаясь благоприятно, из-за волны волос над их шлемами, а другие, желавшие им зла, оскорбительно называли их *σεταιοι* или же *setigeri*. Если бы Кедрин не изложил свое мнение столь ясно в этом месте и имя *κρίσταιοι* не устранилось бы, то должны были скорее называть *τριχοχάρκτοι*, то есть словом, которое означало тот смысл, который я предпочел бы — «лица, отличающиеся по их длинным волосам». Но теперь я вижу, что всё это место в двадцать второй книге Кедрина было изменено составителем «Исторической смеси» и должно читаться так: «разумеется, рассказывают, будто из этого рода происходят *κρίσταιοι* или *τριχοχάρκτοι*, которые рождаются, подобно вепрям, с ще-

тиной на позвоночнике»²⁴. Такое вполне может быть, однако я не желал, чтобы кто-нибудь вообразил бы, будто я запомнил обычай, сохранявшийся у нас вплоть до времен Карла Великого; согласно ему сын короля отправлялся к какому-либо дружественному и союзному иностранному государю, который обрезал в знак уважения коротко его волосы и тем самым становился его приемным отцом. Павел Диакон пишет о Карле Великом в пятнадцатой главе шестой книги²⁵: «В это время король франков Карл послал своего сына Пипина к королю лангобардов Лиутпранду²⁶ чтобы тот остриг его волосы, согласно своему обычаю и он, обрезав его длинные волосы, стал отцом мальчика и, одарив многими королевскими дарами, отослал назад к родным»²⁷. Эта история рассказывается и Региноном в первой книге его «Хроники» под годом 655, и он вместо термина, употребленного Павлом Диаконem *susciperet* (укоротил) использовал слово *incideret* (отрезал), которое, как кажется, легче прочитать²⁸.

Вот все, что можно поведать о праве королей носить длинные волосы. И все же встречаются некоторые люди, которые рассказывают басни, что во времена Людовика VII²⁹ по совету и увещанию епископа Парижа Петра Ломбардского³⁰ было постановлено, что должна быть отменена разница между галлами и франками, поскольку первые почитали только свои волосы, а вторые — и волосы, и бороду. Кажется, что это даже недостойно ученых, [утверждать,] будто бы различия между франками и галлами продолжали сохраняться больше восьмисот лет (именно такое расстояние во времени насчитывается между возникновением королевства Франкогаллии и Людовиком VII). Наоборот, выше мы уже показали, что вскоре после основания королевства Франкогаллии, образовалась единая народность из двух, так, как если бы этот народ оказался дважды рожденным, а в результате их взаимопроникновения возник единый язык, а также сплавились воедино установления, учреждения и обычаи.

Глава XII

О том, как была учреждена форма королевства Франкогаллии

Теперь, кажется, кратко изложив все это, нам следует далее разъяснить, каким же образом королевство Франкогаллия было организовано. Раньше мы показали, что народ на своих собраниях сохранял за собой власть в выборе и низложении королей. Известно, что наши галлы имели именно такую форму правления до того, как попали под власть римлян, так что Цезарь говорит «народ обладает не меньшей властью и могуществом по отношению к царям, чем цари по отношению к наро-

ду»¹, точно так же известно, что наши франки восприняли названную форму устройства своего государства скорее от германских народов, чем от галлов. Тацит в своем сочинении «Об обычаях германцев» пишет так: «цари не обладают у них безграничным и безраздельным могуществом»². Ясно, что при этом нельзя найти форму правления, более отдаленную от тирании, чем эта, ведь, как указывал Аристотель в одиннадцатой главе пятой книги «Политики», «чем меньше полномочий будет иметь царская власть, тем дольше, естественно, она будет существовать в неприкосновенном виде»³. Можно отметить, что при той форме правления, которая существовала в нашем королевстве, нельзя обнаружить ни один из трех признаков тирании, определенных древними философами. Прежде всего, это относится к первому признаку — правление тирана основано на насильственном подавлении подданных, то есть монарх правит своими подневольными подданными против их воли. Мы ведь уже говорили, что верховная власть и при избрании и при низложении короля принадлежит народу. Что до второго признака тирании (наличия телохранителей-чужестранцев) следует заметить, что короли нашей Франкогаллии были не только далеки от того, чтобы нанимать чужестранцев и иностранных наемников для своей охраны, но обычно даже не привлекали в качестве телохранителей и собственных граждан, местное население, полностью доверившись доброй воле, чувствам и любви своих подданных и своих воинов. Подтверждение этого имеется у Григория Турского в восемнадцатой главе седьмой книги и у Эймона в шестьдесят третьей главе книги третьей, когда описывается, как король Гонтран⁴ был предупрежден простым жителем Парижа, остерегавшегося дурных намерений Фараульфа, собиравшего как раз в это время людей и оружие. Григорий сообщает, что король ходил «даже к святым местам безо всякой охраны и вооруженной стражи»⁵. Существует превосходная история св. Людовика⁶, написанная знаменитым Жаном де Жуанвилем⁷, который провел много лет в дружбе с этим королем. Во всем этом жизнеописании нет никаких упоминаний о спутниках, телохранителях, личной охране или, но он говорит лишь о привратниках, которых он именовал на языке простого народа глашатаями.

Поистине к чему нам разыскивать повсюду хрупкие и шаткие доказательства столь ясного вопроса, когда существуют неопровержимые свидетельства во второй главе четвертой книги сочинения Уильяма Ньюбургского⁸, посвященного английской истории. Мы приведем здесь его слова, чтобы воспроизвести выдающееся проявление мудрости наших предков и заткнуть рот тем угодливым шавкам, лаявшим на нас прежде⁹. Уильям Ньюбургский писал о короле Филиппе¹⁰, сыне Людовика¹¹, отправившемся в 1190 году отвоевывать Иерусалим вместе с королем Ричардом¹²: «когда новость о том, что маркиз был убит¹³, ус-

лыхали в лагере французского короля, то тот горько жалел о смерти своего друга. Но вскоре его печаль быстро сменилась искренней радостью оттого, что он получил возможность отомстить английскому королю. Хотя король уже и находился в своих владениях, столь далеких от Сирии, но либо впал в необоснованный страх перед Ричардом, оставшимся на Востоке, либо (что вероятнее) притворялся, будто следует опасаться заговора для того, чтобы увеличить недоброжелательство по отношению к Ричарду. Он сделал вид, что ассасины, которых, быть может, подкупил Ричард, представляют опасность и для него самого и отказался перемещаться, если только его не окружала сильная охрана. Но это оказалось вопреки обычаям его предков, так что в результате те, кто приближался к нему по-дружески, пугались, поскольку им говорилось, будто они отважились на опасное дело. Подобные новшества в поведении короля изумили многих, и он позднее пытался оправдать свои действия и политику, возбуждая свой народ против английского короля. В Париже он созвал совет своих вельмож, где и изложил многие обвинения в адрес этого короля (Ричарда), выдавая их за непреложную истину. Там он объявил, что король предательски погубил благородного мужа с помощью своих жестоких воинов. Он представил письма, направленные ему известными людьми, в которых его предупреждали о необходимости принять большие предосторожности в целях обеспечения личной безопасности, поскольку английский король лелеял предательские намерения и готовился подослать к нему убийц с Востока. «Почему же кто-то удивляется, — говорил он, — что я решил отгородиться? Я о себе позаботился. Если же вы полагаете это излишним или неподобающим, то прикажите распустить охрану». Он прибавил, что размышляет над тем, как отомстить в подходящее время за явные несправедливости, которые и ему довелось снести от явного предателя. Многие отнеслись к его словам раболепно и согласились с тем, что с его стороны было мудро и допустимо принять предосторожности и строить планы мщения. Но люди благоразумные заметили: «мы не виним тебя, о король, в принятии предосторожностей, когда ты ставишь прочный заслон для любой неожиданности, но мы ни в малейшей мере не одобряем твои несвоевременные планы мести. Даже если то, что говорилось об английском короле, — правда, было бы неумно предпринимать преждевременные и дерзкие действия. Лучше сохранить уважение, подобающее по отношению к человеку, о котором известно, что он предпринял паломничество во имя Христа, вплоть до того времени, когда он сможет возвратиться к своей обыденной деятельности»¹⁴». Так писал Уильям Ньюбургский. Ну а теперь рассмотрим другие проявления мудрости наших предков при установлении формы правления.

Однако, выше уже отмечалось, что третьим признаком тирании считается следующее: чтобы все дела решаются в интересах того, кто властвует, по его воле в большей степени, а не ради государства и подданных. На протяжении многих столетий ничего подобного в нашем государстве не было. А из этого следует понять (как мы разъясним чуть дальше), что верховная государственная власть в королевстве Франкогаллии принадлежала общественному совету народа, который в более поздние времена стал называться собранием трех сословий. В книге, которую Клод де Сейсель¹⁵ назвал «Французская монархия», автор утверждает, что собрание получило свое имя по трем сословиям граждан. Он полагал, что первым среди них является дворянство, второе включает в себя юристов и купцов, а третье — ремесленников и крестьян. Вот [приведем же] его почти точные слова; в тринадцатой главе [он пишет]: «В этом королевстве существует особое учреждение в государстве и им следует восхищаться. Эта особенность должна сохраняться и впредь из-за величайшей важности ее для установления гармонии между всеми сословиями, и не вызывает сомнений, что государство трудно уничтожить до тех пор, пока в нем сохраняется законное право и достоинство каждого сословия. Каждое из сословий имеет свои установленные привилегии и пока они существуют, ни одно из них не может низвергнуть другое, а все три вместе не могут составить заговор против короля и монархии. Но я насчитываю три сословия, духовенство не следует считать сословием, поскольку оно представляет собой смесь выходцев из трех прочих. Первое сословие — дворянство, средний слой состоит из тех людей из народа, о которых говорят, что они являются зажиточными, последний же сословие — это престолярды»¹⁶. Так говорит Сейсель.

Но мы полагаем, что отмеченное разделение на три сословия не следует считать описанием обычных основ общества, но должно рассматривать вместе с деятельностью общественного совета народа (поэтому совет обычно и называют советом трех сословий). Возможно, что их более следует связывать скорее с тремя формами государства, которые воплощены в этом совете — монархией, аристократией и демократией. Ведь и в самом деле некогда существовала такая форма правления, которую древние философы, включая Платона и Аристотеля¹⁷ (а вслед за ними следовали Туллий и Полибий¹⁸), считали наилучшей и превосходной, то есть смешанная форма, которая соединяла три элемента — монархию, аристократию и демократию. Эту форму государства Цицерон в своем трактате «О государстве» ставил выше всех прочих¹⁹. Поскольку монархия и народное правление по самой своей природе взаимно исключают друг друга, к ним необходимо добавлять третий, опосредующий элемент, общий для этих двух форм, а именно принцев и знать, которые благодаря величию и древности своего происхождения приближаются к царственному статусу,

но вследствие своего положения зависимых людей (или, как принято выражаться, подданных) в меньшей степени отличаются от тех, кто является выходцами из плебса. Ведь и они, подобно простонародью, признают одно и то же лицо верховным носителем власти всего народа. Существует высказывание Цицерона, восхваляющее замечательную умеренность и изумительную форму такого государства, почерпнутое из сочинения «Государство» Платона, к которому присоединимся и приведем его из-за его особого изящества: «Ведь подобно тому, как при струнной и духовой музыке и даже при пении следует соблюдать, так сказать, лад различных звуков, изменения и нарушения которого нестерпимы для утонченного слуха, причем этот лад все же оказывается согласным и стройным благодаря соблюдению меры в самых необходимых звуках, так и государство, с чувством меры составленное путем сочетания высших, низших и средних сословий (словно составленное из звуков), стройно звучит благодаря согласованию [самых несходных начал тем, что музыканты называют гармонией, в государстве является согласие, эта теснейшая и наилучшая связь, обеспечивающая безопасность в каждом государстве и никоим образом невозможная без справедливости]»²⁰. Так говорил Цицерон о наилучшей форме государства, которая соединяет в себе три формы правления, наши же предки при учреждении королевстве Франкогаллии придерживались [этого суждения], что можно продемонстрировать на многих примерах, но из многих доводов, которые можно привести, наиболее выделяется речь короля Людовика²¹, по прозвищу Благодетельный, обращенная ко всем сословиям Франкогаллии и приведенная в третьей главе книги Ансегия, посвященной истории франкских законов в следующих словах: «хотя представляется, что верховная власть в управлении королевством является принадлежащей нашему царственному достоинству, заключенному в нашей особе, все же известно, что божественным волеизъявлением и человеческим постановлением наше могущество так должно распределяться, чтобы каждый из вас, находясь на своей должности, мог считаться наделенным частицей нашего могущества. А потому необходимо, чтобы я являлся вашим советником, а все вы — нашими доверенными лицами. И нам известно, что каждому из вас подобает обладать частицей этого могущества»²². Далее (Ансегий пишет) по тому же поводу в двенадцатой главе: «И как мы уже сказали, каждый из вас уже имеет отличие уже по своей должности, так как наделен частью нашей власти в управлении государством»²³. И далее в шестой главе: «Мы требуем от вас верности, чтобы вы могли удовлетворить свое стремление к истине, как благодаря нам, так и благодаря должностям, которые вам на время передали»²⁴.

Следовательно, по этим-то причинам наши предки мудрейшим образом учредили смешанное государство, воплощающее три вида правления, и очень мудро установили, чтобы ежегодно созывался совет ко-

ролевства в майские календы, а на этом совете должны были решаться важнейшие дела королевства при общем собрании всех сословий. Таким образом, сохранилось древнее золотое правило *«благо народа — высший закон»*. Полезность и мудрость подобного обычая наиболее отчетливо просматриваются в трех величайших вопросах. Во-первых, было обеспечено широкое представительство в советах, из числа благо-разумных людей и вследствие этого советы обеспечивали благо народа так, как об этом говорил Соломон²⁵ в одиннадцатой и пятнадцатой «Притчах» и многие другие мудрецы. Во-вторых, (что является одним из признаков свободы) те, кого касается само решение, [должны обладать правом суждения и иметь власть], чтобы все это решалось их советом и властью, или, как принято говорить, «то, что касается всех, должно и утверждаться всеми». Наконец, чтобы люди, пользующиеся большим влиянием на короля, и нередко наделенные большой властью, при исполнении своих обязанностей побаивались этого совета, на котором обычно свободно излагаются жалобы. Когда отдельные королевства управляются по воле и решению одного государя и ставят целью правления его удовольствия (так в наши дни управляют турками), то им не только всегда будет недоставать совета свободных людей и просвещенного мнения, но и сами государства уподобятся государству скотов и животных (как указал совершенно правильно Аристотель в третьей книге «Политики»)²⁶. Ведь при подобных обстоятельствах люди уподобляются скоту, который обычно идет за каким-то существом не своего вида или же детям и подросткам, которыми обычно руководит кто-то постарше, уже вышедший из их возраста.

Подобно этому сообщество людей не должно управляться и руководиться кем-либо одним из их же числа, ведь он возможно видит даже меньше, чем все остальные, но теми людьми, которые известны испытанным превосходством, и были избраны по общему согласию, которые и действуют сообща, словно бы обладают единым разумом, из многих умов образованном. Хотя многие короли и имеют обычно приближенный к их особам сенат, именно его советы, как поговаривают, и используются при управлении государством, советники государства представляют собой — одно, советники короля — другое. Один из них заботится обо всем государстве, дает советы обществу, а другой служит для достижения выгоды и удобств одного человека. Более того, советники короля едва ли могут ознакомиться с условиями жизни в отдельных провинциях и видеть повседневное существование людей, так как они привязаны к одному месту или же навечно приближены ко двору государя. Помимо этого они еще и развращаются прелестями жизни при дворе и легко подвергаются соблазну властвовать над другими, склонны к честолюбию или ввергаются в разврат, так что в конце концов они оказываются

не советниками королевства и государства, но льстецами короля и прислужниками его или же своих собственных страстей.

Об этом говорится в великолепном суждении императора Аврелиана, донесенном до нас Флавием Вописком, к которому и мы присоединяемся: «Я слышал от своего отца, что император Диоклетиан²⁷, став уже частным лицом, говорил, что нет ничего более трудного, чем быть хорошим императором. Собираются четыре или пять человек, договариваются между собой обманывать императора и подсказывают ему, что он должен утвердить. Император же, запертый в своем доме, не знает истины. Он поневоле может знать только то, что говорят ему эти люди; он назначает судьями тех, кого не следовало бы назначать, отстраняет от государственных дел тех, кого он должен был бы привлекать. Сколько же ошибок он может натворить! Как говорил сам Диоклетиан, хорошего, осторожного и превосходного государя продают за деньги»²⁸. Такого мнения придерживается Вописк, хотя я склоняюсь к убеждению, что было бы правильнее ему написать «неосторожного».

Итак, опасаясь всех этих трудностей, древние римляне сопроводили царскую власть сенатом. Но для того, чтобы благо народа сумело стать высшим законом, они сохранили верховную власть не за царем и сенатом, но за самим народом и его собраниями. Потому-то при всех царях и был установлен закон, согласно которому народ сам должен был определять должностных лиц на своих собраниях, вводить новые законы и решать все вопросы, имеющие отношение к войне, как об этом поведал нам Дионисий Галикарнасский в второй книге [своего сочинения]²⁹. Юрист Помпоний³⁰ сообщает, что римский народ в ранний период своей истории подразделялся на тридцать частей, которые именовались курии, поскольку царь обращал внимание (*cura*) (как он сам выразился) на мнения, высказанные в этих группах. Отсюда происходит термин «куриальные законы», и наиболее древние из всех куриальные собрания.

В своем девятнадцатом письме Сенека³¹ приводит суждение Цицерона, которое сам он обнаружил в трактате «О государстве»³². Он говорил так: «жалобы против власти царя излагались народу»³³. Туллий развивает это положение также и в четвертой книге «Тускуланских бесед»: «от самого основания Рима по царским указам и отчасти по законам в нем божественного были устроены гадания, церемонии, народные собрания, обращения к народу, советы старейшин, росписи всадников и пешеходов; а когда государство освободилось от царского владычества, то успехи в этом пути к совершенству стали просто удивительными»³⁴. А в своей речи «О своем доме» он говорил: «Я утверждаю, что на основании публичного права, на основании тех законов, которые применяются к нашим гражданам, ни одного гражданина не могло, без суда постигнуть несчастье, подобное испытанному мною; заявляю, что такие

права существовали в нашей общине даже во времена царей; что они завещаны нам предками, наконец, что основным признаком свободного государства является невозможность нанести правам и имуществу граждан какой бы то ни было ущерб без приговора сената или народа, или же людей, которые были бы назначены, были судьями в том или ином деле»³⁵. Из приведенных отрывков ясно, что римляне даже в эпоху, когда они повиновались царям, придерживались того священнейшего закона, который выше мы оценили как нерушимый: «*благо народа — вот высший закон*». И я не думаю, чтобы где-либо и когда-нибудь существовало бы государство (за исключением турок и им подобных), в котором граждане не сохраняли бы хоть какое-то понятие о свободе, пусть даже и основанное на единственном праве проводить собрания.

Таким образом, наши предки при создании государства обошли эти трудности так, как если бы они избегали опасных падений и установили, что государство будет управляться общим собранием всех сословий. Король, вельможи и те, кто избран от каждой провинции, собирались в заранее определенное время года для того, чтобы проводить этот совет. Нам стоит заметить, что подобный же обычай соблюдался и у многих других народов. Выше мы показали на «Записках» Цезаря, что впервые этот обычай стал использоваться в нашей свободной и древней Галлии, что она управлялась собранием избранных людей.

Но уж если мы затронули конституционные обычаи королевства и стали их перечислять, то будет уместно сказать, что в древности в Греции царь Амфикион, сын Девкалиона, учредил совет Амфикиона³⁶ (как Свида³⁷ и прочие авторы свидетельствуют). Амфикион постановил, что в определенное время года представители двенадцати греческих государств встречаются у Фермопил и там должен проводиться общий совет, где обсуждают наиболее важные вопросы королевства и государства. По этой причине Цицерон называет его «всеобщим советом Греции»³⁸, а Плиний³⁹ — «общественным советом Греции»⁴⁰. Аристотель также пишет в третьей книге «Этики», что во времена Гомера, когда признавали царей, у греков существовал обычай сначала выносить такие вопросы на совет народа⁴¹. Точно также и Геродот сообщает, что двенадцать государств в Ионии часто проводят общие советы, и по этой причине они называют их *πανίωνιον*, так же как государства в Эолии имели свой такой совет — *παναιτωλιών*⁴². Впоследствии по их примеру и наш Бюде называл совет нашей Франкогаллии — *πανκέλτικον*.⁴³

Похоже, что германцы проявили подобную же мудрость при создании Германской империи⁴⁴, где император представляет монархию, князь — аристократию, а посланцы городов — демократическое начало. И все, что имеет отношение к благу всего германского государства, может быть учреждено, постановлено и введено на вечные времена лишь в том

случае, когда это утверждено на собрании трех сословий. Тому же способствовало знаменитое и прекрасное установление лакедемонян, чтобы эфоры действовали, ограничивая царя, а последний правил государством при их совете и могуществе (об этом нам рассказывает Платон)⁴⁵. Плиний же в двадцать второй главе шестой книги упомянул о таком же явлении в царстве на острове Тапробон, где царская власть дополнялась тридцатью правителями, выделенными народом, а их советы использовались при управлении государством⁴⁶. Ибо если бы царям дозволялась неограниченная власть над гражданами, то они относились бы к гражданам так, как если бы те были рабами или скотом. Похоже, что нечто подобное утвердилось в империи турок, где закон требует преклонения перед тираном не только от частных лиц и граждан (с которыми там и обращаются как со скотом), но также и ото всех близких, родственников его по крови или по браку и даже от братьев монарха.

Конечно же, ничего подобного нельзя сыскать в государственных порядках у англичан, что и отметил Полидор Вергилий⁴⁷ в своей «Истории Англии». В своем сочинении он пишет: «До этого времени (он писал о жизни короля Генриха I⁴⁸) короли не привыкли собирать народные собрания, существовавшие для того, чтобы дать совет, но редко созывавшиеся. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что хотя это учреждение и было установлено Генрихом, изобретено оно было еще в древнейшие времена и всегда имело столь глубокие корни, что сохранилось и до наших дней. Это произошло потому, что все то, что, как считалось, имеет отношение к благу и сохранности государства, было подчинено совету; и если какой-нибудь указ был издан либо по воле одного короля, либо одного народа, то он не имел силы до тех пор, пока не был утвержден положенным образом властью совета. А чтобы совету не воспрепятствовали суждения неопытной и вульгарной черни, неспособной судить о чем-либо мудро, с самого начала было ясно определено особым законом, кто из общности духовенства, кто и в каком количестве от остального народа должен быть представлен в этом совете. Они обычно называют его «парламент» в соответствии с французскими обычаями, так что каждый король, как правило, созывает его в начале своего царствования, а позднее собирает его по своему решению так часто, как это по его суждению требуется»⁴⁹. Таковы слова Вергилия. Некий старинный автор, который когда-то являлся канцлером Англии⁵⁰, изложил то же мнение в тридцатой главе своего сочинения под названием «A learned commendation»: «король, — говорит он, — не может лично или же через своих министров вводить налоги, субсидии или же другие поборы (какие бы то ни было) для своих подданных, он также не может изменять их законы, или же издавать новые законы без согласия и поддержки всего королевства, выраженных в воле парламента»⁵¹.

Однако изо всех этих законов (а они существуют почти у всех народов) ни один не представляется мне столь замечательным, и достойным упоминания, как испанский. Когда на своем арагонском всеобщем совете определяют королей Арагона, то присутствующие разыгрывают нечто вроде представления, чтобы этот вопрос у всех закрепился в памяти навечно. Они вводят человека, которого титулуют как «Правосудие Арагона» и по решению народа объявляют его более великим и более могущественным, чем король. Затем они обращаются к королю с торжественной речью, в которой определяются четкие условия и порядки. И при этом звучат слова, которые мы желаем привести здесь из-за их необычайности и исключительности смелости этого народа, сумевшего обуздать своих королей: *«Nos qui valemos tan in que manda mas que vosto come vos y podemos mas qui vos vos eligimos rey con estas y estas condiciones intra vos y nos in que manda mas que vos»*, то есть «Мы, кто обладает не меньшим достоинством, чем ты, и можем совершить больше тебя, избираем тебя королем на следующих условиях. Пусть между нами стоит тот, чья власть выше твоей!». Текст хроники Испании Иоанна Вассеуса⁵² под годом 639 важен: «Эрминус⁵³ был избран королем голосами народа и был помазан и коронован на некоторых определенных условиях, а именно: он должен был использовать законы одинаково по отношению ко всем, и между королем и народом должен был стоять некий посредник на случай, если вдруг между ними завяжется спор. Этот-то судья и зовется «Правосудие Арагона»⁵⁴. И Лука Маринео в восьмой книге [записал]: «правитель избирается, однако, на некоторых условиях, так что он соблюдает их законы, а к ним также добавлен судья, который является посредником между ними и зовется он «Правосудие Арагона».

Херонимо Зурита⁵⁵ записал под годом 849: «Иоанн Симений Сердан на протяжении долгих лет исполнял должность, которую называют «Правосудие Арагона», пока не достиг преклонных лет. Этот превосходнейший человек, обладавший огромной властью над многими людьми и имевший самый высокий ранг, объявил, что его должность, которой подчиняются все важнейшие дела, была учреждена еще при возникновении королевства. И подобно тому, как у лакедемонян эфоры противостояли царям, у арагонцев это должностное лицо противопоставлено яростной силе или беспомощности королевской власти, в отдельных же случаях выступает как верховный блюститель и страж свободы. Арагонцы ввели эту должность как поддержку в деле защиты всех свободных людей, и в делах, связанных с защитой свободы, ее могущество приобрели исключительный характер, так что ни один человек не рискует потерять свои законные права, если только он сам не отказался от них. Впоследствии это должностное лицо стало как бы убежищем

для людей, утративших свободу или же ограниченных в ней; поскольку [арагонцы] хотели, чтобы их свобода оставалась неприкосновенной и нерушимой, они изобрели эту поразительную должность по имени «Правосудие». И совершенно очевидно, что эта должность охранялась и только усиливалась мощной поддержкой арагонских законов и учреждений (что можно заметить, изучая развитие арагонских законов). А так как королевство претерпело много случаев ограничения свободы, то государственные деятели былых времен в результате пришли к решению, что свободу надо обезопасить, иначе по прошествии времени свобода окажется подорванной чрезвычайным могуществом короля или же ее достоинство уменьшится».

Под годом 1114 Зурита сообщает нам: ««Правосудием» Арагона был Педро Симениус. Сначала эту должность называли «Верховный судья», так как добились от королей высшей власти и могущества, но позднее она была так ограждена и усилена законами, что стала как бы всеобщим убежищем и защитой для всех так, чтобы можно было охранять свободу от [посягательств] верховной власти и отмщать ей»⁵⁷.

И вновь он отмечает под годом 1344: «по окончании событий король приказал, чтобы ренты и выгодные должности были переданы и дарованы Антонио Фокки. Тот же просил, чтобы этот процесс был отложен из-за вмешательства и запрета Гарсиа Фернандеса де Кастро, «Правосудия Арагона», и возникло юридическое противоречие. Королевские адвокаты попытались сместить «Правосудие Арагона», но тот отказался. Они отказались было принять его требования и отрицали существование закона, согласно которому такие вопросы как спор с королем решались и утверждались в общественном собрании. Они также не согласились и с тем, что король согласно праву и справедливости может подвергаться суду высокого собрания и королевское достоинство не будет унижено принятым этим собранием решением в пользу другой стороны, за исключением дел, касающихся знатных вельмож или же тех случаев, когда король сам выступал как истец, или тех случаев, когда решения могли быть направлены против королевских судей»⁵⁸.

Под годом 1348 Зурита записал следующее: «В целях установления всеобщей свободы, которая определялась и защищалась древними законами, «Правосудие Арагона» стал использовать свою власть так, что никому не было недостатка в помощи против верховной власти, приказов и распоряжений королевских служителей и ни один человек не был подавлен незаконными действиями могущественных людей, короче, чтобы в общественных или частных раздорах не могла использоваться сила. И столь нерушимы были его постановления, что если частные лица или государственные чиновники не подчинялись его решениям, то по отношению к ним применялись тяжелейшие наказания и влияние

этого человека полностью было уничтожено в государстве. Конечно же, значение подобной должности охранялось такими постановлениями, так что более смиренные люди и те, кто в государстве находятся в самом низу, могли смотреть на себя как на равных с великими мира сего. И наши предки вполне могли усмотреть смысл в изобретении законов, усиливающих эту должность так, чтобы она могла противостоять королевским судьям подобно тому, как эфоры в Спарте противостояли Феопомпу⁵⁹ и спартанским царям или как народные трибуны у римлян противостояли консулам⁶⁰.

Но репутация и власть этой должности никогда не могла уменьшиться или стать ниже, все люди обязаны были соглашаться с повелением высшего закона, в то время как закон всегда говорил со всеми одним и тем же языком, так что тогда, разумеется, благо народа являлось высшим законом и главной опорой свободы, в то время как все люди, как уже отмечалось, были соединены, словно бы связаны, святой цепью закона. Было установлено то мудрейшее ограничение, что никто не мог ставить вопрос об этой должности, происходя из низкого сословия, равно как и те, кто использовал народное решение, уже не мог этой должности домогаться, или же тот, кто был отмечен военными почестями или был приближен к королю. Эта должность было установлена предками как умеряющая сила, не подчиненная и воздействию народного мнения, но она занимала гораздо более прочное положение, чем магистратура эфоров, введенная некогда в Спарте. Последние же настолько привыкли говорить невежливо, что завели и установили обычай сидеть на своих местах в судебных зданиях и не вставать в присутствии царей, равно как и не оказывать им никаких почестей. В особые месяцы спартанские цари связывались религиозной клятвой следовать законам своих отцов, но сами эфоры выказывали почтение воле царя до тех пор, пока последние соблюдали законы и общеизвестные постановления своих предшественников. Так и случилось — государство избежало смуты и упадка и благодаря существованию этой должности смогло следовать обычаю и закону без необоснованного сопротивления королевским должностным лицам. Поддержка народа и его согласие оказались естественным следствием этих обычаев. Позднее вспыхивали мятежи, находились и их подстрекатели, но они подавлялись и внутренние разногласия умиротворялись без восстаний и беспорядков».

Другой отрывок у Зуриты относится к 1386 году: «король⁶¹ лишил своего сына Хуана⁶² управления королевством и повелел, чтобы ни один человек не повиновался его первенцу. Хуан был возмущен этим решением и, когда он удостоверился во враждебности своего отца и мачехи⁶³, то стал искать помощи у закона против королевской власти, обратившись к Доминику Сердану — «Правосудию Арагона». Хуан по-

просил у него убежища и покровительства, даруемого законом против королевской власти. В соответствии с тем, как было обычно принято, «Правосудие Арагона» запретил использование силы. Общий принцип свободы настолько уважался, что король счел для себя необходимым лично явиться к этому должностному лицу, дабы иметь возможность обсудить вопросы, относящиеся к его клятве и законам, так как должность принимает тот человек, который был назначен на нее королем. Когда было обнародовано запрещение судьи, то всем показалось, будто ничего не остается от королевской власти или ее верховного могущества, пока судья не даст свое собственное заключение о законе, запрещающем наследование. Он же объявил свое суждение — особый статус короля не должен распространяться на всеобщее право равенства перед законом и король не должен принуждать [подданных] силой благодаря своей чрезвычайной власти.

В этом известном деле Сердан продолжал проявлять непоколебимое постоянство, достойное высших похвал в отношении принятого и доведенного до сведения всех решения. Ведь наши предки хотели, чтобы власть «Правосудия Арагона» вмешиваться и запрещать осуществлялась самым священным и нерушимым образом. Они желали, чтобы этой власти подчинялись все без исключения, так, чтобы те, кто был насильно подавлен, ограничен в правах, лишен их или же повергнут силой, мог восстановить свои права. А потому такая добросовестность охранялась, и считалось, что в ней всегда [состоял] смысл порядка. Могущество «Правосудия»⁶³ выражалось в том, что он мог отдавать распоряжения королевским судьям с целью воспрепятствовать их нападению или тому, что они предпринимали против его запрещения или вмешательства. И потому [арагонцы] чтят этот бастион так, словно он является оплотом их благосостояния общества, законов и обычаев. Они тщательно придерживаются порядка и охраняют его, так что все города в королевстве гордятся тем, что прирожденный наследник королевства получил помощь от этих стражей закона»⁶³.

Именно таким образом велись государственные дела и именно так (как я посмел бы утверждать) было всегда — имелся общий закон у всех народов и племен, которые, как правило, имеют царственную власть, а не тираническое господство: «*благо народа — высший закон*». И совершенно ясно не только то, что знаменитая свобода сохранять общественный совет является частью международного права, но и то, что короли, которые пытаются подавить эту священную свободу своими злобными измышлениями, и должны рассматриваться не как короли, но как *тираны*, так словно они являются нарушителями этого права, общего для всех народов, существами, выключенными из человеческого общества.

Хотя мы их и называем тиранами, не следует ли нам использовать для них какое-либо другое, более отвратительное определение? Ведь когда Флавий⁶⁴ правил как тиран в Галлии в царствование юного Гонория, то он не смел нарушать нашу древнюю галльскую конституцию, но сохранил ее в неприкосновенности. В его столице — Арле, с тех пор именуемой Константиной, он постановил, что общественный совет народа станет проводиться там ежегодно, согласно древнему обычаю. Собрание это представляло семь провинций — Вьенну, обе Нарбонны, обе Аквитании, Новемпопулану и Приморские Альпы. Все это стало известно из его эдикта, который недавно был обнаружен благодаря усердию и доброте двух выдающихся людей. Сам же эдикт звучит так: «Император Константин Агриколе, префекту претория в Галлии. Мы знаем о превосходном предложении вашего великолепия, касающемся неотложных оставшихся нужд государства. Нашей властью мы издаем данный эдикт на вечные времена, чтобы данные установления должны были соблюдаться в наших семи провинциальных управлениях, поскольку мы уверены, что их будут приветствовать в самих провинциях. Как частные, так и общественные потребности отдельных городов и провинций, равно как и благоденствие собственников земли и интересы общего управления, одним словом, все требует созывов собрания наиболее выдающихся должностных лиц или направляемых сюда представителей. Мы сочли это крайне необходимым и подобающим и верим, что этот обычай будет сохранен и впредь для них, чтобы в дальнейшем собирать совет провинций в подходящее время в центральном городе, то есть в городе Арле. Поскольку в нем могут участвовать как отдельные лица, так и общины, мы полагаем, что, во-первых, должно быть собрание ведущих лиц (*optimarum*), чтобы было обеспечено всеобщее расположение ко всему этому. Собрание должно проводиться в присутствии светлейшего префекта, который может вовлекаться в наиболее полезные обсуждения, касающиеся важнейших дел. Далее, какие вопросы бы ни выносились на обсуждение, все должно обсуждаться и решаться между наиболее могущественными провинциями соответственно их положению, но эти провинции все же не должны получать больших преимуществ, так как необходимо соблюдать видимость равенства и справедливости для тех провинций, которые там не представлены.

Мы верим, что помимо удовлетворения общей потребности обсуждения вопросов для нас окажется выгодным также и распоряжение, чтобы совет проводился в городе Константине в строго определенные годы. Ведь это место является широко известным, в нем изобилие купцов, оно часто посещается путешественниками, так что вне зависимости от того где, и что производится, все может быть легко распределе-

но именно здесь. Ни одна другая провинция так не процветает в своем производстве, как Арль, а его изобилие товаров обеспечивает ни с чем не сравнимое богатство. Какие бы богатства не были найдены на Востоке, какие сладчайшие ароматы не были бы известны в Аравии, какие бы предметы роскоши не нашлись в Ассирии, какие бы не производились продукты в плодоносной Африке, какие бы не привозились сокровища Испании, какие бы превосходные товары не принесла наша плодovitая Галлия — все это может быть обнаружено и здесь в изобилии так, как если бы все эти великолепные товары отовсюду производились бы здесь.

Теперь в отношении земли: при поездке по течению Родана и назад по землям Турона повсеместно земля рядом с ними или между ними все равно окажется либо соседской, либо пограничной, так что необходимо, чтобы, следовательно, земля послужила городу, сколько бы она ни стоила, и пусть все, что производят в других местах, привозится на корабле или на повозках, по земле, морю или реке, так, чтобы все люди поверили, что немногие страны превосходят нашу Галлию, когда мы предписываем, чтобы это собрание проводилось именно в этом городе. Может ли быть иное место, столь божественно благословенное, где нашлись бы столь великие возможности для торговли и коммерции? Хотя этот, несомненно, разумный план и одобряется всеми, знаменитый муж Петроний передаст предписания о том, как все это должно быть организовано.

Агриколе, нашему дорогому и возлюбленному родственнику, мы также указываем, что все [памятники], которые могли быть повреждены с течением времени или леностью тиранов, должны быть восстановлены единой властью нашей мудрости. Ваше известное великодушие обязано по нашему указанию постоянно заботиться о лучшем обеспечении вашей столицы и увериться, что это будет и впоследствии. В дни между седьмыми календами и идами сентября ведущие лица и судьи отдельных провинций должны узнать, что совет проводится в Арле ежегодно. Если дела воспрепятствуют магистратам из отдаленных провинций (то есть из Новемпопуланы и Аквитании II) прибыть, то в соответствии с обычаем должны быть посланы их представители. Благодаря этому предупреждению мы узнаем очень много от наших провинциальных управлений, что послужит [всем] на пользу. Пусть будет известно, что в наши намерения входит значительная помощь величию города Арля, чьей верности (по сообщению и суждениям нашего патриция и родственника) мы очень обязаны. Пусть же ваше великолепие ведает, что любой судья будет оштрафован на пять фунтов золота, а менее значительные должностные лица на три фунта золота, если они не явятся в установленное время в течение времени, которое мы определили»⁶⁵.

Глава XIII (X)

О королевском величии и ежегодном собрании народа Франкогаллии, известном также как «Placitum», «Curia» и «Parlamentum»

Возвращаясь к главному вопросу, следует отметить, что наше государство, как мы уже продемонстрировали выше, было учреждено мудростью наших предков, которые в высшей степени заслуживают похвал, поскольку оно оказалось смешанным государством, включающим в себя все три формы государства, так что ежегодно и даже чаще (если этого требовали обстоятельства) собирался торжественный общественный совет. Собрание называлось парламентом трех сословий, так как это выражение подразумевает собрание и съезд людей, собранных вместе из многих областей в одно место ради того, чтобы обеспечить всеобщее представительство. Ведь созванные подобным образом собрания предназначались для установления мира или заключения договора с врагами и в наших хрониках они всегда назывались старинным именем парламента. Король возглавлял совет, восседая на своем золотом троне. Ниже него располагались принцы и должностные лица королевства, а ниже их — те посланцы, которые представляли отдельные провинции. В обиходе их обычно называли депутатами. Когда наступал день, назначенный для совета, король сопровождался к месту встречи так, словно бы это был самый августейший и священный храм галльского правосудия, с церемониями, которые, как нам кажется, более подобают народной скромности, чем царственному великолепию.

Мы не сомневаемся в том, что в наши расточительные времена все это становится только поводом для насмешек со стороны придворных льстецов, но мы, тем не менее, приведем рассуждение, извлеченное из наших старых хроник, поскольку восхищение мудростью собственных предков является в некотором роде проявлением благочестия. Король доставлялся к месту собрания в повозке, запряженной волами, которыми управлял возница со стрекалом. Когда же король появлялся в зале, или скорее в священнейшем месте государства, то знатные люди провожали его к золотому престолу, а все остальные, как мы уже отметили выше, занимали свои места в соответствии со своим положением и рангом. Это было святилище, король на этом совете восседал со штатами и воплощал королевское величие. И даже теперь мы можем отметить знаменитое напоминание обо всем этом в изображении, нанесенном на королевской или на канцлерской печати, как обычно ее называют. Ведь на ней король изображен не в воинском одеянии на коне или же на колеснице, запряженной четверкой лошадей, словно бы во время триумфа, а в торжественном облачении и в короне, восседающим на своем троне, с королевским скипетром в правой руке и со скипетром правосудия в

левой, как бы возглавляющим торжественный совет. А потому можно без сомнений и по справедливости использовать почетный титул «королевское величество», когда король вершит совет во имя благополучия государства; совершенно иное дело, как это бывает теперь, когда распространился обиходный и невежественный обычай употреблять это понятие при обстоятельствах, когда король развлекается на балу, или танцует и дурачится, или же болтает с женщинами, или шутит над глупостями, словом при обстоятельствах, обычных при дворе.

Помимо того, что мы уже рассказали, предложим несколько доказательств по этому вопросу, выбранных нами из многих суждений, имеющих к нему отношение. Первое почерпнуто нами из сочинения Эйнгарда, который был канцлером Карла Великого и написал жизнеописание этого короля: «куда бы король ни отправлялся, он ехал в двуколке, которую влекли запряженные быки, управляемой по сельскому обычаю пастухом. Так он имел обыкновение приезжать ко дворцу, на публичные собрания своего народа, куда ежегодно стекалось множество людей, и также он возвращался домой»¹. То же самое известно из добавлений к сочинению Гунибальда, переложенных в труде Иоганна Тритемиуса. Иоганн Навклер рассказывает почти в тех же словах при описании этого обычая в своей хронике². То же самое делал и составитель «Больших хроник» в двадцать шестой книге, в разделе, описывающем начало жизни Карла Великого. Кажется, что все это не должно вызывать слишком большого изумления, поскольку в те времена имелся обычай, согласно которому короли, королевы и их дети должны были ездить на волах. Свидетельством чего является также место в двадцать шестой главе третьей книги Григория Турского: «А Деотерия³ (которая была женой короля Хильдеберта⁴), видя, что ее дочь (отцом которой был ее первый муж) становится уже совсем взрослой, боялась, как бы король не почувствовал к ней вожделения и не взял ее себе, и сбросила ее с моста, посадив в закрытые носилки, привязанные к диким быкам»⁵. Эймон писал о золотом троне, на котором сидел король, в тридцатой главе четвертой книги в следующих выражениях, когда рассказывал о короле Дагоberte: «Он издал общее постановление о том, что собрание состоится в Бигарге, месте, которое он определил для этого, куда знать Франкии поспешно стала стекаться и собралась в майские календы, когда король, усевшись среди них на золотом троне, начал свою речь»⁶. Эймон также и в сорок первой главе той же книги, где писал о короле Хлодвиге, отметил: «Восседая среди них на своем золотом троне, он изложил вступление к своей речи»⁷. Также и Сигиберт в своей хронике записал под годом 662: «у королей франков, — говорит он, — существовал обычай председательствовать в присутствии всего народа в майские календы, приветствовать свой народ и принимать при-

ветствия от народа, а также получать их клятвы в верности и дары»⁸. Георгий Кедрин описывает эту церемонию почти в тех же выражениях — «καθὰ δὲ τὸν Μάιον μῆνα προκα θέξασθαι ἐπὶ παντοσ τοῦ ἔθνουσ, καὶ προσκυνεῖν αὐτοῖσ καὶ ἀντιπροσκυνεῖσθαι ὑπ αὐτῶν, δωροφορεῖσθαι τε καὶ σὺν ἡφείαν καὶ ἀντιδόνα αὐτοῖσ», «когда в мае месяце он председательствовал при собрании народа, то приветствовал его и принимал знаки почтения, а также согласно обычаю получал принесенные дары и клятвы в верности».

В другом отрывке (в сорок первой главе четвертой книги) у Эймона можно найти свидетельство того, что существовала власть народа на собраниях в совете. Это свидетельство находится в том месте, где он писал о Хлодвиге II: «хотя, — провозглашает король, — забота о нашем земном государстве требует от нас, о граждане франкского рода, испрашивать у вас совета в общественных делах...»⁹. Также в семьдесят четвертой главе Эймон пишет: «в начале лета он прибыл в Саксонию, и там собрал общественный совет, точно также, как это было принято во Франкии». И в тринадцатой главе, когда он пишет о Карле Великом, он сообщает: «он возвратился с охоты в Аахен проводить всеобщее собрание народа в соответствии с торжественным обычаем»¹⁰. Эймон приводит и другой пример в сто шестнадцатой главе, когда сообщает: «император провёл два собрания: одно — в Нуайоне, а другое — в Компьене, на которых он получил ежегодные дары»¹¹. Нечто подобное [можно прочесть] и в сто семнадцатой главе: «в августе месяце он прибыл в Вормс, где провёл всеобщее собрание, получил дары, принесенные ему в соответствии с торжественным обычаем, и дал аудиенцию многим посланцам»¹². И снова встречаем в тридцать первой главе пятой книги труда Эймона: «он провёл всеобщее собрание в июньские календы в деревне Дузиаке, где и получил свои ежегодные дары»¹³.

Столь много свидетельств об этом торжественном совете, который в результате искаженного использования латинского языка французские и германские историки иногда называют «курия», иногда — «всеобщее собрание» (*conventus generalis*) и чаще всего «встреча» (*placitum*). Пример этого можно увидеть и у Григория Турского как, например, в следующем отрывке из четырнадцатой главы седьмой книги: «Итак, поскольку время для собрания приближалось, оно было созвано королем Хильдебертом»¹⁴. Или в двадцать первой главе шестой книги: «но когда во время этого собора король Хильдеберт и его вельможи собрались»¹⁵. И Эймон писал в сто седьмой главе четвертой книги своей хроники: «в середине месяца общественный совет проводился в городе Тионвилле, который был переполнен народом франков»¹⁶. И далее он продолжает: «на этом собрании было проявлено совершенно исключительное милосердие этого благочестивейшего императора»¹⁷.

Ведь существовал обычай, согласно которому на этих советах со всех сторон королевства направлялись дары королю. Это было описано во многих сочинениях и совет там называется «общественным собранием (conventus generalis)». Эймон рассказывает в шестьдесят четвертой главе книги четвертой, когда пишет о короле Пипине: «он заставил их пообещать покориться его воле во всех отношениях и представлять ежегодно на общественном собрании в знак уважения подарок из трехсот лошадей»¹⁸. В восемьдесят пятой главе той же книги он сообщает: «он учел вероломство саксов и провел общественное собрание за Рейном в поместье Кюссенштайн в соответствии с торжественным обычаем»¹⁹.

Так вот на самом деле Совет также назывался и другим именем «суд (curia)». Отсюда берет начало выражение в народе, когда кто-либо направлялся туда, где находился король, ко двору, то говорили, что он отправлялся за правосудием в королевский суд, поскольку к королю люди могли приблизиться исключительно во время объявленного совета и собрания, да и тогда это разрешалось редко и лишь в связи с важнейшими делами²⁰. Ив Шартрский писал в двухсот шестом своем письме: «король дал нам согласие на то, чтобы мы сопровождали его в его суд, который собрался в его родной провинции Орлеане, а там позволил общаться с ним и вести переговоры с принцами королевства в связи с проблемой — насколько возможно сохранить единство королевства. То, что было достигнуто, то и было обнародовано, и, собравшись на суд, мы ознакомили его с нашей петицией. Но поскольку суд не согласился с нами, то мы не смогли достичь полного мира до тех пор, пока названный архиепископ не сделал знак и не дал клятву королю, которую и в былые времена все архиепископы Реймса и другие епископы королевства франков также давали королям, его предшественникам. Этот поступок взволновал всех собравшихся и вельможи, прибывшие на суд, сделали то же самое»²¹.

Эймон в пятидесятой главе книги пятой приводит и другой пример: «Карл, сын Датского короля²², — писал он, — счел подобающим добиваться решения суда в отношении некоторых вельмож Фландрии»²³. И далее в следующей главе он снова указывает: «после смерти Генриха²⁴, римского короля, в Майнце была проведена верховная и всеобщая курия по упомянутому вопросу»²⁵. И Отгон Фрейзингенский записал в сороковой главе первой книги своего труда, посвященного Фридриху I: «затем государь прибыл в Баварию и там он проводил всеобщую курию в феврале месяце»²⁶. И далее в сорок третьей главе тот же автор рассказывает: «Конрад²⁷, римский король, созвал всех принцев вместе и определил город Франкфурт как место проведения всеобщей курии для Восточной Франкии»²⁸.

В позднейшие времена курия во Франции стала иногда называться курией собрания трех сословий, иногда же — курией короля Франции,

а иной раз — предельно точно собранием сословий, как мы покажем в дальнейшем. Отсюда то, что говорит юрисконсульт, известный под именем Наблюдателя²⁹: «можно понять обычай курии короля Франции, где право определять продолжительность сессии, предоставлено самим членам парламента в целях сокращения срока присутствия для тех, кто добирается на заседания из отдаленных областей»³⁰. О том же обычае упоминает и Жан де Фор³¹ в своем трактате о торговле: «курия Франции обыкновенно постановляла, что в случае, когда король портил монету, то ее должны были принимать вместо более полновесной, а когда он увеличивал ценность монеты, то следовало уважать период существовавших договоров». Другой схожий пример встречается в «Истории Англии» Томаса Уолсингема³² под годом 1273: «в это время Гаско де Биерна притеснялся английским королем и, воспользовавшись соглашением, заключенным между королем Эдуардом³³ и им самим, обратился к курии французского короля. Король Эдуард признал верховную юрисдикцию французского короля, поскольку сам недавно признал его и как своего верховного сеньора в своих владениях во Франции, и он не пожелал восстановить короля Франции против себя. А потому король Эдуард направил своих советников защищать свое дело против Гаско в курии французского короля»³⁴.

Глава XIV

О священной власти общественного совета и о том, какие дела в нем вершились.

Теперь настало время и место для нас рассмотреть, как вершились дела в этом торжественном совете и соответственно восхищаться мудростью наших предков при установлении государственных учреждений. Коротко говоря, можно заметить, что в самых общих чертах совет занимался следующими делами: во-первых, возведением на престол и низложением королей; далее, вопросами войны и мира, общественными законами, назначением на величайшие государственные должности, различными поручениями, определением части наследия детям умершего государя или установлением приданого его дочерям (все это они называли германским словом «апанаж», как бы выделенная часть). Кроме того, совет занимался денежными и финансовыми делами. И, наконец, всеми теми делами, которые и сейчас среди простого народа в обиходе обычно и именуются государственными делами (*negotia statuum*), поскольку не протяжении многих столетий их, как я уже ска-

зал, не имели права решать никакие государственные ведомства или учреждения, за исключением совета сословий или их представителей.

Об избрании и низложении королей мы уже говорили выше и достаточно доказательно, включая завещание Карла Великого и опираясь на великое множество свидетельств разных авторов. Но все же нельзя обойти молчанием то, о чем во второй книге под годом 806 и далее писал Регинон, где он рассказывал о Карле Великом: «он созывает собрание вельмож и знати франков для того, чтобы установить и упрочить мир между своими сыновьями и разделить свое королевство»¹. Подобным же образом и Эймон в семнадцатой главе пятой книги замечает о Карле Лысом²: «на всеобщем собрании, проведенном в Кариньяне, он пожаловал своего сына Карла знаками достижения совершеннолетия, то есть вручил ему меч. А затем надел ему на голову королевскую корону и предназначил ему Нейстрию, в то время как Пипину отец определил Аквитанию»³⁴. Как уже отмечалось выше, королевские сыновья пользовались на этих всеобщих собраниях великими привилегиями, но, тем не менее, даже если они и были обозначены как наследники согласно завещаниям своих родителей, это решение должно было все равно подтверждаться народом. Отсюда можно понять, что ни один король не оставлял завещания, в котором распоряжался королевством, и подобное установление отца по своему собственному праву никакой юридической силы не имело, но обязательно должно было утверждаться народом на всеобщем собрании сословий. Это можно уподобить тому порядку, который излагался в римском праве и являлся общепринятым: назначение исполнителей отцовского завещания недействительно без утверждения преторов. Все это тем более являлось обычаем не только наших западных франков, но также соблюдалось и у восточных франков. От тех времен сохранилось большое количество точных свидетельств разных авторов, но особенно прекрасное сообщение приводится Видукиндо в его книге «О деяниях саксов», в которой в частности, изложив, каким образом император Генрих⁵ назначил своего сына Оттона⁶ своим наследником, автор отмечает: «после того, как умер Генрих {отец отечества, величайший и наилучший из королей} весь народ франков и саксов избрал своим государем его сына Оттона, назначенного уже некогда отцом в короли; когда же намечалось место [для проведения] общих выборов [короля], то было решено произвести их во дворце Аахена»⁷. А немногим дальше Видукиндо излагает, как архиепископ Майнца, в торжественном облачении и со всей подобающей ситуации пышностью и церемониалом, обратился с речью к народу, ожидающему появления Оттона: ««Вот, — сказал он, — я привожу вам Оттона, которого бог избрал, государь Генрих некогда назначил, а теперь все князья произвели в короли; если вам это избрание по душе, то покажите это, подняв правую руку к небу». [В ответ] на эти слова весь

народ поднял правые руки кверху и громким голосом пожелал новому герцогу благополучия»⁸.

Изо всего этого и очень многих других подобных выдержек должно быть легко усвоено, что подобный порядок при избрании своих государей был присущ как западным, так и восточным франкам. И, действительно, те, кто в свое время происходил из единого отечества и центра, а также и те, кто в течение длительного времени находился под властью [франкских] королей и государей, сохраняли одинаковые обычаи.

Что же касается регентства в королевстве, то здесь имеется важное свидетельство у того же автора в тридцать пятой главе пятой книги, где он рассказывает о Карле Лысом: «когда Карл должен был отбыть в Рим, то он собрал великое собрание в календы июня в Компьене, и там же постановил, чтобы его сын Людовик⁹ вместе с его верными и ведущими лицами в королевстве, будет управлять Франкией до тех пор, пока он не вернется из Рима»¹⁰. В сорок второй главе той же книги дальше он пишет, рассказывая о Карле Простоватом: «так как вельможи королевства Франкии единодушно сочли, что он слишком молод для того, чтобы править (как это и было в действительности), то знать (Франки, Бургунды и Аквитаны) решила обсудить эти неотложные дела и, собравшись на совет вместе, избрала Одо, хранителя Карла, правителем королевства»¹¹.

Так вот, относительно характера законов и установлений мы можем также предложить в качестве свидетельства одну выдержку из «Жизнеописания святого Людовика», принадлежащего [перу] Гагена¹²: «когда Людовик прибыл в Париж, то он созвал всеобщее собрание и провел в государстве реформы, — сообщил он, — вводя превосходные законы, судьи могли вершить правосудие прямо, каждому человеку и запрещалась продажа должностей»¹³.

С другой стороны, относительно вопроса о порядке назначения на высокие должности и почести достойных людей имеется свидетельство у Эймона в тридцать шестой главе книги пятой, где он рассказывает о Карле Лысом: поскольку Карл назначал на государственные должности в королевстве своим собственным решением еще до помазания на царство, то вельможи королевства стали требовать созыва торжественного собрания и отправили приглашение на него и королю и не позволяли ему короноваться до тех пор, пока он не воспользовался их советом и властью для назначения этих должностных лиц. И далее он пишет: «величайшие вельможи в королевстве вознегодовали, потому что он предоставил некоторым лицам должности без их согласия, а по этой причине они составили заговор против него и провели тогда свое собрание в городе Витмаре, откуда они и отправили к Людовику вестников. Однако Людовик направил к ним своих посланцев и т.д.»^{14,15}. Другой пример встречается у Регинона в книге второй его труда: «Карл проводил

всеобщее собрание в Компьене и там он принял с советом вельмож решение назначить Родиберта¹⁶ герцогом области между Луарой и Сеной»¹⁷. Кроме того, имеется указание и в дополнениях к Григорию Турскому (пятьдесят четвертая глава книги одиннадцатой): «в этом году, — пишет он, — Хлотарь собрал вместе знать и левдов — свободных людей Бургундии в Труа, где он обсудил с ними, желают ли они, чтобы он, поскольку Варнархер¹⁸ умер, назначил другого человека на должность майордома, которую прежде занимал умерший. Но все они единодушно и решительно отказались, что у них совершенно не имеется никакого желания избирать майордома, и они умоляли его королевскую милость столь упорно, что в результате он согласился с ними»¹⁹. В десятой главе Григорий отмечает, рассказывая о смерти короля Теодориха: «франки избрали Хлодвига его юного сына, королем, а после его смерти через несколько лет в королевстве была снова восстановлена власть его брата Хильдеберта»²⁰. Однако Гримоальд²¹ был избран майордомом над франками при короле Хильдеберте»²².

К этому же числу примеров должны быть отнесены и распри между принцами, которые, как мне представляется, имели опасные последствия для государства, так как они разрешались также тем же советом. Эймон в книге четвертой (первой главе) рассказывая о Хлотаре, сыне Хильперика, у которого Брунгильда потребовала королевство Австразию, сообщает: «Хлотарь отвечал, что она должна созвать собрание франкской знати и после всеобщего обсуждения получить ответ по вопросам, касающимся всех. Он же сам решил подчиниться во всех отношениях их решению и пообещал не препятствовать их постановлениям»²³. Это также упоминается в дополнениях к Григорию Турскому: «Хлотарь ответил, что он исполнит любое постановление представителей франков, касающееся любых вопросов и решений, которые могут быть вынесены франками относительно их в пользу единственного правителя, как повеление»²⁴.

Подобным же образом у Григория Турского описывается, как Бозо Гунтрам был осужден и приговорен общественным советом франков за осквернение могилы: «когда Хильдеберт и его верховные должностные лица присоединились к собранию, а Гунтрам, который был глубоко обеспокоен этими обвинениями, тайно бежал, все то имущество, которое он приобрел в Оверни благодаря своей фискальной должности, было от него отнято»²⁵. Эймон в двенадцатой главе книги пятой рассказывает и о другом случае, когда описывает, как король Людовик Благочестивый был встревожен враждой и раздорами своих сыновей: «когда стала приближаться осень, те, кто замышлял против императора, стали стремиться созвать всеобщее собрание так, чтобы провести его где-нибудь во Франкии»²⁶. В тринадцатой главе он снова отмечает: «он предписал, чтобы весь его на-

род собрался в городе Тионвилле»²⁷. Немногим далее он сообщает: «через некоторое время он созвал свой народ вместе в день святого Мартина и пожелал снова призвать к себе своего ранее изгнанного сына Пипина, однако, последний остался вдалеке»²⁸²⁹. Гаген по этому же поводу говорит: «однако, когда заговорщики обнаружили, что они не могут низложить государя без собрания вельмож, то приложили все свои силы и сделали все возможное для того, чтобы провести это собрание во Франции. Однако Людовик расстроил их намерения, и по указанной причине он назначил Майнц как место для проведения этого и он повелел, чтобы ни один человек при оружии не был бы допущен на это собрание. Однако, его сыновья³⁰, которые злоумышляли против своего отца, опасались, что общественная власть может им не предоставить необходимой поддержки, а поэтому они настояли на том, чтобы совет проводился в Компьене. Тот совет состоял из епископов и знати, которые собрались со всего королевства. Лотарь освободил своего отца из заключения и привез его в Компьен»³¹³². Или снова у Эймона в тридцать восьмой главе пятой книги, где он описывает, как Людовик Косноязычный проводил совет в Марсуре и вынес на него вопрос о заключении мира со своим двоюродным братом³³, отмечается: «на этом собрании, — рассказывает он, — все текущие вопросы были разрешены с согласия всех их вассалов, что, как предполагалось, способствовало упрочению договора»³⁴.

А теперь перейдем к остальным вопросам из тех, которые мы разбираем. Так, я обнаружил, что существовал следующий обычай: если какой-нибудь государь или человек, принадлежавший к знатному роду, обвинялся в любом преступлении, то он призывался на судебное заседание этого совета, где был принужден сам излагать свое дело. Так во времена короля Хлотаря, когда обвинялась Брунгильда³⁵ и была приговорена к смерти за многие тяжкие преступления, ей было предъявлено обвинение на совете Франкогаллии и, согласно Эймону (первая глава книги первой), король так повелел сословиям, в следующих словах: «вы можете определить, о мои доблестные друзья и соратники, и знатнейшие вельможи Франкии, какой каре ее эту негодную женщину подвергнуть за страшные ее преступления»³⁶. Адо под годом 583 записывает: «франки вынесли ей в присутствии короля приговор и приговорили ее к тому, чтобы ее привязали к диким лошадям»³⁷.

В отношении прав при разделе домена и определения апанажей имеется свидетельство Эймона, в девяносто четвертой главе пятой книги, где он рассказывая о Карле Великом, сообщает следующее: «по решению всех этих вопросов император созвал собрание вельмож и знати франков для того, чтобы установить мир, сохранить его между своими сыновьями и разделить свое королевство на три части так, чтобы каждый из них правил своей частью и оборонял ее в случае, если переживет его»³⁸. В том же

месте, где Эймон сообщает нам о разделе между детьми короля Люовика Косноязычного, он пишет в 40 главе пятой книги: «они прибыли в Амьен и когда обнаружили там своих верноподанных, то разделили между собой королевство своего отца³⁹»⁴⁰. Далее в 41 главе Эймон пишет о Карломане, который собрал совет в Вормсе: «Гуго⁴¹ стремился к созыву этого совета, чтобы представить ему свои требования, касавшиеся той части королевства, которую его брат Людовик добился в качестве апанажа»⁴².

Более того, можно заметить на основании других свидетельств, что когда король намеревался совершить значительные расходы, такие как, сооружение церквей или основание школ и монастырей, то он испрашивал согласия совета. Эймон упоминает об этом в сорок первой главе четвертой книги, говоря о Хлодвиге II, восседающем на своем троне перед торжественным собранием: «он начал, — говорит Эймон, — свою речь так: “о граждане, франки родом, хотя ответственность нашей власти на земле требует от нас призывать вас на обсуждение вопросов общественной важности...”»⁴³

Таким образом, уже вполне достаточно этих примеров. Я думаю, что они отчетливо дают понять, как мы уже говорили в начале, что наши предки поистине являлись франками и подлинными стражами свободы, не ставили себя под власть какого-либо тирана или палача, который мог бы относиться к своим гражданам так, как если бы они являлись скотом; скорее они ненавидели всякую тиранию и в особенности господство любого тирана по турецкому образцу. И они строго придерживались божественного установления: «*благо народа — высший закон*». Разумеется, наши примеры показывают, что вся власть в управлении королевством явно принадлежала общественному совету, который, как мы уже говорили, прежде именовался *placitum*, то есть предписание. Подобный термин использовался анонимным хронистом Дижона в следующем разделе: «в 764 году король Пипин держал великий *placitum* среди франков в городке Кариньяне». Но само происхождение этого слова было позабыто и причина этого состояла в том, что строгое употребление данного латинского понятия означало результаты споров и переговоров многих людей при обсуждении вопроса и решение, которого они в конце концов достигали путем соглашения друг с другом, отсюда и выражение *placitum* среди философов. Именно в этом значении это понятие и употребляли Цицерон и другие мыслители древности. Так Геллий⁴⁴ в восемнадцатой книге говорил: «спартанский народ имел привычку обсуждать все, что было полезно и почетно и служило величайшему благу в государстве»⁴⁵. И продолжил: «совет, который они давал и был принят и подтвержден всеми гражданами». Подобным же образом и в Риме, те решения, которые выносил сенат на основании мнения большинства сенаторов, начинались следующими словами: «*placere senatui*» — сенат постановил. Этот

очевидный факт достаточно широко известен от многих других писателей того времени, равно как и из выдержек из их сочинений в наших собственных источниках (см., например, «Дигесты», титул «За исключением этого» двадцатой книги или титул «О требовании наследства» второй книги «Дигест», и «К Веллеянову сенатусконсульту» двадцать четвертой книги)⁴⁶. Немногие понятия встречаются в этих книгах чаще, чем понятие «*placitum*», которое означает решение, с которым согласно несколько человек (см. в последней книге «Кодекса» «О залогах»), как, например, ныне общее собрание рыцарей, откуда и происходит более привычное использование этого термина (см. в тридцать третьей книге «Кодекса» «О сделках» и «О договорах», а также титул «О сервитутах» в «Дигестах»⁴⁷, а кроме них еще сотни различных источников).

А поскольку все это именно так, то я верю, что предположение, которое я уже выдвигал в некоторых своих книгах, не может показаться нелепым, так что эта обычная фраза «такова наша воля — (*placitum*)», которую королевские секретари даже теперь приводят в конце законов и постановлений, происходит от слова *placitum*. Все эти постановления в старину обычно писались на латинском языке (что, как мы считаем, является совершенно ясным на основании свидетельств Эймона, «Капитулярия» Карла Великого и других сочинений такого же рода), однако, когда королевские должностные лица начали использовать их у нас на народном языке, то они бессознательно, или же, что, скорее, со злым умыслом, перевели это выражение как «*car tel est notre plaisir*»⁴⁸.

Ведь существует еще одно доказательство власти народа в «Капитулярии Карла Великого»: если какие-либо новые положения добавлялись к закону, то народ должен был обсудить их, и, когда все соглашались на эти дополнения, то они ставили свои подписи и подтверждали эти положения. Из этих слов совершенно ясно, что народ Франции некогда был связан только этими законами, которые они и утверждали своим собственным голосованием на всеобщих собраниях. Это разумно и отразилось и в формулах определения закона, данных юристом Марцианом⁴⁹ в «Дигестах»⁵⁰, а он уж использовал слова Демосфена: «*νόμος ἐστὶ πόλεως συνθήκη κοινή*», то есть «закон есть договор и соглашение граждан, и решение государства в интересах общества»⁵¹. Это положение относится к нашим собственным установлениям. Более того, закон аламаннов завершается словами: «так постановлено королем, его князьями и единым христианским народом, который поселился на территории королевства Меровингов». Можно найти и другие доказательства, например, у Эймона в главе 38 пятой книги: «на этих собраниях они приходят к соглашению друг с другом и при поддержке своих сторонников относительно того, как будут решаться текущие вопросы. Это соглашение было заключено между славнейшими королями с одобрения и согласия всех их подданных»⁵². Но, по-

жалуй, не существует более явного доказательства по этой проблеме, чем выдержка из второй книги франкских законов, на которую мы уже ссылались. Она касается обращения Людовика Благочестивого ко всем условиям своего королевства: «хотя представляется, что верховная власть в управлении королевством является принадлежащей нашему царственному достоинству, заключенному в нашей особе, все же известно, что божественным волеизъявлением и человеческим постановлением наше могущество так должно распределяться, чтобы каждый из вас, находясь на своей должности, мог считаться наделенным частицей нашего могущества»⁵³. Подобное указание дается и в главе двенадцатой нашего капитулярия: «каждый из вас, как представляется, наделен наряду с остальными частицей власти в управлении королевством»⁵⁴. И еще раз в 21 капитулярии: «мы издали постановление в нашем капитулярии относительно вопроса об общем согласии наших верных подданных»⁵⁵. И, наконец: «мы также желаем, чтобы постановление, которые теперь, как и на все времена, издаются нами при совете наших верных подданных с нами, могли быть получены через канцлера или архиепископов и графов»⁵⁶.

После этого можно утверждать, что едва ли мы упустили хоть какой-то момент. В заключение следует сказать, что власть названного совета была столь велика в представлении других народов, что даже иноземные государи иногда обращались по вопросам, относительно которых у них возникали разногласия, к совету за его суждением. Свидетельство этого находим в дополнениях к Григорию Турскому: «в двенадцатый год его правления, та область Эльзаса, в которой Тьерри⁵⁷ вырос и которой он владел по повелению своего отца Хильдеберта⁵⁸, перешла к Теодоберту⁵⁹ согласно варварскому обычаю. Соответственно и было постановлено обоими королями провести собрание в крепости у реки Заалы, для того, чтобы вопросы могли быть решены голосованием и суждением всего франкского народа»⁶⁰.

Глава XV (XII)

О королевских должностных лицах, которые назывались майордомами

Много еще можно рассказывать относительно столь долго продолжавшейся власти общественного совета, однако, прежде чем мы к этому перейдем, обязательно нужно упомянуть о тех должностных лицах, которые в эпоху Меровингов именовались майордомами или же дворцовыми или палатными управителями. На протяжении некоторого време-

ни они претендовали на королевскую власть, и, в конце концов, им все же представилась возможность заполучить эту власть в свои руки. Их должностное положение, приближающее их к особам наших королей, кажется, имеет много общего с тем, которое существовало при римских императорах в отношении префекта претория, который также назывался префектом двора. Майордомы назначались тем же самым советом или собранием, которые избирали и короля, и обычно они являлись руководителями и исполнителями всех общественных дел. В сочинениях наших хронистов нередко можно встретить упоминания, подобные этим: «они избрали его на верховную должность майордома»; «по смерти майордома Эрхиноальда¹ франки назначили на эту должность Эброина, так что он стал управляющим расходами королевского двора»; «они подняли над собой Хильдериха как своего короля и Вульфальда² как майордома». Эти упоминания сразу же могут служить для подтверждения содержания предшествующей главы нашей книги, где мы доказывали, что майордомы и другие высшие должностные лица не назначались королем по собственному волеизъявлению, но, как было показано, обязанности, связанные с этой должностью, обычно возлагались на людей выдающейся верности и способностей торжественным советом.

Однако с данной должностью, несомненно, произошло примерно то, о чем Плутарх рассказывает в жизнеописании Лисандра³, когда спартанцы направили к своей армии Агесилая⁴ как главнокомандующего и Лисандра как его заместителя. «На сцене случается, что трагический актер, играющий какого-нибудь вестника или слугу, стяжает восторженные похвалы, и роль его делается первой, властителя же в диадеме и со скипетром зрители едва слушают; так было и здесь: все достоинства царской власти принадлежали царскому советнику, самому же царю не осталось ничего, кроме титула»⁵. Именно так тут и произошло: действительная власть в командовании перешла к заместителю Лисандру, в то время как царю остался только голый и пустой титул. То же самое имело место и в нашей Франкогаллии, а благодаря тому, что бездеятельность и лень многих королей с течением времени все более возрастала, для этого предоставился удобный случай. Среди ленивых королей можно упомянуть Дагоберта, Хлодвига, Хлотаря, Хильдериха и Тьерри⁶. Ведь мы читаем и в книге Павла Диакона о деяниях лангобардов: «в те времена в Галлии короли франков становились убогими и утрачивали свою обычную силу и могущество, в то время как те, кто получал должность майордомов, стали иметь власть, подобную королевской, и занимались теми делами, которые обычно вершатся королями»⁷. В том же смысле высказывается и автор истории франков, на которую часто открыто ссылается Венерик Верцеллин⁸. Он пишет об этом в следующих выражениях: «во времена Хлотаря, отца Дагоберта, королевство франков стало

управляться и им стали руководить тем, кто был известен под именем управителей королевского двора или майордомов»⁹. Готфрид из Витербо в шестнадцатой части своей хроники утверждает это еще более уверенно, то же самое делает и составитель хроники монастыря близ Дижона: «в это время, — пишет он, — у королей недоставало необходимой им силы и и ответственность за управление всеми делами королевства перешла к герцогам и принцам из их окружения»¹⁰.

Таким образом, в то время как эти майордомы господствовали над всеми должностными лицами государства и командовали войсками, когда велась война, те же, кто довольствовался голым и пустым титулом короля, жили в безделье во дворце вследствие своей лени. Под конец дела зашли настолько далеко, что когда восемнадцатый король Хильдерих, последний из рода Меровингов, царствовал, майордом Пипин, который вел длительные и необходимые войны от имени короля и сокрушил саксов, взял власть в собственные руки и не упустил случая захватить королевский титул, в особенности же благодаря тому, что в его руках находилось победоносное и славное войско. К этому сводятся все доказательства данного вопроса у различных авторов. Прежде всего, стоит упомянуть двенадцатую главу пятой книги хроники Готфрида из Витербо, где он пишет следующее: «вплоть до времени Пипина Великого, который являлся майордомом, короли Франции не участвовали в организации управления, в то время как майордомы полностью осуществляли управление королевством»¹¹. Под годом 662 об этом же пишет и Сигиберт, рассказывая о Хлотаре, сыне Хлодвига¹²: «С этого времени короли франков утратили столь привычную для них силу и отвагу, а вся власть в их государстве осуществлялась через майордомов. В описываемые времена короли царствовали только номинально, так как вошло в обычай, что они правили лишь по видимости, поскольку принадлежали к царственному роду, хотя в действительности они ничего не делали и ни какие дела не контролировали»¹³.

Однако при чтении всех этих сообщений следует соблюдать осторожность. Ведь похоже, что как Пипин, так и его сыновья, испытывали огромную зависть и стремились захватить королевство у Хильдериха. Они отыскивали способных людей, чтобы те заклеямили бездеятельность Хильдериха и леность предшествующих королей. Среди таких историков мы можем выделить канцлера Карла Великого Эйнхарда, который посвятил себя целиком до самой своей смерти пользе императора. В самом начале своей книги он записал следующее: «род Меровингов, от которого обыкновенно производили себя франкские короли, существовал вплоть до царствования Хильдериха, который по приказу римского папы Стефана¹⁴ был низложен, пострижен и препровожден в монастырь. Может показаться, что род [Меровингов] пришел к своему концу во вре-

мя правления Хидерика, однако, уже давно в роду том не было никакой жизненной силы, и ничего замечательного, кроме пустого царского звания. Дело в том, что и богатство и могущество короля держались в руках дворцовых управляющих, которых называли майордомами; им и принадлежала вся высшая власть. Ничего иного не оставалось королю, как довольствуясь царским именем, сидеть на троне с длинными волосами, ниспадающей бородой и, приняв вид правящего, выслушивать приходящих отовсюду послов; когда же послы собирались уходить — давать им ответы, которые ему советовали или даже приказывали дать, словно по собственной воле. Ведь кроме бесполезного царского имени и содержания, выдаваемого ему из милости на проживание, очевидно, дворцовым управляющим, король не имел из собственности ничего, за исключением единственного поместья и крошечного дохода от него; там у него был дом и оттуда он [получал для себя] немногочисленных слуг, обеспечивающих необходимое и выказывающих покорность»¹⁵.

При записях от 662 года Сигиберт использует слова Эйнхарда и то же самое я лично обнаружил в дополнениях к Гундебальду в изложении Тритемиуса и выяснил, что все они обрушили на прежних королей одни и те же бранные слова: «Был у них обычай царствовать лишь по видимости. Поскольку они принадлежали к царствующему роду, хотя сами они ничего не делали и ни за чем не следили. Они просто жили в своем дворце, ели и пили, как будто являлись неразумными существами»¹⁶. При этом следует указать, что это недомыслие и бездеятельность были присущи далеко не всем нашим древним королям, поскольку они часто обладали невиданной храбростью и силой духа, подобной той, которая была присуща Хлодвигу. Весь все историки рассказывают, что он не только разгромил огромные войска германских племен, вторгавшихся в Галлию в сражении при Тольбиаке¹⁷, но также изгнал из пределов Галлии еще остававшихся в ней римлян.

А что мы должны говорить о Хильдеберте I и Хлотаре I, которые изгнали вестготов и остготов и искоренили их в Провансе и Аквитании, где те обосновались. В жизнеописаниях всех этих королей не имеется ни малейшего намека на майордомов, сами они только назначали должностных лиц, как одних из исполнителей воли верховной королевской власти, как в том случае, когда Григорий Турский в восемнадцатой главе пятой книги говорит о Гундовальде¹⁸ и в двух еще аналогичных случаях (в девятой главе шестой книги и в сорок пятой главе седьмой книги)¹⁹. Более того, эта должность существовала и при дворе и совете королей, не только королей. В другом отрывке Григорий Турский упоминает о некоем Ваддо как о майордоме королевы Ригунты²⁰. И во многих случаях Григорий Турский и Эймон упоминают о должностных лицах королевского двора и дворца.

Как мы уже отмечали, происхождение этой должности и ее вознесение по сравнению с другими должностными лицами началось при Хлотаре II, где-то около 588 года, то есть через сто тридцать лет после возникновения Франкогаллии. Это можно уточнить у историка, на сочинения которого так часто ссылается Венерик. Однако, имеются еще два историка, у которых вообще отсутствуют свидетельства об этом вопросе — Сигиберт и Тритемиус. Они относят происхождение и утверждение сильной власти майордомов к правлению Хлотаря III, чей майордом по имени Эброин был человеком поразительным, и он превосходил всех по своей подлости и жестокости. Однако, может вполне случиться и то, что историки часто называли дворцовых управителей другими именами, например, такими как графы дворцового управления, правители двора, графы дворца, а также герцоги и графы, ответственные за управлением делами дворца. Впоследствии же они стали даже именоваться сенешалами Франции. Сигиберт пишет под годом 1170: «сын английского короля²¹ прибыл в Париж в день праздника очищения святой девы и сидел за столом короля Франции, как если бы он являлся сенешалом Франции. Роберт, французский король, дал эту должность сенешала, или же, как она называлась в древние времена, майордома, Гауфриду²²,²³.

Глава XVI (XIII)

О том, стал ли Пипин королем властью папы или же властью совета Франкогаллии

Выше мы уже описали, каким образом Пипин (находившийся на должности майордома) был возведен на престол, когда глупый король Хильдерих, на котором династия Меровингов и завершилась, был свергнут. И вот теперь именно здесь вполне уместно спросить — какая же власть передала ему королевство. Ведь папа Геласий¹ излагает эту проблему в пятнадцатой главе шестого вопроса канонического права и говорит так: «римский папа по имени Захария² низложил короля франков не столько из-за его недостойных поступков, сколько потому, что тот оказался бесполезен для такого владычества, и заменил его Пипином, отцом императора Карла, освободив всех франков от присяги на верность [Хильдериху]». И едва ли найдется хоть один исследователь, включая Адо, Ламберта³, Регинона, Эймона и Ландульфа, который не соглашался бы с этим свидетельством, то есть с тем, что решение о переходе короны принял упомянутый папа. И даже Венерик Верцел-

лин, в сочинении, на которое мы уже ссылались, приводит следующие слова из письма папы Григория VII⁴ Германну, епископу Меца: «один из римских пап низложил короля франков, не столько из-за его дурных поступков, сколько потому, что тот был не в состоянии править, и он поставил на его место Пипина, освободив всех франков от клятвы верности, которую они приносили»⁵. Таковы были его слова. И Оттон Фрейзингенский, рассказывая об этом в двадцать третьей главе пятнадцатой книги, и Готфрид Витербский (в семнадцатой части хроники) также отмечают: «Именно благодаря этому событию римские папы громко и провозглашают свое право распоряжаться вопросом о смене властителей королевств»⁶.

Но давайте все же рассмотрим, была ли достаточно достоверна истинность этой истории; ведь ни один человек не может отрицать того, что из огромного количества франкских королей, которые (как мы ясно показали выше) либо избирались, либо низлагались, не было ни единого, которому предоставлялась власть короля или которого ее лишали властью папы. Напротив, мы с полной достоверностью доказали, что абсолютное право возводить королей на престол или же низлагать их принадлежало общественному собранию народа, так что было бы странно и невероятно, если бы франки в этом одном-единственном случае пренебрегли использованием этого права. И к чему нам по подобному поводу тратить лишние слова? Венерик Верцеллин предлагает свидетельство старинного автора, который писал о деяниях франков, и это сочинение доказывает, что вся выше изложенная история лжива. Доказано с полной очевидностью, что Хильдерих был низложен и заменен Пипином в соответствии с обычным правом франков и по древнему установлению их предков. Пипин заменил его на троне по решению торжественного собрания народа, который один обладал таким правом, что уже и было доказано выше⁷. Вот слова названного историка: «по совету и с согласия всех франков было послано сообщение апостолическому престолу и, когда было получено суждение папы, то этот величайший человек Пипин был возведен на престол избранием всего народа, он был помазан епископами и принял присягу князей»⁸. Из приведенных слов становится совершенно ясно, что Пипин вовсе не был поставлен королем папой, но был избран народом, его представителями и сословиями. В предшествующем фрагменте Венерик разъясняет этот вопрос очень четко и, следуя за этим франкским историком, говорит: «так как майордом Пипин, казалось, уже осуществлял обязанности короля и обладал властью, то он и был избран и возведен на трон как первый среди должностных лиц двора. Дополнительно до этого события было получено решение папы Захарии, поскольку совет и согласие римского папы, как казалось многим, по данному вопросу было

необходимо». В следующей главе он отмечает: «папа Захария рассудил, что предложения послов были справедливы и необходимы, и согласился поэтому с тем, что они предлагали. Таким образом, Пипин стал королем согласно всеобщему избранию князей»⁹.

Адо Вьейнский пишет по поводу того же мнения под годом 727: «к Захарии были направлены посланцы, чтобы испросить его совета — должен ли король франков оставаться королем, если у него нет действительной власти и он должен довольствоваться только королевским титулом. Папа Захария ответил им, что королем должен именоваться скорее тот, кто правит государством. По возвращении посланцев, Хильдерих, который носил в это время титул короля, был низложен, а франки поступили согласно совету послов и решению папы и избрали Пипина своим королем»¹⁰.

В дополнение к авторам, на которых мы ссылались выше, мы можем привести еще и свидетельство Эймона, который делает вывод в конце своего рассказа: «в этом году Пипин был провозглашен королем франков и в соответствии с франкским законом он был возведен на престол в городе Суассоне»¹¹. И, кроме того, Готфрид Витербский в четвертой главе семнадцатой книги своей хроники сообщает: «Пипин по избранию франков был объявлен королем франков папой Захарией, а ленивый король Хильдерих был отправлен франками в монастырь»¹². Схожее описание этого события присутствует и у Сигиберта под годом 752, у Оттона Фрейзингенского в двадцать первой, двадцать второй и двадцать третьей главах книги пятой и у автора книги под заглавием «Историческая коллекция»¹³. Из [слов] всех этих авторов легко сделать вывод о том, что хотя франки и провозгласили Пипина королем после того, как узнали мнение папы, он стал королем не властью и могуществом папы. Ведь одно дело — возводить на трон, а другое — дать совет об избрании; одно дело — иметь право возводить на трон, а другое — иметь право дать совет об избрании, хотя ни один человек не имеет права давать подобный совет в вопросах такого рода, если этот совет не спрашивается.

Я еще могу предложить просто великолепный по своей недвусмысленности отрывок (который был мне прислан) из старинной рукописи неизвестного автора. Он содержит следующую речь архиепископа Майнца к Пипину: «моей рукой франки с согласия всех сословий возлагают на твою голову эту королевскую корону, чтобы ты носил ее с честью и восчувствовал бремя власти. И они сочтут тебя личностью, противоположной Хильдериху, род которого и память о его предков они почитают, но отвращаются от того, что прежние привычные качества позабыты им, в то время как они любят и чтят светоч твоей доблести. Ведь если они посчитают, что гордость уменьшает этот великий свет в

тебе или же его яркость затмевается ленью, как ты полагаешь, что они с тобой сделают? Все, что ты получаешь, ты приобретаешь по их милости, а поскольку ты получаешь королевство согласно их решению (а не благодаря чему-либо иному), полагаешь ли ты, что суд, который они станут творить, не окажется столь же справедлив, сколь и суров? Узнай же, о Пипин, как должен действовать король, чуждаясь данного примера [Хильдериха] и его постоянной опасности, изведай, как же употребить все свои помыслы и заботы для блага своего народа?»¹⁴.

Впоследствии же никто не разъяснил этот вопрос более ясно, чем Марсилий Падуанский¹⁵, который в царствование Людвига Баварского¹⁶, написал книгу о судьбах империи. В шестой главе этого сочинения он выразился так: «Пипин, сын Карла Мартелла, человек решительный и опытный в военных делах, как рассказывают, был вознесен к верховной власти в королевстве папой Захарием. Однако Эймон пишет более правильно в своем сочинении о деяниях франков, что Пипин был законно избран королем франков и возведен на престол знатью королевства. Конечно же, Хильдерих, который расточал себя в удовольствиях, сохраняя королевский титул, был пострижен в монахи. Таким образом, Захария не низложил его, а как утверждают некоторые [исследователи], просто согласился с теми, кто это совершил. Ведь подобное низложение короля и избрание другого согласно справедливым доводам не принадлежит никоим образом ни одному епископу, ни одному духовному лицу или даже коллегии духовных лиц, но всем гражданам, живущим в данном государстве, или же знати, или могущественным лицам»¹⁷.

Таковы слова Марсилия, и мы можем отыскать и более поздние по времени суждения, согласные с ним. Так, например, в отрывке из дополнений к сочинению Гунибальда в изложении Иоганна Тритемиуса написано: «в том же году знать всего королевства, собравшись из-за необходимости низложения бездеятельного короля Хильдериха, стала держать совет. И они все единодушно постановили низложить короля Хильдериха, который не был наделен ни могуществом, ни способностями для того, чтобы править, и возвысить Пипина, в чьем распоряжении находилась верховная власть во всем королевстве, до положения короля. Но Пипин не пожелал согласиться с этим постановлением без того, чтобы сначала испросили совета у римского папы Захарии и тот высказал бы свое мнение»¹⁸. Таковы его слова.

Теперь уж я полагаю, что для всех людей очевидно, что претензии папы на право низлагать или возводить на престол королей — бесстыдное измышление, которое «доказывает» [наличие] у них святости и чистой совести.. Но помимо этой подделки, которая сама по себе оказывается непреложным доказательством бесчестия и злобности пап, достойно упоминания некое поразительное письмо папы Стефа-

на, которое было специально изготовлено, дабы послужить этой басне. А благодаря ему любой человек в силах судить о глупости и безумии старого ловкача. Это письмо приводится в хронике Регинона, монаха бенедиктинского ордена и аббата Прюмского, под годом 753 и является неопровержимым свидетельством правоты моих слов. Оно звучит так: «Стефан, епископ, раб рабов божьих. Ни один человек не должен хвастаться своими собственными заслугами, однако, деяния Бога, которые осуществляются через святых, без того, чтобы их собственные заслуги умалялись, должны открыто обнародоваться, подобно тому, как ангел повелел Товии¹⁹. Из-за преследований святой церкви со стороны короля Айстульфа²⁰, этого жесточайшего, кощунствующего и недостойного имени государя, я бежал во Францию к наилучшему и наивернейшему слуге св. Петра государю Пипину, христианнейшему королю; прибыв во Францию, здесь я тяжко занемог и некоторое время оставался в окрестностях Парижа, в достопочтенном монастыре во имя блаженного мученика Дионисия. Поскольку все врачи отчаялись в возможности моего исцеления, то я в один прекрасный день молился под колокольный звон в церкви во имя названного святого мученика и вдруг увидел перед алтарем государя Петра и государя Павла, наставника язычников. Я узнал их своим откровением по их одеждам. А затем я узрел и благословенного господина Дионисия (худого и высокого), стоявшего по правую руку государя Петра. И тогда наш добрый пастырь государь Петр сказал: «этот наш брат молит о возвращении ему здоровья». А блаженный Павел сказал: «он тотчас будет исцелен». И подойдя поближе, по-дружески положил руку на грудь господина святого Дионисия и взглянул на господина Петра. А государь Петр весело сказал государю Дионисию: «твоею милостью он исцелен». А государь Дионисий взял кадило с ладаном, и, держа пальмовую ветвь в руке, в сопровождении священника и диакона, которые находились за ним, подошел ко мне и сказал: «да будет с тобою мир, брат. Не бойся. Ты не умрешь, пока не возвратишься в безопасности на свой престол. Восстань здрав и посвети сей алтарь господу и апостолам Петру и Павлу, коих ты зришь перед собой, возносящими благодарственную молитву». Вскоре я был исцелен и пожелал исполнить то, что было мне предписано. Те же, кто был со мной при этом, утверждали, что я впал в безумие. Я поведал о том, что видел по отдельности королю и его двору, а также о том, что я исцелился. И исполнилось все, что мне было показано в видении. Все это произошло в день воплощения господина нашего 13 августа 753 года. И я, поскольку благодаря Христу обрел свои силы, в период между временем, когда я освятил указанный алтарь, и принесением на нем жертвы, помазал Пипина и его двух сыновей Карла и Карломана королями франков, а также и Бертранду²¹, жену Пипина, одетую в царственные одеяния. Более того,

именем господя я милостью семиобразного святого духа дал франкской знати и народу апостолическое благословение и, склонившись перед властью, доверенной Христом самому апостолу Петру, они поклялись и обещали за себя и своих потомков никоим образом никогда впредь не брать королей из любого другого рода на все грядущие времена»²¹.

Именно так и писал папа Стефан и, поскольку его достойное осмеяния безумие должно быть очевидно для всех нас, то нам, разумеется, непременно следует «опасаться» проклятия, которое он обрушил на головы всех тех, кто только мог получить королевство, не принадлежа к роду Каролингов. Можно найти лишь один-единственный пример такой же глупости — это рассуждения в недавно изданной книге, написанной с целью опровергнуть нашу «Франкогаллию» каким-то автором по имени Матарель²² (не знаю уж, кто это такой), шумным, бесстыдным и не брезгливым малым. Он ссылается на это предельно неумное письмо папы Стефана и тем самым демонстрирует всем и свою собственную поразительную глупость. То же самое можно отнести и к другому достойнейшему человеку по имени Папир Массон²³ (опять-таки никому неизвестному), иезуиту в галльском капюшоне, глупцу, ренегату, продажному льстецу, которого следует отправить в сумасшедший дом св. Матюрена в Париже, где заботятся о фанатиках такого рода, и сечь кнутом до смерти²⁴.

Глава XVII (XIV) О коннетабле и пэрах Франции

Помимо майордомов, о которых мы уже говорили выше, нам следовало бы обсудить еще одну верховную должность, существовавшую прежде. Это просто необходимо, поскольку, если только доверять памяти наших предков, представляется, будто она заменила должность майордомов. Ведь некогда существовали королевские графы конюшен, и именно отсюда в результате искажения понятий в конце концов возникли слова — сначала *comestabile*, а затем и коннетабль. Итак, со времен поздних римских императоров все те лица, которые получали высшие должности при дворе и сыграли свою роль в управлении государством, обычно именовались графами. Именно таков был обычай, и наши предки не отвергли его, как мы уже показали прежде в некоторых наших книгах. Так, Цицерон неоднократно называет Каллисфена¹ «графом² Александра Великого»³. Эта должность коннетабля очень напоминает ту, которая у римлян называлась «магистром всадников», то есть «командующий конницей», поскольку командир конницы отвечал и за положение дел в императорской конюшне и обычно именовался так-

же и «оружничим» (scutieros) или «конюшим». Так Григорий Турский в тридцать девятой главе книги пятой отмечает: «королевский конюший Хуппа притащил из Буржа Хлодвигова⁴ казначея. Надев на него оковы, он передал его королеве⁵»⁶. Он также в сорок восьмой главе далее рассказывал и о Левдасте⁷: «она⁸ страстно желала, чтобы он находился рядом и назначила его хранителем лучших лошадей. Он же был охвачен суетностью, и преисполняясь гордыней, получил должность графа конюшен. Когда же он добился этой должности, то начал презирать всех и смотреть на всех сверху вниз»⁹.

Из этих примеров становится ясно, что хотя заботу о лошадях обычно и считали почетнейшей должностью, она была гораздо ниже должности коннетабля. Эймон также доказывает очевидность этого утверждения в тринадцатой главе третьей книги, когда он пишет о том же Левдасте в следующих словах: «он был очень близок с королевой и был назначен управителем конюшни. Затем он сделался графом конюшен над всеми остальными, а после смерти королевы Хариберт сделал его графом Труа»¹⁰. Далее в главе 70 [Эймон отмечает]: «Леодегизил, префект королевских конюшен, который обычно именуется графом конюшен, был назначен королем главнокомандующим над войсками и приказал, чтобы были доставлены военные машины»¹¹. Или Эймон еще в девяносто пятой главе четвертой книги, где он пишет о Карле Великом, рассказывает: «в том же году он послал своего коннетабля Буркхарда с флотом против Корсики»¹². И Регинон описывает эти же события: «в том же году он направил Буркхарда, графа конюшен (понятие, которое мы привыкли определять как «коннетабль»), с флотом против Корсики»¹³. А в дополнениях к Григорию Турскому эта должность называется «коннетабль»: «Брунгильда, — пишет автор, — была доставлена из поместья коннетаблем»¹⁴.

Вот поэтому и случилось, что Альберт Кранц и взял на себя смелость утверждать в сорок первой главе своей книги, посвященной истории шведов, что должность коннетабля соответствует должности, которую немцы называют маршал. «Они назначали правителя, — пишет он, — из знаменитых воинов, который был наделен властью созывать собрание и вести почти все дела в отсутствие государя. Мы зовем его «маршал», в то время как французы называют его «коннетаблем»»¹⁵. Это может представляться еще более вероятным, поскольку в нашей Франкогаллии невозможно обнаружить ни единого упоминания о маршалах у старинных авторов. Хотя позднее у французских королей, может быть, и вошло в привычку использовать обычай германцев. Мне совершенно ясно это, и мое мнение подтверждается старинным отрывком, позаимствованным из анналов Томаса Уолсингема, который записал под годом 1293: «и вскоре король франков¹⁶ повелел коннетаблю¹⁷ именем французского короля захватить герцогство Аквитанское силой оружия»¹⁸.

У меня нет никаких сомнений в том, что должность «графа конюшен» восходит к обычаям римских императоров, хотя если (это так), то она мало связана с нашими традициями, особенно же с тех пор, когда она выросла до должности префекта претория. Однако в более ранние времена эта должность была подобна должности «военного трибуна». Аммиан в двадцать шестой книге, где он пишет об императоре Валентиниане, сообщает: «прибыл ускоренным маршем в мартовские календы в Никомедию. Здесь он назначил своего брата Валента¹⁹ начальником императорской конюшни в ранге трибуна»²⁰. Эта должность упоминается и в первом титуле «О комитах и трибунах дворцовой охраны» «Кодекса» Юстиниана²¹, где считается великой и почетной должностью, так что (ее носитель) мог присутствовать на императорском пиру и носить пурпур. Упоминание о той же должности встречается и в трех разделах «Кодекса» Феодосия²², причем последнее из них связано с положениями о праве требовать контрибуцию с тех провинций, которые обеспечивают содержание военной конницы для использования ее императором.

Теперь нам остается только определить особый статус тех, кто занимал те должности, которые обычно называются «пэрами Франции», хотя, несмотря на все предпринятые нами поиски, так и не удалось найти какие-то сведения о них. И среди всего огромного множества книг, известных как анналы или хроники Франкогаллии, не существует такой, где сообщалось бы хоть что-то достоверное об этом учреждении. А о том немногом, что рассказано Гагеном и каким-то итальянским автором Павлом Эмилием²³ (который в большей мере является историком папства, чем французских королей), и другими общеизвестными авторами, то есть о том, что эти должности были изобретены либо Пипином, либо Карлом Великим, то ясно же, что все это — ерунда. И следует понять, что нет у них другого доказательства, кроме этого, поскольку ни один из множества германских историков, писавших свои сочинения либо во время правления этих государей, либо вскоре после их смерти, не сохранил ни одного упоминания, не привел ни ясного свидетельства, ни даже малейшего намека на существование подобной должности. Даже Эймон, чья история обычаев и деяний франков доходит до правления Людовика Благочестивого, а дополнения к ней были доведены до Людовика Младшего, тридцать седьмого короля²⁴, нигде не упоминает об этих пэрах.

Итак, вплоть до того времени, когда кто-либо сможет просветить [в этом вопросе] меня получше, я могу считать, что учреждение этого статуса должно относиться только к правлению Гуго Капета, который захватил королевство безо всякого законного наследственного права. Он полагал, что те вельможи, которые получают новые почести и милости, будут обязаны ему своей верностью, а в результате они все станут соглашаться с тем, что он будет предпринимать. Более того, довольно

легко понять, каким именно образом эти установления выросли из феодального закона, согласно которому те вассалы, которые получают владения непосредственно от своего верховного сеньора и повелителя, между собой стали именоваться пэрами, то есть они как бы имели равную почесть. У них имелось тройное право — во-первых, те, кто включался в этот круг вассалов, допускался в него только собранием их самих (вторая книга феофов, титул второй); во-вторых, они могли свидетельствовать по вопросу об инвеституре в случае, если их спрашивали (вторая книга феофов, титул девятнадцатый)); и, наконец, если между ними возникал спор, или же он поднимался между ними и сеньором, то они сами осуществляли гражданский и уголовный суд по отношению к ним (вторая книга феофов, титул пятый и шестой)). И, конечно же, пэры Франции, в соответствии с этими законами, не могли быть назначены без этой коллегии, и не могли быть выведены из нее без решения их собрания, а, кроме того, никто из них не мог призываться к ответу на иной суд, чем суд своих собратьев. Короче, собрание пэров получило особую власть, так что они могли наслаждаться правом решения всех своих вопросов в собственном кругу.

Но Бюде²⁵, человек величайших познаний, называет этих пэров именем патрициев, и указывает, что согласно его представлениям, данный институт был учрежден одним из наших королей, который присоединил германскую империю. Вследствие этого Юстиниан говорит, что эти *patres* были избраны императором как покровители и стражи государства. Я не опровергаю мнение столь ученых людей, особенно потому, что это повышает статус пэров, поскольку была некогда должность патрициев в эпоху поздних римских императоров, как свидетельствует Свидя, патриции почитались отцами отечества. С ними консультировались императоры, они наслаждались теми же знаками почета, что и консулы, и они были наделены большей властью и почестями, чем префект претория, хотя и меньшей, чем власть консулов. Все это в частности может быть установлено по «Новеллам» Юстиниана, Аполлинарию Сидонию, Клавдиану и Кассиодору²⁶.

Однако я не считаю, что когда титул империи перешел к германцам, то узурпирована была ими и эта почесть, и едва ли можно допустить, что ни один из германских историков не упомянул о том, что был установлен подобный род патрициев каким-либо германским императором, который одновременно являлся и королем Франкогаллии. Тот же Бюде отмечает (хотя и с некоторым колебанием) в отрывке, на который мы уже ссылались, что впоследствии звание пэра также использовалось и у некоторых соседних народов, и что в королевских комментариях под годом 1224 записано, что некий Иоанн Нигелланус Фландрский, который имел процесс здесь, во Франции, апеллировал от имени

графини Фландрской к пэрам Франции. Он сначала поклялся, что обратился со своим делом к пэрам Фландрии, но не мог добиться справедливости в разборе дела с их стороны, и графиня Фландрская отменила решение пэров Фландрии, приказав ему обратиться со своим делом к пэрам Франции²⁷. Бюде, однако, не объясняет причину перенесения судебного казуса, а ведь тот, кто так хорошо разбирается в феодальном праве, не должен был бы пренебрегать этой задачей.

Давайте же теперь несколько более подробно и ясно разъясним вопрос о происхождении этого звания. Прежде всего, позвольте мне повторить то, что я сказал уже раньше, а именно, я считаю твердо установленным благодаря сочинениям всех писателей — понятие «пэры» невозможно обнаружить ни у германских историков, ни у французских вплоть до периода [правления] королей из династии Капетингов. Но поскольку я заметил, что некоторые старинные источники недавно были обнаружены и стали доступны благодаря тому, что их издали, и в этих сведениях содержится и несколько отдельных упоминаний о правах пэров, я полагаю, что все же следует изложить некоторые краткие сведения, которые мы отметили в упомянутых сочинениях. Я сделаю это тем более охотно, поскольку все эти сведения были искажены тем автором, который недавно сделал эти источники доступными для читателя. Истина же и разум нам говорят нечто иное. Итак, я прежде всего замечу, что существовало две причины для учреждения института пэров. Во-первых, пэры играли главную роль при церемонии торжественного вступления короля в должность или же, как тогда выражались, при его инвеституре. Это означало, что они торжественно украшали короля символами и знаками его верховной власти в собрании принцев и вельмож. Далее, если кто-либо из числа принцев или знати Франции был обвинен в уголовном преступлении, то они сами судили его. Ведь в древние времена подобные суды осуществлялись общественным советом народа (о чем мы подробно уже рассказали выше), а поскольку вскоре после прихода к власти Капетингов возник новый обычай передавать право высшего суда парламентам (о чем еще мы поговорим позднее), а принцы королевства не сочли (подобающим), чтобы их судьба оказалась просто в распоряжении парламента, то в итоге короли сочли, что наиболее подходящим будет учредить в дополнение к парламентскому суду особый суд для пэров, который и именовался судом пэров, чей ранг и количество, однако, время от времени изменялись.

Ведь далеко не всегда существовало именно двенадцать пэров, а ведь как раз это, как я вижу, глупо утверждается всеми, кто привык ссылаться на сомнительные источники; иногда их числилось много, а иногда всего несколько, в зависимости от того, насколько это было необходимо, по мнению короля, который и награждал этим званием как величайшей почестью и отличием. Здесь будет уместно привести пример из рукопис-

ных источников, на которые мы ссылаемся, из которых самым ранним можно считать относящийся к 1216 году²⁸ ко времени правления Людовика Толстого²⁹: «таково суждение пэров нашего королевства, а именно архиепископа Реймского, епископов Готье Лангрского, Готье Шалонского, Филиппа Бовезского и Этьена Нуайонского, герцога Бургундского Эда³⁰, вместе со многими другими епископами и баронами нашими, а именно епископами Осера, Шартра, Санлиса и Лизьё, графа Понтье, Р., графа Дрё, Бретани, Р. графа Сен-Поль, Ж., графа де Рош, Жуаньи, Ж., графа Бомона и Р. графа Алансона, вместе с сенешалом Анжу. Это суждение вынесено в нашем присутствии и с нашего одобрения»³¹. Из сказанного можно удостовериться, что в это время пэры не являлись теми же самыми пэрами Франции позднейших времен, и что многие из них были архиепископами и епископами из-за предрассудков того времени³². Ведь когда создавались престолы епископов в каких-либо областях и щедрость королей воплощалась в предоставлении им богатых и плодородных поместий и, если так можно выразиться, сатрапий, то гордыня духовенства с готовностью возрастала благодаря подобному богатству. В дальнейшем церковные бенефиции стали передаваться лицам, принадлежащим к знатным родам не по тому, что те могли должным образом исполнять функции духовного сословия, но из-за количества богатства и могущества, предоставляемого им. Об этом записал Сигиберт под годом 500: «король Хлодвиг передал много поместий Реймской церкви и святой Ремигий»³³ решил, что большая их часть должны быть переданы церкви Лана и там следует учредить епископскую должность»³⁴.

Но вернемся к вопросу о происхождении пэров. Из множества источников по этому поводу можно привести такой: приговор пэров против Пьера Моклера или Зломыслящего³⁵, правителя Бретани: «в 1230 году. Мы Готье, Божией милостью архиепископ Санса, Готье, Божией милостью епископ Шартра, и Гийом, Божией милостью епископ Парижа, а также граф Фландрский Тома³⁶, Тибо, граф Шампани, граф Неверский, граф Блуа, граф Шартрский, граф де Монфор, граф Вандомский, граф Руси, Матье де Монморанси, коннетабль Франции, Жан де Суассон, Этьен де Сансерр, виконт де Бомон³⁷ и т.д. объявляем, что мы в присутствии нашего возлюбленного сеньора Людовика, короля Франции единодушно приговариваем, что Пьер, ранее граф Бретонский, по справедливости лишается должности бальи Бретани вследствие деяний, которые он предпринял против указанного государя короля и что бароны Бретани и все прочие, кто только приносил ему присягу или оммаж в качестве его положения бальи, полностью освобождаются от упомянутых присяги или оммажа»³⁸.

Еще более примечательный отрывок под годом 1315 обнаружен, относящийся к царствованию Людовика Сварливого³⁹, из которого можно понять, что, во-первых, звание пэров часто возлагалось на различных

принцев по желанию королей, и далее, что позднее обычно прибавляли к их постановлениям имена других, из числа представителей французской знати и церковных сатрапов. В результате же в числе пэров иногда оказывались иностранные государи и князья, если они случайно становились владельцами какой-нибудь провинции из тех, которым было присвоено звание пэрства. И вот слова этого постановления: «мы, упомянутые пэры, собрались в королевском суде в городе Париже по распоряжению и повелению короля и провели суд с другими двенадцатью лицами — прелатами или же высокопоставленными людьми — архиепископ Руана, епископы Сен-Бри и Сен-Маклу, Филипп, сын короля Франции, граф Пуатье⁴⁰, Луи, граф Эврэ⁴¹, Шарль, граф де ла Марш⁴², Ги, граф де Сен-Поль, Гоше, сир де Шатийон и Порсиан, коннетабль Франции⁴³, старший сын графа де Клермон, Жан, сир Клермона и Шаролэ⁴⁴, сир де Маркей и Миль, сир де Нуайе⁴⁵. Эти лица были избраны нами для проведения суда в нашем присутствии как пэры в суде под защитой королевской власти, которая заявляет, что не в силах включить большее число пэров, поскольку герцог Аквитанский, сиречь король Англии, который был приглашен, принес свои извинения по случаю войны с Шотландией⁴⁶, а герцог Бургундский⁴⁷ просил его извинить по причине занятости другими делами, в то время как епископ Нуайонский умер, а епископ Шалонский содержится в заключении за доказанные преступления»⁴⁸.

К этим старинным замечательным свидетельствам можно прибавить еще положение, которое содержится в постановлениях под годом 1360, и благодаря ему можно понять, что (как мы несколько раз уже повторили) первоначально существовало определенное и ограниченное количество пэров, хотя верховная власть в их назначении и принадлежала королевской власти. Более того, эта должность не являлась тем, что называется «патриций», как верил Бюде и все те, кто шел за ним, но скорее связана со словом «pariatius», хотя в более поздние времена и слово «pariatius» и слово, почерпнутое из нашего обычного галльского языка «pergia» относятся именно к этому званию. Приводим здесь подлинный текст постановления: «так как мы желаем прибавить почесть к почести, мы сопровождаем этот герцогский титул званием пэра Франции, устанавливая его так, чтобы столь долго, сколько сам носитель этого титула⁴⁹, а также и впредь все его потомки по мужской линии, рожденные в законном браке, будут жить, они станут именоваться герцогами Беррийскими и Овернскими и пэрами Франции и станут наслаждаться статусом герцога и пэра со всей подобающей титулатурой, правами и всеми прочими привилегиями»⁵⁰. Почти тот же самый смысл содержится и в грамоте, выданной королем Иоанном⁵¹ в 1363 году, в котором это звание называется не «patriciatius», но «pariatius»: «мы даруем герцогство Бургундское в качестве пэрства (in pariatu) со всеми правами и собственностью, которыми мы

только обладаем в нем (но это не относится к бургундскому графству из наследия нашего родственника Филиппа, последнего герцога) нашему дражайшему сыну Филиппу⁵², чтобы он держал его и владел им, равно как и его наследники, происходящие от него законным путем от брака, навечно согласно наследственному праву, в мире и безопасности»⁵².

Однако, позднее, как мы уже говорили, из языка простого народа было воспринято иное обычное выражение, что можно понять из постановления от 1414 года; в нем было записано следующее: «Да будет ведомо всем, впоследствии, что в результате этого предписано: так как мы желаем изменить положение нашего родственника Иоанна, возвысив его и изменив его титул на более высокий и славный, то мы возводим нашего родственника вышеназванного Иоанна в герцоги, а графство (Алансон) в герцогство; мы желаем также, чтобы названное герцогство стало пэрством (in Perria seu Paritata) точно на таких же условиях, на каких наш вышеназванный родственник Иоанн ранее держал графство»⁵³.

Все это было почерпнуто, как я уже сказал, из французских комментариев и в них имеется еще одно замечание, которое как мне кажется, достойно того, чтобы о нем рассказать и его запомнить, но, однако, без доказательств; когда герцог Бретонский был провозглашен виновным в оскорблении величества, то встал вопрос, кто собственно этот суд должен вершить; и когда Филипп Отважный, [герцог] Бургундский спросил [об этом] у короля, то король ответил, что пэра к суду может привлечь только суд пэров (в соответствии с постановлением, принятому в 6 ноны марта 1386 года). И впоследствии, когда короля Карла VII парижский парламент спросил, кто должен вести процесс по тяжким уголовным делам в отношении пэров, то ответ гласил (12 календы мая 1458), что, как сказано выше, это в соответствии с феодальным правом принадлежит суду пэров. Но время уже вернуться к предпринятому нами труду.

Глава XVIII (XV)

О сохранении власти священного общественного совета в правление Каролингов

Мы полагаем, что рассказали уже вполне достаточно, о том, каким образом наше государство было устроено в правление рода Меровингов и какова была в нем власть общественного совета. Теперь же нам следует высказаться о том, каким оно было при Каролингах. Из сочинений всех наших историков, а также и германских историков, становится совершенно очевидно, что та же власть сословий или штатов полностью сохраня-

лась, и что верховные суд и решения по любым вопросам были связаны не с Пипином или Карлом или Людовиком, но с королевским величием. Как мы уже показали раньше, подлинное и подходящее место пребывания этого величества заключалось в общественном собрании и это установление покоилось на непоколебимом согласии множества поколений.

Первое доказательство этого содержится во второй книге хроники Регинона под годом 806, где автор рассказывает о Карле Великом: «император, — пишет он, — проводил собрание вельмож и знати франков для того, чтобы создать и сохранить мир среди сыновей и разделить королевство»¹. Немногом дальше он отмечает: «он сделал дополнения к своему завещанию относительно этого раздела и все это было подтверждено клятвой, данной франками»². У Эйнхарда в его произведении, на которое мы уже несколько раз ссылались, имеется свидетельство о том, что же именно произошло после смерти Пипина, и он говорит так: «франки торжественно собрались на свое всеобщее собрание и избрали обоих его сыновей своими королями при условии, что все королевство будет разделено и что Карл будет управлять той его частью, которой владел его отец Пипин, в то время как Карломан получит часть, которой управлял их дядя Карломан»³.

Из приведенной выдержки легко заключить, что та власть, которую сословия королевства имели при Меровингах на протяжении почти трехсот лет, сохранялась за ними и после падения Меровингов. Так, хотя умерший король и оставил сыновей, они все же достигали трона не столько в силу своих наследственных прав, сколько благодаря выбору и воле сословий. Подобным же образом, если сын короля, переживший отца, был еще несовершеннолетним, для него собранием народа определялся регент. Эймон пишет об этом в сорок второй главе книги пятой: «когда Людовик умер, его сын Карл, который впоследствии был прозван Простоватым, утратил отца, еще находясь в чреве матери»⁴. Вельможи сочли, что в таком возрасте еще слишком рано управлять государством (и, конечно же, так оно и было) и создали совет по этому поводу. Знать Франкии, Бургундии и Аквитании собралась вместе и выбрала Одо как хранителя мальчика Карла и правителя королевства»⁵.

Конечно же, существовали также и другие важные государственные вопросы, которые обычно выносились на этот совет. Свидетельство наличествует во второй книге хроники Регинона, где он записал: «в 763 году король Пипин провел свое собрание в Невере»⁶. В другом отрывке под годом 764 он указывает: «король Пипин провел собрание в Вормсе»⁷. Под годом 765 он снова отметил: «король Пипин провел свое собрание в Аттиньи»⁸. Позднее он еще раз заметил: «он провел свое собрание в городе Орлеане»⁹, Эймон в семьдесят первой главе второй книги, где хронист описывает саксонскую войну, рассказывал:

«при первом же дыхании весны король отправился в Нуайон, и так как он должен был проводить всеобщее собрание своего народа в местечке, которое называлось Падерборн, то он двинулся в Саксонию с многочисленным войском»¹⁰. И далее: «в соответствии со священнейшим обычаем, когда окончилась зима, он провел всеобщее собрание своего народа в месте под названием Падерборн»¹¹. А в семьдесят девятой главе Эймон еще раз упоминает: «так как он встретился со своей супругой в Вормсе, то решил провести там всеобщее собрание своего народа»¹².

В этой и других предшествующих выдержках Эймон постоянно говорит о короле Карле, который в результате своих великих деяний присоединил к своему королевству почти всю Европу и который с согласия всех народов получил прозвище «Великий». Но даже Карл Великий не мог лишить франков их прирожденного права и свободы, и он никогда не предпринимал ничего важного, не выяснив прежде мнения народа и решения знати. Более того, не подлежит сомнению, что когда Карл Великий расстался с жизнью, то его сын Людовик управлял королевством на тех же самых условиях.

В дополнениях к десятой главе книги пятой Эймон рассказывает: «после смерти Карла Великого император Людовик, действуя как бы в предвосхищении событий, собрал всеобщий совет народа в Теотуаде»¹³. Далее в тридцать восьмой главе, где описывает мир, заключенный между королем Людовиком и его кузеном того же имени¹⁴. Эймон пишет: «они созвали собрание и там, с согласия своих верных людей, договорились соблюдать условия, которые перечисляются далее»¹⁵; и на этом собрании было постановлено при всеобщем согласии, что сами короли должны сопровождаться охраной, etc. Далее в двадцать первой главе, где описывается правление Карломана, сына Людовика Косноязычного: «так он оставил Нормандию, чтобы возвратиться в Вормс, где в ноябрьские календы должно было проводиться им собрание»¹⁶. И опять-таки и в следующей главе, где рассказывается о Карле Простоватом: «франкские вельможи сочли, что в его возрасте не подобает править, и собрали совет о делах государства»¹⁷.

Также составитель анналов Реймса под годом 935 отмечает: «в то время как король Рудольф находился в Лане, там произошло в праздник Пасхи столкновение между королевскими войсками и солдатами епископа, а во время этого волнения многие священники и миряне были ранены или убиты. По этому поводу король провел собрание вельмож королевства в Суассоне»¹⁸. Он приводит более ясный пример под годом 946, когда на таком же собрании обсуждался вопрос о восстановлении короля в его королевстве: «английский король Эдмонд¹⁹, — записал хронист, — направил послов принцу Гуго²⁰ по вопросу о возвращении короля Людовика. И принц соответственно созвал общественное собрание со своими племянниками²¹ и другими вельможами королевства»²².

Чуть дальше хронист записал: «с одобрения Гуго²³, сына Ришара, и других вельмож королевства Гуго, герцог франков, возвратил короля Людовика его королевству после того, как тот содержался в заключении около года²⁴»²⁵. Давайте также приведем и выдержку из этих анналов (содержащуюся под годом 961) для того, чтобы не упустить ничего из того, что имеет отношение к явлению, которое автор этих анналов называет королевским собранием (*placitum regale*) или общественным советом народа: «Одо, сын покойного принца Гуго²⁶, прибыл к королю Людовику в период пасхи в Лан. Там присутствовали некоторые лица из Франции и Бургундии, кто желал созыва королевского собрания. Собрание различных принцев было проведено в Суассоне. Ришар²⁷, сын Гийома Нормандского, выступил против этого препятствия его планам (если только собрание может быть названо так), когда его силы были окружены некоторыми сторонниками короля и, после того, как некоторые из его людей были убиты, он повернулся и бежал²⁸»²⁹.

Однако если приводить каждый отрывок, который имеет отношение к рассматриваемому вопросу, то работа окажется бесконечной, и, с моей точки зрения, почти бессмысленной. Ведь мы полагаем, что из примеров, которые приведены в огромном количестве, совершенно ясно каждому, что вплоть до Карла Простоватого, то есть на протяжении более чем пятисот пятидесяти лет, суд и решение всех важных дел принадлежали собранию народа, или как мы выражаемся теперь, собранию сословий или штатов, что это установление наших предков соблюдалось как нечто священное на протяжении столь длительного времени, так что я не могу надивиться в должной мере на мнения тех близких к нам по времени писателей, которые не стыдятся утверждать в своих книжонках, что общественный совет был учрежден лишь при короле Пипине. В особенности [это странно] потому, что Эйнгард, канцлер Карла Великого, решительно утверждает, что при всех королях из династии Меровингов было обычаем проводить общественное собрание своего народа ежегодно в майские календы и появляться на этом собрании в повозке, влекаемой быками.

Глава XIX

О главном различии между королем и государством

А теперь, конечно же, давайте рассмотрим вопрос, решение которого имеет огромное значение для наших рассуждений, а заодно обдумаем мудрость наших предков, которая и проявилась в этом установлении. Изю всего того, о чем столько говорилось в этой книге, разве неясно,

что все авторы наглядно показывали, что существует различие между королем и королевством? Ведь вопрос ставился так — принцепс является единственным и исключительным государем и как бы главой государства; в то время как само королевство — это совокупность граждан и подданных и является как бы телом государства, и это различие между ними проводилось также и юристами. Ведь Ульпиан¹ определял врага [общества] как человека, который «враждебно настроен в душе либо против государства, либо против государя»². А в последней главе своих «Установлений» он заявляет: «закон Юлия об оскорблении величества направляет свою силу против тех, кто замышляет что-нибудь против императора или государства»³. В пятой книге судебных постановлений Павла⁴ можно прочесть следующее: «тот, кто обращается к прорицателям о здоровье государя или же о великих государственных делах, должен быть наказан смертью вместе с тем человеком, который даст ему ответ»⁵. А в третьем титуле Саксонского капитулярия [говорится]: «тот, кто замышляет против королевства или короля франков, должен быть наказан смертью»⁶.

С другой стороны, король так же связан с королевством, как отец — со своей семьей, наставник — с учеником, опекун с подопечным, кормчий — с пассажирами и путешественниками на его корабле, пастырь — со своей паствой, а командующий — со своим войском. Следовательно, поскольку не ученик создан ради своего наставника, не корабль — для кормчего, не паства — для пастыря, и не войско — для командира, а все было наоборот, все последние существуют из-за наличия первых, то и народы не были созданы и приготовлены для королей, но скорее наоборот, короли — для народа. Поскольку народ без короля вполне может существовать. Он может подчиняться совету знати или же состоящему из равных себе, так, как это делается во время междуцарствия. Но сама мысль, что король может существовать без народа, столь же невообразима, как и мысль о пастыре — без паствы. «Как ты думаешь, — спрашивает Сократ⁷ у Ксенофонта⁸ в «Воспоминаниях о Сократе», — почему Гомер назвал Агамемнона «пастырем народов»¹⁰? Как пастырю необходимо заботиться, чтобы овцы были целы, чтобы они имели коры и чтобы достигалась цель, ради которой их держат, так и служение государя должно быть таким, чтобы он обеспечивал счастье и благоденствие своих граждан»¹¹.

Ну, давайте рассмотрим также и прочие различия. Король, как частное лицо, является смертным, королевство же — вечно и о нем известно (как иногда нам говорят), что оно бессмертно, как утверждает Исократ¹² о государствах в своей речи о мире, как выражаются и юристы, когда говорят о коллегиальных организациях и корпорациях. Король может быть недалек умом или же вообще лишиться его, как это было с

нашим Карлом VI, отдавшим так опрометчиво свое королевство англичанам¹³. Другие люди бывают, которые соблазняются наслаждениями плоти и увлекаются обольщениями женщин, и даже отвергают равновесие разума и страстей. Но королевство сохраняет свою подлинную и надежную мудрость в своих сенаторах и вельможах, которые обладают опытом в ведении дел и образуют все вместе как бы голову государства. Король может потерпеть поражение в одной-единственной битве или даже в один день, или же он может быть захвачен врагами и оказаться в их власти, или же даже отправлен в оковах на их территорию. Как известно каждому, именно это произошло со святым Людовиком, Иоанном и Франциском I¹⁴. Однако, при этом, хотя королевство и утратило своего короля, само оно может оставаться непострадавшим, если в подобном случае, немедленно, так скоро, как только получено известие о подобном несчастье, созывается общественный совет и собираются вельможи; все вместе сообща встречаются, а общественный совет изыскивает сверхординарные средства и субсидии, чтобы противостоять возникшим неприятностям лицом к лицу. И именно это и в перечисленных ситуациях и было сделано.

Кроме того, из-за беспомощности в силу своего малого возраста или же легкомысленного характера король может быть развращен и испорчен любым жадным, прожорливым или развратным советником, равно как и распушенными молодыми людьми, его ровесниками. Точно таким же образом он может оказаться очарованным и поработанным какой-то молодой женщиной, но даже может передать подобным лицам чуть ли не всю полноту власти в делах управления государством. Как я полагаю, широко известно, сколь часто случались подобные дурные примеры, о которых сообщается в наших анналах. И все же королевство всегда опирается на совет и мудрость своих сенаторов. Соломон, наимудрейший из людей, даже в старости нередко прельщался молодыми женщинами¹⁵, Ровоам¹⁶ — подростками, Нин вводился в соблазн собственной матерью Семирамидой¹⁷, Птолемей, по прозвищу Авлет¹⁸ — флейтистами и арфистами. Наши же предки оставляли за своими королями [право выбора] своих частных советников, следивших за их личными делами. [Выбор] же сенаторов, которые управляют государством, дают советы, касающиеся всего общества, и показывают королю, как следует управлять государством, был сохранен за общественным советом. В 1356 году, когда король Иоанн был захвачен в плен англичанами и отвезен в Англию¹⁹, общественный совет был проведен в Париже. Когда некоторые из королевских советников появились там, то им было предписано покинуть собрание, и им было указано, что представители общественного совета не станут собираться впредь, если советники не прекратят посещать это священнейшее

место поклонения всего королевства. Свидетельство об этом событии имеется в «Больших хрониках», написанных по-французски, во втором томе (лист 169), относящемся к королю Иоанну²⁰.

Никогда не было такой эпохи, когда не соблюдалось бы это очевидное и ясное различие между королем и королевством. Согласно свидетельству Ксенофонта, спартанский царь и эфоры, которые были как бы царскими телохранителями и стражами, ежемесячно обменивались торжественными взаимными клятвами в верности. Царь давал клятву, что будет управлять в соответствии с писаными законами, а эфоры — что они будут оберегать царскую власть тогда, и только тогда, когда царь будет рабом своей клятвы. В своем письме к Бруту²¹ Цицерон говорит: «ты знаешь, что я всегда желал, чтобы наше государство избавилось и от царя, и от царской власти»²². В своем сочинении «О законах» он писал: «поскольку монархическая форма государства была однажды принята, а позднее отвергнута по вине скорее царей, чем царства, может показаться, что был, отвергнут только царский титул и т.д.»²³. И наконец во второй «Филиппике» Цицерон констатирует: «Ведь я, будь я в их числе, уничтожил бы в государстве не одного только царя, но и царскую власть вообще»²⁴.

Однако наши предки не оставили нам более ясного доказательства этого различия, большего, чем в статусе и титуле должностных лиц. Поскольку те из них, кто получает частицу королевского достоинства лично от короля, называются его слугами, и если король умирает или низлагается, то они немедленно утрачивают свое могущество. В конце концов, их должность может быть отнята у них и по решению самого короля, так словно бы она являлась вещью, дарованной по просьбе. Среди должностных лиц такого рода — все те, кого обычно называют управляющим королевским дворцом, королевским постельничим, главным ловчим, да и все должностные лица королевского двора. Но наши предки обособляли от них тех, кто являлся должностными лицами королевства и всего государства, прибавляя к их званиям гораздо более значительное определение «Французский». И этот обычай мы сохраняем и теперь, когда говорим о коннетабле Франции, адмирале Франции, канцлере Франции. В древнейшие времена эти должности предоставлялись не королем, но народом, и в силу этого они не переходили в другие руки после смерти короля или при каких-то изменениях в государственных делах, а те, кто их исполнял, не могли быть освобождены от них по королевскому волеизъявлению и не отказывались от них по собственному решению. Итак, даже теперь те, кого в народе называют должностными лицами короны, не перестают быть должностными лицами после смерти короля. Они также не могут быть лишены своей должности в течение своей жизни, если только они не осуждены за государственные преступления²⁵.

Для того чтобы нам не пропустить ни один аспект верховной власти народа, следует также отметить, что в трех сферах управления — военной, юридической и финансовой — те должностные лица, которые стоят выше всех и наделены верховной властью в этих вопросах, назначаются не королем, а французским королевством. Например, мы обычно называем того, кому принадлежит высшая власть в делах военных, как мы уже отмечали, коннетаблем Франции или маршалом Франции, или же (как о том свидетельствует Сигиберт) сенешалом Франции; именуем того, кому подчиняется флот и корабли, адмиралом Франции; тот, кому предоставлена верховная власть над законами, является канцлером Франции; ну а тот, кто контролирует налоги и казну, зовется сюринтендантом Франции.

Глава XX (XVI)

О роде Капетингов и о том, каким образом к нему перешло королевство Франкогаллия

Выше уже было показано, что на протяжении двенадцати столетий королевство Франкогаллия управлялось только тремя династиями. Первой из них стал род Меровингов, а второй — Каролингов, причем обе династии получили свое название по имени их основателей и родоначальников. Так как, хотя королевство передавалось (о чем уже говорилось неоднократно) не по наследству, а по выбору совета, франки (как говорил Тацит) охотно сохраняли обычай германцев: «царей они выбирают из наиболее знатных, а вождей — из наиболее доблестных»¹. Так, они обычно избирали своими королями тех, кто был рожден от царственной крови и кто воспитывался и наставлялся в царственных обычаях, были ли эти лица сыновьями королей или же из числа их близких родственников.

Однако в 987 году после смерти тридцать первого короля Франкогаллии и двенадцатого короля из династии Каролингов Людовика V в королевстве произошли решительные изменения, и скипетр перешел в чужие руки. Ведь Карл, герцог Лотарингии, дядя умершего короля по отцу, оказался единственным выжившим представителем своей династии и, согласно обычаям народа, казалось, что он унаследует королевство; однако, тогда поднялся Гуго Капет, внук сестры императора Оттона I Хедвиг², и сын Гуго, графа Парижского, муж знаменитый, достигший великой военной славы, и захотел, чтоб его предпочли [Карлу], поскольку он не раз оказывался там, где все другие не появлялись и приносил государству пользу, так что, как сам заметил, он и в самом

деле «в отличие от иностранца заслужил королевство»³. Так как уже несколько раз вспыхивали разногласия между королевством Галлией и Германской империей, а Карл проявил себя в них как страстный приверженец партии империи и иностранцев в королевстве Галлии, то по этим причинам он утратил привязанность и доброжелательство очень многих французов.

Итак, Карл собрал войска и в бешенстве вторгся в Галлию, получив при этом поддержку многих городов. Капет, который опирался на дружбу и благожелательность вельмож Франкогаллии, прибыл к городу Лану на границе Шампани со всеми силами, которые ему удалось собрать. Вскоре после этого произошло яростное сражение, в ходе которого Капет был разбит и бежал в глубь Галлии, где, собрав новое войско, возобновил войну. А в это время Карл распустил свое войско и преспокойно оставался в городе Лане со своей супругой⁴. А на следующий год он был окружен Капетом и осажден большим войском. В городе находился некий Ансельм, который был епископом города. Хитрыми обещаниями наград Капет соблазнил этого человека на то, чтобы тот предал короля и город. Одержав подобным образом победу и обезопасив город⁵, он отправил плененного Карла и его жену в Орлеан, где и содержал их обоих в тюрьме. В течение двух лет, что король провел в заключении, у него родились два сына — Людовик и Карл; однако спустя непродолжительное время они все умерли. Так Капет заполучил всю Галлию свободно и без споров⁶, а, сделав своего сына Роберта своим соправителем в королевстве, он позаботился и о том, чтобы последний был определен как его преемник. Впоследствии после всего этого слава и память о роде Каролингов исчезла на двухсот тридцать седьмом году со времени их вступления на трон. Сигиберт излагает всю эту историю в своей хронике под годом 987⁷. И она также содержится и в сорок второй и сорок пятой главах пятой книги дополнений к хронике Эймона⁸.

Из различных данных можно заключить, что Гуго Капет приходился сыном Гуго Великому, герцогу франков, который в свою очередь был сыном Роберта, а тот в свою очередь являлся сыном⁹ Одо, которому (как мы уже поведали) франки передали королевство после смерти Карла Толстого в совершенно исключительных обстоятельствах¹⁰. [Гуго] был правнуком Роберта, герцога Анжуйского, великого и знаменитого государя. Изо всего этого, а также из сочинения Видукинда Саксонского можно узнать, что Гуго Капет не принадлежал к какой-то неизвестной семье с темными корнями (как это утверждают иные итальянские писатели¹¹), но скорее был выходцем из чрезвычайно знаменитого рода¹². Ведь он являлся потомком Роберта Анжуйского, о котором Эймон сообщает, будто тот происходил из рода саксов¹³. От него

был рожден сын Одо или Отто, человек столь великих способностей, что когда король Карл Толстый назначил его командующим войском франков против датчан, то он уничтожил сто тысяч врагов в одной битве. Франки же, которые отклонили юного Карла Простоватого, сына Карла Толстого¹⁴, доверили Одо королевство таким образом, как это было описано нами выше. Сыном этого Одо был Роберт, от которого родился Гуго, уже настолько великий, что стал герцогом Франции; а сыном последнего являлся упомянутый Гуго Капет, достигший трона таким путем, который мы описали выше. Кроме того, достоин упоминания и еще один факт, рассказанный нам Видукиндом: когда Одо восстановил на троне Карла Простоватого, император Арнульф силой оружия захватил королевство Галлию. Император предложил Одо (именно так должно читаться это имя, а не «Ода») корону, скипетр и другие королевские знаки отличия, а Одо добился правления для своего повелителя по милости императора Арнульфа¹⁵. «Вследствие этого до сего дня между потомками Каролингов и преемниками Одо идет борьба из-за королевства, а также идет спор между Каролингами и восточными франками из-за королевства Лотаря., ибо Гуго, отец которого Роберт, сын Одо, был ослеплен в войске Карла, подослал [туда людей] и хитростью захватил [Карла] и заключил его под государственную стражу до конца жизни»¹⁶.

Кажется, что нельзя обойти молчанием и хитрый план Капета при установлении совета нового королевства. Ведь в прежние времена должностные лица и советники королевства, которые назывались герцогами и графами, обычно становились ими на собраниях народа. То были испытанные и проверенные люди, которые исполняли свои обязанности в виде милости (как говорят юристы). Все это было уже показано, когда мы разъясняли вопрос о власти общественного совета. Однако Гуго Капет стал первым королем, кто для того, чтобы добиться согласия всей знати и привлечь ее души к себе, превратил эти должности в постоянные, хотя они прежде и были временными. Он также постановил, чтобы те, кто добился их, могли удерживать их законным путем благодаря наследованию и имели бы право передать их своим детям и потомкам вместе с остальным наследием»¹⁷ по свидетельству юриста Франсуа Коннана¹⁸ в 9 главе второй книги его «Комментариев». Не подлежит сомнению, что благодаря данному злодеянию власть общественного совета существенно сократилась, хотя в условиях того времени еще нельзя было и представить, что он сам окажется в состоянии добиться такого сокращения власти самостоятельно, без помощи и согласия совета.

Глава XXI (XVII) О соблюдении власти общественного совета при династии Капетингов

Ведь можно узнать из сочинений Фруассара¹, Монстреле², Гагена, Коммина,³ Жилия⁴ и всех прочих историков, что власть общественного совета соблюдалась во всех делах при Капетингах точно так же, как и в правление двух предшествующих династий; более того, тот принцип (и нельзя считать, будто его повторяют слишком часто или же слишком пылко) «*благо народа — высший закон*» сохранял свою действенность и в их правление; я полагаю, что ни один вид тиранического правления не мог никогда существовать, пока люди оставались людьми, за исключением турок, у которых к гражданам относятся скорее как к скоту, а не как к человеческим существам. И я просто не могу не поражаться предельному невежеству тех людей, которые, будучи хотя бы поверхностно ознакомлены с римским правом, выуживают из наших книг сообщение о том, что по закону о величестве римский народ уступил свое господство и могущество императору и утверждают, что вследствие этого существовала постоянная, свободная и ничем неограниченная власть королей, которую они именуют варварским, негодным словом «абсолютная». Ведь я разыскал, что как будто даже римским царям, как поведал нам юрист Помпоний, помогали в заботах о государстве куриальные собрания. А если даже и правда то, что римские императоры обладали неограниченной властью, то, значит, истинно и то, что всем царям власть была передана народом. И кроме того не следует из частного случая делать вывод о всеобщем правиле, а совершенно ясно, что на протяжении длительного времени обычаи королевств Польши, Дании, Швеции и Испании отличались, и это известно любому человеку, который не является невеждой. «Германские цари, — писал Тацит, — не обладают у них безграничной и безраздельной властью»⁶. «Король Англии, — утверждает Коммин, — не имеет права вводить налоги до тех пор, пока не получит согласия сословий и их представителей»⁷. Тот же автор подтверждает этот принцип относительно других вопросов и в главе 18 пятой книги своего труда⁸.

В конце концов, достаточно ясно, что ни в одной области (или используя привычный термин «провинции») Галлии, которая находилась или передавалась королю (во владение), ему не предоставлялась в них полная власть подобно тому, как эту власть передавал императору римский народ. Напротив, он не имел прав и не владел всей собственностью, но ограничивался условиями и соглашениями, согласно которым ему вверяли власть и закон, подобающие королю. Блестящим доказательством этого является определенный порядок: когда дело касалось всего общества в целом, каждая область созывала свои собрания, которые проводились ради благоденствия всей провинции, обеспечивавшегося общественным советом. Так, когда

во всем королевстве объявляется созыв всеобщего совета, из местного собрания избирается тот или иной представитель, который отправляется посланником своей провинции для участия в общем совете, чтобы он изложил там ее мнение. Нам приятно предложить вниманию читателя пример из подобной практики, который мы обнаружили в сочинении известного доктора права из Тулузы Гийомом Бенедикти⁹ в его комментарии к понятию *et iherem* в разделе трактата по каноническому праву «Декреталии» (лист 499). Его превозносил благородный юрист и президент парламента Бордо Никола Бойе¹⁰ в одном из своих постановлений (126). «Относительно союза Тулузского графства и провинции Лангедок с королевством Францией, — писал он, — источники полностью изложены в документах, относящихся к хартиям сословий упомянутых провинций. Три вопроса, связанных с этим союзом, изложены в форме договора между королем и провинцией. Во-первых, все привилегии провинции и местное право будут сохранены в неприкосновенности. Во-вторых, король не назначит губернатора, род которого не связан с данной провинцией. В-третьих, никакие налоги или другие поборы не будут вводиться королем без согласия провинциальных штатов и не станут вводиться никакие новшества. В исключительных ситуациях в эти провинции будут направлены комиссии для объяснения провинции нужд всего королевства, так что субсидия может быть направлена королевству в соответствии с общенародными обстоятельствами и потребностями. Провинция остается в подчинении королю до тех пор, пока король соблюдает ее привилегии, и ее устраивает все остальное внутри данного союза, и он будет продолжаться до тех пор, пока ее вследствие существования названного союза не станут захватывать»¹¹.

Однако, поскольку описывать каждый отдельный пример — задача не столько трудоемкая, сколь бесконечная, то вместо этого следует изложить несколько наиболее показательных случаев, избранных нами из великого множества подходящих к делу. Так, наш первый пример относится к 1328 году, когда (как мы говорили выше) после смерти короля Карла Красивого¹², скончавшегося без сыновей и оставившего после себя дочь, родившуюся уже после его смерти¹³, английский король Эдуард¹⁴, родившийся от Изабеллы¹⁵, сестры Карла Красивого, настоятельно потребовал, чтобы трон Галлии перешел к нему по праву наследования. А в руки общественного совета не мог быть передан более важный или более значительный спорный вопрос. И сам тот факт, что обсуждение подобного вопроса было передано общественному совету, можно считать явным доказательством того, что власть совета оставалась более высокой, чем власть короля, так как оба короля подчинились в этом вопросе его суду и решению. И это подтверждается не только нашими историками, но и Полидор Вергилий также свидетельствует в девятнадцатой книге своей «Истории Англии»¹⁶. Даже юрист Папон оставил свое суждение по этому вопросу

в первой главе книги четвертой книге постановлений и клянется, что полагается на достойных доверия авторов¹⁷. Ту же самую точку зрения изложил Томас Уолсингем в своей «Истории Англии»¹⁸. Об этом говорит и Гаген: «так как Эдуард и Филипп спорили о наследии, то собрался совет франков, которое обычно называют собранием трех сословий, где имели место длинные и сложные споры относительно законности прав претендентов, но все же в конце концов те, кто имел власть, изучили доводы [сторон] и королевство было присуждено Филиппу. И король Эдуард не отвергнул этого решения, так как через несколько лет он принес клятву верности Филиппу за герцогство Аквитанское»¹⁹. И даже архиепископ Марсея Клод де Сейсель также утверждал в своей книжечке, которую написал о «Французской монархии», что на этом совете присутствовали и оба короля лично. Когда при обсуждении спор достиг высшего накала, то на совет знати было призвано собрание народа и сословий. Большинство собравшихся посчитало и решило, что претензии представителей по мужской линии следует предпочесть и охрану беременной королевы следует препоручить Валуа. А заодно было постановлено, что если она родит дочь, то и королевство присуждается Валуа²⁰; обо всем этом рассказывается у Фруассара (в двадцать второй главе первого тома), или в первой главе второго раздела постановлений Папона, при описании царствования Филиппа Валуа у Гагена²¹ и крайне подробно во второй главе четвертой книги сочинения Сейселя, на которую я уже ссылался.

Другим примером снабдил [нас] 1356 год, в то время король Иоанн²² проиграл сражение англичанам при Пуатье и был ими взят в плен и отправлен в Англию. Когда новость о таком страшном несчастье была получена, то оставалась только одна надежда — на власть совета. Итак, немедленно было созвано собрание в Париже, и, не взирая на то, что у короля имелось три сына — Карл, Людовик и Иоанн²³, причем старший из них уже был в возрасте, когда уже мог править [королевством], были избраны иные испытанные лица (по двенадцать человек от каждой провинции), которым и было доверено управление государством; на этом собрании было постановлено, что в Англию для подписания договора с англичанами будет направлено посольство. Сообщение [об этом встречается] в сто семидесятой главе первого тома у Фруассара, в четвертой книге (лист 118) [сочинения] Жана Буше и Никола Жилия [разделе] хроники, посвященном королю Иоанну²⁴.

Третий пример предоставляет 1375 год, когда было обнародовано завещание короля Карла V, прозванного Мудрым. Согласно этому завещанию опекуном сыновей²⁵ короля назначался брат его жены²⁶ герцог Бурбонский²⁷, а брат короля Людовик, герцог Анжуйский, должен был стать правителем королевства до тех пор, пока сын [умершего] короля Карл находится под его защитой. Тем не менее, был проведен совет в Париже, и за-

вещание было признано не имеющим силы, кроме того, там постановили, что правление королевством будет поручено дяде мальчика по отцу Людовику. По этому постановлению утверждался следующий порядок: Людовик будет осуществлять управление в соответствии с суждениями некоторых лиц, утвержденных на этом совете, а охрана и образование мальчика были доверены [герцогу] Бурбонскому. Одновременно был издан и закон, согласно которому наследник трона должен принять клятвы в верности тех, кто принял ответственность, а коронован по достижении им тринадцати лет. Об этом нам рассказывают Фруассар в шестидесятой главе книги второй, Буше в четвертой книге (лист 124) и «Анналы Англии и Британии»²⁷.

Четвертый пример относится к 1392 году, когда король Карл VI²⁸ внезапно впал в безумие и сначала был препровожден в Ле Ман, а потом в Париж. Там был проведен совет, и властью совета сословий было постановлено, что правление королевством возлагается на герцогов Беррийского и Бургундского. Так, во всяком случае, это было описано Фруассаром в сорок четвертой главе четвертого тома его сочинения²⁹.

И, конечно же, нам не следует пропускать упоминание о событии, имевшем место в наши дни в Парижском парламенте. Об этом свидетельствует нам в десятом титуле четвертой статьи пятой книги Папон³⁰. Когда король Франциск I³⁰ пожелал, чтобы часть его домена была отчуждена, то [парламент заявил], что все отчуждения, совершенные подобным образом, недействительны, если они делались только от имени короля, то есть, были осуществлены без утверждения советом, или же, по словам самого Папона, не утверждались тремя сословиями.

Наш шестой пример обнаружился в 1426 году, когда Филипп, герцог Бургундский³¹, и Хэмфри, герцог Глостер³², постоянно доставляли хлопоты смертельной враждой друг с другом к великой беде для государства. В конце концов, они договорились между собой о том, чтобы положить конец своим распрям поединком. Тогда вмешался в спор совет и постановил, что каждый из них обязан сложить оружие, и тогда разрешили они свой спор по закону, но не оружием. Это событие описано Параденом³³ в третьей книге «Бургундских хроник» под годом 1426.

Седьмой пример относится к 1468 году, когда возник спор между королем Людовиком XI³⁴ и его братом Карлом³⁵ и был созван общественный совет в Туре в декабрьские календы. На том совете было постановлено, что король должен согласно закону (и я это особо подчеркиваю) выделить своему брату какое-либо герцогство со статусом апанажа и с ежегодным доходом, который был бы не менее чем двенадцать тысяч ливров, а дополнительно король обязан был предоставить особую сумму в шестьдесят тысяч ливров ежегодно из своей казны для выплаты своему брату. Эта история была детально описана составителем Бретонской и Армориканской хроники в четвертой книге³⁶.

О восьмом случае сообщается в 1484 году, когда после смерти Людовика XI его сын Карл³⁷ находился в возрасте всего тринадцати лет. Совет тогда собрался в Туре и постановил, что образование мальчика должно быть вверено его сестре Анне³⁸, а попечение о государстве передано нескольким испытанным мужам из совета, избранных этим советом, несмотря на то, что Людовик, герцог Орлеанский³⁹, требовал передачи управления королевством ему как ближайшему родственнику короля по мужской линии. Свидетельство всего этого содержится в протоколах этого совета, опубликованных в Париже, у Филиппа де Коммина в восемнадцатой главе пятой книги его «Мемуаров», а также в «Бретонской хронике» (четвертая книга) и у Жана Буше в четвертой книге его труда (лист 167)⁴⁰.

Мы также не должны пренебречь в завершение необычайно важным свидетельством, изложенным Гийомом Бюде в тридцать четвертой книге его труда «О монете», о том, что цена денег определяется верховным правом, то есть право увеличивать или уменьшать стоимость денег всегда оставалось за народом франков⁴¹. И даже самый наш усердный исследователь денежных вопросов Шарль Дю Мулен в заключении к своим комментариям относительно договоров и права пользования свидетельствует, что в архивах парламента и Счетной палаты он обнаружил огромное количество франкских законов, согласно которым запрещалось производить изменения в стоимости монеты без согласия на то народа, и всегда при таких изменениях согласие народа было в прошлом обязательным, поскольку, разумеется, это — предельно важно для народа⁴². По этому поводу у юристов принято говорить: «личность, интересы которой затрагиваются в данном деле, всегда имеет право участвовать в его решении». То есть [утверждался принцип]: «Что касается всех людей, должно всеми и подтверждаться».

Обо всем этом можно прочесть также в глоссе Оффие, касающейся прагматической санкции⁴³ и в дополнительных замечаниях Бенедикти относительно браков несовершеннолетних под номером 53⁴⁴.

Глава XXII(XVIII)

О власти общественного совета в величайших делах, связанных с религией

Мы уже показали, что власть общественного совета была верховной во всех величайших и важнейших делах государства, и она оставалась такой с общего согласия на протяжении многих веков. Теперь же, рассмотрим, как действовала власть народа в делах, связанных с религи-

ей. Наши анналы доставляют нам доказательство действительности этой власти и в данном вопросе в 1300 году, когда римский папа Бонифаций VIII¹ направил своих посланцев к королю Филиппу Красивому и сообщил ему, что папа является не только в духовных, но также и в светских делах властелином всех королей и государей христианского мира (именно эти слова и отметили наши хронисты). Он твердо потребовал по этому праву, чтобы король Филипп признал его верховным повелителем и государем и передал ему королевство, которое унаследовал. Далее папа потребовал от короля, чтобы тот признал, что получил королевство по милости и щедрости папы. Если же король откажется все это сделать, то папа (пообещал) объявить короля еретиком и наложить интердикт на королевство².

Когда посланцев папы заслушали, король созвал общественный совет в Париже, на котором и было зачитано письмо папы: «Мы, епископ Бонифаций, слуга слуг божьих, Филиппу, королю франков, (привет шлем). Страхись Бога и повинуйся его повелениям. Мы желаем, чтобы ты знал, что поскольку ты подчиняешься нам в вопросах духовных и светских, то назначения и сборы пребенд не принадлежат твоей власти, и если ты делал это в отношении вакансий, то должен сохранять доходы для тех духовных лиц, которые станут преемниками умерших. Если же ты их собрал, мы заявляем, что эти сборы должны считаться захваченными, если же такие сборы производились, мы это отменяем. Мы полагаем, что все люди, которые мыслят иначе, грубо заблуждаются. Дано в нашем Латеранском дворце в четвертые ноны декабря шестого года нашего понтификата». Когда эти слова были зачитаны и выслушано мнение вельмож и обсужден вопрос, то было постановлено, прежде всего, что папское послание будет сожжено на площади перед королевским дворцом в присутствии народа, затем, что послы должны быть выставлены на поругание и посмеяние и отправлены на площадь палачом в телеге, испачканной грязью и выставлены там на оскорбление и поругание черни. И, наконец, решили, что от имени короля должно быть отправлено папе такое письмо: «Филипп, милостью Божией король Франции, Бонифацию, именуящему себя римским папой, посылает невеликий привет или же не шлет его вообще. Да будет известно ведомо вашей несравненной глупости, что мы никому не повинuemся в земных делах, что собрание доходов от церкви и пребенд во время вакансий принадлежит нам по королевскому праву, что эти сборы могут нами собираться и удерживаться вопреки любым притязаниям³. Мы объявляем всех, кто думает иначе, даже не дураками, но безумцами». Так излагает эти события автор «Бретонской и Армориканской хроники» в четвертой книге, Никола Жиль в четырнадцатой главе четвертой книги своей хроники Галлии⁴ и к ним следует прибавить еще [мнение]

юриста Папона, изложенное в двадцать седьмой статье пятого титула в первой книге его «Декреталий»⁵.

Но детальнее всего об этом деле рассказывает и Жан Дю Тийе⁶, советник Парижского парламента, который в других случаях очень далек от описания подобного рода историй. На 172 странице своего сочинения он пишет: «некий кардинал представил повеление папы Бонифация VIII Филиппу Красивому, королю Романскому и королю Английскому; когда был в 1297 году добавлен еще и штраф при угрозе папского сурового осуждения, Филипп Красивый по совету своих вельмож и советников ответил, что он приготовился, что он повинуется святому престолу в делах, которые имеют отношение к его душе и духовной жизни, но никого, кроме Бога, не признает выше себя в том, что касается дел его королевства и не желает подчиняться в земных и смертных делах его королевства. Когда же Бонифаций услышал об этом, то он отправил буллу, в которой дал знать, что король подчинен ему как в земных, так и в духовных делах и обязан повиноваться ему и одновременно он объявил еретиками всех, кто думал иначе. Заявление папы было встречено неистовым протестом, и булла немедленно была сожжена в присутствии короля, судей и принцев»⁷. Увы, ныне этим принцам и должностным лицам присуща черта, которую я бы окрестил «папиманией» и они, хотя и видят немислимую гордыню и надменность этого тирана, тем не менее, доходят до такой крайности, что действуют так, словно испили питья Цирцеи⁸, и простираются ниц, пытаясь лобызать его ноги, как будто бы почитают некоего доброго бога, спустившегося к ним с небес.

Но все же никто не дал лучшего описания всех этих событий, чем английский историк Томас Уолсингем; он — монах и в других отношениях слепо предан папистским предрассудкам, так что полностью посвятил свой труд защите идеи, что власть пап является высшей по отношению ко всем другим носителям власти. Итак, поскольку, как я слышал, теперь в Галлии невозможно разыскать его сочинение в продаже, и я полагаю, что вполне достойно моего труда привести здесь описание всей этой истории словами названного монаха. Итак, папу Целестина⁹, человека, который вел жизнь отшельника, Бенедикт Каэтани хитростью уговорил уступить ему понтификат и ввести закон, согласно которому любой папа получал право уступить должность папы какому-то другому лицу. Однако когда Бенедикт стал папой под именем Бонифация VIII, он отменил этот закон. Обо всем этом Целестин высказался прямо и предсказал грядущее в следующих выражениях: «ты проберешься к власти подобно лисе, ты будешь править, как лев, но ты умрешь, как пес!» Когда же Бонифаций стал папой, то Филипп, король Французский, оказывал ему сопротивление во многих делах. Французский епископ Памье

поддерживал папу и по этой причине был обвинен в заговоре против короля Франции, «был призван на королевский суд и приговорен к заключению. Впоследствии он был в феврале освобожден по требованию государя папы и ему было предписано покинуть королевство вместе с папским посланцем. Папа впал в ярость при этом известии и отменил все пожалования, предоставленные его предшественниками королям Франции, а вскоре после этого метнул на короля молнию — приговор об отлучении от церкви». Но ни один человек не осмелился довести этот приговор до короля или же огласить его во Французском королевстве. Папа же повелел всем французским прелатам вместе с докторами теологии и канонического и гражданского права прибыть в Рим, так, чтобы оказаться там в первые календы ноября. В ответ на это король Франции опубликовал эдикт, по которому всем без исключения запрещалось вывозить из королевства в Рим золото, серебро или любые иные доходы. Он также тщательно заботился о том, чтобы установили слежку за всеми лицами, которые покидали его королевство или же приезжали в него. Прелаты Франции направили троих епископов из своего числа к папе, что они не смогут прибыть ко дню, предписанному вызовом на суд и просят за это прощения. А когда французские епископы не явились к папе, то он направил во Францию монаха Иоанна, которого возвел в кардинальское достоинство, который должен был собрать всех прелатов в Париже и провел с ними тайное совещание.

Позднее в праздник св. Иоанна Крестителя в Париже собрались рыцари вместе с духовенством и народом и обвинили папу Бонифация во многих страшных преступлениях, например, подозрение в ереси, симонии и убийство. На этих основаниях против него был возбужден процесс королем, в интересах которого все это и было предпринято. Папу попросили прибыть на заседание совета и очистить себя от преступлений, в которых он обвинялся. Во время праздника Рождества пресвятой Девы (точнее в канун рождества) сильный вооруженный отряд, без предупреждения отправленный королем Франции, внезапно прибыл на заре к воротам города Ананьи, где укрывался папа, который в этом городке когда-то провел молодость. Ворота этого городка оказались открытыми, и отряд вошел в город, где государя папу вскоре подвергли глумлению. Для жителей города скоро стало ясно, что сенешал короля Франции Гийом де Логаретто¹⁰ (имя его должно читаться как Ногаре) прибыл низложить или же умертвить папу. Зазвучал тотчас городской набат, жители собрались, и гражданами был избран предводитель по имени Аднульфи, о котором они и не ведали, что он был заклятым врагом государя папы. Весь народ бросился к папе, его племяннику и тем кардиналам, которые еще не ускользнули через отхожее место, с одним желанием предложить им обещания в своей помощи. Однако те сочли,

что было бы недостойно их пытаться оказать сопротивление рядовым наемникам. И по сей причине государь папа, опасавшийся за собственную безопасность, стал искать перемирия.

Когда воины ворвались к папе, то многие оскорбляли его презрительными словами. Когда же от него потребовали ответ [на вопрос], желает ли он отречься от папской власти, то он твердо отказался, заявив, что он скорее расстанется с жизнью, и произнес по-итальянски: «*ecco la cole, ecco il capo!*», что означало «вот моя шея, вот моя голова». И он неожиданно провозгласил перед всеми присутствующими, что пока жив, никогда не отречется от папства. Тогда воины бросились по дворцу и разграбили папские покои и казну, утащив все его расшитые одеяния вместе с золотом и серебром и со всем добром, которое только сумели отыскать. И в самом деле, было сочтено, что ни один король в мире не мог за год истратить столько денег из своей казны, сколько в тот день было украдено из папского дворца.

Папа же оставался под стражей и охраной в течение трех дней. Однако, жители Ананьи тайно встретились и собрали отряд в десять тысяч человек, чтобы освободить папу. Но до этого все видели, что наемники арестовали папу, посадили его на неоседланную лошадь лицом к хвосту и заставили ее сказать в разных направлениях до тех пор, пока папа чуть не задохнулся и не умер от голода. Рассказывали, что все это продолжалось до момента, когда жители Ананьи не освободили его. А после освобождения жители Ананьи доставили папу на открытую площадь, где он молился столь проникновенно, что исторг у своих слушателей слезы. А в конце своей проповеди он сказал: «Добрые люди, вам прекрасно известно о том, что пришли мои враги и отобрали у меня все мое имущество и не только мое, но благой церкви, и это сделало из меня нищего, как некогда Иова. Я вам поведаю правду — вследствие всего этого мне нечего даже есть и пить и вплоть до настоящего времени я голодал. И если какая-нибудь добрая женщина от своего милосердия пожелает помочь мне, дав хлеба и вина (а если уж у нее нет вина, то пусть даст хоть немного воды), то я дам ей и свое и божье благословение и освобожу от всех грехов всех тех, кто принесет мне хоть что-нибудь, пусть даже немного». И тогда все те люди, которые слушали папу, завопили: «Да здравствует святой отец!» А затем женщины охотно побежали во дворец и несли с собой хлеб, вино и воду в столь великих количествах, что папская комната оказалась забитой продовольствием. А когда не нашлось нужного количества кувшинов для хранения вина, то они вылили большое количество вина и воды прямо во двор папского жилища. И любой, кто желал это сделать, мог войти внутрь и говорить с папой так, как они могли разговаривать с любым нищим. После этого папа дал отпущение жителям этого города всех их грехов.

После всех этих событий папа внезапно и неожиданно для всех удался из городка Ананьи и направился в Рим с большой вооруженной охраной. Но когда он прибыл в град святого Петра, то вскоре умер от ужаса, которым проникся во время его пребывания в плену, и скорби о неисчислимых потерях. Так быстро исполнилось пророчество его предшественника, молвившего: «Ты проберешься к власти подобно лисе, ты будешь править, как лев, но ты умрешь, как пес!»¹¹ Именно в этих словах Уолсингем изложил события периода правления Эдуарда I в своей книге «История Англии», а затем в его книге анналов под годом 1307, где он приписал: «В это время король Франции потребовал через своих послов от государя папы Бенедикта¹², чтобы кости его предшественника Бонифация были преданы огню, поскольку тот был еретиком»¹³.

Глава XXIII (XVIII) О приснопамятной власти совета в его борьбе против Людовика XI.

Сколь велики и сколь священны были сила и могущество совета и собрания сословий совершенно ясно из ранее приведенных свидетельств. И если уже мы заговорили по этому поводу, то кажется, что не следует нам проглядеть еще один случай, когда на памяти наших отцов могущество этого совета оказалось направлено против короля Людовика XI, который считается наиболее хитрым и ловким из всех предшествующих королей, о которых мы упоминали. И по данному примеру можно легко уяснить, как неоднократно мы говорили по многим поводам, что наши предки не ставили над собой какого-либо свирепого тирана или мясника, который относился бы к подданным как к скоту, но они принимали себе короля, который являлся стражем их прав и свобод и защитником справедливости.

Итак, в 1460 году Людовик управлял королевством таким образом, что во многих делах было бы желательно правление доброго государя, любящего свою страну¹. В результате возникла потребность в восстановлении власти совета, чтобы добрые граждане могли действовать, сообразуясь с общественным благом. А поскольку все были убеждены в том, что меньше всего король стремится подчиниться этой власти, то вельможи королевства, которые неусыпно следили за постоянными жалобами и обидами со стороны простого народа, собрали свои отряды на местах и стали готовиться к войне, чтобы обеспечить общественное благо, и, по словам Филиппа де Коммина (во второй главе первой книги), «выразить королю протест против дурного порядка и отсутствия

справедливости при его правлении, и если он не пожелает исправить положение, то принудить его к этому силой. Так началась война, впоследствии названная войной за общественное благо»². Коммин, Жиль и Ла Марш³ перечислили имена этих вельмож: это — герцог Бурбонский, брат короля — герцог Беррийский, графы Дюнуа, Невер, Арманьяк, Альбре, герцог Шароле⁴, которому принадлежало высшее командование. Куда бы они ни направлялись, то повсюду повелевали объявить, что войну они начали ради достижения общественного блага. Они предписывали освобождение от налогов и поборов, а также направили послов с письмом в Парижский парламент, к духовенству, и ректору университета с тем, чтобы те не считали, будто войска были собраны для того, чтобы погубить короля, в то время как они только жаждали обратиться к его же долгу, чтобы он правил как добрый король, то есть так, как этого требовали потребности общественного блага.

Более того, отрывок из «Анналов», озаглавленный «Хроника Людовика XI» и напечатанный в Париже Галлиеном де Пре⁵, гласит следующее: «их первое и основное требование состояло в следующем: чтобы было проведено собрание трех сословий, так как для всех людей на протяжении многих веков оно оказывалось единственным лекарством ото всех бедствий и это собрание всегда обладало властью разрешать трудности всякого рода». На 28 странице читаем: «24 числа была предоставлена аудиенция в Парижской Ратуше для посланцев знати, где присутствовали представители университета, парламента и чиновничества. Посланцам был дан ответ, гласивший, что их требования представляются справедливыми и должен быть созван совет сословий»⁶. Повторяю, таковы слова историка, и, кажется, будто они подтверждают старое и справедливейшее присловье Марка Антония⁷: «Хотя все мятежи всегда бывали тягостны, однако все же некоторые из них были справедливы и прямо неизбежны»⁸. Однако наиболее законными и необходимыми среди всех нам представляются те выступления, [которые происходят в случае,] когда народ подавлен зверствами тирана и с плачем взывает о помощи со стороны законного собрания граждан. Как! Неужели положение граждан должно быть ниже, чем было положение рабов в былые времена, когда те были настолько подавлены некогда варварством своих хозяев, что, как поведал нам о том Ульпиан, сбегались к префекту города и робко жаловались на своих господ⁹?

Таким образом, Гаген в своем жизнеописании этого самого Людовика при описании ответа герцога Карла Бургундского королевским посланцам рассказывает: «Карл выслушал послов и ответил им, что нет ничего, что так способствовало бы заключению мира, как собрание трех сословий, где приличествовало бы собраться по поводу подобных раздоров независимо от того, были они вооруженными или же происходили без

оружия. Когда же послы через вестников сообщили об этом ответе Людовику, то король стал возлагать надежду на проволоочки и в итоге назначил совет в Туре на апрельские календы 1667 года. Ко времени, определенному для этого собрания, прибыли люди со всего королевства и т.д.»¹⁰. То же самое крайне многословно сообщается в анналах, о которых мы упоминали, и в четвертом томе «Больших хроник», где также прибавлено нечто такое, что (как нам кажется) необычайно важно отметить и запомнить, а именно, что некие испытанные люди должны были быть избраны от каждого сословия, чтобы восстановить порядок в государстве и обеспечить закон и справедливость¹². Далее мы обнаруживаем у Никола Жиля: «после битвы при Монтлери, ряд крайне мудрых и благоразумных людей был избран в качестве стражей общественного блага точно таким образом, как это было согласовано между королем и вышеназванными вельможами. И первым среди них согласился граф Дюнуа, который был и первым инициатором восстания»¹³.

Как мы уже отмечали выше, существовал старинный обычай (возникший после того, как предельно возросло могущество духовенства) разделять население на три сословия, духовенство добилось того, чтобы считаться первым из них. Когда же были учреждены стражи государства, то их избирали по двенадцать достойных людей от каждого сословия. Так в этом совете было установлено, что будут учреждены тридцать шесть стражей государства для того, чтобы устранялись общие трудности общим старанием. В четвертом томе своей хроники Монстреле писал об этом так: «Прежде всего, было постановлено впредь избирать тридцать шесть людей, наделенных властью, которая была равна королевской, чтобы привести в порядок государство и облегчить ношу простого народа от бремени поборов. Двенадцать человек должны были принадлежать к духовенству, столько же — представлять дворянство, а двенадцать — людьми сведущими в законе и праве. Этим мужам должна была быть доверена власть изучать, какие именно беды и трудности испытывало королевство и пускать в ход средства против пороков. Король же дал клятву и обещал своим королевским словом (обычно использовалась именно эта фраза), что он будет считать имеющим юридическую силу то, что постановят эти тридцать шесть человек»¹⁴.

Таковы слова Монстреле и его сообщение подтверждается почти теми же словами в тридцать пятой главе исторического сочинения бельгийца Оливье де Ла Марша. Он также записал, что стражей государства было назначено тридцать шесть человек. А ко всему этому он еще и добавил, что поскольку король не сдержал слова и нарушил данную клятву, которую принес публично, то во Франкогаллии вспыхнула крайне прискорбная война, которая продолжалась тринадцать лет. Та-

ким образом, клятвопреступление короля было искуплено как его собственным позором, так и уничтожением народа¹⁵.

Как бы то ни было, очевидно, что меньше века назад свобода Франкогаллии и власть торжественного совета процветали и совет мог обратиться свое могущество против короля, который вышел из малолетства и не был безумен, но которому было более сорока [лет] и был он наделен талантами больше, чем любой другой из наших королей. Из этого легко можно усвоить, что наше государство, которое было основано и учреждено на соблюдении принципа свободы, удерживало это свободное и священное состояние больше чем одиннадцать столетий и даже сопротивлялось власти тиранов силой оружия.

Кажется, что мы не должны также позабыть о знаменитом кратком описании, оставленном по этому поводу известным человеком и великим историком Филиппом де Коммином, который в восемнадцатой главе пятой книги своего сочинения описал эти события и упомянуть о нем. Его слова мы переведем дословно: «Продолжим свою речь. Хочу спросить есть ли такой король или государь на земле, который мог бы облагать налогом своих подданных без пожалования и согласия тех, кто должен его платить, не совершая при этом насилия и не превращаясь в тирана? Могут, пожалуй, возразить, что бывает иногда так, что нет времени для созыва собрания, ибо надо начинать военные действия. На это отвечу, что в такой спешке нужды нет и времени на все достаточно. Скажу еще, что короли и государи становятся более сильными и внушают больший страх своим врагам, когда они действуют, руководствуясь советами своих подданных»¹⁶.

В следующем разделе он пишет: «У нашего короля изо всех сеньоров мира меньше всего оснований произносить слова: «я имею право. взимать со своих подданных столько, сколько мне угодно», поскольку ни они и никто другой не имеет подобной власти. И никакой чести не окажут ему те, кто подскажет ему такие слова с тем, чтобы представить его более могущественным, ибо подобные речи способны вызвать страх и ненависть соседей к нему и те ни за что не согласятся оказаться под его властью. Но вот если бы наше король сам или по внушению тех, кто хочет его возвеличить и превознести, говорил: «У меня столь добрые и верные подданные, что они ни в чем мне не откажут, о чем бы я ни попросил, и они боятся меня, подчиняются и служат мне лучше, чем любому государю на земле, и терпеливее всех сносят все беды и невзгоды. И менее всех вспоминают о прошлых потерях», то, как мне кажется, это было бы поистине похвально; это не то, что слова: «Я беру сколько хочу, и у меня есть на то неотъемлемое право». Король Карл V так не говорил. Не слышал я такого и от других королей, но слышал, зато от некоторых их советников, которые полагали, что подобными речами оказывают им большую услугу».

Но, по-моему, они дурно поступали по отношению к своему сеньору, ибо держали такие речи лишь для того, чтобы показать себя добрыми слугами и не понимали, что говорят...

Приводя примеры доброты французов в наше время, достаточно напомнить о собрании штатов в Туре после кончины нашего доброго повелителя короля Людовика — да помилует его господь! — в 1483 году. Тогда некоторые полагали, что собирать их опасно, а кое-кто из захудалых и недостойных людей не раз высказывался и до и после заседания штатов, что-де вести речь о собрании сословий — значит оскорблять величество и умалять власть короля; но это именно они оскорбляют Бога, короля и общественное дело, поскольку такие речи служили и служат тем, кто недостойно пользуется властью и авторитетом и не способен ими пользоваться, ибо привык только нашептывать на ухо да рассуждать о вздорных вещах, и потому они боятся больших собраний, опасаясь того, что их самих разоблачат и дела их осудят»¹⁷.

Из слов Коммина, приведенных дословно, а также сообщений и других авторов, о которых мы упомянули раньше в связи с вопросом о сохранении могущества общественного совета при Людовике XI, можно легко понять, что наиболее разумнейший принцип, столь чуждый турецкой тирании «благо народа — высший закон» сохранял свое значение вплоть до царствования Людовика XI. Но придворные подлизы, королевские льстецы и все те, кто добивается власти злыми чарами (как об этом говорит Коммин), уничтожили свободу общественного совета величайшими усилиями и напряжением всех сил, на которые они только оказались способны. Бюде писал об этом в четвертой части своего сочинения «О монете» так: «поэтому, в соответствии с нашими обычаями те, кто занимает верховную должность теперь, или же те, кого, похоже, собираются назначить на эту должность в последствии, приглашаются на расследование по настоянию сословий на их собрание, и иные часто (те, которые желают казаться людьми острого ума) напускают на себя важность, но без сомнения все увидят, что эти люди именно то, чем они и являются на самом деле»¹⁸.

Бюде писал это примерно в то время, когда король Франциск I, попавший в плен, возвратился из Испании чтобы собрать сумму денег, назначенную за его выкуп. Однако король не приказывал им своею властью, не попросил субсидии у трех сословий королевства, но скорее (и это подтверждают все авторы) добивался дополнительных поборов от сословий без благодарности и признательности. По этому поводу Никола Децис писал в своем сочинении следующее: «в декабре 1527 года наш государь созвал совет епископов (не только тех, кто принадлежал к благородным семействам, но и всех остальных любого происхождения) с представителями от королевства и также с представителями парла-

ментов (по одному президенту и двух советников, избранных по жребию от каждого). Эти лица согласились с тем, что король может ввести новый налог и определить его размер до двух миллионов ливров для внесения своего выкупа»¹⁹.

Глава XXIV

Еще одно замечательное решение совета относительно осуждения и непризнания папы Бенедикта XIII

Мы полагаем, что достаточно разъяснили вопрос о границах власти общественного совета Франкогаллии при рассмотрении вопроса об осуждении безумных действий папы Бонифация VIII¹. Теперь можно предложить и другой пример проявления той же власти в осуждении и отказе признать власть папы Бенедикта XIII². Некогда управление Галлией осуществлялось Карлом VI, и в этот чрезвычайный период возник длительный конфликт между множеством антипап³. Это положение продолжалось больше чем тридцать лет при возникновении опасных партий и всеобщего беспорядка во всех сферах жизни, а благочестивые души оплакивали положение дел и пришли в состояние волнения, и чуть ли не отчаяния. В христианском мире не было ни единого государя, будь то король или император, который не прилагал бы всю свою энергию для того, чтобы прекратить роковое и злосчастное разделение церкви, уничтожить существование антипап. Все это описано у Платины⁴, Кранца, Гагена, но наиболее полное изложение у всех событий приводится в третьей книге сочинения «О расколе» Дитриха Нимского, являвшегося ревностным наблюдателем этих трагических событий⁵. Однако, поскольку мы предпочли посвятить свою книгу нашим соплеменникам, то полагаем, что более нам подобает следовать за изложением Ангеррана де Монстреле, чье сочинение широко известно почти всем жителям Галлии, и кратко привести его исчерпывающее описание упомянутых событий.

Вот что записал Монстреле в своей хронике, слово в слово: « После избрания Бонифация (имя должно читаться как Бенедикт) XIII папскими послушными слугами для голосования король Карл VI сообщил Пьетро де Луна (то есть Бенедикту) через своих послов следующее: если избранный папа не положит конец роковому спору в срок, установленный общим соглашением всех христианских государей, и не приведет к окончанию соперничества нескольких пап, король Галлии и весь народ Галлии созовут общий совет и не окажут поддерж-

ку ни одному из пап. Папа Бенедикт в ярости отвергнул это заявление. Однако ему удалось скрыть свой гнев, и он отправил послов обратно с кроткими словами, заверив их в том, что он вскоре отправит свой ответ королю через надежного посланца. И по прошествии нескольких дней он отправил королю через какого-то посланника документ (известный под названием «буллы»), в котором он отлучал от церкви короля и всех его подданных и воспрещал отправление всех религиозных обрядов для крайне неблагочестивых нечестивцев. Когда эта булла была тщательно рассмотрена, а слух и сообщение о ней облетели всю Галлию, король созвал общественный совет в Париже. Там были приняты следующие постановления при всеобщем одобрении представителей сословий: «во-первых, папа Бенедикт впредь должен рассматриваться как раскольник, еретик и возмутитель спокойствия христианской церкви; никакое повиновение ему не должно оказываться; все его постановления без исключения должны аннулироваться; булла, которую он направил королю, будет объявлена нечестивой, преступной и оскорбляющей королевское величество, а потому она должна быть всенародно разорвана на куски перед глазами народа, и, наконец, что оскорбление, нанесенное королю и королевству столь велико, что необходимо отомстить папе, его посланцам и вообще всем лицам, которые являются сторонниками его партии в церкви.

Когда эти постановления были публично оглашены на собрании представителей сословий, ректор Парижского университета сразу же поднялся со своего места, взял буллу и собственными руками разорвал ее в клочья на глазах у короля и в присутствии вельмож и представителей сословий. Более того, папский посланец, который привез эту буллу, вместе с другим посланником папы, были облечены в длинные одеяния, достигавшие их лодыжек, на которых вверх ногами были намалеваны папские инсигнии; на их головы были водружены митры, на которых была большими буквами изображена следующая надпись: «Эти люди — предатели короля и церкви». Затем их вывели из тюрьмы, где они содержались, на открытое пространство перед дворцом в Париже, поставили на быстро сооруженное деревянное возвышение и затем бичевали в знак папского позора и бесчестия; а потом их выставили на посмешище, и осмеяние их стало всеобщим развлечением для обитателей Парижа. Наконец, на третий день после этих событий их снова поместили на телегу и провезли по улицам города, а там они подвергались оскорблениям, освистанию, воплям всех жителей, так что они едва спаслись от унижения, которому их подвергал народ»⁶.

Глава XXV

О том, что король Франкогаллии не владеет безграничной властью в своем королевстве и о том, что она ограничена строго определенным правом и особыми законами

Таким образом, мы убеждены (и это было убедительно доказано) в том, что безграничная и необузданная власть не была дозволена королям Франкогаллии их подданными; а потому нельзя утверждать применительно к ним, что государи свободны от всех законов. Скорее, напротив, они как бы обуздываются определенными законами и соглашениями. Выше мы уже показали, что наиболее значительным из них и наиболее древним являлся тот закон, по которому они обязаны соблюдать власть общественного совета как нечто священное и нерушимое и обязаны оказывать честь своим присутствием этому собранию так часто, как только это могут потребовать интересы государства. Конечно же, существует множество великих законов, созданных ради того, чтобы ограничивать власть королей. Но мы, прежде всего, рассмотрим только те из наших собственных законов, относительно которых никто не отважится отрицать то, что они действительно достойны изложения (если, разумеется, человек не является безумцем или же не сомневается, что он — враг своей страны, своих родителей и собственных детей).

Первый из этих особых законов может быть сформулирован следующим образом: королю не дозволяется единолично без власти общественного совета решать что-либо из тех вопросов, которые имеют отношение к государству в целом. Здесь мы выдвигаем на передний план неопровержимое доказательство из опыта прошедших времен: да и, в самом деле, существует очень ясный и точный след былого обычая, который сохранен и до нашего времени: парламент Парижа (а он в значительной мере имел притязания на власть древнего парламента), не позволяет зарегистрировать ни королевские законы, ни королевские эдикты, если они не были рассмотрены парламентом и не получили его одобрение, а также и подтверждены решением парламентских судей. Так что, вероятно, не будет преувеличением утверждать, что власть парламента оказывается подобной власти античных народных трибунов, которые, как описывает Валерий Максим¹, приходили ожидать в помещении перед сенатом, когда им вынесут его постановления. Они изучали данные постановления по поручению сената, чтобы рассмотреть, окажутся ли эти постановления на пользу простому народу и подписывали их буквой Т как знаком и указанием своего согласия с ними. Однако если они не соглашались с этими постановлениями, то накладывали вето и препятствовали данному решению.

Однако ученейший муж Бюде утверждает, что сходство между этими институтами существует и с другой точки зрения. «Справедливо, поскольку это было необходимо, — пишет он, — для римского народа выяснить, что же именно должно было вершиться властью сената, того, который мы называем греческим словом *homologare*; также необходимо и теперь придавать законам наших государей силу установлений таким образом, чтобы подвергать судебным санкциям тех, кто имеет отношение к управлению государством и призывать должностных лиц в суд». А дальше Бюде заявляет: «В суде губернаторы и судьи провинций, которые у нас зовутся бальи, сенешалами и тому подобными именами, обычно клянутся соблюдать законы. В этом суде, как правило, регистрируют публичные решения, документы и королевские пожалования, так что они могут стать постоянными и никогда не утратят своей силы. При помощи судебной власти постановления государей либо утверждаются, либо теряют силу, когда сами государи не протестуют. Это — единственный суд, через который наши государи (а ведь они свободны от законов) действуют так, чтобы дать законы самим себе, так как если бы они проникнуты гражданственным духом, который и сами государи хотели бы видеть узаконенным, освященным и объявленным благодаря собственным ордонасам. Вместо того чтобы желать, чтобы их законы и эдикты были изъяты из сферы критики и обсуждения на совете, они желают, чтобы их предписания благодаря постановлениям совета могли стать священными на столетия»². Таковы слова Бюде. Итак, либо сенат тиранически узурпировал эту власть, чтобы противостоять королевским указам и повелениям (чему, конечно же, верить нельзя), либо необходимо, чтобы мы признали, что королям в старину не предоставлялась свободная и неограниченная власть во всех делах. Это также подтверждается Офрие³, Бойе, Монтенем⁴, Шасне⁵ и другими сведущими юристами, пользующимися авторитетом во Франции. При этом они совершенно не колеблются и высказываются единодушно.

Хорошо, давайте же рассмотрим остальные августейшие законы. А среди них первым является тот, согласно которому король не имеет права усыновления равно как и распоряжаться королевством, как при жизни, так и оставив завещание. Скорее сохраняется установленный предками обычай перехода короны, согласно которому наследование короны переходит к старшему из сыновей. Ведь в своем трактате Жан де Терруж⁶ писал: «короли Франции никогда не могли передавать своему потомству королевство по завещанию, или же определять своих первенцев в качестве наследников или кого-либо еще. Да и теперь ни один современный король не в праве этого делать». Далее с тех пор, как наследственная власть утвердилась в силу обычая во французском королевстве, она не может передаваться наследнику четко выраженной

волей короля, как путем завещания, так и любым другим образом. В то же время король не может распорядиться установлением, которое не соблюдено формально, как в том случае, когда король умирает за пределами королевства. Но только установленный обычай передает королевство наследнику»⁷. Таково было мнение Терружа. Хотя вся наша древнейшая история подтверждает это, но едва ли найдется в ней пример более памятный, чем тот, о котором я собираюсь поведать.

В 1420 году, когда король Карл VI пообещал свое королевство после своей смерти королю Генриху Английскому⁸ и определил его своим наследником, народ, отвергая это, неожиданно апеллировал к общенародному собранию народа. Там и было постановлено при полном согласии всех собравшихся, что этот дар не имеет никакой силы с точки зрения права и является недействительным, что король Франции не имеет права отчуждать какую бы то ни было часть своего королевства без общего согласия своего народа. Об этом примере рассказывают Ангерран Монстреле в двадцать пятой главе своего исторического труда и Гийом Бенедикти в глоссах на какую-то декреталию канонического права. «Поскольку Карл VI, — писал он, — имел законного сына, который и должен был унаследовать королевство, то он не мог усыновить короля Англии в ущерб своему собственному законному и прирожденному сыну. А потому усыновление являлось недействительным и не имело юридической силы, и королевство вместо этого перешло к Карлу VII»⁹. В другом из своих комментариев (под 151 номером), когда он упоминает о том же случае, он констатирует: «данный аргумент может быть опровергнут и его ложность всецело запутывает дело, так как по закону не имел силы мирный договор, когда английские притязания были урегулированы между королями Карлом VI Французским и Генрихом V Английским следующим образом — упомянутый государь Карл¹⁰ дает свою дочь госпожу Екатерину¹¹ в жены упомянутому Генриху и признает последнего своим сыном. Своей собственной властью, без участия вельмож, он провозгласил, что корона Франции будет принадлежать Генриху, а после смерти самого Карла должно достаться ему и все королевство Франция. Однако этот договор был отвергнут вельможами королевства, которые избрали и короновали его сына Карла». Так писал Бенедикти, таковым и является второй закон королевства Франкогаллии.

Давайте же приступим к рассмотрению третьего закона, суть которого состоит в следующем: в случае смерти короля наследственное право на королевство переходит к его старшему по рождению сыну, и ни королю, ни его младшему сыну не дозволяется опережать (в правах) старшего сына, или же установить любое другое лицо в качестве наследника. В отношении этого применяется наилучший довод, — поскольку родители и могут лишить своих детей всего, что принадлежит самим роди-

телям лично, они не наделены правом над своими детьми в отношении всего того, что принадлежит им по воле природы или же согласно закону и обычаю их предков. В поддержку этого суждения мы можем привести текст двадцать второй книги «Дигестов», «Об усыновлениях» (фрагмент «Если усыновляется») и третьей книги «Дигест», посвященной запрещенным и сосланным¹². Старший сын по рождению приобретает свое личное право и ожидание наследства не в качестве блага, пожалованного родителями, но скорее как блага, предоставляемого законами и обычаями его предков. Все ученые-доктора права совершенно справедливо соглашались (и при этом единодушны в своем мнении), что король Франции не может лишиться первородства, и надежды на правление своего первенца, и король не властен передать это право ни младшему сыну, ни любому другому лицу. В этом мы можем сослаться на Иоанна Андреаса¹³, Бальда (в книге его комментариев к феодальным обычаям), Панормитана (в третьем параграфе второй книги)¹⁴, Ясона де Майано (фрагмент «Никто не может» первой книги его сочинения «О легатах»)¹⁵, опять-таки на Бальда (на сей раз на его книгу о феодальном праве герцогства Марш), но, прежде всего на Жана де Терружа, на тот раздел его сочинения, где он пишет: «короли Франции никогда не могли оставлять завещания, касающиеся передачи (короны), но только в силу обычая наследие переходило только к старшей ветви представителям рода по прямой мужской линии, когда же эта линия завершалась, то право наследия приобретали представители по мужской линии, принадлежавшие к наиболее близкой ветви рода». И далее в девятой, десятой, двадцать второй и двенадцатой главах Терруж заключает, что во французском королевстве переход короны — не наследственный и не вотчинный, но представляет собой прямое наследование, то есть помазание старшего по рождению сына или же ближайшего родственника по мужской линии. При этом данному порядку королевство обязано только благодаря закону или обычаю королевства. Старший сын обязан только закону королевства, а не отцу или же любому предшественнику.

Таким образом, право первородства, по крайней мере, там, где его придерживаются в королевстве в силу закона королевства, а не по воле отца, не является ни наследственным, ни вотчинным правом, но скорее принадлежит претенденту по простому праву филиации или крови. Итак, король не может распорядиться королевством по завещанию даже в пользу того же старшего сына или же ближайшего родственника, которым оно и так должно было бы перейти, потому что совершенно невозможно, чтобы власть имущий получил бы королевство благодаря силе завещания или другому отцовскому распоряжению, поскольку любое подобное установление является недействительным. Король владеет своим королевством только благодаря мощи и могуществу

непоколебимого закона королевства, благодаря которому он и призывается к этой должности. Гийом Бенедикти придерживается того же мнения и [выразил его] в своей глоссе на декреталии, где он высказался о законах наследования так: «природа королевства Франции требует и настаивает, чтобы никакие завещания, постановления и прочие распоряжения не делались относительно него. Ведь и Жан де Терруж делает вывод в некоей книге, которую он озаглавил «Вертоград церкви», говоря, что поскольку французское королевство должно переходить к перворожденному сыну только согласно обычаю королевства, которое переходит старшему сыну в силу власти обычая. Ведь французские короли никогда не могли составить завещания в отношении королевства, и наш нынешний король Карл VII не в праве делать этого, даже назначая своего старшего сына и наследника господина дофина, так как французское королевство должно переходить старшему сыну в наследство без завещания и не по требованию короля, который умирает за пределами страны, но только благодаря закону и обычаю королевства. Итак, король не может передать королевство даже своему старшему сыну, и он не может отчуждать хотя бы часть его на протяжении своей жизни, точно так же, как он не вправе делать это путем составления завещания или добровольных обязательств, или обещаний лишить наследства. И причиной тому является следующее — перворожденный сын держит свое королевство, не как полученное от отца, но [приобретенное] благодаря закону и обычаю государства. И поскольку отец не обладает властью вмешиваться в вопросы наследования и не может вносить такие изменения в официальные положения такого рода, равно он не может и делать что-либо, дабы воспрепятствовать праву первородства. Это право не зависит от суждения отца, но утверждается законом и сын не может быть лишен его тем, кто отказывает ему в его привилегиях и преимуществах». Таковы слова Бенедикти.

Теперь следует четвертый закон королевства, который мы уже обсуждали выше в десятой главе — пусть ни одна женщина или девушка не допускается к наследованию королевства, но в случае смерти короля его ближайший родственник по мужской линии предпочитался бы женщине, даже если у нее больше прав в силу более близкого кровного родства. Благородный юрист Пьер Якоби писал об этом законе в шестьдесят третьей главе своей «Золотой практики» следующим образом: «по смерти Карла (который был королем Франции и Наварры) дочь его брата Людовика унаследовала корону Наварры, поскольку это королевство могло наследоваться по женской линии¹⁵. Однако она не унаследовала корону Франции, поскольку женщина не допускалась [к наследованию ее], пока имелся хотя бы один представитель рода — [потомок] по мужской линии. Таким образом, Филипп, сын Карла Валуа, и

унаследовал ее, а Филипп был связан с усопшим королем в четвертой степени родства (в то время как дочь королевского брата находилась в третьей степени родства)¹⁶. В этом вопросе мы можем сослаться и на Гийома Бенедикти: «итак, ни [сами] дочери, ни мужчины, потомки этих дочерей не имеют права, согласно законам и обычаям французского королевства, унаследовать это королевство, и, конечно же, если не осталось выживших детей мужеска пола, то согласно преимущественному праву степени родства корону наследуют другие оставшиеся родственники и члены семьи»¹⁷. Бенедикти подтверждает эти выводы очень большим количеством примеров также и в двух последующих ссылках.

В предисловии к «Прагматической санкции» Косма Гимье¹⁸ также пишет: «французское королевство столь благородно и знаменито именно потому, что его никогда не наследует женщина, хотя это и разрешается в Наваррском королевстве. Вопрос, связанный с этим, поднимался после смерти короля Франции Филиппа Красивого, который оставил единственную дочь Изабеллу и троих сыновей»¹⁹. Названная Изабелла стала супругой Эдуарда, английского короля, и он имел от нее единственного сына, также носившего имя Эдуард. Этот сын уже после смерти выше-названного Филиппа и унаследовал английскую корону. Трое сыновей Филиппа один за другим стали королями Франции. Но так как все они умерли бездетными, то Филипп, сын Карла Валуа, который был братом Филиппа Красивого, наследовал им во французском королевстве с согласия и подтверждения двенадцати французских пэров, которые не пожелали передать королевство названной Изабелле, королеве Английской, или же ее сыну Эдуарду. Из всего этого и выросла великая война между королями Англии и Франции, но, конечно же, случившееся было несправедливо, поскольку если дочь короля не наследует французскую корону, то и ее сын также не наследует ее. Стоит только посмотреть на соответствующий раздел феодального права, и его первую главу, касающуюся дочерей и наследования, соответствующего семейным отношениям. Ведь когда исключается претендент, то также исключаются и его потомки. Это установлено в двух разделах «Кодекса». Поэтому названный Эдуард, сын упомянутой Изабеллы, не мог претендовать по какому бы то ни было праву на французскую корону, как утверждает Бальд в своем комментарии к «Кодексу». Но никто не разъяснил этот вопрос более полно, чем Клод де Сейсель, архиепископ Турина, в своей книге о Салическом законе, где он рассматривает во всех деталях претензии английских и французских королей и подчинении конечном итоге их обоим решению общественного совета или же трех сословий.

Пятый закон касается королевского домена, который мы уже рассматривали в соответствующей главе. Он заключается в том, что ни один король не обладает правом отчуждения любой части своего до-

мена без постановления общественного совета, поскольку домен был предоставлен только королю и король пользовался им для того, чтобы поддержать свое царственное достоинство, так что он имеет над ним примерно такую же власть, какую муж получает над приданным жены. Так, в 1399 году, когда король Карл VI даровал какую-то часть своего домена графу де Сен-Поль и уступил ему другие владения без достаточных на то оснований, то сенат или парламент Парижа вмешался в это дело на основании прав древнего парламента и объявил отчуждение королевского домена не имеющим силы, если это решение только не утвердит парижский парламент. Папон приводит это постановление среди других своих понятий в десятом титуле пятой книги, и он перечисляет много других распоряжений подобного же рода, но все они служат для подтверждения того, что отчуждение домена, совершенное королем без подтверждения того, что это было известно парламенту и санкционировано им, является недействительным в силу самого существования этого закона. А при процедуре подтверждения предметом пристального внимания становятся следующие вопросы: Нельзя ли изыскать деньги иным способом? Действительно ли в них существует столь острая необходимость? Является ли достаточным это количество денег? И соответствует ли оно наилучшей и предельной цене на публичном аукционе?

В отношении решения всех финансовых вопросов наилучшее свидетельство присутствует в сочинении Клодом де Сейсель, чьи слова мы можем процитировать из десятой главы первой книги «Французской монархии»: «третья узда, которой сдерживаются французские короли, — это учреждения и обычаи королевства, которые освящены многими веками и подтверждены длительным обычаем. Короли не в состоянии добиться их отмены, а если они когда-нибудь и попытаются это сделать, то их усилия окажутся тщетными, так как [их решения] будут отменены. Поскольку все эти вопросы не находятся в распоряжении правительства и спорные моменты, касающиеся домена и королевских владений могут быть расследованы самым законным путем, то короли не имеют права отчуждать домен без важных и существенных причин. А потому эти причины положено изучать и подтверждать в совете, суде парламента и Счетной палате... Эта процедура осуществляется осторожно, заботливо, а расследование проводится крайне тщательно, так что только очень немногие причины обнаруживаются для оправдания отчуждений такого рода. Более того, если короли даже и имеют право, когда они контролируют правительство распределять доходы и прибыль в королевстве по своему собственному усмотрению, все же основания доля ординарных и экстраординарных расходов может быть затребовано в суд и комиссию по расследованию Счетной палаты. Эти должностные лица могут об-

уздать траты королевских должностных лиц в случае, если покажется, будто те действуют, не посоветовавшись с ними. Данный весьма существенный закон государства особенно полезен при сбережении. Он действует и в такое время, когда королевский домен истощен, и становится обычаем истребовать помощь в форме субсидий, поборов и экстраординарных налогов, которыми обременяется простой народ. И обойду молчанием то, что этот вызывающий восхищение закон королевства обзывает излишнюю щедрость государя, которая может привести его к разорению всего августейшего имущества»²⁰.

В десятой главе второй книги своего сочинения Сейсель приводит и дополнительные рассуждения: «Позвольте мне повторить это снова. Король не может выразить Богу более приятную для последнего покорность, равно как не в силах проявить большее внимание к благу собственных подданных, равно как и к собственному достоинству, чем в случае, когда он соблюдает эти законы королевства. Ведь благодаря этому он сумеет добиться прозвища доброго и наихристианнейшего короля и отца своей страны, наряду со всеми прочими наименованиями, которые только способен заслужить великий и славный государь. Однако, с другой стороны, если он преступит упомянутые предписанные ограничения и пределы и начнет использовать вместо разума услужливую волю, то в будущем ему суждено быть причисленным к числу нечестивцев, тиранов, людей, которым присуща жестокость и нетерпимость, а по всем этим причинам он приобретёт ненависть как Господа, так и своих собственных подданных»²¹. Таково мнение архиепископа Туринского де Сейселя, ближайшего советника короля Людовика XII. Другие лица, которые высказывают аналогичное мнение по данному вопросу (французскому королю недозволено отчуждать города своего собственного домена), — это Гостиниенсис²² и Иоанн Андреас в комментариях к «Декреталиям», а также и Мартин Лауденсис²³ в трактате о заговорах.

В качестве шестого закона королевства можно упомянуть закон, по которому король не имеет права аннулировать наказание за государственные преступления без решения парламента или же воздерживаться от исполнения этого наказания; в этом королевстве, как говорит Бойе, преступники должны быть заключены в тюрьму, а письма об освобождении, отпуске под залог или помиловании должны предоставляться парламента. Все это Бойе излагает в своем труде «Установления Бордо».

Седьмой закон состоит в том, что королю не дозволяется освобождать от должности должностных лиц французского королевства или государства без того, чтобы совет пэров рассмотрел это дело и утвердил его, выразив свое согласие с доводами. Этот закон настолько хорошо известен и на него так часто ссылаются во Франции, что дополнительные подтверждения не нужны.

Восьмым законом королевства можно считать то правило, что короли не имеют права менять содержание монеты без согласия общественного совета. В своем труде «О монете» Гийом Бюде приводит примеры и из других сочинений о порядке установления метрической системы и изменения ее, то есть о праве повышать и уменьшать цену монеты, которое всегда принадлежало народу. Ги Дю Мулен, наиболее видный специалист в монетном деле, указывает в конце своих комментариев, что он лично разыскал в документах парламента и Счетной палаты много франкских законов, согласно которым нельзя изменить ценность монет без согласия народа, а согласие народа всегда было необходимо в подобных вопросах, поскольку дело здесь касается большинства населения; а как обычно выражаются юристы, когда дело касается интересов людей, то для решения его требуется их согласие, или же иначе выражаясь, то, что затрагивает интересы отдельных лиц, должно быть одобрено ими. И Гостиниенсис, признанный мэтр, пользующийся величайшим влиянием среди ученых, пишет в своем исследовании о цензорах: «спрашивается — имеет ли право король Франции самовольно изменять качество монеты или же вводить новую? Я отвечаю: Хотя многим и может показаться, что эти проблемы требуют почтения [к власти], так как они связаны с законами (так ответил на этот запрос папа), но мне так не кажется, поскольку в подобном случае народ предоставил бы ему власть, которая дарована только императору, как сказано в втором титуле «О происхождении права» книги первой «Дигест»²⁴.

Глава XXVI

О том, запрещалось ли законами Франкогаллии женщинам не только наследовать корону, но и управлять государством

Поскольку предпринятое нами исследование касается, прежде всего, управления государством и многих вопросов организации этого управления, представляется, что мы не должны обходить молчанием вопрос о том, исключались ли женщины из управления государством, подобно тому, как это делалось при наследовании королевства. Прежде всего, я хочу открыто заявить, что мы не станем обсуждать законы римлян или других народов, но только порядки, существовавшие в нашей Франкогаллии. Ведь всякому известно, что согласно римскому законодательству женщины всегда находились под опекой и не допускались ни к общественным, ни к частным делам по причине слабости их способности к рассуждению. Но у других народов, живших согласно иным обычаям,

женщины добивались верховной власти. Тацит сообщает в «Жизнеописании Юлия Агриколы»: «применительно к верховной власти над войском они не делают различия между полами»¹.

Выяснив это и изложив наше мнение открыто и ясно, приступим к рассмотрению вопроса. Ведь в связи с ним существуют примеры, как будто доказывающие, что в королевстве Франкогаллии некогда имелся обычай, согласно которому им управляли королевы, в особенности вдовы или матери королей, находящихся еще в детском возрасте, либо же пребывающих за пределами своей страны. Среди этих примеров едва ли можно отыскать пример доблести у женщины, более достойный упоминания, чем та, которую проявила королева Бланка², мать святого Людовика. Она приняла на себя верховную власть в управлении государством, а также и над духовенством и епископами, когда король, ее сын, отправился на войну в Африку. Как это было достигнуто, можно узнать из нескольких различных источников, которые недавно были опубликованы. [В них] говорится: «мы желаем и даруем нашей дорогой госпоже и матери королеве следующее — пусть во время нашего отсутствия она имеет полную власть в ведении дел королевства так, как она считает необходимым, [получит право] освобождать от должности тех, кого следует, по ее мнению, снять. Она также может назначать на нашу службу бальи, шателенов, лесничих и других и она может назначать и снимать должностных лиц нашего королевства. Она также вправе возводить на вакантные должности духовных бенефициев. Она может принимать клятвы от епископов и аббатов и осуществлять королевское правосудие, действуя ради нашей пользы. Она может даровать хартии и разрешения на созыв духовных ассамблей»³.

Но с другой стороны в спорах используются и разумные возражения против подобной практики, поскольку если женщина не наделена правом стать королевой, то она не имеет права и на власть и правление. Женщина не может быть королевой по своему праву, и наследственные права на корону не могут быть переданы ей или ее потомкам. Если же они и именуется королевами, то лишь по воле случая, так как они вышли замуж за королей, мы уже показывали это на старых источниках на протяжении двух тысячелетий. К тому, о чем мы уже говорили выше, можно еще прибавить, что поскольку вся власть в избрании и низложении королей принадлежит общественному собранию, то ему же принадлежит и право назначать регента или правителя королевства. Даже после избрания королей верховная власть в управлении остается за советом, и даже века не прошло с тех пор, как этим советом были определены тридцать шесть стражей для деятельности, схожей с той, которую осуществляли эфоры. И все это произошло, когда правил умный и хитрый Людовик XI. И уж если мы рассматриваем вопрос о вла-

сти во времена наших предков, то можем привести прекрасное свидетельство в хронике Эймона, где он пишет о Брунгильде, матери короля Хильдеберта: «в это время, поскольку выяснилось, что Брунгильда желала сохранить в своих руках верховную власть в королевстве, знать франков, которая так долго презирала управление и господство женщин и т.д.»⁴.

Франсуа Коннон, советник парламента, сообщает нам следующее: «Панормитан⁵ сделал большую ошибку, когда заявил, что королевы имеют какие-либо права у франков согласно обычаю. Ведь нет народа, менее расположенного к правлению женщин, поскольку Салический закон, то есть закон франков, отстраняет их от наследования королевства. Таким образом, мы видим, что после смерти мужа королевы почти полностью утрачивают свой статус, так что не сохраняют и тени королевского достоинства»⁶.

Конечно же, бывало и так, что и женщины добивались власти в управлении государством во времена наших предков, но это всегда вызвало крайние бедствия и приводило к большим несчастьям в государстве. Было некогда время, когда королева Клотильда, мать королей Хильдеберта и Хлотаря, имела власть. Она любила со страстью, граничившей с безумием, сыновей другого своего сына по имени Хлодмир⁷, уже умершего, и вызвало множество раздоров, пытаясь отвести здравствующих сыновей и обеспечить внукам королевское достоинство. Поэтому-то она в соответствии с обычаем, который мы уже описали выше, стала заботиться об их длинных волосах. Когда оба брата-короля узнали о ее намерениях, они тотчас послали некоего Аркадия к ней, который показал ей обнаженный меч и ножницы и предоставил ей выбор — что она предпочтет для прикосновения к головам ее внуков⁸. «Но королева, — рассказывает Григорий Турский, — испуганная известием и полная горестного отчаяния, особенно при виде обнаженного меча и ножниц, преодолевая скорбь и не сознавая от горя, что она говорит, только сказала: «если они не будут коронованы, то для меня лучше видеть их мертвыми, чем остриженными»⁹. И каждый из ее внуков был убит перед ее глазами¹⁰. В другом месте тот же автор добавляет, что эту-то королеву любил простой народ, так как она сделала большие пожертвования монашеским орденам¹¹.

Как любил говорить Катон: «если вы ослабите узду на женщинах, как на нечестивых и неукротимых зверях, то всегда может произойти нечто непредвиденное»¹². И каким же неукротимым зверем стала дочь короля Теодориха¹³, итальянка по рождению, которая безумно влюбилась в своего слугу¹⁴. А когда она обнаружила, что он убит по распоряжению ее матери, то притворилась, будто бы примирилась с матерью и выразила желание причаститься с нею. И она с кощунственной не-

честивостью и чудовищной жестокостью примешала яд к причастию. Григорий Турский рассказал нам об этом: «а были они в то время арианами, и так как у них был обычай, что короли, подходя к алтарю, причащались из одной чаши, а простой народ — из другой, то в ту чашу, из которой должна была причащаться королева, дочь всыпала яд. Как только королева выпила [содержимое], она тотчас же умерла»¹⁵.

Прекрасно, давайте же посмотрим на другие примеры. Фредегонда¹⁶, королева-мать и вдова Хильперика I, добивалась власти. Еще при жизни мужа она продолжала сожительствовать с человеком по имени Ландри. Когда они заметили, что Хильперик обо всем узнал, то жена убила его, и, как королева-мать, быстро захватила управление королевством от имени своего сына короля Хлотаря, удерживая власть в течение тринадцати лет. Сперва она отравила дядю своего сына и его жену. Затем подняла гуннов против его сыновей и вызвала гражданскую войну в государстве. Наконец, она вдохновляла все пожары, которые охватывали на протяжении долгих лет Франкогаллии. Вот о чем Эймон написал даже дважды, а кроме него еще и автор Дижонской хроники¹⁷.

Королева Брунгильда, мать Хильперика¹⁸ и вдова Сигиберта, также правила. При ней всегда был клевет, некий итальянец по имени Протадий¹⁹, и она оказывала ему любые почести. Она взрастила своих сыновей Теодоберта и Теодориха в бытность их подростками в таких дурных нравах, что они стали смертельными врагами друг друга и постоянно вели ожесточенную борьбу. Она убила Меровея, сына Теодоберта и своего внука собственными руками. Она отравила Теодориха²⁰. Надо ли продолжать? Как уже говорилось, по мнению Катона: «если вы ослабите узду на женщинах, как на нечестивых и неукротимых зверях, то всегда может произойти нечто непредвиденное»²¹. Она стала причиной гибели десяти принцев крови. А когда один из епископов прекнул ее и попросил вести себя более умеренно, то она приказала бросить его в реку. В конце концов, был созван совет Франкии и она подверглась суду, была им приговорена к смерти и разорвана на куски дикими лошадьми. Об этом повествуют Григорий Турский, Адо, Оттон Фрейзингенский, Готфрид Витербский и Эймон. А в дополнениях к Григорию Турскому есть и такие слова: «на ней лежала ответственность за гибель десяти франкских королей, а именно — Сигиберта, Меровея, его отца Хильперика, Теодориха, его сына Хлотаря, Меровея, сына Хлотаря, Теодориха и его трех детей, которые были недавно преданы смерти. А потому было приказано, чтобы ее в течение трех дней пытали разными способами. Ее сперва посадили на верблюда (полагаю, что это слово должно пониматься как вьючная лошадь) и провезли перед всей армией, а затем ее за руку, ногу и волосы привязали к хвосту диких лошадей, которые, колотя копытами и, лягаясь, рвались и разо-

рвали ее на части»²². Я нашел описание этих событий и в хронике Дижонского монастыря. Автор изложил его так: «ее посадили на верблюда, а затем возили вокруг всего войска. Все содрогались от ужаса от ее воплей, таких, словно бы она повелела своему телу и душе низвергнуться в глубины ада. Ее привязали к четырем диким лошадям и те разорвали ее на части, когда рванулись в стороны. Затем развели огонь, и ее останки вместе с описанием ее преступлений были брошены туда чернью». В другом месте тот же автор записал: «столько было бедствий и такие реки крови пролились во Франкии вследствие советов Брунгильды, что исполнилось пророчество Сивиллы — Бруна придет из Испании и под ее взором погибнут народы, но и она сама будет разорвана на куски под копытами лошадей»²³

Ну что ж, давайте, взглянем и на других. Власть добилась Плектруда, которая была вдовой даже не короля, но его советника Пипина²⁴. Тот в свою очередь добился королевской власти, в то время как Дагоберт II носил лишь пустой титул короля²⁵. Пипин отверг Плектруду из-за ее супружеских измен и распущенной жизни. А после смерти мужа она стала причиной многих раздоров в государстве. Она вынудила храбрейшего из людей майордома Карла Мартелла отказаться от должности и поставила вместо него некоего Тебальда, скверного и хитрого человека²⁶. А затем она разожгла пожар гражданской войны с тяжелейшими последствиями для франков, которые, по словам Эймона, «варварски убивали друг друга»²⁷ в разных сражениях. Более того, неизвестный автор книги «Положение королевства франков при Дагоберте II» излагает дело в следующих выражениях: «поскольку франки не смогли стерпеть ярость и безумные поступки Плектруды и не видели никакой надежды в короле Дагоберте, то избрали своим королем некоего Даниила, который уже прежде стал монахом, и назвали его Хильпериком»²⁸. Все это мы уже описывали в другом месте книги.

Рассмотрим теперь остающиеся примеры. Власть была захвачена королевой, матерью Карла Лысого, по имени Юдифь, которая была женой Людовика, прозванного Благочестивым, короля [не только] Франкогаллии, но и Германии и Италии. Она разожгла роковую и разрушительную войну между Людовиком и своими пасынками в результате чего возник такой их заговор против отца, что они вынудили его отречься от престола и уступить им свою власть к ущербу почти всей Европы. Все историки возлагают большую часть вины за эти бедствия на Юдифь, королеву-мать²⁹, например аббат Урспергский, Микеле Рициус³⁰, Оттон Фрейзингенский. «Людовик, — пишет Оттон, — был изгнан из королевства из-за дурных дел своей жены Юдифи»³¹. Точно так же об этом пишет и Рициус в своей хронике под годом 838: «Людовик был лишен своего права властвовать своим собственным народом и был от-

правлен в заключение, а корона была возложена на его сына Лотаря по избрании того франками. Более того, это низложение было связано с многочисленными супружескими изменами его жены Юдифи»³².

В позднейшее время власть принадлежала королеве Бланке, которая была женой Людовика и матерью святого Людовика. Когда она захватила кормило государства, знать Галлии взяла в руки оружие под руководством герцога Филиппа³³, графа Булони и дяди короля. Как писал превосходнейший автор Жан де Жуанвиль, «знать заявила, что не может вынести того, чтобы столь великое королевство управлялось женщиной, да к тому же еще и чужестранкой. Так знать отвергла Бланку и избрала графа Филиппа в качестве регента королевства. Но Бланка упорствовала в своей цели и искала помощи, где могла. В результате и все остальные объединились в лиге вместе с Фердинандом, королем Испании»³⁴. Герцог Бретонский³⁵ и его брат граф Эврё, объединились с герцогом Филиппом и внезапно захватили ряд городов, поставив в них гарнизон»³⁶. Жуанвиль не только описывает все это, но и разъясняет, что бурный конфликт, вспыхнувший во Франции, был вызван тем, что управление государством было захвачено королевой-матерью. Так случилось, что король уехал на время в Этамп, и отправился туда по военным делам по воле своей матери. Знать тут же стеклась туда со всей Франции и окружила короля в названном городе, но не для того, чтобы причинить ему вред, а, как говорит Жуанвиль, чтобы вызволить его из-под власти его матери. Новости настигли ее, когда она еще находилась в Париже, и она быстро приказала парижанам вооружиться и двигаться к Этампу. Это ополчение еще не успело достичь Монтлери, как король, которого освободили из заточения, прибыл к ним и вместе с ними возвратился в Париж. Когда Филипп увидал, что у него в наличии лишь небольшие силы, то он стал искать помощи у королевы Кипра³⁷, которая по каким-то своим судебным делам находилась в королевстве. Она вторглась с большими силами и разгромила провинциальное ополчение. Тем не менее, Бланка оставалась тверда в своих намерениях. В ответ знать обратилась к англичанам, в провинции, граничившие с королевством. Те в свою очередь разграбили Аквитанию и прочие прибрежные провинции, а все эти несчастья произошли из-за страстей и честолюбия королевы матери. Все это детально описано Жуанвилем.

Поскольку среди нас бытует и другое мнение относительно Бланки, возможно, оно и более привычное, поскольку вызвано лестью тех, кто писал в те времена. Ведь писатели нередко колеблются, размышляя над тем, следует ли им критиковать королев-матерей, и [руководствуются] либо страхом перед наказанием, либо чувством уважения к королям, их сыновьям. Мне представляется, что не следует пренебрегать замечанием Жуанвиля о том, что она имела над сыном огромную власть и довела

его до такого состояния робости и отчаяния, что редко позволяла королю даже разговаривать со своей женой Маргаритой³⁸, своей невесткой, которую она ненавидела. Так, когда король отправлялся в путешествие, Бланка приказывала всем тем, кто отвечал за организацию остановок, предоставлять королеве апартаменты отдельно от короля. Если же король когда-либо тайно отправлялся ночью к жене, то оставлял на страже слуг. Если те замечали, что приближается Бланка, то должны были дать пинка собакам, а их вой служил королю сигналом для того, чтобы прятаться. Нужно ли к этому добавлять что-нибудь еще?

«В один прекрасный день, — записал Жуанвиль, — королева Маргарита плохо себя чувствовала из-за беременности, а король пришел в ее покои навестить ее ради любви к ней. Внезапно появилась Бланка. Король был предупрежден тем, что собаки заскулили, и спрятался за углом постели, завернувшись в занавеси. Однако королева-мать отыскала его и при всех схватила и выволокла короля из комнаты. «Нечего тебе тут делать, — заявила она, — убирайся!» Но беременная королева так сильно восприняла это оскорбление, что потеряла сознание, и слуги были вынуждены позвать короля назад. По его возвращении королева пришла в себя, и к ней возвратилось сознание»³⁹. Таково описание (очень изысканное и сдержанное) Жуанвиля.

Другой пример имел место позже, когда власть оказалась в руках Изабеллы⁴⁰, вдовы безумного Карла VI. Прежде, когда управление королевством было поручено совету из опытных избранных людей, то возникло много споров из-за честолюбия некоторых⁴¹. В шести случаях вспыхивали раздоры и шесть раз их заглушали соглашением. Наконец, вдова Изабелла⁴² покинула Париж и удалилась в Шартр. Там она нашла ловкого человека по имени Филипп де Морвилье и созвала парламент, на котором она председательствовала, а Морвилье был канцлером⁴³. По его совету она заказала королевскую печать (обычно называемую канцлерской) и приказала изобразить на ней самое себя, сложившую руки для молитвы. Она использовала такую надпись: Изабелла, милостью Божией королева Франции, которая по причине болезни короля управляет королевством. Однако, когда государство потрясилось многими бедствиями и казалось, что рухнет уже все, то Генеральные Штаты выслали ее в Тур, где к ней были приставлены четыре стража, дабы удерживать этого дикого зверя в покоях и следить, чтобы она ничего не сотворила и ни в коем бы случае не писала бы писем без их разрешения. Полное описание всех этих событий приводится у Монстреле.

Существует и гораздо более древний пример подобной же суровости в отношении Плацидии, матери короля Хильдеберта, которая из-за ее крайнего богохульства, осуществленного при преследовании епископа Квинциана, и безумия, проявленного ею при нарушении права церк-

ви, была заключена в городе Кагоре. За все эти кощунства франкогаллы приговорили ее лишиться богатств и изгнать. Об этом сообщает нам Григорий Турский.⁴⁴

Глава XXVII О парламентах и судах Франции

При владычестве династии Капетингов во Франкогаллии и родилось судейское королевство (уж не знаю, как его еще и назвать), о чем, как нам представляется, все же следует кое-что сообщить вследствие невероятного искусства его созидателей и неслыханной никогда до этих пор ловкости. С тех пор и до наших дней в Галлии господствует некий род людей, который одними именуется юристами, другими — адвокатами, а иными — сутягами. За последние триста лет или около этого такова была ловкость этих лиц, и они выказали столько хитрости, что им удалось не только полностью подавить власть общественного совета (о котором мы уже рассказывали выше), но также принизить и всех принцев королевства и величие королевской власти перешло, как говорится, под их руку, и они даже унизили могущество королевской власти. Итак, во всех тех городах королевства, где они обосновались, чуть ли не треть горожан и нотаблей обратилась к изучению и науке этого ремесла крючкотворства, так как это давало огромные выгоды, так что это можно заметить, прежде всего, в Париже, который можно по праву считать первым среди этих городов. И кто же может не заметить, находясь в этом городе хоть три дня, что треть граждан поглощена искусством и делом тяжб.

Можно заметить, что Верховное собрание адвокатов (которое мы называем верховной палатой парламента) столь исполнено достоинства и кичится своим богатством, что уже представляет собой не собрание советников, а скорее сборище царьков и сатрапов (подобно тому, как некогда Югурта¹ высказался о римском сенате согласно рассказам историков). Ведь независимо оттого, что эти члены собрания происходили из низов общества, если уж они туда попали хоть один раз, и состояли в нем не более четырех до пяти лет, большинство из них всего за несколько лет приобретают богатства и столько владений, что они оказываются почти равными королевским. А потому все остальные города борются отчаянно за то, чтобы также иметь у себя подобную судебную палату. Сейчас насчитывается же семь самых знаменитых парламентов — в Париже, Тулузе, Руане, Гренобле, Бордо, Эксе, Дижоне. Все они учреждены и утверждены. Восьмой же, кото-

рый не имеет постоянного места нахождения и переносится, зовется Верховной палатой. Девятый же был дарован Бретани эдиктом короля Генриха II в 1553 году. Внутри границ этих «королевств» существуют и другие суды, или, если можно так их назвать, сатрапии, которые подражают (насколько это в их силах) величию вышестоящих и обычно называются президентскими судами. Короче, настолько велика сила и зараза этой болезни, и так она укоренилась и широко распозлась по всему королевству, что, подобно тому, как некогда большая часть египтян под властью своих тиранов была вынуждена заниматься строительством пирамид и возведением подобных же сооружений, предельного и исключительного величия и ради ублажения своего тирана, так и огромное количество людей из населения Галлии втянуто в упражнения в тяжбах и ябедничестве и в писание жалоб.

В XV главе сочинения, написанного архиепископом Марсея Клодом де Сейселем (известного под названием «Французская монархия»), имеются следующие слова: «на мой взгляд, только во Франции больше писцов, прокуроров, адвокатов и подобных им бродяг, чем во всем остальном христианском мире, если всех прочих удалось бы собрать в едином месте»². Нечто похожее встречается и у Филиппа де Коммина, где он рассказывает о королевском вмешательстве Людовика XI так: «он хотел ввести в королевстве общие кутюмы и единые меры, и чтобы все кутюмы, переложенные на французский язык, были сведены в одну хорошую книгу, дабы покончить с плутовством и грабительством адвокатов, от которых в этом королевстве страдают гораздо сильнее, чем в любом другом, и наши дворяне хорошо это знают»³. Именно так высказался Коммин.

На языке наших предков само слово «парламент» означало «собеседование», собрание многих лиц, прибывших отовсюду, чтобы совместно обсудить общие дела, подобно тому как. В наших старых хрониках назывались всегда парламентами переговоры, которые подписывались или обещались двумя государями или военными предводителями, когда те желали подписать и согласовать вместе условия мира. И по этой-то причине общественный совет сословий на нашем старинном языке и звался парламентом, который имел то могущество и власть, которые мы уже описали выше. И это же название сохранилось вплоть до наших дней в Англии. Томас Уолсингем записал в «Истории Англии» под годом 1287: «в этом году король Англии⁴ отправился в Галлию и, прибыв в Амбуаз, принес оммаж французскому королю⁵ за земли, которые он держал от него в королевстве Франции, прибыл в Париж и присутствовал на собрании парламента, который проводил король Франков».⁶

Филипп де Коммин отметил в первой главе четвертой книге своего сочинения: «король Английский не мог предпринять такой поход, не со-

брав парламента, который равнозначен штатам»⁷. Собрание представителей сословий Арморики Бретанской всегда называлось именно этим именем. Это можно легко установить по их анналам и, прежде всего по сведениям, приведенным в третьей книге, куда включен текст договора 1230 года между никчемным герцогом Моклером и королем Франции: «подписывая этот договор, герцог пожелал, чтобы в по другим вопросам он обращался бы из своего парламента в парламент Франции, но на заседания только двух палат». Немногим дальше в этих анналах можно прочесть: «с жалобами могут обращаться к парламенту Франции на несправедливые и плутовские решения бретонского парламента»⁸.

Все это также именовалось судом парламента трех сословий, так что благородный адвокат Этьен Офрийе, президент парламента Бордо, свидетельствует в своих комментариях, посвященных судебной процедуре парламента: «конечно же, я заметил, что Бартоло⁹ и другие итальянские доктора права используют это понятие для обозначения общественного совета или же народных собраний в любой области. Ведь в своем трактате, посвященном посольствам, Бартоло писал в десятой главе второй книги: «наместник провинции собирает парламент провинции и там предлагает все, что относится к общественному благу для всех сословий». Далее Бартоло пишет: «следует отметить, что наместник провинции созывает весь парламент провинции. Это не означает, что туда должен отправиться каждый ее житель, но в обязательном порядке делегаты всех городов должны представлять свой город». Джованни де Платеа¹⁰ пишет в книге, на которую мы уже ссылались: «когда что-либо, выходящее за рамки обычных дел, должно решаться для всей провинции, то следует созывать всеобщей совет или парламент. Не каждый житель провинции направляется туда, но предполагается, что от города придут делегаты или синдики, представляющие весь город. На этом-то собрании или парламенте и должны, как предполагается, быть предложены здоровые и полезные советы»¹¹. И Лука делла Пенна записал: «способ принятия предложений на общественном совете или же парламенте — именно тот, который требуется, если должно предлагаться мудрое и полезное решение»¹².

И Бюде писал по поводу «Пандектов»: «тем не менее, я с трудом могу поверить в сомнительное утверждение, будто бы происхождение Парижского парламента восходит к тем судебным собраниям, где некогда принцы по обыкновению присутствовали и председательствовали на них, поскольку они никогда не объявлялись только в одном, строго определенном месте или же в одно и то же установленное время. И можно с уверенностью считать, что парламенты не были связаны с каким-то точно установленным центром, подобно тому, как это было с верховным (pretorium) советом государя»¹³.

Поскольку верховной была власть совета, то короли из рода Капетингов стремились ее приуменьшить и постепенно покончить с ним, заменив этот совет определенным количеством назначенных ими судей. А потом к ним и перешло царственное имя парламента, и оно, как и судебная власть, была передана этим судьям. Постепенно они достигли великого могущества и им были даны большие привилегии. Прежде всего, они постановили, чтобы, во-первых, ни один королевский закон или указ не мог быть введен до тех пор, пока эти советники не утверждали и не давали им свое одобрение, во-вторых, ни одно должностное лицо по всей Франции (будь-то гражданские чиновники или даже военные) не могло вступить в свою должность прежде, чем, этот человек не появился перед сборищем судей и не принес клятву соблюдать законы; в-третьих, не имелось права апелляции относительно их решений, и их постановления были окончательными и обжалованию не подлежали. Коннан утверждал в своем трактате: «когда суд вершит правосудие, он — государь и не склоняется ни перед кем, кроме как перед самим королем»¹⁴. Однако в этом рассуждении Коннан позабыл о канцлере, которому этот государь-судебная палата уступает в превосходстве, так как (как отмечал Бюде), канцлер — глава всех должностных лиц. В конце концов, все права власти, господство и могущество, которые, как мы уже показали выше, принадлежали общественному совету и парламенту сословий на протяжении стольких лет, были узурпированы этим поддельным сенатом, и даже короли оказались в их числе, по крайней мере те, которых они сочли, что они не будут препятствовать их решениям. А тогда этот орган был назван судом парламента, что находит подтверждение в английской книге, озаглавленной «Ученые комментарии»¹⁵. В пятьдесят второй главе там отмечено: «конечно же, во французском королевстве существует обращение к верховному суду, который там называется судом парламента, но процесс там может разрешиться более чем через тридцать лет. Мне лично был известен казус, который продолжался уже десять лет и вполне возможно, что его решение потребует не менее еще десяти лет». Чуть раньше, в сорок восьмой главе автор записал: «во Франции также все адвокаты в суде парламента обязаны излагать дело на французском языке»¹⁶.

Здесь мы приостановимся и поразмышляем о происхождении и корнях, и средствах, благодаря которым парламент смог достичь такого высочайшего положения. Прежде всего, в Париже был воздвигнут царственный дворец правосудия, великолепнейшее по размерам и роскоши здание, сооруженное, как утверждают многие [историки], по повелению короля Людовика, носившего прозвище, означавшее на нашем старом языке «Сварливый» (прозвище вполне соответствует тому, кто первый возвел это сооружение тяжб и раздоров). Другие же придерживаются

того мнения [в своих книгах], что оно было завершено около 1314 года по приказу короля Филиппа Красивого, благодаря усилиям и усердию Ангеррана де Мариньи, графа де Лонгвиль¹⁷, который спустя несколько лет и сам был повешен на парижской виселице за растрату королевской казны. Кто бы ни был за это в ответе, мы можем утверждать, что именно короли Франкогаллии позаботились о том, чтобы оставить в наследство потомкам искусство ведения тяжб, подобно тому, как древние египетские цари (как нам рассказывают историки) — о том, чтобы заставить своих подданных трудиться на сооружении пирамид. А среди этих фараонов особо памятен фараон Хенпис¹⁸ из-за того, что на постройке одной-единственной пирамиды использовал триста шестьдесят тысяч человек. А в своей истории царствования Людовика Сварливого Гаген записал: «этот Людовик постановил, чтобы суд парламента обосновался в Париже и не должен был оттуда передвигаться, дабы тяжущиеся не было неудобств от частой смены мест». Вот что говорит Гаген.

Иные [историки] заявляют, будто ответственность за учреждение парламента лежит на Пипине или Карле Великом; мы можем доказать, что это утверждение — просто нелепо, благодаря свидетельствам, оставшимся от самого упомянутого государя. Ведь сохранилось множество законов и указов, изданных этим самым Карлом Великим, и ни в одном из них не встречается упоминания ни о парламенте, ни о еще более могущественном сенате. Он просто отдавал распоряжение о том, что в назначенных местах будут проводиться судьями судебные заседания и там же должно проходить собрание, которое он по своему обыкновению называл *placitum*. В 35 главе четвертого тома законов франков есть постановление: «он должен не более трех всеобщих судебных заседаний за год. За исключением тех случаев, когда кто-то совершил тяжкое преступление, или же похитил чужую собственность, или же должен быть призван для свидетельствования»¹⁹. И есть еще многие другие законы того же содержания, которые были установлены этим королем, и благодаря им мы можем судить о том, сколь ничтожным было по своим масштабам сутяжничество в те времена по сравнению с нашими днями. Мне представляется достаточно соответствующим истине то, что рассказывают наши писатели той эпохи, а именно: семена всех тяжб, ложных обвинений и доноительства были посеяны папой Климентом,²⁰ который перенес место пребывания папского престола в Авиньон во времена Филиппа Красивого. Его придворные и адвокаты вовлекли наш народ в свою практику, широко распространившуюся с тех пор, и были посеяны среди наших обычаев семена римского искусства судебного крючкотворства и испортили нравы.

Но не будем заходить так далеко. Ведь Эйнхард отметил в «Жизни Карла Великого»: «когда он одевался и обувался, то принимал не только

друзей, но даже если дворцовый управляющий говорил, что возник некий спор, который не могли окончить без его постановления, он тотчас же приказывал привести спорящих, и, будто сидя на своем судейском кресле, разобравшись, выносил приговор»²¹.

В капитулярии того же Карла Великого имеется и такой указ: «пусть наши посланцы доведут до сведения знати и народа, что раз в неделю мы желаем проводить заседания для выслушивания судебных дел».

Посмотрим теперь на другие примеры. Около 1230 года проводил суд король, известный всем как св. Людовик, жизнеописание которого оставил его современник Жан де Жуанвиль. Мы уже неоднократно упоминали это сочинение. Из его рассказа становится ясно, сколь редкими были тяжбы и ложные судебные обвинения в это время во Франции, а также и то, как часто король Людовик либо судил лично, либо же передавал эти дела кому-либо из своей свиты для решения дела. И Жуанвиль в девяносто четвертой главе записал: «он обычно приказывал сеньору де Нэль и сеньору де Суассон или мне разбирать дела, с которыми обращались к нему. Затем он приглашал нас к себе и осведомлялся о состоянии дела и о том, действительно ли оно было таким, что не могло быть решено никем без его вмешательства. И частенько случалось, когда мы излагали ему суть дела, что он приглашал тяжущихся предстать перед его особой и выносил приговор по этому вопросу по правде и справедливости. Иногда ему нравилось отправляться в Венсен, где он лично устраивался на траве у корней дуба и повелевал нам усесться вокруг него. Если у кого-нибудь имелось какое-то дело, то он призывал их [на суд]. И, конечно же, он громко объявлял, что если у кого-либо имеется тяжба, то он должен приблизиться и изложить суть своего дела. Если же кто-то приходил, то король выслушивал его со вниманием, а когда дело было изложено сторонами, то выносил приговор по справедливости и правде. В других случаях он давал Пьеру Нонтену и Жоффруа Виллету задачу — выслушать тяжущихся и решить дело. Я сам видел нередко, как добрый король направлялся в сады за городом, облачившись в простое одеяние и, распорядившись там покрыть скатертью стол. Затем, когда устанавливалось молчание, он приказывал подвести к нему тяжущихся и, после того, как они изложили свое дело, он быстро вершил правосудие»²². Вот что писал Жуанвиль. Любой человек может сам рассудить, сколь немногочисленным было количество судебных дел и тяжб в те времена, а также и о том, с какой заботой король избегал судебных притеснений и терний тяжб.

Не стоит нам пренебрегать тем, что рассказывает один из наших писателей, который известен под именем Наблюдателя²³, в разделе своего труда, посвященном празднествам. В то время (то есть около 1270 года) важнейшие дела и споры обычно рассматривались на общественном

совете (который, как мы уже упоминали, и назывался парламентом). Решение вопросов там осуществлялось в соответствии с законом, [принятым] во многих областях королевства. Согласно обычаю заседания проводились даже в праздничные дни для того, чтобы удовлетворить тех, кто прибыл издалека. И, возможно, писал Наблюдатель, и для того, чтобы изменить судебные обычаи французских королей, вершивших правосудие раз в год, когда парламенты собираются на сессии, чтобы все те, кто прибыл из отдаленных мест, все же сумели бы добиться того, чтобы их дела рассматривались поскорее». Однако с течением времени из-за искусства сутяжничества, которое беспрепятственно распространялось, подобно гангрене, стало вполне обычным делом изучение юриспруденции в течение долгих лет равно как стало и более распространенным и обучение юриспруденции.

Мне хочется предложить [читателю] выдержку из ордонанса Филиппа IV, прозванного Красивым, от 1302 года: «Для большего удобства наших подданных и скорейшего рассмотрения судебных дел, мы постановляем и повелеваем, чтобы в Париже проводилось два парламентских суда и два в Руане и чтобы продолжительность времени [заседания] суда была увеличена вдвое ежегодно, а если население области согласится, то парламент Тулузы будет проводиться так, как это делалось прежде. Далее, в связи с тем, что множество важных дел между великими и знатными людьми также ведутся в нашем парламенте, мы желаем и повелеваем, чтобы два прелата и два других значительных лица из нашего совета (мирянина) или же, в крайнем случае, один прелат и один мирянин, постоянно присутствовали в наших парламентах, чтобы они заслушивали эти дела и выносили решение по ним». Мы можем благодаря этой выдержке сделать вывод о том, что, во-первых, как редко в те времена проводились судебные сессии, и, во-вторых, как мало судей заседало в этом парламенте. О продолжительности деятельности других провинциальных парламентов и бальяжей можно судить по указу того же Филиппа Красивого от того же 1302 года в той же самой книге, где говорилось: «Мы добавляем к сказанному [следующее]: наши сенешалы и бальи обязаны проводить свои судебные заседания без промедления по всем сенешальствам и бальяжам по крайней мере раз в два месяца»²⁴.

Более того, в уже приведенном нами выше отрывке Бюде отметил, что в 1293 году король Филипп Красивый постановил, что в парламентах должны заседать три рода лиц — прелаты, бароны и духовенство попеременно с мирянами, поскольку, как говорит Бюде. Светские лица избираются частично от рыцарей, а частично от обыкновенных людей, не наделенных привилегиями». Он приказал также, чтобы прелаты и бароны порекомендовали лиц из третьего сословия, которые им пока-

зались бы подходящими для того, чтобы вершить правосудие и чтобы в то же время они избирали трех человек для того, чтобы направить их в провинции, дабы те осуществляли писанные законы и вершили правосудие. В случае же, если им придется столкнуться с каким-нибудь тяжким уголовным делом, то они должны брать с собой людей, хорошо сведущих в праве, чтобы те могли дать совет. Здесь Бюде описывает нам практику своего времени, то есть царство судейских и в то же время он отмечает отвратительные судебные привычки этих крючкотворов, настоящих коршунов своего времени, облеченных властью судей (заимствуя здесь мысль Апулея²⁵). Приводя строчку из Ювенала²⁶, он буквально кричит: ««было время, когда первобытные люди жили только согласно обычаю», как сказал поэт; и продолжая мысль поэта, он добавляет: мне хочется заметить, что в те древние времена, когда это королевство процветало (что не вызывает сомнений хотя бы уже потому, что тогда чеканили монету из чистого золота), существовал простой и легкий способ вершить правосудие, а сами судебные тяжбы были очень редки и непродолжительны, а не становились, как теперь, бесконечными, когда они ведутся вплоть до смерти людей. Эти каналы, толкователи законов еще не вторглись в общество, и не считалось, что знание законов простирается до бесконечности. Скорее все полагали, что честность и справедливость, и судия, наделенный благоразумием, бескорыстием и беспристрастием, стоили больше шестисот томов, [посвященных] праву. Теперь не найдешь ни единого человека, который бы не разглядел, какой оборот приняло дело, но каждый красноречив и своим молчанием»²⁷. Так говорил Бюде, без сомнения, самый горький и авторитетный противник мастерства крючкотворства.

Возвратимся же теперь к нашей истории и выясним, каким же образом было вызвано к жизни это царство крючкотворства, благодаря каким исходным моментам и основам это произошло. Как писал Цицерон: «древние понтифики из-за множества жертвоприношений решили выделить особую коллегия жрецов из трех человек Эпулонов для устройства священных пиршеств на играх, хотя Нума возложил на них самих эту заботу»²⁸. Подобным же образом это крохотное количество судей породило неисчислимую поросль судей и советников, дабы встречать все возрастающее количество тяжб. Сначала же, как мы уже отметили выше, была сооружена чрезвычайно дорого обошедшаяся великолепная и громадная базилика либо по велению Людовика Сварливого, либо Филиппа Красивого; далее вместо умеренного количества судей было создано три палаты — Великая палата, палата докладчиков и палата следователей. Об этом разделении упоминает и Бюде в том же месте своего сочинения, а более детально рассказывает Гаген в жизнеописании Людовика Сварливого. Однако я обнаружил, что Этьен Оф-

рийе в своем описании суда парламента перечисляет столько же палат, но при этом отмечает: «сначала, конечно же, имелось только две палаты, так как палата докладчиков — низший трибунал; но впоследствии была добавлена третья, которую называют большой палатой расследования. Однако, в 1522 году король Франциск, чтобы раздобыть шестьдесят тысяч золотых, создал еще и четвертую палату из двадцати новых советников, и от каждого он получил три тысячи золотых. А вследствие этого суд и был крайне ухудшен. Позднее количество президентов также было увеличено ради извлечения дохода. И снова король в 1543 году назначил двадцать судебных должностей ради денег»²⁹.

Мы не должны здесь опустить кое-что из уже упомянутого и тем и другим и это достаточно поразительно, чтобы навеки заклеить эту практику. А именно — собрание судей не было, как теперь, постоянным и продолжительным, но проводилось в соответствии с распоряжением государя и обычно не проводилось, если только не имелось его особого распоряжения. Для созыва был необходим королевский эдикт, который и издавался ежегодно в начале ноября, дабы возобновить суд. Гаген сообщил об этом и отмечал как несомненный факт, что именно король — создатель этого священного союза³⁰, так как королевские рескрипты издавались ежегодно и приурочивались ко дню праздника св. Мартина, то есть ко вторым идам ноября³¹. Судейскому парламенту передавалась вначале власть короля. Быстрое и поразительное расширение судебного царства можно подтвердить еще и тем, что почти столетие спустя, во времена царствования Карла VII (в 1453 году) король издал по этому же вопросу постановление: «начиная с праздника Пасхи и до окончания парламента, президенты и советники обязаны собираться в своих палатах в шесть часов утра. А после дня св. Мартина они должны собираться после названного часа». Чуть дальше в этом постановлении указывалось: «необходимо, чтобы президенты и советники двора прибыли в парламент после обеда, чтобы вершить суд и рассматривать дела».

Так [указывал] Карл VII. А во времена Карла Великого, который владел королевством втрое большим по размеру, чем Франция была при Карле VII, использовался иной способ вершить суд, что можно легко усвоить из множества указов, приведенных в собрании франкских законов: «пусть граф не вершит суд, если только он не соблюдал пост».

А теперь, поскольку уже достаточно сказано о понятии «парламент» и о могуществе этого имени, следует указать, что когда в земле аллоброгов, которая теперь называется Дофине, был в древности учрежден сенат, то он обладал верховной властью и назывался Советом Дофине. Однако Людовик XI, заботившийся о том, как бы оказать милость населению Дофине (жители, несомненно, ее и заслуживали), переименовал

сенат в парламент, хоть и ничего не прибавил во власти и привилегиях. Ги Пап рассказывает об этом в своих «Судах Гренобля».

Более того, в этих судах парламента и царстве крючкотворства творится много такого, что заставляет достойных и благоразумных людей поступать с неудовольствием и горечью. Прежде всего, следует перечислить четыре момента: имеет место открытый торг, то есть должностные лица открыто организуют мошенничество; кроме того, парламенты превратились в рассадник судебных раздоров; далее, чуть ли не треть населения Франции вовлечена в ремесло крючкотворства. Что касается первого замечания, то сколько можно среди них насчитать таких, кто не покупал и не продавал судебную должность за деньги? Как говорил Александр Север (и это представляется непреложной истиной): «кто покупает, тот неизбежно и продает...стыдно наказывать человека, который купил и продал»³². Сенека утверждал в первой книге своих «Благодеяний»: «неудивительно, что любой суд может переходить от одного лица к другому при помощи денег, поскольку законное право людей — продавать то, что они сами купили»³³. Достойные люди называют это подкупом судопроизводства Франции, грязной торговлей, общественным разбоем, поскольку должность, которая должна была быть священнейшей в общественных делах, превратилась в предмет торговли, объект купли-продажи наличными. И все это наносит вред какому бы то ни было уважению, которое питали другие народы к Франции, если должность предлагается по сходной цене, а потом ее отправление разделяется между несколькими персонами, подобно тому, как мясник покупает быка целиком по одной цене, а потом распродает его мясо по кускам на рынке.

Я призываю Всемогущего Бога, солнце, небеса вместе со всеми ныне живущими людьми и теми, кто будет жить после нас, в свидетели этого беззакония. И я спрашиваю — разве нет у меня заслуженного права оплакивать это отвратительное падение нашей страны и ее позор, бесчестие и беславие. И не отвлечет меня распутное бесстыдство Матареля и Массона³⁴, и не ведаю еще каких паршивых крючкотворов и лжеобвинителей того же сорта и меня не свернуть с пути [истины] крючкотворством наемника или придворного клеветника, когда я желаю помочь моей родине своей книгой, если только на это будет Божье соизволение. Как?! Найдется ли человек, который был бы способен даже думать без слез о том, что клиенты и бенефициарии римского папы, клирики, повязанные с ним клятвой, и жирные верховные жрецы получают большую часть этих должностей и в довершение всего, те, кто зовет себя мирянами, желают передать своим детям бенефиции такого рода, приобретенные благодаря тирании пап, продавая свою религию и веру?

И что же можно сказать о клятвопреступлении, которое ныне заполонило всю Францию? Существует древний закон императора Феодосия, который, как я полагаю, подтверждается практикой и обычаем всех народов: те лица, кто принимают должность, обязаны публично поклясться в том, что [не будут] давать и обещать ничего именем своей должности как лично, так и через посредничество другого человека. Это положение находится в последней книге «Кодекса». Во Франции эта клятва также требуется ото всех, кому препоручается должность, купленная в Парижском или ином парламенте. Но разве то, что я сказал, оплачивается? При нынешнем положении дел, просто возмутительно, что должности принимаются и подтверждаются упомянутыми словами, поскольку во всей Франции всего несколько человек (я даже сказал бы, что таких просто нет), кто не положил бы требуемую сумму за свою должность в руку казначея, и правосудие [у нас] — торг. А первый шаг к успехам в этом деле во Франции обеспечен принятием священных обетов.

Посмотрим же на все оставшееся. Ведь кому не известно, что многие собрания судей были учреждены для приведения в порядок судебных дел и освободить граждан от приставаний, превращаются нечто иное, подобное мастерским и эргастулам сутяжничества. И кому же во Франции неизвестно, что раз начатый процесс не только становится бесконечным благодаря ухищрениям этих людей, но также еще и расширяются во множество других процессов? Кто не видит несчастье и позор оттого, что французский народ (над которым сияет солнце на благо добрых искусств и в особенности литературы, процветает образование, а также многое достигнуто в науке благочестия) тратит свои силы на ведение тяжб, на практику обмана, на упражнения в доносах, короче на сутяжничество, так, словно бы они теряли силы в клоаке или отхожем месте? И этот-то народ, который еще три столетия тому назад избегал тяжб, это общество, ведавшее, что общественное процветание заложено в ежегодных всеобщих собраниях, ныне допустило, что занимается этими отвратительными и грязными делами, а всю заботу о государстве передало нескольким доносчикам и раболепным приживальщикам государей!

Чем больше я изучаю происхождение этой заразы крючкотворства, которую мы поистине можем называть галльской моровой язвой, тем больше я уверяюсь в правоте мнения, которое высказал прежде. Это явление (как и поветрие предрассудков и множество других заболеваний) проистекает из интриг римских пап, как и практика в искусстве судебного крючкотворства, пришли к нам из римского суда. Ведь хорошо известно, что оно повсеместно распространилось через несколько лет после обнародования «Декреталий». Ведь в декреталиях Грациана

включено письмо папы Льва (которого они причисляют к списку святых) Людовику II, который являлся и королем Франции, и императором. В нем сказано, что папа повинуется законам и указам императоров и праву, установленному ими. В продолжении письма говорится, что папа взывает к императору о милосердии и сожалеет о том, что повсюду соблюдаются законы согласно римскому праву. Конечно же, существуют декреты папы Гонория III, где ясно показано, что вплоть до этого времени папы соблюдали законы римского права и постановления христианских императоров, содержащиеся в «Кодексе» Юстиниана. И все это использовалось в судебных процессах, где приносились клятвы.

Кто-нибудь может поинтересоваться: да мыслимо ли предложить средства против подобного бедствия? Очевидно, что причины всех этих несчастий лежат отчасти в нечестивости, отчасти в невероятных предрассудках нашего народа, которые на протяжении всего этого времени проистекают все из того же самого источника. Они окутали весь христианский мир, подобно густому туману, и, когда погас единственный светоч христианской религии, а священное писание христианской веры утаивалось и было погребено, то все дела оставались покрытыми густой тьмой предрассудков. Вследствие чего, если нам будет дозволено теми, кто считает себя Аласторами среди безумных разжигателей гражданских войн, или (как нам скорее следовало бы выразиться), если бы господь даровал нам единственную милость: чтобы власть священного Писания ценилась бы во Франции превыше всего, и молодежь нашей страны посвятила бы все свои силы его изучению. Вот тогда без сомнения тьма будет развеяна восходящим солнцем, а искусство судебного крючкотворства, как и предрассудки, почерпнутые из того же источника, будут привлечены к ответственности. Пусть же Господь, всеблагой и всемогущий, дарует это нашему поколению во имя сына своего Христа и славы нашего Спасителя, а нам подобает возносить к нему беспре-
станно молитвы.

Перевод текста «Франкогаллии» был осуществлен по изданию: *Hotman F. Francogallia* / Ed. J. Salmon and R. Giesay. Cambridge, 1972. Исследователи отметили в подготовленной ими публикации наличие ряда существенных различий, вследствие чего в тексте иногда нарушается авторская логика. Данное обстоятельство побудило нас сверить имеющийся латинский текст с последним прижизненным изданием «Франкогаллии» (1586 г.). В этом издании Отман внес окончательные изменения в текст, расширив ранний его вариант и заменив деление на главы (см. *Hotman F. Francogallia*. Basel, 1586). Для сверки был использован также английский перевод (R. Giesay), опубликованный в том же издании 1972 г., хотя в нем имеются отдельные расхождения с текстом оригинала и встречаются пропуски. В силу этого для сверки привлекался французский перевод С. Гулара (*Hotoman F. La Gaule Française*. S.l., 1574) и недавно переизданный К. Фремон том «Франкогаллии» (*Hotoman F. La Gaule Française: Nouvellement de Latin en français*. P., 1991). Отрывки из нашего перевода на русский язык были опубликованы в изданиях: *Эльфонд И.Я.* Политические учения эпохи Возрождения и Реформации. Франция. Саратов, 1991; *Антология мировой правовой мысли*. М., 1999. Т. 2.

Особенностью оригинального текста является то, что его автор обращается к источникам и событиям разных эпох, поэтому в первых главах географические и этнические понятия приводятся в античной транскрипции, в дальнейшем же в современной; например, применительно к Античности пишется Могонтиак, но в связи с эпохой Каролингов — Майнц. Поскольку понятие Франция как географическое обозначение употребляется с X в., то переводчик позволил себе применительно к более ранним эпохам переводить термин Отмана как Франкия (тем более что под ним он понимает даже империю Карла Великого). Следует отметить, что сам Отман, обращаясь к свидетельствам разных эпох, употребляет в качестве равнозначных понятия «Франция», «Галлия» и «Франкогаллия».

Постраничные ссылки в примечаниях даются в случае наличия прямой цитаты из источника, хотя при косвенных ссылках делаются соответствующие отсылки к оригиналу, приводимому Отманом. Мыслитель иногда цитировал не вполне точно, дополняя выдержки из источника собственными соображениями или, наоборот, изымая из приводимого фрагмента отдельные части. Поэтому все случаи авторского вмешательства в оригинальный текст источника, цитируемого во «Франкогаллии», выделяются жирным шрифтом. Все сокращения или искажения Отманом отрывков первоисточников, доступных в русском переводе, оговариваются в примечаниях; там же приводятся точные цитаты.

Разделение текста на абзацы дается в соответствии со смыслом, поскольку в оригинальном латинском тексте разбивка, фактически, отсутствует, равно как выделение кавычками цитат или указание точных отсылок к ним.

Введение

¹ Курфюрст Пфальца Фридрих III (1515—1576) — единственный из немецких князей принял кальвинизм и активно поддерживал собратьев по вере в других странах. Ф. Отман был с ним знаком и выполнял его поручения, а жену Фридриха назначил душеприказчицей в своем завещании.

² Тевкр, мифологический персонаж, сын Теламона и Гесионы, сестры Приама, участник Троянской войны. По возвращении был изгнан отцом и стал скитальцем.

³ Цицерон. Об обязанностях. I, 57 // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Пер. В.О. Горенштейна. М., 1974. С. 72—73.

⁴ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей. Нерон, 38. Цитируемый стих приписывался утраченной трагедии Еврипида. В русском переводе он звучит так: «когда умру, пускай огнем горит земля» (Пер. М.Л. Гаспарова).

⁵ Гомер — древнейший из античных поэтов, основатель греческого героического эпоса. В настоящее время высказываются сомнения в его авторстве «Одиссеи», один из эпизодов которой и вспоминает Ф. Отман. Нимфа Калипсо препятствовала возвращению Одиссея на Итаку и пыталась удержать его на своем острове. См. Гомер. Одиссея. Песнь V.

⁶ Публий Овидий Назон (43 до н.э.—16 г. н.э.) — великий римский поэт, автор «Метаморфоз». Умер в Томах, куда был выслан Августом.

⁷ Овидий. Письма с Понта. I, III, 35—37 / Пер. А. Парина // Овидий. Скорбные элегии. Письма с Понта. М., 1979. С. 92.

⁸ Платон (427—347 гг. до н.э.) — великий древнегреческий философ. Возможно, автор привел цитату из его сочинения «Ахих».

⁹ Макрин (164—218) — римский император в 217—218 гг. Бывший раб, пришел к власти после убийства Каракаллы, погиб в бою с войсками Гелиогабала.

¹⁰ Юлий Капитолин считается одним из авторов коллективного исторического сочинения, известного под названием «Жизнеописания Августов» (IV в.). Помимо него как составители этого труда упоминаются Элий Спартиан (биографии Элия Вера, Юлиана, Септимия Севера, Каракаллы и Геты), Вулканий Геллион, Требеллий Поллион (От Валериана до Клавдия II Готского), Флавий Вописк (от Аврелиана до Пертинакса), Элий Лампридий (Коммод, Гелиогабал, Александр Север). Самому Юлию Капитолину приписывались биографии Антонина Пия, Марка Аврелия, Люция Вера, Пертинакса, Альбина, Макрина, Максимины, Максима и Бальбина. При подготовке перевода «Франкогаллии» использовался русский перевод «Жизнеописания Августов», опубликованному в книге: Властелины Рима. М., Наука, 1992.

¹¹ Властелины Рима. Макрин. XIII, 3. Прозвище императора образовано от *macellum* — мясной рынок. См. Властелины Рима. Максимианы. VIII, V. Перечень тиранов, данный Отманом, включает в себя по преимуществу мифологических персонажей: Циклопы — порождения Геи, Тифон — чудовище, с которым сразился Зевс. Бузирис — мифический тиран Египта, практиковавший

жертвоприношения людей, причем первым пострадал Фоссий, давший ему совет подобной жертвы при неурожае (убит Гераклом); Скирон — разбойник из-под Мегары, сталкивавший людей с обрыва в море (убит Тесеем); Гигант — один из чудовищных порождений Геи, побежденный в борьбе с олимпийскими богами. О них уже говорится не в биографии Макрина. См. Властелины Рима. Максимианы. VIII, V.

¹² Ливий Тит (59 до н.э.—17 г. н.э.) — римский историк, автор «Истории Рима от основания города». Выражение встречается у него неоднократно (хвала доблести), но часто не в ситуации, описанной Отманом, а при описании реакции на героический порыв кого-то из римлян. В издании 1574 и 1586 г. в тексте стоит имя не Ливия, а Сенеки.

¹³ Нерон Клавдий Друз Германик Цезарь (37—68) — римский император, с эпохи античности считавшийся воплощением образа кровавого тирана. Здесь Отман излагает Светония. См. Светоний. Ук. соч. Там же.

¹⁴ Полибий (200—120 гг. до н.э.) — великий историк эпохи эллинизма. См. Полибий. Всемирная история. VI, 5.

¹⁵ Речь идет о французском короле Людовике XI (1423—1483), жестоко подавлявшем мятежи знати и заложившем основы абсолютной монархии во Франции. Гугеноты считали именно его виновником уничтожения старинных прав и вольностей, которые они связывали с народом, хотя Людовик боролся со знатью.

Глава I

¹ Цезарь Гай Юлий (100—44 гг. до н. э.) — великий полководец, государственный деятель Рима, писатель. В 63 г. великий понтифик, в 62 г. — претор. В 59 г. — консул, в 58 г. — правитель Галлии. По возвращении в Рим получил полномочия диктатора. После войн в 46 г. вернулся в Рим. Пятикратный триумфатор. Пожизненный диктатор, пятикратный консул. Был убит заговорщиками. Оставил «Записки о галльской войне» и «Записки о гражданской войне».

² Страбон (64 до н.э.—26 н.э.) — греческий историк и географ, выходец из знатной семьи, много путешествовал. Оставил «Географию» и «Исторические комментарии».

³ Аммиан Марцеллин (IV век) — грек из Антиохии, офицер римской армии, в Италию впервые попал в 354 году, служил в Галлии и на Востоке. С 80-х гг. жил в Риме. Латинский писатель и историк, автор знаменитой «Истории» в которую входила 31 книга, из которых сохранились последние 18.

⁴ Катон Цензор Старший, Марк Порций (239—149 гг. до н.э.) — консул 195 года до н.э., цензор 184 года до н. э., глава партии, оратор и историк. Автор многих речей и писем.

⁵ Catoni. Originibus, II, 3.

⁶ Понятие *publicum gentem consilium* — общественный совет народа — является одним из ключевых в политической терминологии Отмана. Сам термин заимствован у Цезаря, но Отман распространяет его на самые различные политические институты родового и феодального общества, доказывая их тождественность. Под ним он понимает и народное собрание, и мартовские

и майские смотры, и советы знати. Чаще всего он применяет его, говоря о словесном представительстве. Во французском переводе С. Гулара (1574) и во всех других переизданиях это понятие переводится как *Estats*, то есть Штаты.

⁷ Тацит Публий Корнелий (55—120 гг.) — великий римский историк I века. Был известен как оратор. Выходец из одной из древнейших патрицианской семей, только в конце жизни занял пост проконсула провинции Азия (112). Убежденный республиканец и противник императорского режима. Оставил «Анналы», «Историю», «Жизнеописание Юлия Агриколы» и «О происхождении германцев и местонахождении Германии».

⁸ Тацит Публий Корнелий. *Анналы*, III, 44 / Пер. А.С. Бобовича // Тацит Публий Корнелий *Сочинения*. М., 1969. Т. I. С. 100.

⁹ Цезарь Гай Юлий. *Записки о галльской войне*. I, I.

¹⁰ Тацит. *Анналы*. III, 40, 43-46; XI, 25; *История*. I, 51, 64; II, 61; III, 35; IV, 17, 57, 67-69.

¹¹ Цезарь. *Записки о галльской войне*. V, 7 / Пер. М.М. Покровского. М., 1993. С. 92.

¹² Страбон. *География*. IV, 4, 3 / Пер. Г.А. Стратановского. М., 1964. С. 187.

¹³ Цезарь. *Записки о галльской войне* VI, II, 1. Цитата неточна.

¹⁴ Там же. I, 30 / Пер. М.М. Покровского. М., 1993. С. 22.

¹⁵ Там же. VII, 63. М., 1993. С. 173.

¹⁶ Там же. VI, 3. М., 1993. С. 119.

¹⁷ Речь идет о Верцингеториксе — вожде арвернов. Возглавил в 52г. до н.э. восстание против римлян, в 46 году был взят в плен Цезарем и после триумфа Цезаря задушен в тюрьме.

¹⁸ Цезарь. *Записки о галльской войне*. VII, 29 // Там же. С. 156.

¹⁹ Там же. II, 8.

²⁰ Тарквиний Древний — пятый по счету римский царь, правил в 616—578 гг. до н.э. Был сыном выходца из Греции Дамарата, по другим данным этруск по происхождению, был усыновлен и в свою очередь усыновил Сервия Туллия.

²¹ Тит Ливий. *История Рима от основания города*. V, 324. / Пер. С.А. Иванова. М., 1989. Т. I. С. 263.

²² Цезарь. *Записки о галльской войне*. I, 31 // Там же. С. 22-23.

²³ Там же. См. также V, 11.

²⁴ Здесь, как и в других местах сочинения, отчетливо заметна недоброжелательность Отмана по отношению ко всему романскому, в том числе и к античному Риму.

²⁵ Цезарь. *Записки о галльской войне*. VI, 2.

²⁶ Там же. II, 4 // Там же. С. 39.

²⁷ Там же. V, 39; IV, 6.

²⁸ Там же. III, 8. М., 1993. С. 58. Жирным шрифтом выделено добавление к тексту источника самого Отмана.

²⁹ Там же. VI, 12; С. 124. См. также. VII, 38.

³⁰ Страбон. *География*. IV, 2, 3. Цитата неточна. Текст звучит так: «арверны нередко воевали с римлянами, выставляя двести тысяч человек, а иногда вдвое больше; например, когда боролись до конца против Божественного Юлия с такими силами под предводительством Верцингеторикса» // Пер. Г.А. Стратановского.

³¹ Цезарь. Записки о галльской войне. VII, 4 // Там же. С. 142.

³² Там же. II, 4. С. 39—40.

³³ Там же. IV, 12.

³⁴ Там же. V, 54.

³⁵ Там же. VII, 31.

³⁶ Там же. V, 27. Отман расширяет мысль Цезаря.

³⁷ Там же. I, 3.

³⁸ Там же. I, 3. С. 8; IV, 12. С. 75.

³⁹ Там же. V, 25. С. 100.

⁴⁰ Там же. V, 27. С. 101.

⁴¹ Аристотель (384—322 до н.э.) — великий греческий философ и ученый, в эпоху Возрождения особо высоко ценились его этические сочинения и «Политика», на которую, собственно, и опирается Отман.

⁴² Это положение детально рассматривается Отманом в главе XII.

⁴³ У Платона такой мысли нет. Очень отдаленно эта цитата напоминает тезис Стагирита о судьбах царской власти. См.: Аристотель. Политика. V, VIII, 22 и V, IX, 1.

Глава II

¹ Страбон. География. III, 1, 1. «не все говорят на одном языке, но у всех есть незначительные языковые особенности» / Пер. Г.А. Стратановского.

² Аммиан Марцеллин. Римская история. XV, 11, 1: «кельты [...], различающиеся по языку, обычаям и законам» / Пер. Ю. Кулаковского. СПб., 1994. С. 80.

³ Цезарь. Записки о галльской войне. V, 48. М., 1993. С. 111.

⁴ Там же. I, 19.

⁵ Фонтей — чиновник в Галлии.

⁶ Cicero. Oratio pro Fonte. 33.

⁷ Ульпиан Домиций — римский юрист конца II — начала III века. Префект претория. Был убит в 228 г. во время мятежа преторианцев. Его сочинения частично включены в «Дигесты» (один из разделов *Corpus juris civilis*). Дигесты — одна из основных частей Свода гражданского права. Свод гражданского права (*Corpus juris civilis*) состоял из четырех разделов — Кодекс Юстиниана (собрание указов императоров от Адриана до Юстиниана (до 1534 г.)), Дигесты (Пандекты) (выдержки из произведений римских юристов, всего в этот раздел включены фрагменты из двух тысяч сочинений около 40 юристов.), Институции (учебник римского права) и Новеллы (указы Юстиниана, изданные уже после 534 г.). Кодификация относится к правлению Юстиниана. На русском языке издан частично. Основное сочинение Ульпиана «О преторском эдикте».

⁸ Ulpian. De usatibus // Dig., 32. Tit. De legatis et fideicommissis, Речь идет о фидеикомиссах (об отказах из наследства по завещанию) — особых завещаниях, согласно которым наследство должно передаваться третьему лицу, которое не может быть сделано наследником. В 32 книге «Дигест» приведены фрагменты Ульпиана по проблеме отказа от завещания.

⁹ Страбон. География. IV, 1, 5. В русском переводе эта мысль звучит так «все культурные люди обратились к искусству красноречия и к филологическим

занятиям, потому город только недавно стал школой воспитания варваров, он обратил галатов в таких друзей эллинизма, что те даже составляют свою документацию на греческом языке» / Пер. Г.А. Стратановского.

¹⁰ Там же.

¹¹ Иероним (340—420) — латинский отец церкви. Известный мыслитель и переводчик Библии на латинский язык. Покинул Рим и удалился в монастырь в Вифлееме.

¹² Hieron. Ep. CXXVIII // PL. CXXV, XX, 1075.

¹³ Цезарь. Записки о галльской войне. VI, 14.

¹⁴ Квинтилиан Фабий Марк (35—100) — римский оратор и учитель риторики. Ему перу принадлежит обширный трактат «Наставление оратору» и письма.

¹⁵ Quintilianus. Ep. XI, II, 9. См. Платон. Федр. 275a.

¹⁶ Цезарь. Записки о галльской войне. I, 29. М., 1962. С. 16.

¹⁷ См. сн. 3 к этой главе.

¹⁸ Юстин — римский историк II века. Известно его переложение «Всемирной истории» Помпея Трога. Отман обращается именно к этому сочинению, поскольку Юстин сохранил антиримскую направленность истории Помпея Трога. Юстин. Эпитома Помпея Трога «Historiae Philippicae». XX, 5, 13 // Вестник древней истории. 1954. № 4. С. 190.

²⁰ Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии. 3 / Пер. А.С. Бобовича // Тацит. Сочинения. М., 1969. Т. I. С. 355. В примечаниях переводчика отмечается, что кельты использовали греческий алфавит, хотя надписи были не на греческом, а на кельтском языке.

²¹ Ливий Тит. История Рима от основания города. IX, 36, 3 / Пер. Н.В. Брагинской. М., 1989. Т. I. С. 443.

²² Ливий Тит. История Рима от основания города. XXVIII, 46, 1 / Пер. М.Е. Сергеенко. М., 1991. Т. II. С. 366.

²³ Там же. XI, 29, 3. Однако Отман ошибается: у Ливия речь идет не о жертвенниках, а о нахождении книг. В русском переводе текст звучит так: «на каждом ящике была надпись латинскими и греческими буквами» // Ливий Тит. История Рима от основания города. XL, 29, 4 / Пер. И.И. Маханькова. М., 1993. Т. III. С. 379.

²⁴ Dig., 44, 7, 28.

²⁵ См. прим. 10 к Введению.

²⁶ Эмилиан Луций Муссий. Один из тридцати тиранов, упомянутых в «Жизнеописаниях Августов». Отдельные египетские данные свидетельствуют, что он был префектом Египта. О захвате им власти известно из «Жизнеописаний Августов».

²⁷ Властелины Рима. Тридцать тиранов. Эмилиан. XXII, 13. / Пер. С.Н. Кондратьева. М., 1992. С. 250. Отман очень интересно обрывает конец цитаты «что Египет станет свободным только тогда, когда в него вступят римские связки и претекста римлян», т.е. он не желал связывать понятие «свободы» с римским началом.

²⁸ Имеется в виду император Клавдий. Клавдий Друз Нерон Германик Тиберий (умер в 54 г. н.э.), сын Друза Старшего и Антонии Младшей. Был провозглашен императором после убийства его племянника Калигулы в 41 году.

²⁹ Тацит. *Анналы*. XI, 13 / Пер. А.С. Бобовича // Тацит. *Сочинения*. М., 1969. Т. I. С. 184.

³⁰ Там же. XI, 14. С. 185.

³¹ Юлий Павел — византийский юрист III века. Входил в совет принцепса. *Сочинения* вошли в «Дигесты».

³² Dig., 44, 7, 28.

³³ Цицерон. *Тускуланские беседы*. I, 25, 62 / Пер. М. Гаспарова. М., 1975. С. 228.

³⁴ Плиний Старший (23/24—79 гг.н.э.) — государственный деятель и ученый Древнего Рима. Из его сочинений сохранилась «Естественная история» (частично переведенная на русский язык). Погиб при извержении вулкана Везувия, наблюдая за этим явлением.

³⁵ Plin. *Hist. Natur.* VIII, 54.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Ibid. VIII, 27; VII, 59; VII, 60.

³⁸ Ibid. V, 13; VII, 56.

³⁹ Тацит. *Анналы*. XI, 14. У Тацита речь идет не об ионийцах, а о финикийцах. И при этом он считает, что алфавит изобрели египтяне, а финикийцы его только заимствовали.

⁴⁰ Григорий Турский (538/39—ок.593 г.) — выходец из знатной галло-римской семьи, с 573 г. — епископ г. Тура, автор знаменитой «Истории франков».

⁴¹ Эймон (Эймоин) (950—1008) — аббат монастыря Флери на Луаре. Хронист. Автор «Истории франков».

⁴² Хильперик — франкский король, сын Хлотаря I от Аренгунды. О его политической судьбе см. далее, прим. 25 к главе V. О его ученых занятиях рассказывает Григорий Турский: Хильперик написал сочинение, по сути своей отвергавшее учение об ипостасях троицы, а также критически оцененные Григорием стихи. Смысл его попыток реформы орфографии сводился к тому, чтобы приблизить латинский алфавит к потребностям германских наречий и приспособить существующую орфографию к фонетике, за исключением греческой буквы ω (омега) неясно, какие именно звуки должны были соответствовать вводимым Хильпериком буквам.

⁴³ Григорий Турский. *История франков*. V, 44 / Пер. В.Д. Савуковой. М., 1987. С. 149.

⁴⁴ Ариовист — царь свевов, призванный секванами на помощь против эдуев. Он разгромил эдуев и обосновался на территории Галлии. Но в свою очередь был разбит Цезарем в 58 г. до н.э. Свевы — германское племя, и естественно, что родным языком для Ариовиста было германское наречие.

⁴⁵ Цезарь. *Записки о галльской войне*. I, 47. М., 1962. С. 26.

⁴⁶ Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии. 43. Цитата приведена Отманом в крайне искаженном виде. Русский перевод оригинала выглядит так: «марсигны и буры наречием и образом жизни схожи со свебами; а что котины и осы не германцы, доказывают их языки» // Тацит. *Сочинения*. М., 1969. Т. I. С. 370.

⁴⁷ Светоний Траквили Гай (нач. 70-х гг.—ок. 140 г. н.э.) — римский историк и биограф. Выходец из сословия всадников, руководил имперской канцелярией в правление Адриана, затем впал в немилость и обратился к писательской деятельности. Автор «Жизни двенадцати Цезарей».

⁴⁸ Калигула Гай Цезарь (12—42 н.э.) — сын Германика и Агриппины Старшей, римский император с 37 г. Вошел в историю как тиран. Известен своей жестокостью, развратом, мотовством, пренебрежением ко всем римским традициям. Убит в результате заговора.

⁴⁹ Светоний, Гай Калигула. 43 // Светоний. Жизнь двенадцати Цезарей / Пер. М.Л. Гаспарова. М., 1964. С. 122.

⁵⁰ Глареан (Генрих Гларуский) (1488—1563) — швейцарский гуманист, филолог и теоретик музыки. Профессор поэтики во Фрайбергском университете (1529). Оставил помимо музыкальных сочинений комментарии к «Германии» Тацита. Glarean H. Commentariones in Tacite Germaniam. Augsburg, 1579.

⁵¹ Агрикола, Юлий — правитель Аквитании, консул, правитель Британии, отец жены Тацита (4-69 гг.).

⁵² Тацит. Жизнеописание Юлия Агриколы. 11 / Пер. А.С. Бобовича // Тацит. Сочинения. М., 1969. Т. I. С. 333.

⁵³ Беатус Ренан (1485—1547) — немецкий ученый, гуманист и историк. Учился в Парижском университете, в том числе у Ж. Лефевра д'Этапля. Друг Эразма Роттердамского. Занимался историей древних германцев, подготовил и издал сочинения Тацита и Патеркула. Автор «Трех книг германской истории» (1531). *Beatus Rhenanus. Rerum Germanicarum libri tres.* Basel, 1555. В издании 1972 г. приведенный фрагмент замыкает данную главу, мы сочли необходимым следовать за изданием 1586 г., где этот отрывок встраивается в контекст более логично и связано.

⁵⁴ Эдуард I (1237—1307) — английский король с 1272 года, сын Генриха III и Элеоноры Провансальской.

⁵⁵ Оттон Фрейзингенский (1114—1158) — германский хронист XII в. Сын маркграфа Австрийского, дядя Фридриха Барбароссы. Учился в Париже, затем поступил в орден цистерцианцев (1132 г.). Аббат в 1136, епископ Фрейзингена в 1138 г. Автор «Деяний Фридриха» (1158 г.) и «Хроники или Истории двух градов» (1146 г.).

⁵⁶ Валерий Максим (первая пол. I века н.э.) — римский писатель. Ему принадлежит сочинение «О достопримечательных деяниях и высказываниях».

⁵⁷ Этой цитаты у Валерия Максима нет. Современные города — Отен, Безансон и Лион.

⁵⁸ Тацит. *Анналы*. III, 43.

⁵⁹ Авзоний Децим Магн (310—194) — римский поэт IV века. Уроженец Аквитании, учился в Толозе (Тулузе), затем в Бурдигале (Бордо). По поручению Валентиниана I воспитывал его наследника Грациана. При Грациане — префект Галлии, Ливии и Италии. Консул 379 года. Автор эпиграмм, поэмы «Мозелия», вдохновлявшей позднее немецких романтиков.

⁶⁰ См. прим. 12 к этой же главе.

⁶¹ Иреней (130—202) — епископ лионский, христианский проповедник, один из Западных отцов церкви, автор многих посланий и писем.

⁶² Аполлинарий Сидоний Клавдий Солий Модест (430—479) — уроженец Лугдуна (Лиона), зять императора Авита, галло-римский аристократ, в 462 году префект Рима. В 469 г. возвратился в Галлию, стал епископом Арверны. В конце жизни оказался пленником вестготского короля Эриха и был выпущен из темницы незадолго до смерти. Поэт-панегирист и эпистолограф.

⁶³ Беда Достопочтенный (679—735) — проповедник и писатель, автор более чем сорока произведений, среди которых важнейшим является «Церковная история народа англоv».

⁶⁴ Сальвиан Трирский (390—ок. 484) — пресвитер, затем епископ Массилии (Марсея), христианский писатель и проповедник.

⁶⁵ Этому сюжету Отман посвятил целую главу «Франкогаллии», в которой собственно полностью опровергает изложенный здесь тезис. См. главу XX.

⁶⁶ Карл Великий (умер в 814 г.). Сын Пипина Короткого и Берты, дочери графа Лана, король франков с 768 года, после гибели Карломана стал единоличным правителем. В данном случае речь идет о походе Карла против лангобардов.

⁶⁷ Карл, быть может, и оплатил за это благо, но папа Захария способствовал возведению на престол не самого Карла, а его отца Пипина Короткого. Эту историю Отман неоднократно поднимает и упоминает во «Франкогаллии».

⁶⁸ Имеется в виду Пипин Короткий, отец Карла. Сын Карла Мартелла и Ротруды. Сначала майордом с 741 г., с 751 — король франков. Умер в 768 г.

⁶⁹ Сигиберт из Жамблу (1030—1112) — бенедектинский монах, хронист, составитель «Хронографии», построенной, как заметил автор, по принципу аналогичных сочинений Евсевия-Иеронима. Один из наиболее известных и популярных средневековых хронистов. Кроме хроники оставил «Книгу о церковных историках», в которой описал собственное творчество.

⁷⁰ Sigibert. Chronicon // MGH. SS, VI, 334. Антикатолический пафос Отмана, обвиняющего во всех несчастьях Франции церковь, в данном случае очень странен — речь идет о капитуляциях Пипина и Карла о введении единообразного григорианского пения (хорала) во всех своих владениях, т.е. призванных утвердить единый канон создания и исполнения мелодий духовного содержания. Григорий I стремился ввести единообразие в музыку в соответствии со своей деятельностью по укреплению и централизации церковной власти.

⁷¹ Карл V Мудрый (1337—1380) — французский король с 1364 года, сын Иоанна II и Боны Люксембургской. Стремился усилить королевскую власть и отстоять позиции Франции в Столетней войне.

⁷² Мотивация перевода Библии Отманом весьма натянута. О «тирании», т.е. о претензиях пап на светскую власть в эту эпоху не было и речи. Отман в очередной раз демонстрирует свое отношение к католической церкви и папству.

Глава III

¹ Библия. Откровение. 13.

² Иосиф Флавий (37—100) — выходец из иудейской священнической семьи, политический деятель и историк. Участвовал в восстании против Рима, попал в плен, вошел в милость к императорам из династии Флавиев. Автор «Иудейской войны» и «Иудейских древностей».

³ У Иосифа Флавия такой мысли нет. Ближе всего к этим рассуждениям Отмана его изложение событий восстания германцев и галлов, которые «возымили большую надежду свергнуть римское иго...» и которыми руководила «ненависть к притеснявшим властителям и сознание, что их народ никем еще,

кроме римлян, не был покорен». Иосиф Флавий. Иудейская война. VII, 4, 2 / Пер. Я.Л. Чертка. Минск, 1991. С. 422.

⁴ Плутарх (46—127) из Херонеи — античный историк, писатель, мыслитель. Оставил знаменитый цикл биографий, известный под именем «Сравнительные жизнеописания». Плутарх. Сравнительные Жизнеописания. Марцелл. IV, 2; Камилл. XX, 1.

⁵ Марцелл Марк Клавдий — полководец и государственный деятель республиканского Рима; консул 222, 215, 214, 210, 208. Погиб в 207 г. до н.э. в битве с Ганнибалом.

⁶ Камилл Марк Луций Фурий Камилл (умер в 364 г. до н.э.) — полководец и государственный деятель республиканского Рима (пятикратный диктатор).

⁷ Аппиан (100—170) — греческий историк. Уроженец Александрии. Римский гражданин. Автор «Истории Рима», посвященной изложению событий гражданских войн.

⁸ Аппиан. Гражданские войны. II, 120.

⁹ Ливий Тит. История Рима от основания города. X, 11—29. Отман ошибается — войны римлян с галлами Ливий излагает не в 8 книге истории, а в 5. Ливий Тит. История Рима от основания города. V, 33—49.

¹⁰ Цицерон. Вторая Филиппика против Марка Антония. Быть может, конец речи, где Цицерон говорит, что не покинет отечество в старости.

¹¹ Саллюстий Гай Крисп (86—34 до н.э.) — римский историк и политический деятель; выходец из семьи всадников, стал квестором в 54 г., народным трибуном в 52 г., легат в Сирии в 51. В ходе гражданской войны поддерживал Цезаря, претор 46 года, наместник Новой Африки в 46. После убийства Цезаря обратился к истории. Автор «Заговора Катилины» и «Югуртинской войны».

¹² Саллюстий Гай Крисп. Югуртинская война. CXIV. Отман приводит цитату не совсем точно, у Саллюстия имеется только ее вторая часть: «и тогда и в наши дни римляне считали, что весь мир склоняется перед их доблестью, с галлами же они сражаются за свое существование, а не ради славы» / Пер. В.О. Горенштейна. М., 1981. С. 105.

¹⁴ Цезарь. Записки о галльской войне. VI, 24.

¹⁵ Тацит. О происхождении германцев и местонахождении Германии. 28. Отман весьма вольно меняет текст Тацита: «О том, что галлы были некогда несравненно сильнее, сообщает самый сведущий в этом писатель — Божественный Юлий; отсюда вполне вероятно, что часть галлов перешла в Германию. Могло ли столь незначительное препятствие как река помешать любому окрепшему племени захватывать и менять места обитания, никем не занятые и еще не поделенные между могущественными властителями» // Тацит. О происхождении и обычаях германцев / Пер. М.Л. Гаспарова // Тацит. Сочинения. М., 1969. Т. I. С. 365.

¹⁶ Тацит. Жизнеописание Юлия Агриколы. Гл. II / Пер. А.С. Бобовича // Тацит. Сочинения. М., 1969. Т. I. С. 333.

¹⁷ См. прим. 18 к главе II.

¹⁸ Юстин. Эпитома Помпея Трога «Historiae Philippicae». XXIV, IV, 1—7 // Вестник древней истории. 1954. № 4. С. 205.

¹⁹ Юстин. Эпитома Помпея Трога «Historiae Philippicae». XXV, 2, 8—10 // Вестник древней истории. 1954. № 4. С. 209.

- ²⁰ Plin. Hist. Natur. IV, 117—118.
- ²¹ Светоний, Гай Транквилл. Божественный Юлий. 25, 1 / Пер. М.Л. Гаспарова // Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1964. С. 12.
- ²² Цезарь. Записки о галльской войне. VII, 78. М., 1962. С. 155.
- ²³ Фонтей — римский магистрат в Галлии.
- ²⁴ Cicero. Oratio pro Fonte. 11.
- ²⁵ Тит Флавий Веспасиан (39—81) — римский император с 79 г., старший сын Веспасиана.
- ²⁶ Иосиф Флавий. Иудейская война. II, 16, 4. Цитата из речи Агриппы дана неточно.
- ²⁷ Там же. Отман меняет цифры, названные Иосифом. Текст оригинала звучит так: «И это они терпят не из трусости или по врожденному им рабскому чувству — ведь они восемьдесят лет вели войну за свою независимость.... Так их держат в повиновении 1200 солдат в то время, когда у них почти больше городов, чем эта горсть людей» // Иосиф Флавий. Иудейская война / Пер. Я. Л. Чертка. Минск, 1991. С. 181.
- ²⁸ Евтропий — церковный историк IV века, был консулом, занимал административные должности при Валенте. Автор «Краткой истории Рима», написанной по поручению Валента. Бrevиарий Евтропия (369 г.) был основан на трудах Тита Ливия и Светония. Впоследствии он был положен в основу «Римской истории» Павла Диакона, а много позднее и компиляции Ландульфа.
- ²⁹ Евтропий. Краткая история от основания города. VI, 17, 1 // Римские историки IV века. М., 1997. С. 41.
- ³⁰ Тиберий Клавдий Нерон (42 до н.э.—37 г. н.э.) — старший сын Клавдия Нерона и Ливии, пасынок Августа, был им усыновлен. Римский император после смерти Августа. Покинул Рим и обитал на острове Капри, где дал волю своим порокам и жестокости.
- ³¹ Тацит. Анналы. III, 40. У Тацита речь идет «о вечном гнете налогов, произволе ростовщиков, о жестокости и надменности правителей», т.е. Отман усиливает слова Тацита, переносит и расширяя предмет возмущения.
- ³² Светоний. Нерон. 40 // Светоний Жизнь двенадцати Цезарей. М., 1964. С. 165. У Отмана стоит около тринадцати лет.
- ³³ Антонин Пий (86—161) — римский император из династии Антонинов. Ему долго приписывался «Итинерарий Антонина», составленный в эпоху правления Каракаллы. Итинерарий — описание путешествий с указанием существующих дорог.
- ³⁴ Itenerarium Antonini Pii Augusti, 28. Venice, 1518.
- ³⁵ Секст Руф — римский историк IV века. Составитель бревиария сочинения Феста.
- ³⁶ Sext Rufus. Epistolae et carminae. 30.
- ³⁷ Август Октавиан (63 г. до н.э.—14 г. н.э.) — внучатный племянник Цезаря. Гай Октавий был усыновлен Цезарем и определен им своим наследником. В ходе гражданских войн сумел сконцентрировать в руках власть и создал императорский режим в Риме.
- ³⁸ Светоний. Божественный Август. 42 // Светоний. Жизнь двенадцать Цезарей. М., 1964. С. 42.
- ³⁹ Светоний. Тиберий, 9 // Светоний. Жизнь двенадцати Цезарей. М., 1964. С. 80.

⁴⁰ См. сноску 10 к Введению.

⁴¹ Проб Марк Аврелий (232—282) — римский император с 276 г. Воевал на Востоке, в Европе же одержал победы над франками и аламаннами. Убит взбунтовавшимися солдатами.

⁴² Постум Марк Кассиан Латинский (259—268), воевал в Галлии и Британии, после убийства Аврелиана провозгласил себя правителем Галлии. Был убит восставшими солдатами.

⁴³ Аврелиан (214—275) — выходец из Иллирии, полководец, начальник конницы, провозглашен солдатами императором в 270 году. Первым сумел отразить нашествия германских племен, боролся с готами, аламаннами и др. Воевал на Востоке (Пальмира). Убит заговорщиками.

⁴⁴ Властелины Рима. Проб. XIII, 5—6. Там же. С. 305. Реки Нигр и Альбия — Неккар и Эльба. Отман называет на четыреста тысяч, а четыре тысячи человек.

⁴⁵ Сальвиан — см. прим. 62. к главе II.

⁴⁶ Salvian. De gubernatione Dei. VII, 15 // MGH. AA. I, 1, 95.

⁴⁷ Пакат Дрепанний — один из составителей двенадцати латинских панегириков, сочиненных в Галлии в IV—нач. V века.

⁴⁸ Феодосий I Великий — римский полководец, затем император. Выходец из Испании; в 379 году после гибели императора Валента в битве с готами Грациан сделал Феодосия августом. Феодосий заключил договор с готами. С этого времени римскую империю оберегать от вторжений варваров стали сами же варвары. Умер в 395 г., разделив перед смертью Римскую империю между сыновьями. Старший (Аркадий) получил Восточную империю, младший (Гонорий) — Западную.

⁴⁹ Pacati Drepanii Panegyricus Theodosio Augusto dicas. XXIV.

⁵⁰ Аполлинарий Сидоний см. прим. 60 к главе II.

Глава IV

¹ Птолемей (83—161 г. н.э.) — известный астроном, математик и географ античности.

² Иероним см. прим. 11 к главе II.

³ Иларию, епископ Пуатье, поэт и гимнограф (ок. 320—367). Автор полемических сочинений, направленных против арианства.

⁴ Hieron. Ep. 2. 41 // PL. T. XXIII. col. 40.

⁵ Ibid. col. 41.

⁶ Навклер, Иоганн — германский историк и гуманист. (1430—1510). Первый ректор университета в Тюбингене. Оставил «Хронику памятных событий всех веков», выдержанную в прогерманском духе.

⁷ Naucler J. Chronica res memorabiles saeculorum omnium et gentium Cologne, 1579. P. 683.

⁸ «Всеобщая хроника» аббатства Урперг (у Отмана Урсперг) велась с 1125 по 1266 г. В русской традиции установилось название монастыря Аура (Uraugiensis) близ Бамберга, наиболее известной частью является хроника аббата Эккехарда. (приведенный фрагмент принадлежит аббату Эккехарду). В даль-

нейшем она была продолжена последующими хронистами, которые довели «Всеобщую хронику» до XVI в. Далее ссылки на нее как Ekkehard. Chronicon universalis., A.D.

⁹ Карл II Лысый (823—877) — франкский король, сын Людовика I Благочестивого и Юдифи Баварской.

¹⁰ Ekkehard. Chronicon universalis. A.D. 887 // MGH. VI, 173. 14.

¹¹ Beatus Rhenanus. Op. cit. Basel, 1555. P. 77.

¹² См. прим. 69 к главе II.

¹³ Эброин — майордом Нейстрии (658—673 и 675—680) и Бургундии (658—673, 675—680) при королях Хлотаре III и Тьерри (Теодорихе) III. После того как он единолично возвел на престол после смерти Хлодвига III Тьерри III, и вспыхнуло восстание, был пострижен в монахи в Люкsee. Позднее после убийства Хильдериha поддержал восстановление Тьерри на троне, расправился со своим заклятым врагом — епископом Легаром и был убит в 680 году.

¹⁴ Пипин Геристальский (ок. 640—714) — внук майордома Пипина Ланденского и Арнульфа, епископа Меца. Майордом Австразии с 679 г., в 687—700 гг. при Тьерри III стал майордомом всех франков, титуловался как *princeps francorum*. Восстановил единство северной Галлии.

¹⁵ Sigibert. Chronicon, A. D. 688 // MGH. SS, VI, 327. S. 63.

¹⁶ Aimon. Historia francorum. L. I—IV. A.D. 688—691. VI // PL. T. CXXXIX. col. 695.

¹⁷ Ekkehard. Chronicon universalis. A.D. 743 // MGH. SS, VI, 1518. 45.

¹⁸ Otton. Chronicon, l. 5. 9 // MGH. SS, XXIII, 220, 2.

¹⁹ Эйнхард. Жизнь Карла Великого. 15 / Пер. М.С. Петровой // Историки эпохи Каролингов. М., 1999. С. 20.

²⁰ Дагоберт I (ок.603—639) — король Австразии с 623 года, Нейстрии и Бургундии с 629, Аквитании с 632.

²¹ Otton. Chronicon, VI, 17, 23 // MGH. SS, XXIII, 229. 2.

²² Готфрид из Витербо (Готфрид Витербский, умер в 1198 г.) — капеллан, секретарь и придворный историк Фридриха Барбароссы и Генриха VI, хронист, автор ряда исторических трудов, причем некоторые из них написаны в стихотворной форме. Ему принадлежит «Пантеон», на который ссылается Отман, и его продолжение «Деяния Фридриха». Генриху VI хронист посвятил «Зерцало королей» — книгу, доказывавшую происхождение императоров от троянцев и римлян. Опирался на сочинения Оттона Фрейзингенского.

²³ Арнульф (859—899), племянник Карла III, незаконный сын Карломана Баварского, император с 896 года.

²⁴ Одо (Эд) Робертин (858—998) — сын Роберта Сильного, граф Парижа с 882 г., был избран королем на собрании в Компьене в 888 г. Ему посоветовали отправиться в Аквитанию, как в политических целях (подчинить своей власти сыновей Ранульфа Аквитанского Эйбла и Гозеберта (оба и погибли во время похода Эда)), так и в военных — предполагалась, что король с армией во избежание полного разорения земель к северу от Луары, проведет зиму в Аквитании. Король в соответствии с этим решением задержался в Аквитании, даже после того, как был коронован Карл III в 893 г. (ранее отведенный претендент Карл, сын Людовика Косноязычного). Эд остался в Аквитании, потребовав от своих сторонников хранить верность, летом вторгся во Франкию и

изгнал Карла. Эд боролся за власть, с достаточным успехом, но через пять лет умер (898 г.). Во время его похода в Аквитанию в 893 г. был коронован ранее отведенный претендент Карл, сын Людовика Косноязычного. Эд боролся за власть, но через пять лет умер (898 г.).

²⁵ Gottfried. *Pantheon.*, XXIII, 27 // MGH. SS, XXII, 232. 12.

²⁶ Фридрих I Барбаросса (1123—1189) — германский король с 1152 года, император из династии Гогенштауфенов; боролся с папством и итальянскими городами. Погиб в третьем крестовом походе.

²⁷ Gottfried. *Op. cit.*, XXIII, 27 // MGH. SS, XXIII, 232. 12.

²⁸ *Ibidem.*

²⁹ Видукинд Саксонский, монах монастыря в Корвее (917—973). Германский хронист. Автор «Деяний саксов».

³⁰ Лотарь (941—986) — сын Людовика Заморского и Герберги Саксонской, сестры Оттона I. Король Франции с 954 г. Отман здесь путает сразу несколько исторических ситуаций, контаминируя тексты Видукинда, а к этому добавляется то, что сам Видукинд спутал двух Лотарей. Хотя Видукинд говорит именно о короле Лотаре (см. начало сноски), данные хронист приводит об императоре Лотаре, сыне Людовика Благочестивого и излагает события не X в., а связанные с Верденским договором 843 г. и разделом империи Карла Великого. См.: Видукинд Корвейский. Деяния саксов / Пер. Г.Э. Санчука. М., 1978. С. 79, 142, 218. Однако Отман еще более запутал ситуацию. Видукинд не говорит в приведенной Отманом цитате о западных франках, его прямая цитата относится именно к восточнофранкскому королевству. Текст Видукинда гласит: «Последним из Каролингов, правивших у восточных франков (*apud orientales francos*) был Людовик, сын Арнульфа, племянник Карла, прадеда короля Лотаря» (т.е. речь идет не о французских королях, а о Людовике III Дитя — И.Э.) // Видукинд. Ук. соч. / Пер. Г.Э. Санчука. С. 138. Отман же ведет речь именно о западных франках, и Лотарь не был последним из Каролингов. В действительности последним из Каролингов на троне был сын Лотаря Людовик V. В издании 1586 г. стоит в этой мнимой цитате имя Людовик (*Lothovicus*), у Видукинда *Pluthovicus*. Не только Видукинд, но и Отман спутал две пары тезок — двух Людовиков и двух Лотарей.

³¹ Видукинд Корвейский. Деяния саксов / Пер. Г.Э. Санчука. I, 16. М., 1978. С. 138. Об искажении цитаты см. выше. Отман дает свой текст, довольно сильно отличающийся от Видукинда даже по смыслу.

³² Регинон Прюмский (умер в 915 г.) — хронист, автор «Хроники».

³³ Карл III Простоватый (879—929) — сын Людовика Косноязычного и Аделаиды. Король Франции. Все царствование боролся с феодальной знатью, в конечном итоге потерпел поражение и умер в заключении. О его восшествии на престол и низложении см. дальше в VI и VII главах. Отман опять путает цитату, хотя очевидно, что Карл Простоватый, скончавшийся в заключении, не мог умереть в присутствии сына, тем более получить пышные похороны. В издании 1586 г. в цитате упомянут король Пипин, что вообще-то то же странно, поскольку ни один из Пипинов не имел сына Людовика и не получал пышных похорон.

³⁴ Людовик IV Заморский (920—954) — сын Карла Простоватого и Отгивы, дочери короля англосаксов Эдуарда из династии Уэссекса. Мать успела

его увезти к дяде Ательстану за пределы Франции. Позднее король Эдмонд (другой дядя) обратился к французской знати, и Людовик был коронован милостью Гуго Великого.

³⁵ Reginon. *Chronicon*. A.D. 876 // MGH. SS. I. 588.

³⁶ Фальстрада (умерла в 794 г.), дочь восточнофранкского графа Радольфа, четвертая жена Карла Великого. Имена ее дочерей — Теодрада и Хильтруда (обе стали аббатиссами).

³⁷ Ekkehard. *Chronicon universalis* // MGH. SS. VI. 167.

³⁸ Тьерри III — франкский король из династии Меровингов, младший сын Хлодвига II и королевы Батильды, король Австразии (умер в 691 г.).

³⁹ Ekkehard. *Chronicon universalis* // MGH. SS. VI. 19.

⁴⁰ Лиутпранд Тессенский (Кремонский) (920—971/6) — епископ Кремоны, политический деятель и писатель. Выходец из романизованной лангобардской семьи, служил сначала Гуго Прованскому, затем Беренгеру Иврейскому, который направил его с посольством к Константину VII Порфирородному. Позднее перешел на службу Оттону и сделал политическую карьеру. Автор «Андаподосиса» («Возмездия») и «Книги о деяниях Оттона».

⁴¹ Гвидо Сполетский (ум. 894) — герцог Сполето, король Италии, сын Адальберта Тосканского, по некоторым данным внук Лотаря II. В 888 г. был помазан королем франков, но вынужден вернуться в Италию. Был коронован императором в 891 г. и вскоре умер во время похода на Италию императора Арнульфа.

⁴² Беренгер II Иврейский (900—966) — король Италии. Сын Адальберта Иврейского и Гизелы, дочери Беренгера I Итальянского, маркграф Ивреи. Короновался итальянской короной. Боролся с враждебным окружением, Оттоном I, потерпел поражение от сына Оттона Людольфа, был низложен в 961, отправлен в заключение, где и умер.

⁴³ Liutprand. *Antapodosis*. L. I, cap. 14 // MGH. SS, CXI, 250. 20

⁴⁴ *Ibid*, I, 16

⁴⁵ Людовик Заморский (920—954) — сын Карла Простоватого и Отгивы, сестры Ательстана Английского, король франков с 936 г.

⁴⁶ Карл Простоватый (879—929) — франкский король, посмертный сын Людовика Косноязычного, был отведен от престола после смерти брата в 884 г., позднее коронован, правил с 898 г. Постоянно вел борьбу за сохранение королевства с норманнами, государями Восточнофранкского королевства, и со своей знатью (прежде всего, с Робертинами). В ходе борьбы бежал к Генриху Птицелову в Германию и был вынужден уступить ему Лотарингию. Во время мятежа знати короновали Роберта Парижского (брата умершего короля Эда), Карл после гибели Роберта попал в плен. Эрбер, граф Вермандуа, заточил его в замке Перонны, где Карл и умер. Прозвище получил не столько из-за глупости, сколько из-за доверчивости.

⁴⁷ Reginon. *Chronicon*. Lib. 2, 93 // MGH. SS, I, 618. 12.

⁴⁸ Otton. *Chronicon*, IV, 32 // MGH. SS, XXIII, 213. 8.

⁴⁹ Gottfried. *Pantheon*. XXIII, 40 // MGH. SS, XXII, 202, 7—8.

⁵⁰ Пьетро да Винеа (1190—1246) — итальянский политик, канцлер Фридриха II Гогенштауфена.

⁵¹ Pietro da Vinea. *Ep*. II, 197.

⁵² Фридрих II Гогенштауфен (1194—1250) — сын императора Генриха VI и наследницы Сицилийского королевства Констанции Альтавилла. Осиротев в три года, «сицилийский мальчик» по завещанию оказался под опекой римского понтифика Иннокентия III, что не помешало ему впоследствии всю жизнь бороться с папством. С 1198 г. — король Сицилийский, с 1218 — император. Оставил свод законов, известных под названием «Мельфийские конституции»..

⁵³ Placito principum seu constitutines regni Neapolitani. Lyon, 1534. F. 67.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Ibid. II, 33. Ibid.

⁵⁶ См. главу II, прим. 40.

⁵⁷ Григорий Турский. История франков. II. 9.

⁵⁸ Сульпиций Александр — историк V века. Его сочинение было утрачено и известно, как и имя автора, только благодаря упоминанию Григория Турского. Григорий Турский. История франков. II. 9. М., 1987. С. 36—38.

⁵⁹ Тацит. О происхождении германцев и их обычаях / Пер. А.С. Бобовича // Тацит. Сочинения. М., 1969. Т. I. С. 368.

⁶⁰ Клавдиан — позднеримский поэт. Уроженец Александрии, грек. Язычник. Автор Панегириков, Инвектив и поэмы «Похищение Прозерпины». Умер ок. 404 г.

⁶¹ Стилихон Флавий (ок. 358—408) — римский полководец варварского происхождения (из племени вандалов), магистр конницы, возглавлял правительство Западной Римской империи. Император Гонорий был женат на его дочерях. В 405 г. отбил вторжение Радагайса, но в 406 г. не смог отразить натиск вандалов. Был свергнут в результате заговора и казнен (408). Антигерманская партия обвиняла его в привлечении варваров на территорию империи.

⁶² Claudian. De consulatu Stilichoni, 225—227.

⁶³ Panegiric Const. Aug., VI.

⁶⁴ Евмений — галльский ритор. Умер ок. 300 г.

⁶⁵ Eumenii Oratio de scholis. 24. Paris, 1570.

⁶⁶ Прокопий Кесарийский (500—после 565) — византийский историк. Автор ряда работ, в том числе «Готских войн» и «Тайной истории».

⁶⁷ Прокопий Кесарийский. Готские войны. V, XII, 8.

⁶⁸ Зонара Иоанн — византийский историк XII в., автор «Анналов» и «Всемирной истории», использовал в основном труд Диона Кассия. Свой труд довел до 1118 г.

⁶⁹ Властелины Рима. Проб. XII, 3. М., 1992. С. 304.

⁷⁰ Apollin. Sid. Carminae. XXIII, 245—246.

⁷¹ Плиний. Естественная история. XVI, I, 2 // Хрестоматия по истории средних веков. М., 1953. Т. I. С. 73

⁷² Incerti Panegyricus Constantino Caesar. VIII, I, 88.

⁷³ Евтропий см. прим. 28 к главе III.

⁷⁴ Евтропий. Ук. соч. IX, 21 / Пер. А.И. Донченко // Римские историки IV века. М., 1997. С. 63—64.

⁷⁵ Орозий Павел (380—420) — римский церковный историк. Выходец из Испании, бежал от вандалов и обосновался в Африке под покровительством Августина. Автор «Истории в семи книгах против язычников».

⁷⁶ Orosius. *Historiarum libri septem*. L.VII, 40 // PL. T. XXXI. col. 1165. Речь идет о вторжении 406 г., года аланы, вандалы и свевы, смяв заслон из франков, ворвались в Галлию. Вопрос о наличии сил для отражения у Стилихона не имеет однозначного решения.

⁷⁷ *Incerti Panegyricus Constantino Caesar*. XVIII.

⁷⁸ Юстиниан (482—565), император Византии с 527 г. Большую часть царствования провел в войнах. Провел работу по систематизации и кодификации римского права. Результатом этого процесса стало появление в 529 году свода римского права — *Corpus juris civilis*, часто называющегося «Сводом Юстиниана».

⁷⁹ *Cod.*, I, 27, 2.

⁸⁰ *Zocimus. Hist.*, I, 71.

⁸¹ Максимиан Аврелий Валерий Марк Геркулий (250—310) — император (286—305). Управлял Западной частью Римской империи, воевал в 286—295 с франками, аламаннами, бургундами и саксами. Вместе с Диоклетианом отказался от власти и ушел в частную жизнь. Однако когда в борьбу за власть вмешался его сын Максенций, то Максимиан пытался в 310 г. завоевать Южную Галлию, был разбит войсками Константина, захвачен и, вероятнее всего, убит.

⁸² *Incerti Panegyricus Maximiano et Constantino*, XVII.

⁸³ Тацит. *История*. IV, 15 / Пер. Г.С. Кнабе // Тацит. *Сочинения*. М., 1969. Т. II. С. 147. Речь идет о заговоре Юлия Цивилиса в эпоху Домициана.

⁸⁴ Там же. Однако Отман перелагает текст Тацита, а не цитирует точно. У Тацита нет упоминания о местном обычае, а оставшаяся часть цитаты сокращена.

⁸⁵ Тюрнеб, Адриан (1512—1565) — французский ученый. Профессор греческого языка в королевском коллеже. Друг канцлера Лопиталья, у Тюрнеба учился великий политический мыслитель Ж. Боден. Считался крупнейшим знатоком античных текстов. *Turnebus A. Adversariorum tomus primus*. P., 1564

⁸⁶ См. прим. 1 к этой главе.

⁸⁷ *Ptol. Geographio*. II, 11, 16.

⁸⁸ Легендарный царь Трои, в чье правление она и погибла.

⁸⁹ Вероятно, имеется в виду «Франсиада» Ронсара, поэма, заказанная поэту лично Карлом IX, где излагается т.н. «троянский миф» о происхождении франков и их королей от некоего Франсиона, по одной версии сына Гектора, по другой — Приама. Сам сюжет о Франсионе впервые был использован ритором Ж. Лемером де Бельж, но обрел популярность лишь благодаря Ронсару.

⁹⁰ Гийом дю Белле (1491—1543) — французский полководец и писатель. Современники Отмана считали его блестящим историком, даже Боден высоко отзывался о нем. Ему принадлежит незавершенный труд «Огдоады», в котором проявляется сильная мемуаристическая тенденция.

⁹¹ «Амадис Галльский» — знаменитый и последний рыцарский роман, изобилующий фантастическими измышлениями. Резкая оценка его, быть может, связана и с тем, что этот роман появился в Испании, к которой Отман относился не менее негативно, чем к папству.

⁹² *Du Bellay G. Epitoma de l'Antiquité des Gaules de France*. P., 1556.

Глава V

¹ Авентин — Иоганн Турмайр (1474/7—1534) — регенсбургский гуманист. Ученик Куспиниана, учился в Ингольштадте, Париже и Кракове. В 1517 г. получил звание баварского историографа и служил при дворе баварских герцогов в Мюнхене. Оставил ряд исторических сочинений. Важнейшим были «Анналы», позднее выпущенные в немецком варианте под названием «Баварская хроника». Aventin J. *Annales Boiorum libri VII*. IV, 1, 7.

² Зурита, Херонимо (1512—1580) — арагонский историк. Автор «Описания деяний королей Арагона в трех книгах» и «О памятных делах Испании».

³ Zurita J. *Indices rerum ab Aragoniae libri tres // Hispaniae illustratae*. Francofordi, 1606. L.I, A. 844.

⁴ Речь, вероятно, идет об Альфонсе VII, короле Кастилии, который титуловался императором.

⁵ Zurita J. *Indices rerum ab Aragoniae regibus libri tres // Hispaniae illustratae*. Francofordi, 1606. L. III, A. 1110.

⁶ Альберт Кранц (1448—1517) — немецкий гуманист и теолог; уроженец Гамбурга. Учился в Ростокке, был ректором Ростокского университета. Кранц принимал участие в политической и дипломатической деятельности Ганзы. Автор двух сочинений «Аквилонии, Дании, Швеции и Норвегии» и «Церковной истории или Метрополиса».

⁷ Kranz A. *Ecclesiastica historia sive Metropolis*. Basel, 1568, 110, 74.

⁸ Сабеллико, Антонио Марко (1436—1506) — итальянский историк. Профессор риторики. По предложению правительства Венецианской республики написал «Историю Венеции от основания города» (1487 г.), через год книга была опубликована в итальянском переводе. Вслед за ней последовали «Эннеады» (1496 г.), обзор всемирной истории, сделанный с гуманистических позиций.

⁹ Sabellico A. *Rapsodiae historiarum Enneadi*. P., 1517.

¹⁰ Прокопий Кесарийский (между 490 и 507—после 562) — византийский историк и высший сановник при Юстиниане. Оставил несколько сочинений, среди которых особое место занимает работа «Готские войны». Прокопий Кесарийский. Готские войны. V, 11.

¹¹ Адо Вьеннский — архиепископ города Вьенны (800—873). Хронист, оставил «Хронику», опирался на сочинения Беды и Исидора Севильского.

¹² Валентиниан I (Цезарь Флавий Валентиниан Август) (321—375) — император с февраля 364 года. Уроженец Иллирии, полководец, правил совместно с Валентом II в 364—367 гг. и совместно с Валентом и Грацианом с 367 по 375 г. Боролся с варварами, сумел изгнать аламаннов, в 368 г. предпринял поход в Германию, разбил германцев у Каталаун (Шалон-на —Соне), где римляне уничтожили шесть тысяч германцев. Умер в ноябре 375 г.

¹³ Тацит. История IV, 17 / Пер. Г.С. Кнабе // Тацит. Сочинения. М., 1969. Т. II. С. 148.

¹⁴ Claudian. *De consulatu Stilichoni*. 114-115.

¹⁵ Саллюстий. О заговоре Катилины. VI, 7 / Пер. В.О. Горенштейна // Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. М., 1981. С. 8.

¹⁶ Тюрпен (умер ок. 800 г.) — архиепископ Реймса, франкский хронист. Критическое отношение автора к Тюрпену разделял и Боден.

¹⁷ Turpin. Germanicarum rerum quattuor chronographie. Frankfurt, 1566, 12.

¹⁸ У Григория Турского таких указаний нет; см. Ado. Chronicon // PL. T. CXXIII. col. 959; Robert de Monk. Chron. Роберт де Монк — продолжатель хроники аббата Эккехарда.

¹⁹ Впервые имя франков встречается в 291 г.

²⁰ Гунибальд — легендарный франкий историк V века. Известен в переложении Иоганна Тритемиуса, немецкого историка XVI века. Ему приписывается сочинение по истории франков. Боден считал его реальным лицом, как и Отман. Современная историография считает эту фигуру измышлением Тритемиуса.

²¹ Святой Ремигий (Реми) (ок. 437—533) — епископ Реймса, крестивший Хлодвига. По легенде ему с небес было доставлено священное миро для помазания Хлодвига (хотя обряд миропомазания начинается в эпоху Каролингов). Основал епископства в Лане, Аррасе и Теруане. Был причислен церковью к лику святых.

²² Хлодвиг (465—511) — франкский король, по сути основатель могущества династии Меровингов. Сумел объединить под своей властью Галлию, разбив сначала Сиагрия, затем вестготов и уничтожив своих родичей. Принял христианство.

²³ Apoll. Sid. Carmen, XXIII, 245—246 // MGH. AA, VIII, 255—256.

²⁴ Гонорий Флавий (384—423) — младший сын Феодосия Великого, император с 395 г. Правил в Западной Римской империи. В его правление усиливается натиск на империю, а сам император практически не оказывал сопротивления варварам, особенно после убийства Стилихона.

²⁵ Claudian. Panegiricus de quarto consulatu Honorii Augusti. 446—448.

²⁶ Требоний Поллион см. прим. 10 к Введению.

²⁷ Властелины Рима. Галлиен. IV, 3. М., 1992. С. 227.

²⁸ Викторин — Марк Пиавоний Викторин Август происходил из Трира, при Постуме стал трибуном преторианцев и консулом в 267 г. Убит в 269 г.

²⁹ Властелины Рима. Галлиен. VII, 1. М., 1992. С. 229.

³⁰ Зонара см. прим. 68 к главе IV. Zonara J. Annales, XII, 24.

³¹ Аврелиан см. прим. 43 к главе II.

³² Властелины Рима. Аврелиан. VII, 1. М., 1992. С. 269.

³³ Евтропий. Краткая история. X, 3, 2; Incerti Panegyricus Maximiano et Constantino. IV, 24.

³⁴ Ibid. 26.

³⁵ Лициний Цезарь Валерий Лициниан (265—325). Получил титул Август в 308 г. Победил Максимиана Дазу в 313 г. Разделил империю с Константином, затем вступил с ним в борьбу и потерпел в этой борьбе поражение. Отрекся от власти в 324 г., по-видимому, был тихо убит через год.

³⁶ Константин II, сын Константина Великого и Фаусты (296—340), император с 317 года. Владел Галлией, Испанией и Британией. При попытке захватить владения брата в Африке, попал в засаду и был убит.

³⁷ Маларих, франк по происхождению, был согласно Аммиану вождем гентиллов.

³⁸ Аммиан Марцеллин. Римская история. XV, 5, 11. Отман очень часто цитирует неточно, текст, не принадлежащий авторам, на которых он ссылается, приводится жирным шрифтом.

³⁹ Юлиан Отступник (332—363) — римский император, сын Юлия Констанция (брата Константина I) и Базилины. Изю всех родственников Константина при резне, организованной его сыном Констанцием II, уцелели только Юлиан и его брат Галл по малолетству. В 355 г. Констанций объявил Юлиана цезарем и отправил в Галлию на защиту от варваров. Юлиану удалось покорить германцев. В 360 г. был объявлен солдатами императором. Вступил в борьбу с вторгнувшимися алеманнами и усмирил их. В историю вошел как Юлиан Отступник, поскольку, став императором после смерти Констанция, попытался восстановить языческий культ. Погиб в войне с персами в 363 году.

⁴⁰ Аммиан Марцеллин. История. XVI, 3, 1—2. Цитата, приведенная Отманом, скорее пересказ слов Аммиана.

⁴¹ Зосим — греческий историк II половины V века. Автор «Новой истории». Zosim. Hist., III, 6.

⁴² Аммиан Марцеллин. История. XX, 10, 2.

⁴³ Аммиан Марцеллин. История. XXX, 3, 7.

⁴⁴ Меробальд Флавий — варвар, франк на службе у Рима, занимал высшие посты при Грациане, консул в 377 и 383 г.

⁴⁵ Грациан (359—383) — сын Валентиниана I, римский император, правил с соправителями. В 383 г. при наступлении на Галлию Магна Максима, войска изменили Грациану, он бежал и был убит.

⁴⁶ Аммиан Марцеллин. История. XXXI, 10, 6—7.

⁴⁷ Речь идет о вторжении 406 г., когда перечисленные племена под руководством Радагайса, смяв заслон из франков, форсировали Рейн и вторглись на территорию Римской империи. Стилихона его недоброжелатели обвинили в сговоре с этими племенами, что послужило причиной его падения и гибели.

⁴⁸ Святой Амвросий — епископ Милана, политический и церковный деятель (334—397). Уроженец Галлии, сын префекта претория, исполнял должность консуляра, был избран епископом, являясь мирянином в ноябре 374 года, после чего принял сан. При Грациане и Феодосии вел активную политическую деятельность. Один из известнейших деятелей церкви и политик своей эпохи. Оставил огромную переписку, богословские и поэтические сочинения.

⁴⁹ Максим Магн — узурпатор. Выходец из Испании, Магн Максим был провозглашен мятежными войсками в Британии императором в 383 г. Вторгся в Галлию и убил Грациана. Через несколько лет напал на Италию, но Феодосий нанес два поражения и отрубил ему голову в Аквилее (388 год).

⁵⁰ Ambrosius. Ep. XI, 23 // PL. T. XVI. col. 1110.

⁵¹ Ibid.

⁵² Валентиниан III Флавий Пласид (419—455), сын Галлы Пладиции, сестры Гонория и полководца Констанция, римский император с 425. Все годы его правления велась борьба с варварами. Был убит.

⁵³ Хильдерих — франкский король, отец Хлодвига Правил в 457—481 гг.

⁵⁴ Меровей — легендарный франкский король, основатель династии Меровингов.

⁵⁵ Фарамонд и Хлогион Длинноволосый — легендарные франкские короли. Считались предками Хлодвига.

⁵⁶ Речь идет о битве при Каталаунских полях (451 г.). Атилла — король гуннов с 434 года, стал им после убийства брата, правил 19 лет, разорял восточ-

ную империю, но был в дружеских отношениях с Аэцием; вторгся в Италию и покинул ее. В 453 г. умер. Прозван «бичом божьим».

⁵⁷ Аэций (ок. 390—454) — римский полководец, «последний римлянин»; выходец из семьи, жившей на территории современной Румынии, был заложником у вестготов, потом у гуннов; в 432 г. — главнокомандующий. В 437 г. разгромил бургундов и переселил их в 443 г. на территорию нынешней Савойи. Победил в 451 г. гуннов. Когда он делал доклад императору, Валентиниан обвинил его в государственной измене и, выхватив меч, убил Аэция прямо в дворцовом зале.

⁵⁹ Павел Диакон, сын Варнефрида (720—799) — лангобардский историк. Выходец из знатного рода. При дворе короля лангобардов Дезидерия был историографом и воспитателем принцессы Адальберги. По ее просьбе и было написано сочинение Павла «Римская история» на основе бревиария Евтропия. После гибели государства лангобардов перебрался в аббатство Монтекассино, а затем на несколько лет оказался в окружении Карла Великого. По возвращении в Монтекассино он написал свою незавершенную «Историю лангобардов», доведенную до правления Айстульфа.

⁶⁰ Эймон (ок. 950—1008) — аббат с 987 г. в монастыре Флери на Луаре, хронист. Автор «Хроники франков».

⁶¹ Otton. Chronicon. L. IV, 3 // MGH. SS, XXIII, 212, 44. Речь идет о Реймсе, Суассоне, Орлеане, Кельне и Трире

⁶² Гунибальд — хронист V века. Автор «О происхождении франков». Сочинение известно в компендиуме Иоганна Тритемиуса.

⁶³ Trithemius J. Compendium De origine, regum et gentis Francorum Joannis Tritthenheimii abbatis ex 12 ultimi Hunibaldi libris. P., 1539. I. P. 329.

⁶⁴ Павел Диакон. История лангобардов. 3, 13.

⁶⁵ Гуго Капет из рода Робертинов — один из крупнейших феодалов X века. После смерти последнего из каролингских королей Людовика V был избран королем Франции в обход дяди умершего Людовика. Капету удалось в завязавшейся борьбе сохранить власть и победить противника. Умер в 996 г.

Глава VI

¹ Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии / Пер. А.С. Бобовича // Тацит. Сочинения. М., 1969. Т. I. С. 356.

² Сулла Луций Корнелий (138—78 до н.э.) — римский полководец и государственный деятель. Глава оптиматов, боролся с популярями, после победы над Марием был фактическим диктатором Рима. Позднее отказался от власти.

³ Плутарх. Сулла. Сопоставление. XL, II. В русском переводе этот фрагмент звучит так: «Естественная справедливость, казалось, требовала, чтобы городом... правил лучший из лучших в силу высоких нравственных качеств, а не родовитости. Ведь и охотник ищет собаку, а не щенков от той или иной суки, и всадник — коня, а не потомство от той или иной кобылы. Точно так же и для государственного мужа самой большой ошибкой будет думать не о том, что за человек правитель, а о том, от кого он происходит» / Пер. В.М. Смиринина // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 1963. Т. II. С. 150.

⁴ Муций Генрих — немецкий гуманист и издатель XVI в. Издал хронику Навклера в 1579 г. Mutius H. De germanorum primo origine. Bask, 1539.

⁵ Naucler J. Cronica res memorabiles saeculorum omnium gentium. 2, 28. Cologne, 1579. P. 673.

⁶ Людовика, Пипина и Карла.

⁷ Reginon. Chron. // MGH. SS, I, 563.

⁸ Будущий император Людовик I Благочестивый (778—840).

⁹ Хильдегарда, третья жена Карла Великого, внучка герцога Алеманнов Готфрида. Только ее детей считали наследниками. Умерла в 783 г.

¹⁰ Эйнхард (770—840) — выходец из знатной франкской семьи (по Рейну), с 9 лет воспитывался в монастыре Фульде, был приближен к Карлу Великому с 790-х гг. Позднее покинул двор ради монашеской жизни, основал монастырь (Гессен). Там он и написал свой основной труд (830). Литературную деятельность начал с эпической поэмы «Карл Великий и папа Лев» (806). Историк, автор «Жизни Карла Великого». Эйнхард. Жизнь Карла Великого, 30 / Пер. М.С. Петровой // Историки эпохи Каролингов. М., 1999. С. 29.

¹¹ Anonimi Chronicon St. Benigni Divionensis // PL. T. CLXII. col. 797.

¹² Aimon. Op. cit. // PL. T. CXXXIX. col. 640.

¹³ Trithemius J. Compendium De origine, regum et gentis Francorum Joannis Tritthenheimii abbatis ex 12 ultimi Hunibaldi libris. P., 1539. I, 322.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Клирик Даниил — сын Хильдериха II, был выведен из монастыря в Ирландии и возведен майордомом на престол под именем Хильперика II. Умер в 720 г.

¹⁶ Неясно, что именно имеется в виду — зарастание тонзуры или требуемые от королей из рода Меровингов длинные волосы (см. главу X).

¹⁷ Aimon. Historia francorum. L. V. P., 1567, 388.

¹⁸ Речь идет о Карле Великом и его брате Карломане.

¹⁹ Aimon. Op. cit., 14.

²⁰ Ibid.

²¹ Хильдерих — король франков (умер в 481 г.), отец Хлодвига, был низложен и изгнан. Найдя убежище в Тюрингии, позднее сумел вернуть себе франкский трон.

²² Эгидий Афраний Сиagriй — магистр конницы, римский магистрат, боролся с вестготами. Согласно Григорию Турскому являлся союзником франков. Королем не был. Умер от ран в 464 году. Возможно, Отман путает его с сыном Эгидием, который, действительно, титуловал себя царем. Но точно неизвестно, когда был изгнан Хильдерих. По Григорию Турскому речь идет скорее об Эгидии — отце, а Сиagriй — его сын — наследовал родителю в 465 г.; его судьба оказалась связана с борьбой против Хлодвига, в которой он погиб (487 г.).

²³ Григорий Турский. История франков. II, 12 / Пер. В.Д. Савуковой. М., 1987. С. 41.

²⁴ Хильдеберт, сын Хлодвига, франкский король. Правил с 511 по 548 г.

²⁵ Сигиберт, франкский король, сын Хлотаря I и королевы Ингунды. (535—575). Король Австразии с 561 г. Муж вестготской принцессы Брунгильды, неоднократно поминаемой Отманом. Боролся с братом Хильпериком, был убит по наущению королевы Фредегонды.

²⁵ Хильперик I (539—584), франкский король, сын Хлотаря и сестры Ингунды Аренгунды, унаследовал королевство Хлотаря Нейстрию в 561 году. Боролся с братьями. Был убит при загадочных обстоятельствах в 584 году.

²⁶ Григорий Турский. История франков. IV, 51 / Пер. В.Д. Савуковой. М., 1987. С. 112.

²⁷ Григорий Турский. История франков. IV, 51. Цитата приведена неточно, выделенный жирным шрифтом текст принадлежит самому Отману.

²⁸ Хлотарь II (584—629) — король франков, сын Хильперика I и Фредегонды, король Нейстрии. После завершения борьбы с родственниками и казни королевы Брунгильды стал королем объединенного франкского государства в 613 г.

²⁹ Этого фрагмента у Григория Турского нет и не может быть, поскольку он завершает свой труд событиями, предшествующими 613 году. Отман использовал издание 1568 г. (Базель), в которое была включена XI книга позднейших приложений.

³⁰ Ekkehard. *Chronicon universalis*, A. D. 367 // MGH. SS, VI, 116, 14.

³¹ Хильдерих II (650—675) — франкский король, один из трех сыновей Хлотаря II (второй по старшинству). Король Австразии с 670 по 673 г. Здесь речь идет о том, что после свержения и заточения в монастырь его брата Тьерри Хильдериха избрали королем в Австразии. Убит в 675 г.

³² Ekkehard. *Chronicon universalis*, A. D. 367 // MGH. SS, VI, 116, 14.

³⁴ Хлотарь III — франкский король. Старший сын Хлодвига II и Батильды, брат Хильдериха II и Тьерри III, стал королем в 3 года (657 г.) и рано умер в шестнадцать лет (в 670 г.) .

³⁵ *Anonymi Chronicon St. Benigni Divionensis* // PL. T. CLXII. col. 786.

³⁶ Тьерри (Теодорих) III, король франков. Младший сын Хлодвига II, младший брат Хлотаря III и Хильдериха II. Король Австразии с 677, Бургундии и Нейстрии с 673 г. Об обстоятельствах его прихода к власти, низложении и возврате короны Отман рассказывает в деталях чуть дальше. Умер королем в 691 г.

³⁷ Ibid.

³⁸ Дагоберт I (ок. 603—639), король Австразии с 623 г., Нейстрии и Бургундии с 629 г., Аквитании с 632 г. Сын Хлодвига II. Ibid., 789.

³⁹ Сигиберт (630—656) — франкский король, сын Дагоберта от наложницы Рагнетруды. После рождения у королевы Нантильды сына (Хлодвига II) Дагоберт выделил старшему сыну Сигиберту Австразию (о чем и идет речь).

⁴⁰ Ibid, 789.

⁴¹ Ibid, 786 f. Речь идет о приходе к власти Карла Великого и его брата Карломана.

⁴² Гвидо Сполетский см. прим. 41 к гл. IV.

⁴³ Речь идет о короле Эде Робертине.

⁴⁴ Luitprand. *Antropodosis*, I, 16 // MGH. SS, III, 280.

⁴⁵ Роберт Сильный — основатель династии Робертинов (Капетингов), граф Парижский. Известен борьбой с норманнами, погиб в 866 году.

⁴⁶ Sigibert. *Op.cit.*, // MGH SS, VI, 556.

⁴⁷ Каноник Флодоард (Фродоард) (894—966) — реймский пресвитер, историк, автор «Анналов» и «Истории Реймской церкви».

⁴⁸ Роберт Старый (865—923), король Франции с 922 г., сын Роберта Сильного и брат короля Эда, был избран королем и в 923 г. погиб в сражении с Карлом Простоватым, у которого он отнял трон.

⁴⁹ Отман имеет в виду Карла Простоватого.

⁵⁰ Аганон — советник Карла Простоватого.

⁵¹ Frodoard. *Annales*. AD. 922 // MGH. SS, III, 179.

⁵² Reginon. *Chron.* // MGH. SS, I, 556.

⁵³ Людовик Косноязычный (Заика), (846—879) — сын Карла Лысого, король Франции. Правил недолго, всего два года (с 877 г.).

⁵⁴ Sigibert. *Chron.* // MGH. SS, VI, 343, 52. Ситуация с избранием Эда была сложнее — Карл Простоватый был обойден еще до избрания Эда после смерти своего брата Карломана, когда вместе пятилетнего Карла избрали Карла III Немецкого. После смерти последнего (888 г.) и был скоропалительно избран королем Эд на ассамблее знати.

⁵⁵ Арнульф см. прим. 23 к главе IV.

⁵⁶ Ottone. *Chronicon*. VI, 10 // MGH. SS, XXIII, 233, 43.

⁵⁷ Рудольф Бургундский — один из крупнейших французских феодалов, сын Ришара Отенского, родственник по женской линии Вельфов Бургундских, а по жене Робертинов. Был избран королем после смерти Роберта в 923, умер в 936 г.

⁵⁸ Reginon. *Op. cit.* // MGH. SS, I, 616, 1285.

⁵⁹ Ришар Отенский (позднее звал себя герцогом Бургундским) — один из наиболее могущественных князей эпохи феодальной раздробленности во Франции. Умер в 921 г.

⁶⁰ Сначала был избран королем Рудольф, а уже потом Карл попал в плен и в заточение.

⁶¹ Aimon. *Op. cit.*, IV, 42. P., 1567. P. 39.

⁶² Frodoard. *Annales*. AD 922 // MGH. SS, III, 179.

⁶³ Хлодвиг II (634—657) — сын Дагоберта I и королевы Нантильды, король Нейстрии и Бургундии, действительно был коронован в шестилетнем возрасте (639) и правила его мать и майордом.

⁶⁴ Greg. Tur. *Historiae francorum libri X appendix item sive liber XI*. Basel, 1568. XI. P. 79.

⁶⁵ Людовик V Ленивый (967—987), король Франции с 987 г., сын короля Лотаря и королевы Эммы Итальянской. Погиб в результате падения с лошади вскоре после восшествия на трон (967—987)

⁶⁶ Речь идет о Карле, герцоге Нижней Лотарингии (умер в 993 г.). Он приходился дядей умершему королю Людовику. Сомнения вызывала его политическая ориентация на Священную Римскую империю, чему способствовал факт принятия им герцогства Нижней Лотарингии из рук императора. Этим и объясняется отвод его кандидатуры и избрание королем Гуго Капета.

⁶⁷ См. прим. 64 к главе V.

⁶⁸ Sigibert. *Op. cit.* // MGH. SS, VI, 353.

⁶⁹ Речь идет о Хлодвиге II (634—657), короле франков и Хлотаре III, его сыне (654—673), правил с 657 г. Ado. *Cronicon* // PL. T. CXXIII. col. 116.

⁷⁰ Тьерри III (652—691, франкский король Австразии с 677 г., Бургундии и Нейстрии с 673 г. Младший сын Хлодвиг II, брат Хлодвиг III и Хильдери-

ха II. После смерти Хлотаря III майордом Эброин единолично возвел его на престол. Власть Эброина и Тьерри вызвала восстание. После свержения был пострижен в монахи в монастыре Сен-Дени, но после убийства Хильдериха II (675 г.) восстановил свою власть. .

⁷¹ Ado. Cronicon. Ibid.

⁷² Ado. Cronicon, 6 // PL. T. CXXIII. col. 669.

⁷³ Ado. Cronicon. Ibid. См. прим. 70.

⁷⁴ На самом деле такой идиллии не было. Возмужавшего Карла возвели на престол недовольные вельможи, когда Эд (Одо) предпринял поход в Аквитанию. По возвращении Эд не пожелал отказаться от короны, и борьба продолжалась в течение пяти лет. Кончилась она со смертью Эда. См. прим. 24, гл. II.

⁷⁵ Otton. Chronicon // MGH. SS, XXIII, 234.

⁷⁶ Речь идет о сыне Тьерри III Хлодвиге III (умер в 695 г.).

⁷⁷ Greg. Tur. Historiae francorum libri X appendix item sive liber XI. Basel, 1568. XI, 79, 48.

⁷⁸ См. сноску 70 к этой же главе.

⁷⁹ Вероятно, речь идет о Тьерри IV (умер в 737 г.) Шелльском, сыне Дагоберта III, посаженном на трон Карлом Мартеллом после смерти Хильперика II (Даниила) в 720 г. После его смерти Карл Мартелл вообще не определял короля из династии Меровингов.

⁸⁰ Greg. Tur. Historiae francorum libri X appendix item sive liber XI. Basel, 1568. XI, 83, 50.

⁸¹ Папа Захария вошел в историю тем, что дал санкцию на узурпацию власти Каролингами. Умер в 751 году.

⁸² Речь идет о Хильдерихе III.

⁸³ Gottfried. Op. cit. XXII, 43 // MGH. SS, XXII, 204, 11 ff.

⁸⁴ Тацит. История. IV, 15 / Пер. Г.С. Кнабе // Тацит. Сочинения. М., 1969. Т. II. С. 147.

⁸⁵ Не найдено.

⁸⁶ Григорий Турский. История франков. 7, 10 / Пер. В.Д. Савуковой. М., 1987. С. 196.

Глава VII

¹ Речь снова идет о Хильдерихе, короле франков, отце Хлодвига I. Правил в 457—481 гг.

² Отман снова упоминает Эгидия. См. прим. 21 к главе VI.

³ Trithemius J. Compendium De origine, regum et gentis Francorum Joannis Tritenheimii abbatis ex 12 ultimi Hunibaldi libris. P., 1539. I. P. 329; Aimon. Op. cit. // PL. T. CXXXIX. col. 641; Gottfried. Op. cit. // MGH. SS, XXII, 201; Sigibert. Op. cit. // MGH. SS, VI, I, 61, 7.

⁴ См. прим. 22 к главе VI.

⁵ Trithemius J. Compendium De origine, regum et gentis Francorum Joannis Tritenheimii abbatis ex 12 ultimi Hunibaldi libris. P., 1539. I. P. 329.

⁶ См. сноску 2.

⁷ Ekkehard. Chronicon universalis, A. D. 367 // MGH. SS, VI, 116, 14.

⁸ Sigibert. Op. cit. 326, 4 // MGH. SS, VI, 310, 58.

⁹ Хильдерих II (650—675) — король Австразии с 656 по 675 г. Второй сын Хлодвига II. Благородный франк Бодилон заколол его на охоте в лесу Ливри вместе с королевой Батильдой и их сыном Дагобертом.

¹⁰ Тритемиус Иоганн, немецкий теолог (1462—1516). Ученик Агриколы. Монах и аббат бенедиктинского ордена. Автор «Краткого изложения происхождения королевства и народа франков», где он поместил, судя по всему, измышленную им самим хроникеру Гунибальда. Помимо этого Тритемиус оставил «Хронику монастыря Гиршау» и «Хронику баварских герцогов».

¹¹ Aimon. Op. cit. L. IV, 44. P., 1567. P. 380; Ado. Op. cit. 6 // PL. T. CXXIII. col. 116; Trithemius J. Compendium de origine, regum et gentis Francorum Joannis Tritthenheimii abbatis ex 12 ultimi Hunibaldi libris. P., 1539. P. 106;

¹² См. прим. 78 к главе VI.

¹³ Aimon. Op. cit. 4, 44. P., 1567. P. 380.

¹⁴ Ado. Cronicon. 6, 16 // PL. T. CXXIII. col. 116; Sigibert. Op. cit. // MGH. SS, VI, 326, 7.

¹⁵ Sigibert. Op.cit. Ibid.

¹⁶ Ado. Op. cit. Ibid.

¹⁷ Имеется в виду пострижение в монахи, впрочем, оба вскоре вышли из монастыря.

¹⁸ Hunibald. Op. cit. I, 38.

¹⁹ Хлодвиг II (634—657), король франков, сын Дагоберта и королевы Нантильды.

²⁰ Хлотарь III, король франков. умер в 673 году. Старший брат Хильдериха II и Тьерри III.

²¹ Trithemius J. Compendium de origine, regum et gentis Francorum Joannis Tritthenheimii abbatis ex 12 ultimi Hunibaldi libris. P., 1539.

²² Автор неизвестен, быть может, Отман имел в виду хроники Идация, но его творчество относится к более раннему времени.

²³ Хильдерих III (714—755), сын Хильперика II и внук Хильдериха II, монах в Сен-Бертене. В 743 г. Пипин и Карломан извлекли его из монастыря и объявили королем. Стал марионеткой в руках Пипина, был им низложен в 751 г. и умер в монастыре Сен-Бертен в 755 г. В тексте издания 1586 г. неправильно стоит имя Хильперика III.

²⁴ Aimon. Op. cit. 4, 61; Sigibert. Op. cit. A^D 750 // MGH. SS. VI, 332, 8; Trithemius J. Compendium de origine, regum et gentis Francorum Joannis Tritthenheimii abbatis ex 12 ultimi Hunibaldi libris. P., 1539. P. 118—119; Gottfried. Chron. XXII, 43, 46 // MGH. SS. XXII, 43, 46

²⁵ Император Карл III, сын Людовика Немецкого, король Западнофранкского королевства с 884 г. В 885 г. заключил унижительный мир с норманнами, чтобы прекратить осаду Парижа. Низложен в 887 и умер в январе 888 г. после неудачной операции.

²⁶ Sigibert. Op. cit. // MGH. SS. VI, 343, 49.

²⁷ Арнульф, см. прим. 23 к главе IV.

²⁸ Ottone. Chronicon. XXIII, 23, 24 // MGH. SS., XXIII, 230, 20—22.

²⁹ см. прим. 24, к главе II.

³⁰ Карл Простоватый, см. прим. 33 к главе IV.

³¹ Sigibert. Op. cit. // MGH. SS., VI, 344, 6; Aimon. Op. cit. V, 41. P., 1567. P. 727; Gottfried. Op. cit. XX // MGH. SS., XXII, 229—30.

³² Regimon. Chron. 892 // MGH. SS., I, 605, 12.

³³ Рудольф (Рауль) Бургундский — сын Ришара графа Отен, герцога Бургундского и Адельгейды из рода Вельфов, племянник королевы Рихильды (жены Карла Лысого), брат Гуго Аббата, был избран королем в Суассоне при поддержке своего шурина Гуго Великого Робертина в 923 г. Умер в 936 г.

³⁴ Aimon. Historia francorum. V, 42. P., 1567. P. 733; Sigibert. Op. cit. // MGH. SS, VI, 347, 8.

³⁵ Речь идет о реймском канонике Флодоарде.

³⁶ Аганон — фаворит Карла, из-за него и вспыхнул мятеж знати.

³⁷ Frodoard. Annales. AD 920 // MGH. SS, III, 176.

³⁸ Отман для того, чтобы подчеркнуть и доказать истинность своего положения об электоральной системе преемственности королей у франков постоянно нарушает хронологическую последовательность изложения, возвращаясь к истории ранних Каролингов. Имеется в виду борьба сыновей Людовика Благочестивого, сына Карла Великого, со своим отцом и младшим братом. В 817 г. Людовик определил старшего сына Лотаря своим преемником на троне империи, возвел Пипина в короли Аквитании и Людовика в короли Баварии. Лотарь был коронован императором папой Пасхалием в 823 г. Младший сын Людовика Карл (родился в 823 г.) не был участником данного раздела, но после его рождения Людовик пытался создать ему удел, что и вызвало борьбу не на жизнь, а на смерть. В 829 г. Людовик изменил «Установления империи» 817 г., а в 831 г. выделил во владение Карлу Алеманнию, Эльзас, Рецию и часть Бургундии. Протесты Лотаря привели к его изгнанию. Началась открытая борьба, в ходе которой враждующие родичи неоднократно низлагали друг друга, лишали наследства при помощи ассамблей знати, отправляли в монастырь. Кризис относился к 833 г., когда Людовика покинула армия, и он сдался сыну. Вслед за этим был созван генеральный сейм в Компьене (о нем неоднократно упоминает и Отман). Людовик, спустя несколько дней, был подвергнут унижительной процедуре, и младшие сыновья вновь поддержали отца. Император был восстановлен в правах в феврале 835 г. Сам Людовик умер в 840 г. во время похода против своего сына Людовика, короля Баварии.

³⁹ Frodoard. Annales. AD 920 // MGH. SS, III, 179.

⁴⁰ Лотарь I, старший сын Людовика I от Эрменгарды (795—855). Наследник императорского титула, активно участвовал в борьбе с отцом и братом. См. сноску 38.

⁴¹ Frodoard. Annales. AD 920 // MGH. SS, III, 179

⁴² Роберт Старый — брат короля Эда. Коронован в 922 г., в 923 г. погиб в битве с Карлом Простоватым.

⁴³ Frodoard. Annales. AD 920 // MGH. SS, III, 179.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Племя сикамбров входило в племенной союз франков. Геллен и его брат Рикимер — фигуры легендарные. См. Trithemius J. Compendium de origine, regum et gentis Francorum Joannis Tritthenheimii abbatis ex 12 ultimi Hunibaldi libris. P., 1539. I. P. 304.

⁴⁶ Агафий (536—582) — византийский историк, поэт, юрист, автор труда «О

царствовании Юстиниана». В его сочинении представлены ценные сведения о ряде германских племен готов, вандалов и франков.

⁴⁷ Агафий Миринийский. О царствовании Юстиниана. М., 1996. С. 13.

⁴⁸ Дитрих Нимский (1340—1418) — германский книжник. Чиновник папской курии, публицист. Критиковал римскую курию. Автор сочинения о римском праве.

⁴⁹ Dietrich von Nitheim. De schismate. IV, 16. Basel, 1566. P. 363

⁵⁰ Бальд (Бальдо) ди Убальд (1327—1400) — итальянский юрист, автор «Комментариев к I—III Кодексу». Учился в Перудже и Пизе у Бартоло да Сассоферрато. С 1351 г. профессор права в Перудже, Пизе в 1357—58 гг., Флоренции 1359—64 гг., Перудже 1365—76 гг., Падуе 1376—79 гг., снова Перудже 1379—90 гг. Павии с 1390—1400 гг. Среди его учеников Пьер-Роже де Бофор, папа Григорий XI. После смерти Бартоло крупнейший юрист Европы, исполнял также дипломатические миссии и вел политическую деятельность в Перудже. «Наблюдатель» — французский юрист Гийом Дюранд (1237—1296), основной его труд назывался «Наблюдение над правом»; потому Отман так его и называет. Ги Пап (1402—1487) — юрист, канцлер парламента Гренобля, занимался традиционным правом. Baldus. Consiliorum volumen primum. Venetia, 1575. III, 45v; Durandus. Speculum juris. L. II, III. Venetia, 1602. P. 321; Pape G. Decisionis Gratianopolitanae. Francofordi, 1609. P. 164 .

Глава VIII

¹ Cod., 7, 37, 3.

² Cod., 4, 61, 13; 10, 17, 1.

³ Cod., 7, 37, 3 .

⁴ Dig., 43, 8, 2; 39, 2, 49; 50, 1, 38.

⁵ Dig., 49, 14; Cod., 10, 1.

⁶ Cod., 7, 37, 31; 4, 61, 6; 7, 37, 3, 1; Dig., 49, 2, 49; 20, 4, 21.

⁷ Dig., 40, 39, 10. У Отмана ошибка — книга, посвященная рабам, идет под 40 номером, а не 39.

⁸ Dig., 49, 15, 5; 18, 1, 72.

⁹ Dig., 31, 56, 6;

¹⁰ Dig., 38, 8, 2; 34, 8, 3. 18, 82, 3.

¹¹ Dig., 3, 4, 1, 1.

¹² Тирако, Андре (1480—1558) — французский юрист XVI в. Был советником Франциска I. Оставил сочинение, посвященное проблеме родовитости и наследования, где доказывал преимущество первородства. Tiraqueau A. Opera omnia. Basel, 1539.

¹³ Папон Жан — французский юрист (1505—1595). Papon. J. Recueil d'arrests notables des cours souverains de France. L. 20, tit. I, art. 17. P., 1574. P. 1081

¹⁴ Ольдрадус да Понте (умер в 1335 г.) — итальянский юрист, профессор гражданского и канонического права в Падуе, Сиене и Болонье. Затем состоял на папской службе в Авиньоне. Oldradus de Ponte. Concilia. Lyon, 1583. 42 f.

¹⁵ Dig., 43, 8, 2, 3; Cod. 11, 70, 2; Dig. 30, 122; Cod. 11, 32, 1; Dig., 8, 1, 14; Dig., 18, 1, 72.

¹⁶ Дигесты, 1, 8. 2. Цит. По: Дигесты Юстиниана. М., 1984. С. 100.

¹⁷ Hotman F. Quaestiones illustres. Cap.1. P., 1567.

Глава IX (X)

¹ Лука делла Пенна (ум. 1390) — известный юрист неаполитанской школы права. Уроженец Абруццо. Стал доктором права в Неаполитанском университете в 1345 г., практиковал как юрист и был учителем в школе права. Оставил три книги комментариев к «Кодексу» Юстиниана. Penna L. de. *Lectura super tribus libris*. P., 1574. P. 184—185.

² Парис де Пуteo (дель Поццо) (1413—1493) — итальянский юрист. Puteo P. *De syndicatos*. (In *Tractatus de formatione libelli*). P., 1578. P. 767—769

³ Андреа де Изерния (1220—1316) — итальянский юрист. Профессор университета в Неаполе. Преподаватель неаполитанской школы юристов, автор лекций по «Конституциям» Фридриха II. Автор сочинения «*In usus feudorum commentaria*»

⁴ Эйххард. Жизнь Карла Великого, 1 / Пер. М.С. Петровой // *Историки эпохи Каролингов*. М., 1999. С. 11.

⁵ Хариберт, сын Хлотаря II, король франков, умер в 567 г.

⁶ Aimon. *Op.cit.* 4, 17 // PL. T. CXXXIX. col. 778.

⁷ Reginon. *Op.cit.* LI // MGH. SS, I, 551, 50

⁸ Грифон (не Гризон) — сын Карла Мартелла от наложницы Сванхильды, брат Пипина Короткого. Умер в 735 г.

⁹ Aimon. *Op. cit.* L. IV. Cap. 61. P., 1567. P. 403.

¹⁰ Григорий Турский. История франков. VII, 32 / Пер. В.Д. Савуковой. М., 1987. С.208.

¹¹ Там же. Отман меняет текст Григория Турского. Он приводит речь плов Гундовальда, выдавая этот текст за речь самого Гундовальда. Приводим текст перевода В.Д. Савуковой: «Гундовальд, недавно приехавший с Востока и считающий себя сыном Вашего отца, короля Хлотаря, послал нас, чтобы получить причитающуюся ему часть королевства».

¹² Судя по всему, Отман пытается связать правовые нормы древних германцев и феодального права. В оригинале стоит слово «феод» (feud).

¹³ Otton. *Gesta Friederici I imperatoris*. II, 29 // MGH. SS, XXIII, 413, 2.

¹⁴ *Cod.*, 6, 24, 11; *Dig.*, 28, 5, 9; *Dig.*, 35, 2; 87, 3; *Dig.*, 2, 13, 19; *Dig.*, 29 4, 14.

¹⁵ Petrus de Vinea. *Epistolaria*. P., 1740. Lib. 6. Ep. 251, II. P. 197.

¹⁶ Trithemius J. *Compendium de origine, regum et gentis Francorum Joannis Tritthenheimii abbatis ex 12 ultimi Hunibaldi libris*. P., 1539. I, 314.

¹⁷ Агафий Миринийский. О царствовании Юстиниана. I,3, 9. М., 1996. С. 16.

¹⁸ Ошибка — Хлодвиг умер в 511 г.

¹⁹ Тьерри I, сын Хлодвига от принцессы из рейнских франков, король с 511 г. Умер в 534 г.

²⁰ Хлодомир, сын Хлодвига и Клотильды, король франков, умер в 524 г.

²¹ Агафий Миринийский. О царствовании Юстиниана. 1, 3. М., 1996. С. 12. Григорий Турский. История франков, I, I; Aimon. *Op.cit.* // PL. T. CXXXIX. col. 661.

²² Григорий Турский. История франков, III, 1; Aimon. *Op. cit.*, 692, // PL. T. CXXXIX. col. 691; Reginon. *Op. cit.* // MGH. SS, I, 548, 9.

²³ Ошибка — речь идет не Хлотаре I, четвертом короле, а о Хлотаре II, седьмом короле.

²⁴ Такое отношение объясняется тем, что Дагобер был последним из Меровингов, кто вел активную завоевательную политику. Godfried. Op. cit. Part. XXII // MGH. SS, XXII, 196, 32. Otton. Chronicon // MGH. SS, XXIII, 219—220

²⁵ Юстин. Эпитома Помпея Трога «Historiae Philippicae». XXI, I, 2 // Вестник древней истории. 1954. № 4. С. 191.

²⁶ Речь идет, вероятно, о Грифоне.

²⁷ В данном случае мы предпочли дать свой вариант перевода, поскольку принципиально важная для Отмана смысловая единица в переводе М.С. Петровой дана довольно произвольно. Этот текст в опубликованном переводе звучит так: «Франки же, по своему обычаю, созвав генеральный конвент, поставили себе королями и того и другого, предпослав им такое условие, чтобы царство было разделено ими поровну; чтобы Карл принял для правления ту часть, которой обладал его отец Пипин, а Карломан — ту, которую возглавлял его дядя Карломан». См.: Эйнхард. Жизнь Карла Великого, 3 / Пер. М.С. Петровой // Историки эпохи Каролингов. М., 1999. С. 12.

²⁸ Ekkehard. Chronicon universalis, A. D. 768 // MGH. SS, VI, 161, 18.

²⁹ Ошибка — после смерти Карла в живых оставался только один сын и наследник — Людовик I, его братья Карл и Пипин умерли при жизни отца. Пипин (Карломан) был провозглашен королем Италии в 781 г. (умер в 810 г.). Карл — старший сын Карла Великого и Хильдегарды — должен был унаследовать Нейстрию, Австрию, часть Германии, но он умер в 811 г.

³⁰ Naucler J. Cronica res memorabiles saeculorum omnium gentium. Cologne, 1579. P. 701.

³¹ Только от Хильдегарды у Карла было пять дочерей. А еще были дочери от Фальстрады. Все они так и не вышли замуж.

³¹ Здесь опять проявляется негативное отношение Отмана к правам женщин на наследование или на власть.

³² Речь идет о смерти Людовика и разделе его владений в 874 г.

³³ Людовик и Карломан, сыновья Людовика Косноязычного от Ангсарды, жены второго ряда.

³⁴ Aimon. Op.cit. P., 1567. P. 718.

Глава X

¹ Карл IV Красивый (1295—1328), сын Филиппа Красивого и Жанны Наваррской, король Франции с 1322 г.

² Жанна д'Эвре, дочь Людовика Французского и Маргариты д'Артуа, третья жена Карла IV с 1325 г. (ок. 1304—1385).

³ У Карла IV, как и у его умерших братьев, были живы дочери, но они уже не наследовали корону Франции.

⁴ Бланка Французская, в будущем герцогиня Орлеанская (1328—1390).

⁵ Эдуард III, король Англии с 1327 г. Сын Эдуарда II и Изабеллы Французской. Его претензии на французский трон стали поводом для начала Столетней войны (1312—1377).

⁶ Изабелла, дочь Филиппа IV и Жанны Наваррской, королева Англии, жена Эдуарда II (1292—1358).

⁷ Филипп Валуа (1393—1350) — сын брата Филиппа Красивого Карла Валуа и Маргариты Анжу-Сицилийской, король Франции под именем Филиппа VI с 1328 г.

⁸ Gaguin R. *Rerum gallicarum annales*. Francoforti, 1577. L.I, 3.

⁹ Gaguin R. *De francorum regum gestis*. P., 1528. L.VIII. F. CXIII.

¹⁰ Papon J. *Recueil d'arrests notables des cours souverains de France*. P., 1574. P. 212.

¹¹ См. сноску 30 к главе V.

¹² Эйнхард. *Жизнь Карла Великого*, 29 / Пер. М.С. Петровой // *Историки эпохи Каролингов*. М., 1999. С. 28.

¹³ Sigibert. *Op. cit.* // *MGH. SS*, VI, 307; *Ottone. Chronicon* // *MGH. SS*, XXIII, IV, 32.

¹⁴ Речь в титуле «Салической правды» идет только о земельной собственности.

¹⁵ Хильдеберт I, король франков, сын Хлодвига см. прим. 23 к главе VI.

¹⁶ Имена дочерей Хильдеберта неизвестны, любящий дядя изгнал их вместе с матерью.

¹⁷ Хлотарь I, король франков см. прим. к главе VI.

¹⁸ Хариберт, король франков, сын Хлотаря I см. прим. 5 к главе IX.

¹⁹ Сигиберт см. прим. 6 к главе IX.

²⁰ Берта, жена Этельберта, короля Кента, монахини Клотильда и Бертефледа.

²¹ Гонтран (Гунтрамн (525—592)), король франков, брат Сигиберта и Хильперика. Сын Хлотаря I, король Бургундии с 561 г.

²² Отман ошибается, Сигиберт умер раньше Гонтрана и согласно договору, заключенному ранее, владения Гонтрана были унаследованы сыном Сигиберта Хильдебертом.

²³ Дочь Гонтрана звали не Клотильдой, а Хлодозиндой.

Глава XI

¹ Светоний. *Божественный Юлий*. 45, 2 // Светоний. *Жизнь двенадцати Цезарей*. М., 1964. С. 20.

² Aimon. *Op. cit.* L. I, cap. 4 // *PL*. T. CXXXIX. col. 640.

³ Ibid. 733.

⁴ Агафий Миринийский. *О царствовании Юстиниана I*, 3, 19. М., 1996. С. 16. Отман ошибся в названии сочинения Агафия, возможно, перепутав его с Прокопием Кесарийским.

⁵ Aimon. *Op. cit.* III, 51 // *PL*. T. CXXXIX. col. 734.

⁶ Нарсес (ок. 478—568) — евнух, полководец и государственный деятель Византии при Юстиниане. В 555 г. был назначен первым наместником в Италии и правил до 567 г. В описываемый момент находился в Италии (вероятно, в Равенне).

⁷ Aimon. Ibid.

⁸ Григорий Турский. *История франков*. VI, 24 / Пер. В.Д. Савуковой. М., 1987. С. 172.

⁹ У Григория Турского этой цитаты нет. Судя по всему, речь идет о низложении Тьерри, сыне Хлодвига см. прим. 70 к гл. VI и к главе VII.

¹⁰ Григорий Турский. История франков. III, 36 / Пер. В.Д. Савуковой. М., 1987. С. 211.

¹¹ Там же.

¹² Клотильда (475—544/5), королева франков, дочь Хильперика, короля Бургундов, жена Хлодвига.

¹³ Речь идет не о сыновьях, а о внуках Клотильды, детях ее рано умершего сына Хлодомира.

¹⁴ Григорий Турский. История франков. III, 18 / Пер. В.Д. Савуковой. М., 1987. С. 72. Цитата приведена Отманом неточно; выделенное жирным шрифтом — его собственные слова. Речь идет об обращении короля Хильдеберта I, старшего сына Хлодвига от Клотильды, к своему младшему брату королю Хлотарю I. Кроме того, у Григория Хильдеберт отправляет гонцов с посланием, цитированным выше.

¹⁵ Хильдеберт I — король франков, сын Хлодвига и Клотильды. Умер в 558 г. Хлотарь I, его брат, позднее единственный король франков. Умер в 561 г.

¹⁶ Аркадий — сенатор города Клермона.

¹⁷ Григорий Турский. Там же. Выделенное жирным шрифтом — дополнение самого Отмана, приписанное им Григорию, заключенное в фигурные скобки — текст Григория, изъятый Отманом. Очень показательна последняя фраза, добавленная Отманом.

¹⁸ Aimon. Op. cit., II, 12 // PL. T. CXXXIX. col. 674.

¹⁹ Ibid. col. 779.

²⁰ Руфин — опекун императора Аркадия, галл по происхождению. Боролся со Стилихоном и потерпел поражение.

²¹ Клавдиан. Против Руфина II, 110—112 / Пер. М.Л. Гаспарова // Поздняя латинская поэзия. М., 1982. С. 229.

²² Лукан (39—65) — племянник Сенеки. Римский эпический поэт. Сохранилась поэма «Фарсалии или о гражданских войнах».

²³ Lucan. Bellum civile. I, 463—464.

²⁴ Кедрин Георгий — греческий ученый монах XI в., автор сочинения «Historiarum Compendium», охватывающего период с 811 по 1067 гг. Cedren G. Historiarum. Compendium, 794 // PG. T. CXXI. col. 872.

²⁵ Ландульф Хитроумный (умер ок. 1000 г.) — итальянский хронист, один из немногих светских историков эпохи. Оставил «Историческую смесь», в которой продолжал сочинение Павла Диакона. Landulf Sagax. Historiae miscellanae. L. 22 Basel, 1569. P. 691.

²⁶ Ошибка Отмана — речь идет о Карле Мартелле.

²⁷ Лиутпранд, сын короля Аиспранда, король лангобардов в 712—744 гг. Он скрепил союз с Карлом Мартеллом усыновлением Пипина Короткого. Умер в 744 г.

²⁸ Павел Диакон. История лангобардов. VI, 53 // Каролингская эпоха. М., 2002. С. 282.

²⁹ Reginon Op. cit. I // MGH. SS, I, 553, 74ff.

³⁰ Людовик VII (1119—1180) — сын Людовика VI и Алисы Савойской, французский король с 1137 г.

³¹ Петр Ломбардский (1100—1164) — средневековый мыслитель и церковный деятель. Уроженец Ломбардии, учился в Реймсе, прибыл в Париж преподавать в университете. Епископ Парижа в 1159 г.

Глава XII

¹ Цезарь. Записки о галльской войне. V, 27.

² Тацит. О происхождении германцев. 7. Пер. А.С. Бобовича.

³ Аристотель. Политика. V, IX, I. Пер. А.С. Жебелева.

⁴ Гонтран (Гунтрам) см. главу X. прим. 20. Фараульф — постельничий его брата короля Хильперика.

⁵ Григорий Турский. История франков. VII, 18. У хрониста речь идет о предупреждении нищего. Отман придал тексту Григория противоположный смысл — у хрониста король, напротив, впредь не выходит без охраны: «король... как смог вооружился и совсем не выходил к святыням или в другие места». См.: Григорий Турский. История франков / Пер. В.Д. Савуковой. М., 1987. С. 200.

⁶ Людовик IX Святой (1215—1270) — король Франции с 1226 г., сын Людовика VIII и Бланки Кастильской.

⁷ Жан де Жуанвиль (1224—1317/18) — сенешал Шампани. Сопровождал Людовика IX в крестовый поход. Автор жизнеописания короля «Истории Св. Людовика». Во многом это сочинение мемуарно, но автор включил в него отрывки из «Больших французских хроник».

⁸ Уильям Ньюбургский — английский монах и хронист. Умер в 1208 г., по другим данным в 1199 г. Автор «Истории англоv».

⁹ Речь идет об оппонентах Отмана из католической партии. Намек явно относится к поздним изданиям «Франкогаллии», вышедшим после полемики 1575 г.

¹⁰ Филипп Август (1165—1223) — французский король с 1180 г. Боролся с Плантагенетами. Описывается его участие в III крестовом походе, из которого он вернулся вследствие разногласий с королем Англии Ричардом Львиное Сердце.

¹¹ Людовик VII (1120—1180) — французский король, сын Людовика VI и Алисы Савойской. Участник II крестового похода.

¹² Ричард I Львиное Сердце (1157—1199), сын Генриха II и Алиеноры Аквитанской, король Англии с 1189 г. Основной военный руководитель III крестового похода. Существует легенда о том, что он был причастен к убийству тирана Тира маркиза Конрада Монферратского. Боролся с Филиппом Августом.

¹³ Речь идет об убийстве маркиза Конрада Монферратского (ок. 1150—1192) году после избрания его королем Иерусалимским. Убийство было совершено ассасинами — членами тайной секты мусульман.

¹⁴ William of Newburgh. Historia Rerum Anglicorum IV, XXV. L., 1856. P. 78.

¹⁵ Клод де Сейсель (1450—1520), уроженец Турина, находился на службе французских королей. Политический мыслитель начала XVI в., архиепископ Марселя с 1516 г. Автор «Французской монархии».

¹⁶ Seyssel C. de. La Monarchie de France. I, 13. P., 1961. P. 120. Очень характерно, что Отман, переводя французский текст Сейселя на латынь, употребил для определения простого народа гуманистический термин “*infima plebs*”, использовавшийся для характеристики социальных низов общества, часто деклассированных элементов.

¹⁷ Платон. Законы. II, 693; Аристотель. Политика. II, III; III, V.

- ¹⁸ Полибий. Всемирная история. VI, 3; Цицерон. О государстве. II, 23.
- ¹⁹ Цицерон. Там же. I, 32—4. «Я считаю наилучшим государственное устройство, такое, которое с соблюдением надлежащей меры составлено из трех видов власти — царской, власти оптиматов и народной» См. Цицерон. Диалоги / Пер. В.О. Горенштейна. М., 1994. С. 45.
- ²⁰ Там же. II, 13 // Цицерон. Диалоги. М., 1994. С. 53.
- ²¹ Людовик Благочестивый см. прим. 8 к гл. VI, и прим. 38 к гл. VII.
- ²² Ансегий, аббат из Фонтенеля (умер в 833 г.). *Ansegius. Capitularia regum francorum* // *MGH LL. V. II, I, 415.*
- ²³ *Ibid.* II, 12.
- ²⁴ *Ibid.* II, 6.
- ²⁵ Библия. Притчи. 11 и 15.
- ²⁶ Аристотель. Политика. III, 128, 23—26. Аристотель, однако, не допускает и возможность существования государства рабов или животных, но говорит о достижении общего блага и счастья, а не о свободе.
- ²⁷ Диоклетиан Гай Аврелий Валерий (245—316), император с 284 по 305 г. С его реформы начался доминат.
- ²⁸ Властелины Рима. Аврелиан. XLIII, 2—4. М., 1992. С. 286. Слова, выделенные жирным шрифтом, принадлежат самому Отману
- ²⁹ Дионисий Галикарнасский — греческий ритор и историк, автор «Римских древностей». I век до нашей эры. *Dion. Ant. rom.* II, XIV.
- ³⁰ Помпоний Секст — римский юрист II века. Автор истории римского права. *Pomp. De Rom. mag. Cap. I.*
- ³¹ Сенека Луций Анней — государственный деятель, философ и писатель Древнего Рима (4-65) По приказу своего бывшего воспитанника Нерона покончил жизнь самоубийством. Автор многочисленных сочинений, в том числе ряда трагедий, трех трактатов и сборника «Письма к Луцилию».
- ³² Цицерон. О государстве. II, XXXI, 54.
- ³³ Сенека. Нравственные письма к Луцилию. CVIII, 32. Отман меняет мысль Сенеки — у того речь идет не о протесте против действий царя, а о времени возникновения права обращения к народу. Сравнить: «право воззвания к народу было уже у царей». Сенека. Ук. соч. / Перевод С.А. Ошерова. М., 1977. С. 275.
- ³⁴ Цицерон. Тускуланские беседы. IV, I, I / Пер. М.Л. Гаспарова. М., 1975. С. 297.
- ³⁵ Цицерон. О своем доме. XIII // Цицерон Речи / Пер. В.О. Горенштейна. М., 1962. Т. 2. С. 67.
- ³⁶ Речь идет об амфиктиониях — древних религиозно-политических союзах общин, объединенных культом единого божества с целью его защиты. Известны Делосская и Дельфийская амфиктионии.
- ³⁷ Свида — название греческого лексикона. Ошибочно принималось за имя его составителя.
- ³⁸ Cicero. *De investione.* II, 23.
- ³⁹ Плиний Старший — государственный деятель и писатель Древнего Рима (23/4—79).
- ⁴⁰ Plinius S. *Hist. Naturalis.* XXXV, 59.
- ⁴¹ Аристотель. Никомахова Этика. III, 5(III), 1113a. Отман снова изменяет мысль античного философа: у Аристотеля «цари извещали народ о выборе,

который они уже сделали» / Пер. Н.В. Брагинской // Аристотель. Сочинения. Т. 4. С. 103.

⁴² Геродот — великий греческий историк (484—425 г. до н.э.). У Геродота нет такой мысли. Отман путает с данными Тита Ливия См. Тит Ливий. История Рима. XXX, I, 29.

⁴³ Бюде Гийом — французский гуманист (1467/8—1540). Изучал право в Орлеане и греческую филологию в Париже. Один из выдающихся эллинистов Европы XVI в. Историк-эрудит. Оставил известный труд, посвященный мерам и весам «О монете» (1514 г.), а также «Комментарии к 24 книгам Пандектов» (1508 г.), «Комментарии к греческому языку» (1529 г.), «О переходе от эллинизма к христианству» (1529 или 1534 г.). *Budet G. Annotationes in quattuor et viginti Pandectarum libros // Operaе. 1557. III, 105.*

⁴⁴ Официальное название Священная римская империя германской нации.

⁴⁵ Платон. Законы. III, 692.

⁴⁶ *Plinius. Hist. Natur. VI, 24.*

⁴⁷ Вергилий Полидор (1470—1555) — итальянский историк-гуманист, секретарь урбинского герцога, затем служитель папской курии. В 1402 г. был послан в Англию папой и много лет прожил там. Стал архидиаконом Уэльса. В 1510 г. принял английское подданство и ему король Генрих VIII поручил написать историю своего государства. Принадлежал к школе эрудитов и оставил монументальный труд «История Англии в 27 книгах» (1533).

⁴⁸ Генрих I — английский король. Младший сын Вильгельма Завоевателя и Матильды Фландрской. Правил с 1100 г. Умер в 1135 г. Речь идет не о нем, а о Генрихе III (правил в 1216—1272) в связи с первым созывом английского парламента в 1265 г., однако, созывал его не король, а предводитель восставших против него баронов Симон де Монфор в ходе гражданской войны

⁴⁹ *Pol. Verg. De Angl. Hist. 245.*

⁵⁰ Фортескью, Джон — юрист и канцлер Англии (1394—1476), сторонник Ланкастеров. Автор «Похвалы законам Англии» и других сочинений.

⁵¹ *Fortesquew J. Comment. Cap. 31.* В латинском тексте Отмана название сочинения Фортескью приведено по-английски.

⁵² Иоанн Вассеус — фламандский историк XVI века. Автор «Хроники Испании».

⁵³ Вероятно, речь идет о короле Рикимере (умер в 640 г.)

⁵⁴ *Vasseus J. Hispanicarum Chronicon // Rerum Hisp. Scriptores. Frankofordi, 1579. I, 710.*

⁵⁵ Херонимо Зурита см. прим. 2 к главе.V.

⁵⁷ *Zurita J. Indices rerum ab Aragoniae regibus libri tres // Hispaniae illustratae. Francofordi, 1606. I, ann. 845.*

⁵⁸ *Zurita J. Indices rerum ab Aragoniae regibus libri tres // Hispaniae illustratae. Francofordi, 1606. I, ann. 1144.*

⁵⁹ Феопомп — спартанский царь, правил во II половине VIII века до н.э.

⁶⁰ *Zurita J. Indices rerum ab Aragoniae regibus libri tres // Hispaniae illustratae. Francofordi, 1606. III, ann. 1348.*

⁶¹ Педро IV Церемонный (1319—1387), король Арагона с 1336 года.

⁶² Хуан — старший сын Педро IV от третьей жены Леоноры Арагон — Сицилийской, король Арагона Хуан I с 1387 г. (1350—1398).

- ⁶³ Сибилла Терция — четвертая жена Педро IV.
⁶³ Zurita J. Indices rerum ab Aragoniae regibus libri tres // Hispaniae illustratae. Francofordi, 1606. III, ann. 1386 .
⁶⁴ Флавий — наместник.
⁶⁵ Honel. Corpus legum, 238.

Глава XIII

- ¹ Эйнхард. Жизнь Карла Великого, 1 / Пер. М.С. Петровой // Историки эпохи Каролингов. М., 1999. С. 11.
² Naucler J. Cronica res memorabiles saeculorum omnium gentium. II, 25 Cologne, 1579. P. 669.
³ Деотерия — галло-римлянка, вдова, позднее жена короля Теодеберта, а не Хильдеберта, позднее оставленная им ради брака с Визигардой, дочерью короля лангобардов Вахо.
⁴ Отман ошибается — речь идет не о Хильдеберте, а Теодеберте, сыне Тьерри I и Суавеготы, дочери короля Бургундов Сигизмунда. Король с 534 года. Умер в 548 г.
⁵ Григорий Турский. История франков. III, 26 / Пер. В.Д. Савуковой. М., 1987. С. 75. Отман вносит в текст свои дополнения, выделенные в переводе жирным шрифтом.
⁶ Aimon. Op. cit. // PL. T. CXXXIII. col. 788.
⁷ Ibid. P. 795. Речь идет, вероятно, о Хлодвиге III.
⁸ Sigibert. Op.cit. // MGH SS, VI, 325, 55
⁹ Aimon. Op. cit. // PL. T. CXXXIII. col. 795.
¹⁰ Ibid. P., 1567. P. 430, 526.
¹¹ Ibid. P. 534.
¹² Ibid. P. 539.
¹³ Ibid. P. 671
¹⁴ Григорий Турский. История франков.VII, 14. Отман снова искажает цитату, и, самое главное, пытается изобразить как «совет» процедуру судебного заседания.
¹⁵ Григорий Турский. История франков. VIII, 21. Речь идет здесь о соборе епископов, параллельно которому собираются и король и знать, судя по дальнейшей тексту, для суда.
¹⁶ Aimon. Op. cit. P., 1567. P. 510.
¹⁷ Ibid.
¹⁸ Ibid. 404.
¹⁹ Ibid. 451.
²⁰ Отман вполне сознательно пытается идентифицировать разные понятия. Под курией понималось обычно судебное заседание под предводительством короля (сеньора), хотя Ноткер Заика впервые употребил термин curia regis и для обозначения двора, идентично aula или palatia regis. Понятие "Placitum" в период с V по VIII вв. означало съезд или собрание знати, на котором ставились политические вопросы.
²¹ Ив Шартрский (1040—1115) — епископ города Шартра с 1090 г., активно

участвовал в политической жизни Франции, выступал против Филиппа I (его двоебрачия), за что в 1092 г. попал в тюрьму. Один из крупнейших специалистов по каноническому праву начала 12 века, крупный теолог, оставил обширную переписку и ряд трактатов. *Yve. Ep. 190 // PL. T. CLXI. col. 196.*

²² Карл Датский, граф Фландрии, сын датского короля Кнута IV и Адели Фландрской. Был убит в церкви в 1127 г.

²³ *Aimon. Op. cit. P., 1567. P. 764.*

²⁴ Генрих V (1081—1128) — сын Генриха IV и Адelaide Савойской, германский король и император. В историю вошел благодаря своему договору с папой, прекратившему борьбу за инвеституру (1125 г.).

²⁵ *Ibid. 771.*

²⁶ *Otton. Gesta Frederici imperatoris, I, 40 // MGH. SS, XX, 373, 16.*

²⁷ Речь, вероятно, идет о дяде Фридриха I, Конраде III.

²⁸ *Ibid. I, 43.*

²⁹ Речь идет о Гийоме Дюранде (1237—1296), французском юристе, основной его труд назывался «Наблюдение над правом»; потому Отман его и называет «Наблюдатель».

³⁰ *Durandus G. Speculum Juris. Lib.II, part.I. Venetia, 1602. II, 56.*

³¹ Жан де Фор — французский юрист. *Faure J. De Annotationes Codicis brevium nuncupatae. L. VIII, 43. Lyon, 1594. P. 408.*

³² Уолсингем Томас (умер в 1444 или 1422) — английский монах и хронист. Представитель т.н. Сент-Альбанской школы. Автор «Английской истории».

³³ Эдуард I, сын Генриха III и Элеоноры Провансальской (1239—1307). Король Англии с 1272 г. Быть может, речь идет о борьбе виконтов Беарна, стремившихся вырваться из вассальной зависимости от герцогов Аквитанских, то есть английских королей. Беарн стал независимым виконтством. Тогда Гаско де Биерна — это Гастон Беарнский.

³⁴ *Walsingham T. Historia Anglicana. I, 73. L., 1863.*

Глава XIV

¹ *Reginon. Op. cit. l. 2, AD DCCCVI // MGH. SS, I, 563, 64 f.*

² Карл Лысый (823—877) — младший сын Людовика Благочестивого от его второго брака с Юдифью Баварской. Рождение Карла нарушало уже объявленный грядущий раздел империи и вызвало войны (см. прим. 38 к главе VII). После Верденского раздела король Западного франкского королевства (843), в 875 году короновался в Риме императором.

³ Из четырех сыновей Карла пережил его только Людовик Косноязычный (Заика). Карл, упомянутый здесь, умер в 865 году.

⁴ *Aimon. Op. cit., L. 65, cap, 17. P., 1567. P. 621.*

⁵ Генрих Птицелов (876—936) — герцог Саксонии, король Германии с 919 г. Императором никогда не был.

⁶ Оттон I Великий (912—973) — германский король с 936, император Священной Римской империи с 962 г.

⁷ Видукинд Корвейский. Деяния саксов II, 1 / Пер. Г.Э. Санчука. М., 1975. С. 153. Фрагмент, исключенный Ф. Отманом, вставлен в фигурные скобки.

⁸ Там же. У Видукинда стоит слово «*ducis*». Вероятно, в данном контексте следовало перевести слово *ducis* не как герцогу, а как «вождю». Отман меняет термин Видукинда и говорит о «новом короле» — «*novo regi*».

⁹ Людовик Косноязычный см. прим. 53 к главе VI.

¹⁰ Aimon. Op. cit., V, 35. P., 1567. P. 696.

¹¹ Ibid. P. 727. О ситуации см. прим. к главе VIII и к главе VII.

¹² Гаген Робер (1433—1501) — французский историк и дипломат. Профессор канонического права в Сорбонне, декан факультета, глава ордена тринитариев (1473), выполнял дипломатические поручения Людовика XI и Карла VIII. Автор «Происхождения и деяний франков», написанных на чистой гуманистической латыни (1495 г.). Переписывался с Эразмом.

¹³ Gaguin R. De francorum regum gestis. 7. P., 1528. F. CXIII.

¹⁴ Речь идет все о той же борьбе Людовика Благочестивого с сыновьями от первого брака.

¹⁵ Aimon. Op. cit. l. V, 36. P., 1567. P. 700.

¹⁶ Судя по всему, речь идет о Роберте Сильном, которому Карл Лысый действительно передал область между Сеной и Луарой.

¹⁷ Reginon. Op. cit. A. D. 861 // MGH. SS, I, 571.

¹⁸ Варнархер — майордом Бургундии. Выдал Хлотарю II Брунгильду. Король опасался этого рода, и после смерти Варнархера приказал убить его сына. Умер в 626 г.

¹⁹ Greg. Tur. *Historiae francorum libri X appendix item sive liber XI*. Basel, 1568. XI. App. 39—40.

²⁰ Хильдеберт III (683—711) — (франкский король из ленивых королей), сын Тьерри III, брат Хлодвига IV. Пипин Геристальский после смерти Тьерри сам избрал из его сыновей наследника, а после смерти Хлодвига единолично возвел на трон Хильдеберта III.

²¹ Гримоальд — младший сын Пипина Геристальского, майордом севера с 701—702 г. Был убит фризами в 714 г.

²² Ibid, 79.

²³ Aimon. Op. cit. 4, I // PL. T. CXXXIX. col. 765.

²⁴ Greg. Tur. *Historiae francorum libri X appendix item sive liber XI*. Basel, 1568. XI. App. 27.

²⁵ Григорий Турский. История франков. VIII, 21. Поскольку текст Отмана значительно отличается, мы даем цитату в переводе В.Д. Савуковой: «но когда Хильдеберт со своими вельможами приехал в упомянутую виллу судить Гунтрамна, то Гунтрамн, не дав на допросе ни одного ответа, тайно бежал. У него были отняты все вещи, которые он получил в дар из казны в Клермоне». Григорий Турский. Ук. соч. М., 1987. С. 231. Хильдеберт — король франков Хильдеберт II, Гунтрамн — герцог в королевстве Хильдеберта

²⁶ Aimon. Op. cit. P., 1567. P. 589.

²⁷ Ibid. P. 592.

²⁸ Пипин (797—838), второй сын Людовика I и королевы Эрменгарды. Король Аквитании с 817 года. Его сыновья были отстранены от наследования.

²⁹ Aimon. Op. cit. P., 1567. P. 594.

³⁰ Лотарь, Пипин и Людовик.

³¹ После предательства своих вассалов в 833 г. на поле битвы Людовик Бла-

гостивый оказался в плену и вместе со второй женой и младшим сыном (будущим Карлом Лысым) провел несколько месяцев в заточении.

³² Gaguin R. De francorum regum gestis. 4. P., 1528. F. LVIII.

³³ Речь идет о переговорах Людовика Косноязычного с Людовиком Младшим Немецким, завершившихся в 878 г. договором в Фуроне.

³⁴ Aimon. Op. cit. P., 1567. P. 708.

³⁵ Брунгильда (543—613) — королева франков; дочь короля вестготов Атангильда, жена франкского короля Сигиберта. После убийства ее сестры Гальвинты мужем последней Хильпериком (деверем Брунгильды), и Сигиберта, боролась с Хильпериком и его третьей женой Фредегондой. Позднее была регентшей при своем сыне Хильдеберте II и внуках Теодеберте II и Тьерри II. Достигая глубокой старости королева пережила всех своих потомков, включая убитого правнука. Брунгильду предали и выдали сыну ее злейшего врага Хлотарю II, который подверг ее необычайно жестокой и мучительной казни.

³⁶ Aimon. Op. cit. // PL. T. CXXXIX. col. 767.

³⁷ Ado. Op. cit. // PL. T. CXXIII. col. 112.

³⁸ Aimon. Op. cit., V, 94. P., 1567, 469.

³⁹ Речь идет о Людовике III и Карломане, которые после коронации Бозона Провансальского в 880 г. были вынуждены координировать свои действия не только между собой, но и с германскими Каролингами. В результате раздела Людовик получил Франкию и Нейстрию, Карломан — Бургундию и Аквитанию. Людовик III умер в 882 г., Карломан — в 884 г. (оба погибли от несчастных случаев).

⁴⁰ Ibid, 718.

⁴¹ Гуго, сын короля Лотаря II и его наложницы Вальдрады. Лотарь на протяжении долгих лет пытался развестись со своей законной женой Титбергой и узаконить отношения с наложницей Вальдрадой, но этому препятствовала не только церковь, но и родственники, желавшие разделить владения Лотаря между собой (что и было сделано) и не дать возможности Гуго претендовать на наследство. Гуго неоднократно пытался вернуть отцовское наследство, но безуспешно. Умер в 895 г.

⁴² Ibid. 724.

⁴³ Aimon. Op. cit., 4, 41 // PL. T. CXXXIX. col. 495.

⁴⁴ Авл Геллий — (125—175) — античный грамматик и писатель. Автор «Аттических ночей».

⁴⁵ В русском переводе отсутствует уточнение Отмана, что именно достойно восхищения. Ср. «Народ лакедемонский... решал свои важнейшие государственные вопросы, что, поистине было разумным и достойным уважения». Авл Геллий. Аттические ночи. 18, 3, 2 / Пер. Б. Тритенко. Томск, 1993. С. 151.

⁴⁶ Dig., 5, 33, 20, 6; Dig. 16, 1, 2.

⁴⁷ Cod. 8, 13, 27; Cod., 2, 4, 33; Cod. 2, 3, 1; Dig., 8, 2, 4.

⁴⁸ ибо такова наша воля.

⁴⁹ Марциан — римский юрист.

⁵⁰ Dig., 1, 3, 2.

⁵¹ Демосфен (384—322 до н.э.) — афинский оратор и политический деятель. Убежденный противник Македонии, после побед Александра Македонского был вынужден бежать в Малую Азию. Позднее покончил с собой. Ему при-

писывается 61 речь, сохранлась половина. Отман приводит весьма свободно его мысль, приведенную в «Дигестах»: «Оратор Демосфен дает следующее определение: «закон есть то, чему все люди должны повиноваться в силу разных оснований, но главным образом потому, что всякий закон есть мысль и дар бога, решение мудрых людей и обуздание преступлений, содеянных как по воле, так и невольно, общее соглашение общины, по которому следует жить находящимся в ней». См.: Дигесты Юстиниана / Пер. И.С. Перетерского. М., Наука, 1984. С. 31—32.

⁵² Aimon. Op. cit., V, 38. P., 1567, 708.

⁵³ Ansegius. Capitularis regum francorum. II, 3 // MGH. LL, V.II, 1, 415.

⁵⁴ Ansegius. Capitularis regum francorum. II, 12 // MGH. LL. V. II. I, 422.

⁵⁵ Ibid, II, 22.

⁵⁶ Ibid, II, 24.

⁵⁷ Тьерри II (587—613) — франкский король, сын Хильдеберта и Файлеубы, внук Брунгильды.

⁵⁸ Хильдеберт II (ок. 570—595), франкский король, сын Сигиберта I и Брунгильды. Унаследовал по Анделотскому пакту владения своего дяди Гонтрана, короля Бургундию

⁵⁹ Теодеберт II (586—612) — франкский король, старший сын Хильдеберта II. Ни о каких варварских обычаях в истории с Эльзасом речи не было — Теодеберт стал угрожать своему брату войной, предварительно отказавшись ему помочь при вторжении исконного врага Хлотаря II. Тьерри подчинился этому давлению и в 610 году отказался от унаследованного от отца Эльзаса. Для Теодеберта это было пирровой победой — Тьерри II стал рассматривать брата как злейшего врага, пошел даже на союз с Хлотарем II и, предприняв поход в Австразию, захватил брата в плен. Дальнейшая судьба неизвестна — вероятней всего, Теодеберт II был умерщвлен.

⁶⁰ Greg. Tur. Historiae francorum libri X appendix item sive liber XI. Basel, 1568. XI. App, 23.

Глава XV

¹ Эрхиноальд — майордом Нейстрии при Хлодвиге II с 640 г., родственник матери Дагоберта I. Умер в 658 г. Последний год жизни был и майордомом Австразии.

² Вульфоальд — майордом Нейстрии (673—675), Австразии (657—679), выдал нейстрийцам Гримоальда. После убийства Хильдериха II бежал в Австразию, а позднее извлек из ирландского монастыря будущего Хильперика II. Со сцены сходит после убийства Дагоберта II (679 г.).

³ Лисандр — военачальник Спарты, наварх, разбил Афины и в 404 г. ликвидировал там демократию. Погиб в 395 г. до н.э.

⁴ Агесилай II (444—361) — спартанский царь с 399 г. В 396—394 г. вступил в войну с персами. Этот эпизод и вспоминает Отман.

⁵ Плутарх. Лизандр, XXIII / Пер. М.Е. Сергеевко // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 1963. Т. II. С.113.

⁶ Ленивые короли — этим общим именем обычно называют франкских ко-

ролей из рода Меровингов, царствовавших после Дагоберта I. Последних из них уже назначали майордомы.

⁷ Павел Диакон. История лангобардов. VI, 5.

⁸ Венерик Верцеллин — Вальрам, епископ Наумбурга (умер в 1111 г.), автор сочинения «О единстве церкви».

⁹ Walram. De unitate ecclesiae conservanda. I, 16 // MGH. SS, LL., V. II. 209, 20.

¹⁰ Источник не установлен.

¹¹ Godfried. Op. cit., XII, 28 // MGH. SS, XXII, 196, 4.

¹² Речь идет о Хлотаре III (рано умершем сыне Хлотаря II).

¹³ Sigibert. Op. cit. // MGH. SS, VI, 325, 55.

¹⁴ Стефан III — римский папа, римлянин, понтификат в 752—757 гг. Прибыв к Пипину Короткому в 754 году за помощью против лангобардов и византийцев и получив поддержку франкского короля, торжественно короновал Пипина и запретил франкам под страхом отлучения от церкви впредь избирать королей из другой династии. Однако он не имел отношения к свержению Хильдериха, узурпации власти Пипином и пострижению Хильдериха и его сына — все это произошло до прибытия Стефана во владения франков.

¹⁵ Эйнхард. Жизнь Карла Великого, 1 / Пер. М.С. Петровой // Историки эпохи Каролингов. М., 1999. С. 10—11.

¹⁶ Sigibert. Op.cit. I, 345 // MGH. SS, VI, 325, 56. Отман совершенно прав — после свержения династии пропагандой усиленно создавался миф о ленивых королях, хотя вплоть до сыновей Тьерри III они отчаянно боролись за ускользающую власть, нередко платя за это жизнью.

¹⁷ Имеется в виду борьба Хлодвига с вестготами. Тулузу взяли благодаря измене тулузского епископа, предавшего ариан-вестготов, а не храбрости Хлодвига.

¹⁸ Гундовальд — герцог рейнских франков, но не майордом. Григорий Турский. История франков. V, 1. Возможно, Отман путает его с Гундольфом, доместиком, затем герцогом при Хильдеберте II.

¹⁹ Григорий Турский. История франков. V, 18; Упомянут «дворцовый граф» Сигиберта, казненный Хильпериком. Григорий Турский. История франков. М., 1987. С. 132. VII, 29. М., 1987. С. 205.

²⁰ Ваддон — граф Сента. До 584 г. занимал должность майордома короля Хильперика, после его убийства стал майордомом Ригунты с 585 г. Умер в 589 г. Ригунта — дочь Хильперика и Фредегонды. Григорий Турский. История франков. VII, 27. М., 1987. С. 205.

²¹ Вероятно, речь идет о Генрихе Молодом, сыне Генриха II, короля Англии (и будущем зяте Людовика VII).

²² Роберта II звали Гийом (умер в 1060 г.) и Эд, граф Шартра (умер в 1037 г.), следовательно, при нем не было сенешала по имени Гауфрид. В списке, приведенном Т. Ю. Стукаловой в работе «Введение в средневековую французскую архонтологию» (М., 2001), лицо с таким (или схожим именем) не значится. Сама должность сенешала во Франции была ликвидирована после смерти Тибо, графа Блуа, в 1191 г.

²³ Цитата принадлежит не Сигиберту, а Роберту Монкскому (продолжателю хроники Эккехарда Урспергского). Robert de Monke. Chronicon. 1169 // MGH. SS, VI, 518.

Глава XVI

¹ Геласий II, римский папа в 1118—1119 гг. *Corpus juris canon.*, 3, 15, 6.

² Захария — римский папа в 741—752 гг. Хотя он и покровительствовал сводному брату Пипина (лишенному им наследства) и считал Пипина принцем, на запрос аббата Сен-Дени Фудрада и епископа Вюрцбурга Буркхарда о том, кто должен править, дал ясный и четкий ответ (править должен тот, в чьих руках власть), узаконив тем самым свержение Хильдериха III и переход короны к династии Каролингов.

³ Ламберт (Ламперт) — монах Герсфельда (Гессен) (1025—1085) — средневековый хронист, составитель «Анналов». Активно поддерживал клюнийскую реформу, выступал против Генриха IV и был изгнан из обители. Довел свое сочинение до середины XI в., немало места посвятил борьбе за инвеституру. *Lambert von Hersfeld. Historiae Germanorum. Francfort, 1566.*

⁴ Григорий VII (Гильдебранд) — римский папа, активнейшим образом боролся с императором Генрихом IV за инвеституру. Был изгнан римлянами и укрылся у норманнов, умер в изгнании.

⁵ Walram. *De unitate ecclesiae conservanda. I, 2 // MGH. Lib.lat. II.186, 26 f.*

⁶ Godfried. *Part., XVII, 49 // MGH. SS, XXII, 207, 16.*

⁷ Отман не только неистово защищает свой тезис о верховном суверенитете народа, но и высказывает резко негативное отношение к вопросу о светской власти пап и их возможности вмешиваться во внутреннюю политику и процесс престолонаследия королевства. Здесь сказалась позиция непримиримого протестанта. В действительности, именно благожелательная позиция понтифика во многом способствовала приходу к власти Пипина.

⁸ Walram. *De unitate ecclesiae conservanda. I, 16 // MGH. SS, Lib. lat., 11, 209, 16f.*

⁹ *Ibid.* II, 185, 11f; II, 26, n.13.

¹⁰ Ado. *Chronicon, 6 // PL. T. CXXIII. col. 123.*

¹¹ Aimon. *Op.cit. P., 1567. P. 422.*

¹² Godfried. *Op.cit.XII, 43 // MGH. SS, XXII, 204, 11—12.*

¹³ Landulf Sagax. *Historiae miscellanae. Basel, 1569. P. 691; Fasciculus tempiorum. 1480, 462.*

¹⁴ Автор не установлен. Быть может, это текст самого Отмана.

¹⁵ Марсилиус Падуанский (ок. 1280—1343) — итальянский мыслитель и политический писатель. Уроженец Падуи, учился на медицинском факультете университета. В 1312 г. переехал в Париж и стал ректором парижского университета. Был на службе у итальянских князей (Маттео Висконти и Кан Гранде делла Скала). По возвращении в Париж (1319 г.) вероятно и написал свой трактат «Защитник мира», завершив его к 1324 г. С 1326 г. находился при дворе Людвига Баварского. Его книга была осуждена в 1327 г. папой Иоанном XXII как еретическая. Тезис мыслителя о том, что император должен получать свою власть не из рук папы, а из рук народа был очень близок не только Людовику Баварскому, но и самому Отману.

¹⁶ Людвиг Баварский из рода Виттельсбахов (1287—1347) — император Священной Римской империи. Сын Людвига II Сурового и Маргариты Габсбург, был избран королем после смерти Генриха Люксембургского (1314 г.). Был

дважды отлучен от церкви. Еще при жизни Людвига в 1346 г. императором был избран Карл Люксембургский. Столкновение с папством определило отношение как придворных, так и самого Людвига к Св. Престолу.

¹⁷ Marsilius. De translatione imperii // *Antologia Papiae*. Basel, 1554. P. 230.

¹⁸ Trithemius J. *Compendium de origine, regum et gentis Francorum Joannis Tritthenheimii abbatis ex 12 ultimi Hunibaldi libris*. P., 1539. P. 343, n.16.

¹⁹ Библия. Книга Товита. 12, 6.

²⁰ Айстульф, король лангобардов (умер в 756 г.). Захватил Равеннский экзархат и готовился к походу на Рим, что заставило папу Стефана искать поддержки у франков. Франки разбили лангобардов, а смерть Айстульфа способствовала усилению папства.

²¹ Бертрада или Берта (не Бертранда) — дочь графа Хериберта из Лана, жена Пипина Короткого. Умерла в 784 г.

²¹ *Reginon. Op. cit.* 753 // *MGH. SS, I*, 556, 27f. Из рассказа неясно, было ли описание визионерства действительно выдумкой и хитрой политической уловкой (как считает Отман). Упоминание самих святых заставляет склониться к именно такой трактовке этого письма (апостол Петр — первый римский епископ, св. Дионисий — покровитель Франции, апостол Павел — борец за обращение язычников). Несомненно, что само это описание сознательно сочетается с политической акцией, на самом деле предпринятой папой Стефаном, для получения помощи против лангобардов.

²² Матарель Антуан — адвокат Екатерины Медичи, после выхода в свет «Франкогаллии» вступил в полемику с Отманом.

²³ Папир Массон (1544—1611) — гуманист, продолжил дело Матареля, Отман вступил с ним в полемику. Poleмика эта Отману была памятна, поскольку он включил упоминание о ней в последнее издание «Франкогаллии»

²⁴ О полемике Отмана с А. Матарелем и П. Массоном см. вводную статью. Данный фрагмент, естественно, мог появиться только в издании «Франкогаллии» 1586 г., поскольку полемика относится к 1575 г. Д. Келли, автор монографии об Отмане, трактует этот выпад против Массона еще резче, переводя термин *sucullum* как «рогатый».

Глава XVII

¹ Каллисфен (370—327 до н.э.) — греческий историк, внучатный племянник Аристотеля. Принимал участие в походах Александра Македонского, являлся его историографом и был им казнен.

² Отман интерпретирует латинский термин «comes» — в латинском языке он первоначально означал спутников знатного римлянина, позднее члена императорской свиты. При Домициане — высший сановник. Вероятнее, что слово «comes» употреблено в значении — сопровождающий царя советник (Каллисфен не был уроженцем Македонии и был старше Александра).

³ Александр Македонский (356—323 до н.э.) — великий полководец, завоеватель и государственный деятель. Царь Македонии, создал огромную державу.

⁴ Хлодвиг — младший сын Хильперика от Авдоверы, погиб в результате нападения Фредегонды (580 г.).

⁵ Григорий Турский. История франков. V, 39 / Пер. В.Д. Савуковой. М., 1987. С. 145.

⁶ Фредегонда — франкская королева, бывшая служанка, после убийства второй жены Хильперика стала его третьей женой. Согласно Григорию Турскому — интриганка и убийца, во всяком случае, способствовала удалению двух первых жен Хильперика и расправилась со всеми его детьми от первого брака. Боролась с Брунгильдой. Умерла в 597 г.

⁷ Левдаст — граф Тура.

⁸ Королева Марковейфа — четвертая жена короля Хариберта, который был отлучен от церкви за этот брак, поскольку женился на свояченице — Марковейфа была сестрой третьей жены Мерофледы, причем в источниках ничего не говорится о смерти Маркофледы.

⁹ Григорий Турский. История франков. V, 48. Цитата неточна.

¹⁰ Aimon. Op. cit. // PL. T. CXXXIX. col. 722.

¹¹ Ibid, 744.

¹² Ibid. Ed. 1567, 473.

¹³ Region. Op. cit., 807 // MGH. SS, I, 564, 67.

¹⁴ Greg. Tur. Historiae francorum libri X appendix sive liber XI.XI, 41. Basel, 1568. XI, App. 29.

¹⁵ Kranz A. Ecclesiastica historia sive Metropolis. Basel, 1568, V, 41. P. 580.

¹⁶ Речь идет о Филиппе Красивом.

¹⁷ Раулю де Клермон-Нель.

¹⁸ Walsingham T. Op. cit. I, 44.

¹⁹ Валент II Цезарь Флавий Август (328—378) — император с 364 г., брат Валентиниана I. Правил совместно с братом в 364—367 гг., совместно с братом и племянником Грацианом до 675 г., совместно с Грацианом до 378 г. Погиб при невыясненных обстоятельствах в сражении с готами при Адрианополе.

²⁰ Аммиан Марцеллин. Римская история. XXVI,4, 2 / Пер. Ю. Кулаковского. СПб, 1994. С. 360.

²¹ Юстиниан см. прим. 78 к главе IV.

²² Cod. Theod. II, I, 29.

²³ Эмилий Павел — итальянский историк, уроженец Вероны. Принадлежал к политико-риторической школе Л. Бруни. Людовик XII пригласил его переехать во Францию, где он и умер в 1550 г. Оставил сочинение “De rebus gentis francorum libri IV” (1516—1539), в котором опирался на материалы «Больших французских хроник».

²⁴ Людовик Младший, сын Людовика Немецкого (826—880)

²⁵ Бюде, Гийом. (1467—1540) — французский гуманист. Один из крупнейших гуманистов Франции, филолог, историк, юрист. Оставил труд по римскому праву «Замечания на 24 книги Пандект», оставил также труд о мерах и весах «О монете». Budet G. Budet G. Annotationes in quattuor et viginti Pandectarum libros // Opera. P., 1557. III, 73.

²⁶ Кассиодор Флавий Магн Аврелий Сенатор (490—575) — политический деятель и ученый. Выходец из италийских землевладельцев сделал блестящую карьеру при дворе остготских королей — при Теодорихе Великом стал консулом (514 г.) и префектом двора. В 533 г. стал префектом претория. Ритор, поэт, философ, эпистограф. Написал «Историю готов», известную по сокращен-

ному тексту Иордана. Предпринял перевод «Иудейских древностей» Иосифа Флавия.

²⁷ Ситуация, возникшая во Фландрии, к этому времени была исключительной. После битвы при Бувине (1214 г.) и пленения графа Фландрского (Фернана Португальского) Фландрия фактически находилась в полной власти французских королей, а потому графиня Жанна I, унаследовавшая лен от отца (императора Латинской империи Балдуина), при любой возможности апеллировала к суду пэров. Историческая ситуация 1224 г. была следующей: пэры королевства Франции ходатайствовали, чтобы сановники короны при разборе жалобы одного из ее вассалов (вероятно, упомянутого Отманом вслед за Бюде Нигеллануса) против графини Жанны (текст Отмана об этом упоминает) не заседали вместе с пэрами. Возможно, это ходатайство возникло по просьбе самой графини, но было отклонено короной, вероятно, в силу особой ситуации с Фландрией.

²⁸ Явная ошибка Отмана: в 1216 г. царствовал Филипп Август. Речь идет о приговоре от 1216 г. относительно судебного процесса между графиней Шампани (вероятно Бланкой Наваррской, опекуни Тибо Песенника, которому было всего 14 лет) и Эраром де Бриенном, мужем племянницы умершего супруга Бланки Тибо III. Упомянуто это все было у Матвея Парижского.

²⁹ Людовик VI Толстый — французский король с 1108 г. Сын Филиппа I и Берты Голландской. Боролся с непокорными феодалами. Умер в 1137 г. Поскольку документ датирован 1216 годом, то речь идет о царствовании Филиппа Августа.

³⁰ Эд III Бургундский (1166—1218) — сын Юга III и Алисы Лотарингской, герцог с Бургундии.

³¹ Choprin R. *De domanio Franciaie*. 37, 4 P., 1572. Ссылки по изданию 1621 г. Шоппен Р. (1537—1606) — французский юрист.

³² Вообще говоря, пэры Франции делились на духовных и светских. Духовные пэры — это архиепископ Реймса, епископы Лана, Лангра, Шалона, Бове, Шартра. К светским пэрам в средневековье относились — герцог Аквитанский, герцог Бургундский, герцог Нормандский, граф Фландрский, граф Тулузский, граф Шампанский. Отман, прекрасно зная о существовании духовных пэров, объявляет это предрассудками. Здесь сказалось его отношение к католической церкви и ее иерархам.

³³ См. прим 21 к главе V.

³⁴ Sigibert. *Op.cit.* // MGH. SS, VI, 13, 56 f.

³⁵ Пьер Моклер (1191—1250), граф Бретани по браку с Алисой де Туар (1213 г.). Правнук Людовика VI (из рода графов Дрё), обладал непомерными политическими амбициями и систематически готовил мятежи знати.

³⁶ Томмазо Савойский, граф Фландрии по браку с Жанной Фландрской. Умер в 1259 г. Тоже периодически интриговал между английским и французским королем.

³⁷ Граф Шампани — Тибо IV Песенник, позднее король Наварры (1201—1253); граф Невер — Ги I де Шатийон; граф Блуа — Луи, сын Луи Шампанского и Алисы Французской; Монфор — Амори V; граф Вандом, вероятно, Жан III; граф Руси — Робер де Пьернон; Матье де Монморанси, коннетабль Франции (умер в 1230); Граф Суассон — вероятно, Жан де Фальви; Граф Сансер — Этьен I, двоюродный брат Тибо Шампанского.

- ³⁸ Choppin R. De domanio Franciae. 3, 19, 10. P., 1621, 405.
- ³⁹ Людовик X Сварливый (1289—1316) — король Франции с 1314 года. Сын Филиппа IV Красивого и Жанны I, королевы Наваррской.
- ⁴⁰ Сын Филиппа Красивого, в будущем король Филипп V Длинный.
- ⁴¹ Луи, граф Эврё (1276—1319) — сын Филиппа III и Марии Брабантской, дядя Людовика X.
- ⁴² Сын Филиппа Красивого, в будущем король Карл IV Красивый.
- ⁴³ Коннетабль — Гоше де Шатийон-сюр-Сен, граф Порсиан, коннетабль с 1302 (ок. 1250—1329).
- ⁴⁴ Бурбон, Робер де Клермон — младший сын Людовика IX и Маргариты Провансальской (1256—1318). Сеньор Бурбоннэ по браку с Беатрисой Бургундской; имел двух сыновей. Старший Людовик (1279—1341), первый герцог Бурбонский с 1327 г.; младший — Жан, граф де Клермон (умер в 1316 г.).
- ⁴⁵ Ги III де Шатийон, граф де Сен-Поль, двоюродный брат Гоше де Шатийона и Людовика Эврё; Миль де Нуайе — один из ближайших советников, родственник коннетабля. Умер в 1359 г.
- ⁴⁶ Эдуард II Английский (1284—1327), сын Эдуарда I и Леоноры Кастильской, король с 1307 г. Низложен и убит в 1327 г.
- ⁴⁷ Эд IV, сын Роберта II и Агнесы Французской (1280—1345). Герцог с 1315 г. Эд мог избегать этого совета, поскольку его сестра Маргарита была заключена в тюрьму и убита по распоряжению своего мужа Людовика X.
- ⁴⁸ Choppin R. De domanio Franciae. 3, 7, 10. P., 1621. P. 337.
- ⁴⁹ Речь идет о сыне Карла V, Жане Французском, герцоге Беррийском, в будущем регенте Франции (1340—1416). Этот апанаж был недолговечен — сыновья Жана потомства по мужской линии не оставили.
- ⁵⁰ Choppin R.. De domanio Franciae. 2, 11, 7. P., 1621. P. 333.
- ⁵¹ Иоанн II Добрый (1319—1364) — французский король с 1350 г., сын Филиппа VI и Жанны Бургундской. Вошел в историю как «король, потерявший Францию» после того, как попал в плен после битвы при Пуатье. Возвратившись на короткий срок во Францию под честное слово, возвел в герцоги Бургундские своего самого младшего сына Филиппа, сражавшегося мальчиком рядом с отцом в битве при Пуатье. Умер в Англии.
- ⁵² Филипп Валуа (1342—1404), четвертый сын Иоанна II и Боны Люксембургской, герцог Бургундский с 1363, граф Фландрии и Артуа по браку с Маргаритой Фландрской с 1382 г. Маргарита в первом браке была за Филиппом Руврским, последним герцогом Бургундским (его и упоминают в этой грамоте). Филипп Руврский умер в 16 лет в 1361 г., и герцогство стало выморочным. Бургундское графство отошло к Маргарите Фландрской.
- ⁵² Ibid, 3, 7, 4. P., 1621. P. 230.
- ⁵³ Ibid, 3, 7, 4. P., 1621. P. 336.

Глава XVIII

¹ Reginon. Op. cit. AD 806 // MGH. SS, I, 563, 64.

² Ibid, 70.

³ См. прим. 27 к гл. IX (X).

⁴ Карл был сыном Людовика от второго его вынужденного по политическим соображениям брака. Однако не было и речи о восхождении его на престол тогда, поскольку здравствовали оба старших сына Людовика от первого расторгнутого брака с Ансардой. Эти сыновья и унаследовали королевство, но быстро умерли. И только тогда пятилетний Карл был выдвинут как претендент на корону, но был отведен от престола сначала в пользу Карла III, а после его смерти в пользу Эда (Одо). Эймон рассказывает очень упрощенную биографию Карла.

⁵ Aimon. Op. cit. L. 5, Cap. 44. P., 1567. P. 727.

⁶ Reginon. Op. cit. L. 2 // MGH. SS, I, 557, 34.

⁷ Ibid, 764, 45.

⁸ Ibid, 765, 49.

⁹ Ibid, 766, 54.

¹⁰ Aimon. Op. cit. 4, 71. P., 1567. P. 424.

¹¹ Ibid. 436.

¹² Ibid, 440.

¹³ Aimon. Op. cit. // PL. T. CXXXIX. col. 573.

¹⁴ См. прим. 33 к гл. XIV.

¹⁵ Aimon. Op. cit. // PL. T. CXXXIX. col. 708.

¹⁶ Ibid. 744.

¹⁷ Aimon. Op. cit. P., 1567. P. 727.

¹⁸ Frodoard. Annales. AD 935 // MGH. SS, III, 190A.

¹⁹ Эдмунд (920—946) — король Англии с 940 г., дядя по матери Людовика IV Заморского.

²⁰ Гуго Великий, сын короля Роберта, один из могущественнейших феодалов Франции, глава дома Робертинов. Герцог Франции. Умер в 956 г.

²¹ Вероятно, бургундские родственники Робертинов.

²² Frodoard. Annales. AD 946 // MGH. SS, III, 200 A.

²³ Гуго Черный, сын Ришара Отенского, властитель Бургундии. Умер в 952 г.

²⁴ Речь идет о событиях 945 г., когда Людовик IV, едва избежав засады в Нормандии, был арестован Робертинами и находился в заключении под надзором турецкого графа Тибо несколько месяцев, а затем восстановлен в своих правах, быть может, не без вмешательства его шурина Оттона I.

²⁵ Frodoard. Annales. AD 946 // MGH. SS, III, 200 A.

²⁶ Ibidem.

²⁷ Ришар Нормандский (умер в 966 г.), герцог Нормандский с 942 года. Внук Роллона и Сын Вильгельма (Гийома) Длинный меч (892—942), герцога Нормандии с 931 г., выступавшего против Людовика IV

²⁸ С 961 года король Лотарь постоянно боролся с нормандским герцогом, обычно эти попытки кончались неудачно. Упомянут сын Гуго Великого Одо (Оттон), унаследовавший Бургундию с 956 г. (умер в 965 г.), и герцог Нормандский (с 942 г.) Ришар I (умер в 966 г.).

²⁹ Frodoard. AD. 961. Ibid.

Глава XIX

¹ Ульпиан см. прим. 7 к главе II.

² Dig., 48, 4, 11.

³ Inst., 4, 18, 3/

⁴ Juli P. Sententiae. L.V.

⁵ Возможно, эта цитата приводится и с намеком на те слухи о ворожке и ядах, которые распространялись о Екатерине Медичи, тем более, что они упоминаются и в памфлете-инвективе против нее, приписываемом А. Этьену.

⁶ Имеется в виду «Саксонский Капитулярий» Карла Великого.

⁷ Сократ — великий философ Древней Греции, разрабатывал проблемы этики. Был приговорен к смертной казни и принял яд.

⁸ Ксенофонт (430—355) — греческий историк и политик. Ученик Сократа. Восхищался строем Спарты, убежденный противник афинской демократии. Принял участие в походе Кира против Артаксеркса. Оставил сочинения «Анабасис», «Греческая история» и «Киропедия» (воспитание идеального правителя), среди прочих также и сочинение «Достопамятное» или «Воспоминания о Сократе».

¹⁰ Гомер. Илиада. II, 243 Агамемнон — мифологический персонаж, царь Микен из рода Атридов, брат Менелая. Согласно «Илиаде» возглавлял войска греков при осаде Трои.

¹¹ Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. III, 2 / Пер. С.И. Соболевского // Ксенофонт. Сократические сочинения. СПб., 1993. С. 110. Отман точно цитирует только первую часть фразы, опуская ее продолжение (у Ксенофонта речь идет о стратеге) и довольно сильно меняя дальнейшую его фразу («царь выбирается не для того, чтобы хорошо заботиться о себе, но чтобы и выбравшим его благодаря нему жилось хорошо»). Слова Отмана выделены жирным шрифтом.

¹² Исократ (436—338). Греческий оратор и публицист, ученик Сократа, закончил с собой после поражения греков при Херонее. Отман ссылается на его «Речь о мире» (Orat., I, 122).

¹³ Карл VI Безумный (1369—1422) — французский король с 1380 г., сын Карла V и Жанны Бурбонской. Отман намекает в этой главе на его безумие и подписанный им договор в Труа. О первом он подробнее рассказывает в главе XX, о втором в главе XXV. См. также примечания 28 к главе и к главе XXV.

¹⁴ Отман вспоминает о том, как Людовик IX во время крестового похода попал в плен при Массуре, а также о разгроме при Пуатье (1356 г.), когда в плен на поле боя был взят король Иоанн II, и о поражении при Павии (1525 г.), когда также на поле битвы был взят в плен Франциск I.

¹⁵ Библия. III книга Царств.

¹⁶ Сын Соломона, библейский царь. Библия. IV книга Царств.

¹⁷ Семирамида (конец IX в. до н.э.) — царица Вавилона, жена царя Ассира, потом регентша при своем сыне Ададнарари. Отман пользуется легендами.

¹⁸ Птолемей Авлет — египетский фараон, отец Клеопатры. Авлет в переводе означает — «играющий на флейте».

¹⁹ См. прим. 14 к этой главе.

²⁰ «Большие Французские хроники» — хроника, составлявшаяся по указа-

нию французских королей, содержала официальную государственную трактовку событий. *Grands Chroniques*. P., 1514, II, 169.

²¹ Брут Марк Юний (85—42 до н.э.) — политический деятель Рима эпохи упадка республики, республиканец. Покончил с собой после поражения при Фарсале в 42 г. до н.э. Сохранилось два тома его переписки с Цицероном.

²² Цицерон. Письмо к Бруту, II, V, 1. Пер. В.О. Горенштейна.

²³ Цицерон. О законах. III, VII, 15.

²⁴ Цицерон. Вторая филиппика против Марка Антония. XIV, 34 / Пер. В.О. Горенштейна // Цицерон. Речи. М., 1962. Т. II. С. 295.

²⁵ Отман идеализирует ситуацию: он не мог не знать о казни без суда и следствия коннетабля Рауля д'Э (1350 г.), тем более о беспрецедентном отказе от должности канцлера Мишеля де Лопиталья в ходе гражданских войн.

Глава XX

¹ См. прим. 1 к главе VI.

² Хедвиг была матерью, а не бабкой Гуго Капета.

³ Sigibert. *Op. cit.* // MGH. SS, VI, 353, 2.

⁴ Жена Карла — Агнеса де Вермандуа.

⁵ Лан всегда был главным владением и опорой Каролингов.

⁶ История восхождения Гуго Капета на престол у Отмана поднимается неоднократно, начиная с главы V. Вероятно, это отношение к «узурпации власти» Капетингами.

⁷ Sigibert. *Op. cit.* // MGH. SS, VI, 353, 2.

⁸ Aimon. *Op. cit.* P., 1567, 727—742.

⁹ Отман делает ошибку — Роберт Старый был не сыном, а братом короля Эда.

¹⁰ К этому сюжету Отман возвращается неоднократно. См. VI, VII главы.

¹¹ Речь идет о Данте. См. Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище. Песнь XX, 49 и далее. «Я был Гугон, Капетом нареченный... Родитель мой в Париже был мясник».

¹² Видукинд Корвейский. Деяния саксов. I, 30. «происходит он из знатного рода и принадлежит к людям могущественным и богатым». С. 144.

¹³ Легенда, по которой Робертины (Капетинги) происходили от Видукинда, точнее от его брата, существовала довольно долго.

¹⁴ Отман опять делает ошибку — Карл Простоватый был сыном не Карла Толстого, а Людовика Косноязычного. Карл Толстый не имел детей и наследников.

¹⁵ Отман искажает и исторические факты и сведения Видукинда. У Видукинда все наоборот — Эд выдает Арнульф королевские регалии, а Арнульф в благодарность, как говорит Видукинд, «получил владение своего господина». Эд был предельно далек от идеи посадить на трон Карла Простоватого на трон и уже не опекал его.

¹⁶ Видукинд Саксонский. Деяния саксов, I, 29 / Пер. Г.Э. Санчука. М., 1975. С. 143. Перевод Г. Санчука трактует слово «убит» как «ослеплен», хотя известно, что Роберт погиб в битве с войсками Карла.

¹⁷ Connani Fr. *Commentariorum*, II, 9. Basel. 1567. V. I, 172.

¹⁸ Коннан Франсуа — французский юрист, умер в 1551 г. Автор «Комментариев к вопросам гражданского права».

Глава XXI

¹ Фруассар Жан — французский хронист (1333—1400). Служил при дворе английского короля Эдуарда III, затем находился при дворах французской знати. Автор широко известной хроники, «певец рыцарства».

² Монстреле Ангерран (1390—1453) — бургундский хронист. Выходец из мелкого бургундского дворянства, был на службе у герцога Филиппа Доброго. В своем сочинении «Хроники Франции, Англии, Шотландии» продолжал хронике Фруассара.

³ Коммин Филипп де (1447—1511) — политический деятель Бургундии, позднее Франции при Карле Смелом, Людовике XI и Карле VIII. Автор широко известных «Мемуаров». В 1507 г. удалился от политической деятельности.

⁴ Жиль Н. (умер в 1503 г.) — французский историк. Автор «Хроник и анналов Франции».

⁶ Тацит. О происхождении германцев, 7 / Пер. А.С. Бобовича // Тацит. Сочинения. М., 1969. Т. I. С. 356.

⁷ Коммин Ф. Мемуары. IV, 1. Отман меняет смысл фразы Коммина, усиливая его мысль. В русском переводе она звучит так: «В Англии не взимаются никакие налоги, и сословия охотно и щедро помогают королю» / Пер. Ю.П. Малинина. М., 1987. С. 127.

⁸ Там же. V, 19. Там же. С. 210.

⁹ Бенедикти Г. — французский юрист, представитель тулузской школы права. Умер в 1500 г.

¹⁰ Бойе, Никола — французский юрист (1470—1539). Был профессором права в ряде французских университетов, в том числе Монпелье и Буржа. Специализовался по гражданскому праву, президент парламента Бордо (что отмечает автор). Оставил ряд сочинений. *Bohier N. Decisiones Burdegalensis*. Lyon, 1567.

¹¹ *Benedicti G. In cap. Ray. de test. Franciae comici commendatium*, 498-499. Lyon, 1575. I, 133—134.

¹² См. прим. 1 к главе X.

¹³ Там же, прим. 3.

¹⁴ Там же, прим. 5.

¹⁵ Там же, прим. 6.

¹⁶ *Polydore Vergil. De Anglica Historiae*. L., 1641. 463—464.

¹⁷ *Papon. J. Recueil d'arrests notables des cours souverains de France*. P., 1574. P. 212.

¹⁸ Источник не установлен.

¹⁹ *Gaguin P. De francorum regum gestis*. P., 1528. L.VIII, CXLII f.

²⁰ У Сейсея этого нет. Отман приписывает ему довольно известную в XVI веке книгу «Салический закон».

²¹ *Froissard J. Chroniques*. P., 1559. I, 42; *Papon. J. Recueil d'arrests notables des cours souverains de France*. P., 1574. P. 212; *Gaguin P. Op. cit* — см прим. к главе X.

²² Иоанн II см. прим. 51 к главе XVII.

²³ Карл, герцог Нормандский (будущий король Карл V), (1337—1380); Луи, герцог Анжуйский (будущий титулярный король Неаполя) (1339—1385); Жан, герцог Беррийский (1342—1416). Четвертый сын (будущий герцог Бургундский) попал еще мальчиком в плен с отцом.

²⁴ Froissard J. Op. cit. P., 1559. II, 400; Boucher J. Les Annales d'Aquitaine. Poitier, 1557. P. 118r-v; Gilles N. Chroniques et annales de France. P., 1551. II, XV f.

²⁵ Карл VI и Людовик Орлеанский (1372—1407).

²⁶ Жанна Бурбонская (1338—1377)

²⁷ Людовик II (не Филипп, как у Отмана), герцог Бурбонский (1337—1410).

²⁷ Froissart J. Op.cit. P., 1559. II,173; Boucher J. Les Annales d'Aquitaine. Poitier, 1557. P. 118v; Bouchart A. Les grands Annales ou chroniques parlans tant de Angleterre que de Bretagne. S.l., 1541. P. CXVIII. Ален Бушар — французский историк начала XVI в.

²⁸ В военном походе против герцога Бретани 3 августа 1392 года Карл внезапно обезумел и пытался убить окружающих его лиц. оттуда был переведен в Ле Ман, а затем в Париж. В дальнейшем разум то возвращался к нему, то снова покидал.

²⁹ Froissard J. Op.cit. P., 1559. II,157. Речь идет о герцоге Анжуйском Людовике (а не Аквитанском, которым являлся в это время формально король Англии). Герцог Бургундский см. выше сн. 52 к главе 17.

³⁰ Papon J. Recueil d'arrests notables des cours souverains de France.P., 1574. P. 298.

³⁰ Франциск I (1494—1547) — король Франции с 1515 г. При нем во Франции утвердился ранний абсолютизм, столь ненавистный Отману. Этим видно и объясняется его антипатия к королю, вошедшему в историю, прежде всего, как покровитель искусства и литературы.

³¹ Филипп Добрый (1396—1467) — сын Жана Бесстрашного и Маргариты д'Эно, герцог Бургундский. Стремился к расширению своих владений и превращению их в фактически независимое государство.

³² Хэмфри, герцог Глостер, младший брат английского короля Генриха V, регент Франции в малолетство Генриха VI. Умер в 1447 г. Его вражда с Филиппом началась из-за стремления Филиппа захватить владения своей двоюродной сестры Жаклины, графини Голландии и Эно, на которой женился Глостер.

³³ Параден Г. — французский историк (1510—1590). Автор «Бургундских annalов». См. Paraden G. Annales de Bourgoigne. l.3. Lyon, 1566. P. 697.

³⁴ См. прим.15 к Введению.

³⁵ Карл, герцог Беррийский, Нормандский и Аквитанский, младший сын Карла VII и Марии Анжуйской, враждовал с братом и участвовал во многих мятежах знати, недовольной абсолютистской политикой Людовика XI.. Умер в 1472 году.

³⁶ Bouchart A. Les grands Annales ou chroniques parlans tant de Angleterre que de Bretagne. S.l., 1541. P. 188v—189r.

³⁷ Карл VIII (1470—1498) — сын Людовика XI и Шарлотты Савойской, французский король с 1483 г.

³⁸ Анна Французская (де Боже), дочь Людовика XI и Шарлотты Савойской, регентша Франции в период малолетства брата, боролась с мятежами феодалов. Умерла в 1522 году.

³⁹ Людовик Орлеанский (будущий король Людовик XII) (1462—1515), сын герцога Карла Орлеанского и Марии Клевской — первый принц крови и муж Жанны, младшей дочери Людовика XI. Участник и глава феодальных мятежей в малолетство Карла VIII.

⁴⁰ Коммин Ф. Мемуары. V, 19; Bouchart A. *Les grands Annales ou chroniques parlans tant de Angleterre que de Bretagne*. S.l., 1541. L. IV. P. 199v—200r; Boucher J. *Les Annales d'Aquitaine*. Poitier, 1557. P. 166r-v.

⁴¹ Budet G. *De asse et partibus eius libri 5.* P., 1532. P. 476.

⁴² Du Moulin Ch. *Tractatus contractum et usefarum*. // Du Moulin C. *Opera*. P., 1681. V. II. F. 206. III. Дю Мулен — французский юрист (1500—1566).

⁴³ В сочинениях юриста Оффрие такого положения нет.

⁴⁴ Benedicti P. *Roy nutius de Testamentis*. Lugdunum (Lyon), 1575. I, 219

Глава XXII

¹ Бонифаций VIII (Бенедетто Каэтани) (1235—1303) — римский папа с 1294 г.

² Вероятно Отман (и его предшественники) пересказывают буллу от 18 ноября 1302 г. «Unam sanctam» по сочинению Н. Жила: Gilles N. *Op. cit.* P., 1551. I, CXIX.

³ Речь идет о том, в чью пользу должны были идти доходы от вакантных церковных должностей. Папство требовало возвращения денег от вакантных церковных должностей, с этого и начался его конфликт с французской короной.

⁴ Gilles N. *Chroniques et annales de France*. P., 1551. I, CXIX.

⁵ Rapon . J. *Recueil d'arrests notables des cours souverains de France*. P., 1574, 55v.

⁶ Дю Тийе Жан (ум. 1570) — французский историк. Представитель известной семьи эрудитов, советник парламента. Отман, очевидно, сознательно не говорит о его более высоких должностях на службе короля. Как историк отличался тем, что все свои положения строго подтверждал документами. Оставил сочинение по истории Франции, в котором рассматривал проблему зарождения французского этноса и генезис государственности (1548 г.).

⁷ Du Tillet J. *Les Memoires et Recherches*. P., 1578. V. II. P. 132.

⁸ Намек на эпизод из «Одиссеи» — волшебница Цирцея, дочь Гелиоса, опоила спутников Одиссея волшебным питьем, превратившим их в скотов.

⁹ Целестин V (Пьетро Анджелери) (ок.1215-1296) — римский папа, отрекся от понтификата в 1294 году по совету будущего Бонифация VIII. Был причислен к лику святых в 1313 году.

¹⁰ Гийом де Ногаре — советник Филиппа IV, его канцлер. Сенешалом никогда не был, эта должность упразднена с 1191 г. Умер в 1313 г.

¹¹ Walsingham T. *Historia Anglicana*. I, 49—204, I, 84—85. I, 98. L., 1863.

¹² Бенедикт XI (1240—1304) — римский папа. Понтификат в 1303—1304 г. Снял отлучение со всех, на кого наложил его Бонифаций, за исключением Ногаре.

¹³ Walsingham T. *Historia Anglicana*. Ibid, I, 28—34.

Глава XXIII

¹ Абсолютистская политика Людовика вызывала мятежи феодалов.

² Коммин Ф. Мемуары. I, 2 / Пер. Ю.П. Малинина. М., 1986. С. 9. Характерно, что Отман опускает конец фразы, по мнению Коммина она велась лишь *на словах* во имя блага королевства.

³ Ла Марш Оливье — французский хронист (1426—1501). Автор «Мемуаров». См. Коммин. Мемуары. I, 19; La Marche O. Memoires. Introd. Cap. 24; Gille N. Op. cit. P., 1551. II. FCI :

⁴ Жан III Бурбонский (ум. 1488); Шарль Беррийский см. прим. к главе XVII; Жан, граф Дюнуа (бастард Орлеанский), известный полководец эпохи Столетней войны и соратник Жанны д'Арк. (1402—1468); Филипп Добрый, герцог Бургундский см. прим. к главе XVII; Граф Невер упомянут ошибочно — хронисты называют графа Немурского — Шарля, сына Бернара д'Арманьяк и Леоноры Бурбонской (казнен в 1477 г.); Жан V д'Арманьяк, участник лиг, убит в 1473; Жан д'Альбре; граф Шаролэ — будущий Карл Смелый (1433—1477).

⁵ Галлиен де Пре — печатник, автор «Скандальной хроники». Gallien de Pret. Cron. scand. // Hauser H. Les sources de l'histoire de France. P., 1906. I, 87.

⁶ Ibid.

⁷ Марк Антоний (143—87 до н.э.) — консул 99 года, цензор 95, знаменитый оратор, противник Мария, убит по приказу последнего. Главный персонаж диалога Цицерона «Об ораторе». Дед триумвира Марка Антония.

⁸ Цицерон. Об ораторе. II, 199 / Пер. Ф.А. Петровского // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. С. 169.

⁹ Источник не установлен.

¹⁰ Gaguin J. De francorum regum gestis. P., 1528. L. 10, CCLXV.

¹² Grands Chroniques. P., 1514. IV, 2.

¹³ Gilles N. Chroniques et annales de France. P., 1551. II, CI.

¹⁴ В источнике отсутствует.

¹⁵ La Marche O. Op.cit. I, 35.

¹⁶ Коммин Ф. Мемуары. V, XIX / Пер. Ю.П. Малинина. М., 1986. С. 210.

¹⁷ Там же. Жирным шрифтом выделены слова, не принадлежащие Коммину и вставленные Отманом.

¹⁸ Budet G. Op.cit. P., 1532. P. 111.

¹⁹ Decis N. Recueil. 126, I. S. L., 1567. P. 217—218.

Глава XXIV

¹ См. главу XXII.

² Бенедикт XIII (1324—1423) — антипапа. Подлинное имя Пьетро ди Луна. Был избран в 1394 г. после смерти Климента VII кардиналами Франции, Испании и Кипра. Пизанский собор в 1409 г. сместил его, как и его конкурента Григория XII, а Констанцкий собор в 1417 году повторно низложил его. Бежал в Испанию, со своими сторонниками закрылся в крепости близ Валенсии. Умер почти в столетнем возрасте.

³ Имеется в виду великий раскол церкви и авиньонское пленение пап.

⁴ Платина — итальянский гуманист (Бартоломео Сакки) (1421—1481), находился на службе в курии, оставил сочинение, посвященное истории папства. “*Liber de vita Christi ac de vitis summorum pontificum omnium*” («Книга о жизни Христа и жизнеописания многих римских пап»). Изданное впервые в Венеции в 1479 г., оно было напечатано во Франции только в 1531 г. под названием «*De vitae et moris summorum pontificum historia*» («О жизни и нравах многих римских пап»).

⁵ Dietrich von Niem. *De schismate*. Basel, 1566. L. 3.

⁶ Monstrelet A. *De Memoirs*. P., 1857. L. I, 41-43. Следует особо отметить, что инсигнии, нарисованные вверх ногами, служили для бесчестия их носителя, подобно тому, как щит обесчещенного дворянина нередко прибивался вверх ногами.

Глава XXV

¹ Valerius Maxim. *Op. cit.* II, II, 7. В оригинале не та буква. Максим говорит о букве “С”.

² Budet G. *Annotationes in quattuor et viginti Pandectarum libros*. Basel, 1550, 99. В цитате слово, образованное от греческого глагола — *ὁμολογέω* соглашаться.

³ Офрие Жан — французский юрист XVI в., издатель и комментатор трудов другого юриста XIV в. — Дю Брейя.

⁴ Монтень Жан — французский юрист XVI в.

⁵ Шасне Ги (1477—1541) — французский юрист. Автор «Комментария к обычаям герцогства Бургундского». *Chassenet G. De Commentaria in consuetudinos ducatum Burgundiae*. Lyon, 1517.

⁶ Терруж Жан де — французский юрист, доктор права в Бокере. Отман издавал его трактат в Базеле в 1565 г. Известно его сочинение «Против мятежников своих королей».

⁷ Terre-Rouge J. de. *Tractatus*. I, I, X—XI. Basel, 1585. P. 83—84.

⁸ Генрих V Английский (1387—1422) — сын Генриха IV Ланкастерского и Мэри Бохен, английский король с 1413 года. После удачной военной кампании во Франции и разгрома французских войск при Азинкуре добился при поддержке герцога Бургундского подписания договора в Труа (1520 г.), согласно которому королем после смерти Карла VI должен был стать король Англии.

⁹ *Benedicti G. Roy nutius de testamentis*. Lugdunum (Lyon), 1575. I, 19

¹⁰ О Карле VI см. Прим. 27 к главе XIX.

¹¹ Екатерина Валуа, младшая дочь Карла VI и Изабеллы Баварской. Вышла замуж за Генриха V и вскоре овдовела, оставшись с десятимесячным сыном на руках. Впоследствии тайно вышла замуж и за придворного из своей свиты, за что была жестоко наказана советом регентов. Умерла в 1458 г.

¹² Отман здесь дает неверные отсылки к Своду. Титул «Об усыновлении» расположен в первой книге «Дигест», титул под названием, данным Отманом, отсутствует в третьей книге, и расположен в 48 («О лицах, которые подверглись запрещению и высланных или сосланных»). *Dig.*, 1, 7, 22; 48, 22, 3.

¹³ Иоанн Андреас (1270—1348) — знаменитый юрист. Выходец из бедной

и незнатной семьи, учился в Болонье. Специалист по каноническому праву. Друг Петрарки и Чино да Пистойя. Самое известное сочинение «Новеллы».

¹⁴ Панормитан (Николаус де Тедески) — итальянский юрист (1386—1455). Самый известный специалист по каноническому праву своей эпохи. Уроженец Катаньи, учился в Болонье и Падуе. Преподавал в Болонье, Парме, Сиене и Флоренции. Был членом папской делегации на Базельском соборе (1431 г.). Посол Альфонса Арагонского на Базельском соборе. Важнейший труд «Комментарии к 1—5 книгам «Декреталий»». *Panormitanus. Consilia*. Lyon, 1547. II, 3.

¹⁵ Ясон де Майано — итальянский юрист (1435—1519). Его основной труд: *Jason de Maiano. In secundam infortiati partem commentaria*. Venetia, 1573.

¹⁵ Корона Наварры действительно переходила по женской линии, но ситуация здесь определялась не только законами наследования. Салический закон был принят уже после коронации Филиппа V и, следовательно, отведения от наследования дочери Людовика Сварливого. Речь идет о Жанне II (1312—1348), дочери Людовика Сварливого и Маргариты Бургундской. Скандал с Нельской башней, судебный процесс против ее матери, заточение, а позднее, вероятнее всего, и убийство Маргариты бросали тень на законность рождения ее дочери.

¹⁶ Якоби Пьер — французский юрист XIV в. См. *Jacobi P. Rubricae*, 63, § 30. Basel, 1575. P. 281.

¹⁷ *Benedicti G. Consiliorum volumen primum*. Venetia, 1575..1, 17.

¹⁸ Гимье Косма. — французский юрист XV в.

¹⁹ Об этой ситуации см. прим. 1—7 к главе X.

²⁰ *Seyssal C. de. Op. cit.* P., 1961. P. 119.

²¹ *Ibid.* P. 143.

²² Гостиниенсис (кардинал Генрих де Сегузио) (1210—1271) средневековый юрист. Родился в Сюзе. Избран епископом Систерона в 1244 г., затем архиепископ Эмбрана (1250 г.), кардинал-епископ Остии (1266 г.). Преподавал каноническое право в университете Парижа, Тулузы, возможно, Болоньи. Автор «Комментария к первой — пятой книгам декреталий».

²³ Лауденсис Мартин — итальянский юрист XV века. *Laudensis M. Tractatus de confederatione, pace et conventionibus*. Pavia, 1506.

²⁴ *Dig.*, 1, 2, 11.

Глава XXVI

¹ Тацит. Жизнеописание Юлия Агриколы. 16 // Тацит. Сочинения. М., 1969. Т. I. С. 335. Речь идет о Британии и восстании под предводительством Боудикки.

² Бланка Кастильская (1188—1252), дочь Альфонса VIII Благородного и Элеоноры Английской, французская королева, жена Людовика VIII и мать Людовика IX. После смерти мужа осталась регентшей и вынуждена была бороться с феодальными мятежами, вдохновлявшимися бретонским графом Пьером Моклером и легитимизированным братом Людовика VIII Филиппом Юрпелем. Впоследствии сын поручал ей регентство, когда отправлялся в крестовый поход.

³ Choppin R. De domanio Franciae. P., 1621. 2, 9, 8.

⁴ Aimon. Op. cit. // PL. T. CXXXIX. col. 765.

⁵ Панормитан см. прим. к главе XXV.

⁶ Connon F. Op.cit. 1,8. Basel.1557. I, 43.

⁷ Хлодомир, король Орлеана. Сын Хлодвига и Клотильды, рано умер в 524 г.

⁸ Интерпретация Отманом этого фрагмента предельно показательна — он всю вину за случившееся возлагает на Клотильду, якобы пытавшуюся отстранить от короны своих сыновей. Между тем речь идет о кровавом сговоре двоих ее сыновей (пасынок в этом деле не участвовал) с целью захвата владений Хлодомира и Отман оправдывает убийц. Заметим, что в главе XI сам Отман излагает эти события более точно.

⁹ См. прим. 17 к главе XI.

¹⁰ Григорий, необычайно патетически описавший страшную сцену, отметил, что младшему удалось выжить и стать монахом.

¹¹ Григорий Турский. История франков. III, 18. Отман, вероятно, упоминает о дарениях Клотильды церкви для усиления негативной ее оценки.

¹² Эта мысль приводится у Тита Ливия (История. XXXIV, 11,13)

¹³ Теодорих Великий, король остготов с 516 г, умер в 526 г.

¹⁴ Речь идет об Амаласунте, дочери Теодориха (495/98—535). Отман, стремясь ее как можно более очернить, не только пересказывает все сказочные элементы ее биографии, приписанные ей Григорием Турским, но напоминает, что она — итальянка, не отмечая, что ее мать — сестра Хлодвига (Авдофледа). Реальная судьба Амаласунты была довольно печальной и мало что имеющей общее с этой басней. Она овдовела еще при жизни отца, стала регентшей при своем малолетнем сыне. После его смерти возвела вместе с собой на престол своего двоюродного брата Теодехада, который и приказал ее убить в 535 г. Авдофледа пережила дочь и мужа.

¹⁵ Григорий Турский. История франков. III, 31 / Пер. В.Д. Савуковой. М., 1987. С. 77.

¹⁶ Фредегонда см. прим. 6 к главе XVII. Обращаясь вновь к борьбе среди Меровингов конца VI века, Отман добавляет детали скандального характера, отсутствующие у Григория Турского, подчеркивая распутность королевы и ее жажду власти. Однако она не причастна к убийству своего мужа, не отравляла его брата Сигиберта (он был заколот, возможно, по ее наущению) и уж тем более не отравляла ядом его жену (Брунгильда пережила Фредегонду). Самое любопытное — это упоминание о гуннах. Отман идет вслед за Григорием, называя гуннами аваров, которые действительно вторглись в Галлию и были разбиты Сигибертом. Но Фредегонда не только не организовывала их вторжение, но в это время вообще еще не была королевой.

¹⁷ Aimon. Historia francorum // PL. T. CXXXIX. col. 780, 754; Anonimi Chronaca // PL. T. XLXII. col. 770.

¹⁸ Ошибка Отмана, на Хильперика, а Хильдеберта II.

¹⁹ Протадий — майордом Брунгильды, выходец из кругов галло-римской аристократии.

²⁰ Обвинения Отмана, мягко говоря, недостоверны. О борьбе внуков Брунгильды и смерти Тьерри III см. прим. 70 к главе XIV. Убийство Меровея не имеет отношения к Брунгильде. Меровея — правнук, а не внук Брунгильды.

²¹ См. прим. 11 к этой главе.

²² Greg. Tur. *Historiae francorum libri X appendix item sive liber XI*. Basel, 1568. XI, App. 29, 41.

²³ *Anonymi Chronicon St. Benigni Divionensis* // PL. T. CLXII. col. 766. Брунгильда была дочерью короля испанских вестготов Атанагильда.

²⁴ Плектруда была женой майордома Пипина Геристальского и принадлежала к знатному роду Гугобертидов. О ее распущенности ничего не известно. Пипин умер восьмидесятилетним стариком и определил своим наследником (возможно, по настоянию Плектруды) не Карла Мартелла (своего сына от наложницы), а внука. После его смерти Плектруда пыталась управлять и ей удалось заточить Карла Мартелла. Однако вскоре вынуждена была покориться Карлу Мартеллу.

²⁵ Речь идет не о Дагоберте II, а о Дагоберте III, сыне Тьерри. Пипин Геристальский сам сажал на престол королей по своему разумению. Дагоберт умер в 715 г., что означало необходимость поиска представителя рода Меровингов для провозглашения королем.

²⁶ Карл Мартелл (674—741) в это время еще не стал майордомом, отец завещал наследство внуку от законного сына Гримоальда (Теодебальду).

²⁷ *Aimon*. Op. cit. P., 1567, 388.

²⁸ Ситуация с Плектрудой была достаточно сложна. Она пыталась править за своего шестилетнего внука Теодоальда, но встретила с ожесточенным сопротивлением знати и попыткой смены династии Пипинидов майордомом Раганфредом. Австрийцы были разбиты, и только побег из заключения Карла Мартелла, пасынка Плектруды (он был сыном от жены второго ряда Альпиды) и его победы вернули Пипинидам их былой статус. Плектруда вскоре умерла.

²⁹ Отман и здесь нарушает историческую истину. Война была спровоцирована самим фактом появления даже не столько второй жены, сколько сына от этого второго брака. Людовик и Юдифь стремились наделить сына наследством, а это означало нарушение уже объявленной будущей системы раздела империи, определенной до рождения Карла Лысого. Роль Юдифи как королевы-матери невелика — она стала ею после смерти мужа в 840 г., когда ее единственный сын был уже взрослым, и умерла через три года — в год раздела империи, известного как Верденский договор (843 г.). Ее вмешательство в политику было при жизни мужа, но это не означало самостоятельного правления.

³⁰ Рициус Марко — итальянский историк (умер в 1500 г.). Автор «Истории королей франков». *Ritius M. De regibus francorum*. Basel, 1534, 28.

³¹ *Ottone. Chronicon* // MGH. SS, XXIII, 228, 3.

³² *Ricius M. De regibus francorum*. Basel, 1534, 28. О ситуации см. прим. к главе VII. Обвинение Юдифи в супружеских изменах муслировалось в нарративных источниках довольно часто, чаще всего называлось имя Бернарда Септиманского, что не помешало потом Карлу Лысому отрубить ему голову.

³³ Филипп Юрпель — сын Филиппа Августа от его третьей жены Агнесы Меранской. Брак церковью не считался законным, поскольку была жива королева Ингеборг, вторая жена Филиппа. Дети поэтому не считались наследниками. Филипп, обделенный незаконный сын, постоянно вмешивался во все возможные мятежи и заговоры против законной линии королевского дома. Умер в 1234 г.

³⁴ Фердинанд III Святой (умер в 1250 г.), король Кастилии, сын Беренгеры Кастильской (старшей сестры Бланки) и Альфонса Леонского. Племянник согласился помочь родственникам.

³⁵ Уже упоминавшийся Пьер Моклер, один из главных организаторов феодальных усобиц. Его претензии основывались на том, что он также был членом царствующей династии — правнук Людовика VI, внук графа Дрё. Граф Эврè — вероятно все же, граф Дрё.

³⁶ Joinville J. Op.cit., cap. 116.

³⁷ Вероятнее всего, речь идет о вдове Гуго I — единственной королеве Кипра, у которой могли быть судебные дела во Франции. Алиса Шампанская (умерла в 1246 г.) была дочерью Генриха I, участника III крестового похода, и вдовы Конрада Монферратского Изабеллы Иерусалимской. Его владения во Франции перешли брату, а затем к племяннику — знаменитому Тибо Песеннику, стороннику регентши Бланки.

³⁸ Маргарита Провансальская (умерла в 1295 г.), старшая дочь Рамона-Беренгера, графа Прованса и Элеоноры Савойской. Жена Людовика IX, вместе с ним принимала участие в крестовом походе. Бланка действительно стремилась воспрепятствовать ее участию в государственных делах и держать Людовика подальше от жены.

³⁹ Joinville J. Op. cit. Cap. 119.

⁴⁰ Изабелла Баварская, дочь Стефана Баварского и Тадеи Висконти. (Умерла в 1435 г.). Пожалуй, наиболее одиозная фигура среди французских королей средневековья. Была известна поистине развратным поведением. Некоторые ее любовники были казнены. Боролась за власть, действовала против Франции. Считалось (и, вероятно, не без основания), что именно она ответственна за подписание трагического договора в Труа, согласно которому после смерти Карла VI королем становился английский король. Отрицала законность собственного сына (будущего Карла VII). После смерти Карла VI поддерживала на французском престоле своего малолетнего внука — английского короля Генриха VI. Ориентировалась на союз с Бургундией.

⁴¹ Речь идет о борьбе вокруг совета регентов. Совет «принцев лилии» создавался в ту эпоху неоднократно, сначала из-за малолетства, а позднее безумия Карла VI. Претензии на регентство выдвигались братом короля Людовиком Орлеанским (убитым в 1407 г. по приказу двоюродного брата герцога Бургундского) и герцогами Бургундскими. Совет этот состоял только из принцев крови.

⁴² Все происходившее, описанное Отманом, было еще при жизни Карла VI. Изабелла не была вдовой. См. Monstrelet A. Memoirs. P., 1857. Cap. 168.

⁴³ Эти события происходили уже после ссылки в Тур. Изабелла объявила себя регентшей королевства и утвердила состав парламента. Филипп де Морвилье был не канцлером, а первым президентом парламента.

⁴⁴ Вся эта история почти полностью вымысел Отмана. Григорий Турский упоминает о Плацидине, жене епископа Аполлинария (сына Аполлинария Сидония), которая предложила Квинциану уступить епископство. Они добились передачи им епископства королем Тьерри I, но Аполлинарий умер через несколько месяцев. Расправа с Плацидиной была вызвана не преследованиями ее Квинциана, а политическим поражением ее сына Аркадия

(того самого, который осуществил убийство детей Хлодомира по приказу их дядей). У Пластидины «отобрали имущество и осудили на изгнание». Никакого отношения к королю Хильдеберту она не имела, тем более у Григория нет упоминания о том, что ее позорно унизили. Григорий Турский. История франков. III, 2, 12.

Глава XXVII

¹ Югурта — нумидийский царь в 118—106 гг. Воевал с Римом. Был разбит Марием и после триумфа был заключен в Мамертинскую тюрьму, где его уморили голодом.

² Seyssel C. de. Op.cit.1, 15. Paris, 1961. P. 123.

³ Коммин Ф. Де Мемуары. VI, 5 / Пер. Ю.П. Малинина. М., 1986. С. 238.

⁴ Эдуард I см. прим. 54 к главе 2.

⁵ Филипп Красивый (1268—1314) — французский король, всё свое царствование посвятил укреплению королевской власти и централизации страны.

⁶ Walsingem T. Op. cit. A. 1288. L., 1863, I, 28.

⁷ Коммин Ф. Де Мемуары. VI, 5 / Пер. Ю.П. Малинина. М., 1986. С. 127.

⁸ Bouchart A. Les grands Annales ou chroniques parlans tant de Angleterre que de Bretagne. S. I, P. 89.

⁹ Бартоло да Сассоферрато (1314—1357) — один из крупнейших теоретиков школы постглоссаторов, юрист. Ученик Чино да Пистойя, доктор с 1334 г., профессор права в Пизе и Перудже, специалист по гражданскому праву, представитель школы постглоссаторов. Оставил ряд сочинений и по проблемам политической теории (в силу чего был популярен во Франции эпохи гражданских войн), главный труд — комментарии к римскому праву. Из его школы вышел Бальд.

¹⁰ Джованни да Платеа — средневековый итальянский юрист (XV в.).

¹¹ Platea G. Da. Super tribus ultimis libris Codicis. Lyon, 1537. P. 61v.

¹² Источник не установлен.

¹³ Budet G. Annotationes in quattuor et viginti pandectarum libris. Basel, 1557. P. 96.

¹⁴ Connan F. Commentarium juris civilis. Basel, 1557. I, 14.

¹⁵ Речь идет о трактате Джона Фортескую “De laudibus Legum Angliae”.

¹⁶ Fortesque J. A learned commendation of the political laws of England. L., 1567. F. 126 v.

¹⁷ Ангерран де Мариньи — советник по финансам Филиппа Красивого. После смерти короля утратил свое могущество, впал в немилость и по навету Карла Валуа (брата умершего короля) был отдан под суд и повешен на виселице Монфокона в 1315 г.

¹⁸ Транскрипция Отмана, вероятно, речь идет о фараоне Хеопсе.

¹⁹ Ansegius. Capitularis regum francorum // MGH. LL. V. II, II, 44.

²⁰ Климент V (Бертран де Го) — епископ Кагора, был избран папой после смерти Бенедикта XI, при активной поддержке Филиппа Красивого. Перенес резиденцию папства из Рима в Авиньон в 1308 г. Понтификат в 1308—1314 гг.

²¹ Эйхард. Жизнь Карла Великого, 24 / Пер. М.С. Петровой // Историки эпохи Каролингов. М., 1999. С. 26.

- ²² Joinville J. de. Op. cit. Cap. 127.
- ²³ Наблюдатель — см. прим. 29 к главе XIII.
- ²⁴ Ordinationes regiae antiqua. P., 1551, 157.
- ²⁵ Апулей (124/125—180 гг. н.э.) — античный писатель, автор «Метаморфоз» и «Апологии».
- ²⁶ Ювенал Децим Юний (ок. 60—127) — римский сатирик. Оставил 16 сатир в 5 книгах.
- ²⁷ Budet G. Budet G. Annotationes in quattuor et viginti Pandectarum libros.. Basel, 1550, n.29.
- ²⁸ Цицерон. Об Ораторе. III, 19, 73 / Пер. Ф.А. Петровского // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. С. 279.
- ²⁹ Du Breuil G. Stilus supremae curiae Parlamenti Parisiensis. Cum novis annotationibus Caroli, Molinae et antiquiis additionibus. P., 1551, 131. Оффрие готовил к изданию этот труд юриста XIV в., поэтому Отман ссылается на него.
- ³⁰ В подлиннике стоит слово *coitus*, второе значение которого — заговор.
- ³¹ То есть 10 ноября.
- ³² Властелины Рима. Александр Север. XLIX, 1. V., 1992. С. 173.
- ³³ Seneca. De Beneficiis. I, IX, 5.
- ³⁴ См. прим. 22 к главе XV.

Указатель имен

- Август, римский император. 70, 80, 206, 215.
Августин, церковный деятель и писатель. 220.
Авдовера, первая жена Хильперика I. 247.
Авдофледа, сестра Хлодвига. 260.
Авентин (Турмайр Иоганн), историк эпохи Возрождения. 25, 26, 65, 78, 226.
Авзоний, позднеримский поэт. 25, 65, 212.
Авит, римский император. 212.
Авл Геллий, античный ритор. 134, 243.
Аврелиан, римский император. 25, 70, 71, 84, 206, 216, 223, 238.
Агамемнон, легендарный предводитель греков во время Троянской войны. 156, 252.
Аганон, советник Карла III Простоватого. 93, 228, 231.
Агафий Миринийский, византийский историк. 94, 101, 107, 231—233.
Агесилай, спартанский царь. 137, 244.
Агнеса Французская, герцогиня Бургундская. 250.
Агрикола Юлий, наместник Рима в Галлии. 24, 65, 67, 187, 208, 212, 214, 259.
Агрикола, немецкий гуманист. 229.
Агрикола. См. Флавий.
Агриппина Старшая, жена Германика. 211.
Ададнарари. 252.
Адальберга, принцесса лангобардов. 225.
Адальберт Иврейский, отец Беренгера Иврейского. 219.
Адальберт Тосканский, отец Гвидо Сполетского. 219.
Аднульфи, предводитель городского ополчения в Ананьи. 169.
Адо Вьеннский, средневековый хронист. 25, 79, 80, 88, 90, 91, 133, 140, 142, 189, 222.
Адриан, римский император. 209, 211.
Аиспранд, король лангобардов. 236.
Айстульф, король лангобардов. 144, 225, 247.
Александр Македонский. 145, 243, 247.
Александр Север, римский император. 202, 206, 264.
Алиенора, герцогиня Аквитанская, королева Франции, затем Англии. 237.
Алиса Французская, графиня Шампани. 191, 262.
Альбин, римский император. 206.
Альбре, Жан д', французский вельможа. 172, 257.
Альпаида, мать Карла Мартелла. 261.
Альфонс V Арагонский, король Неаполя. 259.
Альфонс VII, король Кастилии. 227.
Альфонс VIII, король Кастилии. 259.
Альфонс, король Леона, отец Фердинанда III Кастильского. 262.
Амаласунта, королева остготов, дочь Теодориха. 188, 260.
Амбиориг, галл, царь эбуронов. 60.
Амвросий св., епископ Милана. 25, 83, 224.
Амербах, Бонифаций, гуманист. 44.
Аммиан Марцеллин, античный историк. 25, 57, 61, 82, 105, 147, 207, 209, 223, 224, 248.
Амфиктион, легендарный греческий царь. 117.
Ангсарда, жена Людовика II, короля франков. 234, 251.
Андреа да Изерния, юрист. 27, 99, 233.
Андреас, Иоанн, юрист. 181, 185, 259.
Анжуйская Мария, королева Франции. 255.
Анжуйский Людовик I, герцог. 255.
Анжуйский, Франсуа Валуа, герцог. 11.
Анжуйский Роберт см. Роберт Сильный.
Анжу-Сицилийская Маргарита, графиня Валуа. 235.
Анна де Боже, дочь Людовика XI, регентша при своем брате Карле. 166, 256.
Ансейг из Фонтенеля, автор собрания французских законов. 27, 114, 238.
Ансельм, епископ. 160.
Антар, легендарный король франков. 80.
Антоний Марк, оратор, дед триумвира. 172, 257.
Антоний Марк, триумvir. 214, 253.
Антонин Пий, римский император. 69, 206, 215.
Антония Младшая. 210.
Аполлинарий Сидоний. 25, 70, 75, 80, 84, 148, 212, 216.
Аполлинарий, сын Аполлинария Сидония, епископ. 263.
Аппиан, римский историк. 67, 214.
Апулей, античный писатель. 200, 264.
Арагон-Сицилийская Леонора, 3-я жена Педро IV, короля Арагона. 239.
Арбогаст, легендарный франк. 105.
Аренгунда, королева франков. 211, 227.
Ариовист, царь свевов. 64, 211.
Аристотель, античный философ. 10, 24, 59, 111, 113, 115, 209, 237—239, 247.

- Аркадий, вельможа при франкских королях. 108, 188, 236, 263.
 Аркадий, римский император. 216, 236.
 Арманьяк Бернар д', граф Пардиак. 257.
 Арманьяк, Жан V, граф. 172, 257.
 Арнульф, епископ Меца. 217.
 Арнульф, император. 72, 88, 92, 161, 217—219, 228, 230.
 Артаксеркс, персидский царь. 252.
 Артуа, Маргарита, графиня Эвре. 234.
 Атанагильд, король вестготов. 261.
 Ательстан, англосаксонский король. 218—219.
 Атила, царь гуннов. 83, 224.
 Азий, римский полководец. 83, 84, 225.
 Баварская Изабелла, королева Франции. 192, 258, 262.
 Баварская, Маргарита Габсбург, герцогиня. 246.
 Баварский Стефан, герцог. 262.
 Баварский, Людвиг II Суровый, герцог. 246.
 Баварский, Людвиг IV, император. 143, 246.
 Баварский, см. Карломан.
 Базилина, мать императора Юлиана Отступника. 224.
 Бальбин, римский император. 206.
 Бальд, средневековый юрист. 95, 181, 183, 232, 263.
 Бартоло да Сассоферрато, средневековый юрист. 10, 16, 27, 43, 195, 232, 263.
 Батильда, королева франков. 219, 227, 230.
 Батильда, франкская принцесса и королева, жена Хильдериха II. 230.
 Беатриса Бургундская, дама Бурбоннэ. 250.
 Беатус Ренанус, немецкий гуманист. 26, 28, 65, 212, 250.
 Беда Достопочтенный, хронист. 66, 213, 222.
 Без Жан де, хронист. 25, 26.
 Без Теодор де, деятель Реформации. 7, 10, 20, 37.
 Бенедикт XI, римский папа. 256, 263.
 Бенедикт XIII, римский папа. См. также. 30, 176, 177, 257.
 Бенедикти, Гийом, французский юрист. 27, 163, 166, 180, 182, 183, 254.
 Беренгер II Итальянский, король. 219.
 Беренгера, королева Кастилии. 262.
 Берnard Септиманский, герцог. 261.
 Берта (Бертрада) Ланская, жена Пипина Короткого. 144, 247.
 Берта, дочь короля франков Хариберта, королева Англии. 235.
 Бертоальд, герцог. 108.
 Бертофледа, дочь короля Хариберта. 235.
 Бланка Кастильская, королева Франции. 191, 192, 237, 259, 262.
 Бланка Наварсская. 249.
 Бланка Французская, дочь Карла IV. 163, 234.
 Блуа, Луи де Шатийон, граф. См. Шатийон.
 Бобович А. С., переводчик. 208, 210—212, 214, 220, 225, 237, 254.
 Боден Жан, французский гуманист, историк и политический теоретик. 7, 10, 12, 13, 23, 30, 45—47, 221—223.
 Бодилон, франкский вельможа. 91, 230.
 Бозо Гунтрамн, должностное лицо. 132.
 Бозон, король. 243.
 Бойе, Никола, французский эрудит. 163, 179, 185, 254.
 Бонифаций VIII, римский папа. 48, 167—169, 171, 176, 256, 257.
 Бонифаций из Меца, епископ. 88.
 Боссоэ, Жак Бенигн, писатель и оратор XVII века. 12.
 Боудикка, царица бриттов. 259.
 Бохен, Мэри, мать Генриха V, короля Англии. 258.
 Брабантская Мария, королева Франции. 239.
 Брагинская Н.В., переводчик. 239.
 Бриннон, царь канинфатов. 77.
 Брунгильда, королева франков. 132, 133, 146, 188, 189, 227, 242—244, 248, 260, 261.
 Бруни Леонардо, итальянский историк-гуманист. 248.
 Брут, Марк Юний, политический деятель Древнего Рима. 158, 253.
 Бузирид, легендарный тиран. 54, 206.
 Бурбон, Робер Французский, граф Клермон. 151, 250.
 Бурбонская Жанна, королева Франции. 252, 255.
 Бурбонский, Жан III, герцог. 172, 252.
 Бурбонский, Людовик I, герцог. 250.
 Бурбонский, Людовик II, герцог. 164, 255.
 Бургундская Жанна, королева Франции. 250.
 Бургундская Маргарита, королева Наварры. 250, 259.
 Бургундский Жан Бесстрашный, герцог. 262.
 Бургундский, Карл Смелый, герцог. 172, 252, 257.
 Бургундский, Филипп Добрый, герцог. 165, 255, 257, 258.
 Бургундский, Филипп Отважный, герцог. 152, 165, 250, 262.
 Бургундский, Филипп Руврский, герцог. 152, 250.
 Бургундский, Эд III, герцог. 150, 151, 249.
 Бургундский, Эд IV, герцог. 250.
 Бургундский, Юг II, герцог. 249.
 Буркхард, епископ Вюрцбурга. 246.

- Бурьхард, коннетабль эпохи Меровингов. 146.
 Бушар Ален, средневековый историк. 26, 255.
 Буше, Жан, историк. 164—166.
 Бюде, Гийом, французский ученый-эрудит. 27, 117, 148, 149, 151, 166, 175, 179, 186, 195, 196, 199, 200, 239, 248, 249.
 Ваддо, майордом. 139, 245.
 Валент, римский император. 147, 215, 216, 222, 248.
 Валентиниан I, римский император. 79, 82, 147, 212, 222, 224.
 Валентиниан III, римский император. 83, 84, 224, 225.
 Валериан, римский император. 206
 Валерий Максим, историк. 178, 212.
 Вальдрада, наложница Лотаря II. 243.
 Вальрам (Венерик Верцеллин), хронист. 26, 137, 140, 141, 244.
 Вандом, Жан, граф де. 150, 249.
 Варнархер, майордом. 132, 242.
 Вассеус, Иоанн. 26, 119, 239.
 Вахо, король лангобардов. 240.
 Веллий Патеркул, римский историк. 212.
 Венерик Верцеллин. См. Вальрам.
 Вергилий Полидор, историк-гуманист. 118, 163, 239.
 Вермандуа Агнеса де 314. . 253.
 Вермандуа, Эрбер II, граф. 219.
 Верцингеторикс, вождь арвернов. 58, 59, 208.
 Веспасиан Флавий, римский император. 215.
 Видукинд Корвейский, хронист. 72, 130, 160, 161, 218.
 Визигарда, лангобардская принцесса, королева франков. 240.
 Визигаст, легендарный франк. 105.
 Викторин, деятель Рима поздней античности. 81, 223.
 Виллет, Жоффруа, французское должностное лицо. 198.
 Вильгельм I Нассау, принц Оранский. 49.
 Виндогаст, легендарный франк. 105.
 Висконти, Маттео. 246.
 Висконти, Тадея, герцогиня Баварская. 262.
 Вописк Флавий, римский историк. 70, 81, 116, 206.
 Вулканий Геллион, римский историк. 206.
 Вульфольд, майордом. 137, 244.
 Гаген Робер, французский историк. 26, 104, 131, 133, 147, 162, 164, 172, 176, 197, 200, 201, 242.
 Галла Плацидия, сестра римских императоров Аркадия и Гонория, мать императора Валентиниана III. 224.
 Галл, брат Юлиана Отступника. 224.
 Галлиен де Пре, печатник. 172, 257.
 Галлиен, император. 80, 81, 223.
 Галсвинта, королева франков. 243.
 Гальба, царь кельтов. 59
 Ганнибал, полководец Карфагена. 214.
 Гаско да Биерна, феодал в Южной Франции. 129, 241.
 Гаспаров М.Л. , исследователь и переводчик. 206, 211, 212, 214, 236, 238.
 Гауфрид, сенешал. 140, 245.
 Гвидо Сполетский, герцог. 73, 218, 227.
 Геласий, римский папа. 140, 246.
 Гелиогабал, римский император. 206.
 Геллен, легендарный король франков с 101, 231.
 Гелота, кельтский царь суэссенов. 60.
 Генрих I Птицелов, германский король. 128, 130, 219, 240.
 Генрих IV Франконский, император. 241, 245, 246.
 Генрих V Франконский, император. 128, 241.
 Генрих VI Гогенштауфен, император. 217, 220.
 Генрих I, король Англии. 118, 239.
 Генрих II Плантагенет, король Англии. 237, 245.
 Генрих III Плантагенет, король Англии. 212, 234, 241.
 Генрих IV Ланкастер, король Англии. 258.
 Генрих V Ланкастер, король Англии. 180, 241, 258.
 Генрих VI Ланкастер, король Англии. 255, 262.
 Генрих VIII Тюдор, король Англии. 239.
 Генрих II Валуа, король Франции. 194.
 Генрих III Валуа, король Франции. 11, 41.
 Генрих Молодой, сын Генриха II Английского. 245.
 Генрих Наваррский (Генрих IV, король Франции). 15.
 Генрих Шампанский, король Иерусалимский. 262.
 Герберга Саксонская, королева Франции, сестра Оттона I. 218.
 Германик, сын Друза, римский полководец. 212.
 Германн, еп. Меца. 141.
 Геродот, греческий историк. 117, 239.
 Гесиона, мифологический персонаж, сестра Приама. 206.
 Гессенский Филипп, ландграф. 14.
 Гета, римский император. 206.
 Гиз, Шарль де, кардинал Лотарингский. 16.
 Гизела, мать Беренгера II. 219
 Гизы. 9, 11, 16, 20.
 Гийом Длинный Меч, герцог Нормандии. 155, 251.
 Гийом, еп. Парижа. 150.
 Гийом, сенешал Роберта II, короля Франции. 245.

- Гимье, Косма, французский юрист. 183, 259.
 Глареан (Генрих Гларусский), швейцарский гуманист. 64, 212.
 Голландская Берта, королева Франции. 249.
 Гомер, древнейший эпический поэт. 24, 117, 156, 206, 252.
 Гонорий, римский папа. 204.
 Гонорий, римский император. 80, 82, 83, 220, 223, 224.
 Гонтран, король франков. 102, 106, 111, 235, 222, 238.
 Горенштейн В.О., переводчик. 206, 222, 238, 253.
 Гостиниенсис, Мартин, средневековый юрист. 185, 186, 259.
 Готфрид Витербский, средневековый хронист. 26, 72, 73, 79, 80, 89, 90, 92, 93, 100, 102, 138, 141, 142, 189, 217.
 Готье, еп. Лангра. 150.
 Готье, архиеп. Санса. 150.
 Готье, еп. Шалона. 150.
 Готье, еп. Шартра. 150.
 Грациан, римский император. 82, 203, 212, 224, 232, , 248.
 Григорий I, римский папа. 213.
 Григорий VII, римский папа. 141, 246.
 Григорий XI, римский папа. 232.
 Григорий XII, римский папа. 258.
 Григорий Турский, хронист. 23, 25, 33, 64, 66, 74, 79, 80, 84, 88, 89—91, 100, 102, 107, 108, 111, 126, 127, 132, 136, 139, 146, 188, 189, 211, 220, 223, , 226, 227, 229, 233, 235, 236, 237, 242, 245, 248, 260, 263.
 Гримоальд, майордом, сын Пипина Геристальского. 132, 242.
 Грифон из рода Каролингов. 102, 233, 234.
 Гуго Великий, герцог. 134, 154, 155, 159—161, 225, 228, 253.
 Гуго де Лузиньян, король Кипрский. 262.
 Гуго Капет, король Франции. 36, 84, 88, 147, 159—161, 225, 228, 253.
 Гуго Лотарингский, сын Лотаря II. 134, 243.
 Гуго Провансальский. 219.
 Гуго Черный. 155, 231, 251.
 Гулар Симон, протестантский издатель. 10, 28, 38, 205, 208.
 Гундовальд, герцог. 139, 245.
 Гундовальд, непризнанный сын Хлотаря I. 89, 100, 139, 233.
 Гунибальд, легендарный франкский хронист. 26, 80, 84, 86, 90, 91, 94, 101, 126, 139, 143, 222, 225, 230.
 Дагоберт, сын Хильдеберта II. 229.
 Дагоберт I, король франков. 72, 87—89, 100, 102, 108, 126, 137, 217, 228, 230, 234, 244, 245.
 Дагоберт II, король франков. 190, 244, 261.
 Дагоберт III, король франков. 261.
 Дамарат, отец Тарквиния Древнего. 208.
 Даниил см. Хильперик II.
 Данте, великий итальянский поэт. 253.
 Датская Ингеборг, вторая жена Филиппа Августа, королева Франции. 262.
 Деотерия, жена короля Теодоберта. 126, 240.
 Девкалион, отец Амфиктиона. 117.
 Дезидерий, король лангобардов. 224.
 Демосфен, древнегреческий оратор и политический деятель. 135, 243, 244.
 Децис Никола. 175.
 Дивитиак, кельт. 60, 61.
 Диоклетиан, римский император. 116, 221, 238.
 Дион Кассий, римский историк. 220.
 Дионисий Галикарнасский. 116, 238.
 Дитрих Нимский немецкий клирик. 28, 176, 232.
 Домициан, римский император. 221, 247.
 Думиориг, кельт. 57, 61.
 Дю Белле, Гийом французский полководец и писатель. 77, 221.
 Дю Брей, Гийом, средневековый юрист. 27, 258.
 Дю Мулен, Ги, юрист и историк. 186.
 Дю Мулен, Шарль, французский юрист. 166, 256.
 Дю Тийе Жан, французский ученый. 168, 256.
 Дюнуа, Жан Орлеанский, граф. 172, 173, 257.
 Дюплесси-Морнэ Филипп, французский теоретик протестантизма и политический деятель. 10.
 Дюранд Гийом, юрист. 95, 129, 198, 199, 232, 241, 264.
 Евмений, галльский ритор. 74, 220.
 Еврипид, древнегреческий драматург. 206.
 Евсевий, христианский писатель. 213.
 Евтропий, позднеантичный историк. 69, 75, 81, 215, 220, 223, 225.
 Екатерина Валуа, королева Англии. 180, 258.
 Елизавета I, королева Англии. 15, 49.
 Жаклина, графиня Голландии и Эно. 255.
 Жан Бурбонский см. Бурбонский Жан
 Жан Французский, герцог Берри. 165, 250, 255.
 Жанна Французская, королева Наварры. 182, 183, 191, 251.
 Жанна Французская, герцогиня Орлеанская. 256.
 Жанна Наваррская, королева Франции. 234, 250.
 Жантийе, Инносанс, французский политический теоретик и юрист. 10.

- Жебелев А.С. , переводчик трудов Аристотеля. 237.
- Жиль, Никола, французский историк. 167, 254.
- Жуанвиль, Жан, хронист. 111, 191, 192, 198, 237.
- Захария, римский папа. 27, 66, 89, 140—143, 213, 119, 246.
- Зонара, Иоанн, византийский историк. 25, 75, 81, 220, 223.
- Зосима, античный историк. 25, 76, 82, 224.
- Зурита Херонимо, арагонский историк. 26, 27, 30, 78, 119—121, 222, 239.
- Ив Шартрский, епископ 128, 240. .
- Иванов С.А. переводчик. 208.
- Иероним, церковный писатель. 25, 62, 65, 71, 210, 213, 216.
- Изабелла Иерусалимская. 262.
- Изабелла Французская, королева Англии. 104, 163, 183, 234.
- Иларий, епископ Пуатье. 71, 216.
- Ингунда, королева франков. 226.
- Иннокентий III, римский папа. 220.
- Иоанн II Добрый, король Франции. 151, 157, 158, 164, 250, 252, 255.
- Иоанн XXII. 246.
- Иордан, готский историк. 249.
- Иосиф Флавий, историк. 67, 69, 213—215, 249.
- Иреней, епископ Лиона. 66, 212.
- Исидор Севильский. 222.
- Исократ, греческий ритор. 24, 156, 252.
- Каламантед, галл. 60.
- Калигула Гай Цезарь, император. 64, 210, 212.
- Каллисфен, греческий историк. 145, 247.
- Кальвин Жан, один из крупнейших деятелей Реформации XVI в. . 10, 13.
- Камилл, Марк Фурий, политический деятель Древнего Рима. 67, 213, 214.
- Капет см. Гуго Капет.
- Капитолин Юлий, римский историк. См. Юлий Капитолин.
- Капрарис Витторио де, современный исследователь. 10.
- Каравзий. 75.
- Каракалла, римский император. 206, 215.
- Карл I Великий, король франков и император. 26, 27, 35, 66, 71—73, 78, 80, 84—86, 92, 94, 95, 99, 102, 103, 105, 110, 126, 127, 130, 133, 134, 138, 140, 144, 146, 147, 153—155, 197, 198, 201, 205, 213, 217—219, 225—227, 231, 233—235, 240, 245, 252, 264.
- Карл II Лысый, король Франции. 71, 78, 130, 131, 190, 217, 218, 228, 131, 241, 242, 261.
- Карл III Толстый, король франков. 92, 160, 161, 217, 2228, 230, 251, 253.
- Карл III Простоватый, король Франции с/ 30, 72, 87—89, 93, 153—155, 161, 217—219, 227—231, 251, 253.
- Карл IV, король Франции. 104, 163, 182, 234, 250.
- Карл V, король Франции. 66, 164, 174, 213, 250, 255.
- Карл VI, король Франции. 157, 164, 165, 176, 180, 184, 192, 252, 255, 258, 262.
- Карл VII, король Франции. 152, 180, 182, 201, 255, 262.
- Карл VIII, король Франции. 166, 242, 254, 256.
- Карл IX, король Франции. 21, 221.
- Карл Валуа. 182, 183, 235, 263.
- Карл Датский, граф Фландрии. 128, 241.
- Карл Лотарингский, брат короля Лотаря. 88, 159, 160, 228, 253.
- Карл Мартелл, майордом. 143, 190, 213, 229, 233, 236, 261.
- Карл Французский, герцог Берри. 165, 172, 255, 257.
- Карл, сын Карла Великого. 130, 226, 234.
- Карломан Баварский. 217.
- Карломан, брат Пипина Короткого. 153, 230, 234.
- Карломан, король Франции. 134, 154, 228, 234, 243.
- Карломан, сын Пипина Короткого. 86, 102, 103, 144, 153, 213, 227, 234.
- Кассиодор. 148, 248.
- Кастик, царь кельтов. 60.
- Кастро де, Гарсиа. 120.
- Катананталед, царь кельтов. 60.
- Катон Цензор, римский политический деятель. 57, 188, 189, 207.
- Казтани см. Бонифаций VIII,
- Квинтилиан, античный ритор и писатель. 62, 210.
- Квинциан, епископ. 192, 263.
- Кедрин Георгий, византийский историк. 25, 109, 127, 236.
- Кельгилл, кельт. 59.
- Кир, персидский царь. 252.
- Клавдиан, позднеримский поэт. 25, 74, 79, 80, 148, 220, 236.
- Клеопатра, царица Египта. 252.
- Клермон, Рауль де Нэль. 248.
- Климент V, папа. 264.
- Климент VII, папа. 257.
- Клотильда. См. Хлодезинда
- Клотильда, королева франков, жена Хлодвига I. 23, 108, 188, 233, 236, 260.
- Кнабе Г.С. , переводчик и исследователь. 221, 222, 224.
- Коммин Филипп де, историк и политический деятель. 26, 162, 166, 171, 172, 174, 175, 194, 254, 256, 257, 263.

- Коммод, римский император. 206.
 Конде, Генрих I де Бурбон, принц. 48.
 Конде, Луи I де Бурбон, принц. 15.
 Кондратьев С. Н., переводчик. 210.
 Коннан Франсуа, юрист. 27, 161, 196, 254.
 Конрад III, император. 128, 241.
 Константин I Великий, император. 71, 74, 81, 82, 221, 223.
 Константин II, сын Константина. 82, 223.
 Константин VII Порфирородный. 219.
 Констанций II, император. 224.
 Констанций, полководец, отец Валенти-
 ниана III. 224.
 Констанция Альтавила, императрица.
 220.
 Кранц, Альберт, немецкий ученый. 26, 78,
 146, 176, 222.
 Кристиан II, король Дании. 21.
 Критогаат, галл. 68.
 Ксенофонт, античный историк и фило-
 соф. 24, 156, 158, 252.
 Кулаковский Ю., переводчик. 209, 248.
 Куспиниан, Иоганн, немецкий гуманист. 222.
 Ла Марш, Оливье, бургундский хронист.
 172, 173, 257.
 Ламберт Герсфельдский, средневековый
 хронист. 140, 246.
 Ландри, франк. 189.
 Ландульф Хитроумный, средневековый
 хронист. 140, 236, 252.
 Лауденсис Мартин, юрист. 185, 259.
 Левдаст, франкский граф. 146.
 Легар, епископ. 217.
 Лемер де Бельж Ж. . 221
 Леодигизил. См. Левдаст.
 Леонора Кастильская, королева Англии—
 см. Элеонора.
 Леруа, Луи, французский гуманист. 10, 45.
 Лефевр д'Этамп Жан, французский гума-
 нист. 212.
 Ливий Тит, историк. 25, 55, 59, 63, 67, 207,
 208, 210, 214, 215.
 Ливия, римская императрица, жена Авгу-
 ста. 215.
 Лисандр, спартанский полководец. 137, 244.
 Лиутпранд Тессенский, хронист. 72, 73,
 87, 219.
 Лиутпранд, король лангобардов. 236.
 Лициний, римский император. 82, 223.
 Лопиталь Мишель де, французский поли-
 тический деятель и гуманист. 7, 15, 47,
 221, 253.
 Лотарингский кардинал. См. Гиз.
 Лотарь I, император и король франков.
 133, 161, 190, 218, 231, 235, 236, 242.
 Лотарь II, король франков. 219, 243.
 Лотарь, король Франции. 88, 93, 218, 251.
 Лука дела Пенна, средневековый ита-
 льянский юрист. 99, 195, 233.
 Лукан, римский поэт. 109, 236.
 Луна, Пьетро де. См. Бенедикт XIII.
 Людвиг Баварский, император. См. Ба-
 варский. Людвиг
 Людовик I Благочестивый, император. 73,
 86, 93, 114, 131, 132, 133, 136, 157, 154,
 190, 217, 226, 231, 234, 238, 241—243, 261.
 Людовик Немецкий, сын Людовика I Бла-
 гочестивого. 93, 230, 231.
 Людовик Младший Немецкий, сын Людо-
 вика Немецкого. 147, 154, 243, 248.
 Людовик III Дитя, последний Каролинг в
 Восточно-Франкском королевстве. 217.
 Людовик II Косноязычный, король фран-
 ков. 88, 93, 103, 131, 133, 134, 153, 154,
 217, 218, 228, 234, 241—243, 251, 253.
 Людовик II, король франков. 103, 204, 234.
 Людовик III, король франков. 234, 243.
 Людовик IV Заморский, король Франции.
 154, 155, 218, 219, 250, 251.
 Людовик V, король Франции. 88, 159, 225,
 228.
 Людовик VI, король Франции. 236, 237,
 249, 262.
 Людовик VII, король Франции. 110, 230,
 237, 243.
 Людовик VIII, король Франции. 191, 237,
 259, 260.
 Людовик IX Святой, король Франции.
 111, 131, 150, 157, 187, 191, 198, 237, 250,
 252, 260, 262.
 Людовик X, король Франции. 150, 182,
 196, 197, 200, 250, 259.
 Людовик XI, король Франции. 37, 165,
 171, 172, 175, 187, 194, 201, 207, 242, 254.
 Людовик XII, король Франции. 185, 248,
 256.
 Людольф, сын императора Оттона I. 219.
 Люксембургская, Бона, первая жена Ио-
 анна II, короля Франции.
 Люксембургский, Генрих VII, император.
 246.
 Люксембургский, Карл IV, император. 247.
 Люций Вер, римский император. 206.
 Макиавелли, Никколо, итальянский гума-
 нист. 10, 19.
 Максимилиан II, император. 15.
 Макриан, король франков. 82.
 Макрин, римский император. 54, 206, 207.
 Максенций, римский император. 221.
 Максим Магн, узурпатор. 83, 84, 224.
 Максим, римский император. 83, 206.
 Максимиан, римский император. 76, 206,
 221.
 Максимин, римский император. 76, 206, 223.

- Маларих, франк. 82, 223.
 Марий Гай, римский полководец. 225, 257, 263.
 Маринео, Лука. 119.
 Мариныи, Ангерран, советник Филиппа Красивого. 197, 263.
 Марковейфа, жена короля Хариберта. 247.
 Марсилиий Падуанский, итальянский мыслитель. 27, 28, 143, 246.
 Марцелл, полководец и политический деятель Древнего Рима. 67, 214.
 Марциан, римский юрист. 135, 243.
 Массон, Папир, французский гуманист. 23, 41, 42, 43, 145, 202, 247.
 Матарель, Антуан, французский юрист. 38, 39, 41, 202, 247.
 Маханьков И.И., переводчик. 210.
 Медичи Екатерина, королева Франции. 8, 41, 247, 252.
 Меллобавд, король франков. 82.
 Менелай, мифологический персонаж, брат Агамемнона. 252.
 Меранская Агнеса, третья жена Филиппа Августа. 262.
 Меркофледа, сестра Марковейфы, жена короля Хариберта. 248.
 Меробальд, франкский король. 224.
 Меровей, основатель рода Меровингов, король. 83, 84, 224.
 Меровей, правнук Брунгильды. 189, 224.
 Меровей, сын короля Хильперика I. 189, 261.
 Монк, Робер де, монах-хронист. 223.
 Монморанси, Матье де. 150, 249.
 Монстреле, Ангерран де, бургундский хронист. 26, 162, 173, 176, 180, 192, 254.
 Монтень, Жан де, французский юрист. 179, 258.
 Монтень, Мишель, французский гуманист. 8.
 Монферратский, Конрад, маркиз. 237, 262.
 Монфор Амори де, граф. 150, 249.
 Монфор Симон де, граф 298. . 230.
 Морвилье, Филипп де, юрист. 192.
 Моритасгус, король кельтов. 60.
 Муций Генрих, немецкий гуманист и издатель 24, 28, 85, 226.
 Мюнстер Себастьян, эрудит XVI века. 21.
 Навклер, Иоанн, историк. 26, 71, 85, 126, 216.
 Нантильда, королева франков. 107, 227.
 Нарсес, византийский политический деятель. 235.
 Невер, Жан де. См. Шатийон.
 Немурский, Шарль д'Арманьяк-Пардиак, герцог. 257.
 Нерон Тиберий Клавдий, император. 49, 59, 69, 207, 238.
 Нигелланус, Иоанн. 148.
 Нин, царь Вавилонский. 157.
 Нитхард, франкский историк. 26.
 Ногаре, Гийом де, советник короля Филиппа Красивого. 169, 256.
 Ноткер Заика, монах-хронист. 240.
 Нонтен, Пьер. 198.
 Нуайе, Миль де, советник Филиппа Красивого. 151, 250.
 Нума Помпилий, римский царь. 200.
 Обинье, Агриппа д', французский гуманист, поэт и историк. 8, 10.
 Овидий, Публий Назон. 54, 206.
 Олловик, кельтский царь. 60.
 Ольдрадус да Понте, средневековый итальянский юрист. 27, 97, 232.
 Орлеанская, Бланка Французская, герцогиня— см. Бланка Французская.
 Орлеанская, Мария Клевская, герцогиня. 256.
 Орлеанский, Карл Валуа, герцог де. 256.
 Орлеанский, Людовик Валуа, герцог де. 166, 255, 266.
 Орлеанский, Людовик Валуа, герцог де (см. также Людовик XII). 166, 256.
 Орозий Павел, церковный писатель. 76, 82, 220.
 Отгива Английская, королева Франции. 218, 219.
 Отман Жан, французский юрист. 14.
 Отман Франсуа. 7, 9, 10, 12—49, 51, 56, 205—208, 213—218, 221, 223, 226—233, 235—246, 249, 252—254, 256, 258—264.
 Оттон I, император. 130, 159, 218, 219, 241, 251.
 Оттон Фрейзингенский, средневековый хронист. 24, 26, 65, 71—73, 84, 88, 89, 92, 100, 102, 103, 128, 141, 142, 190, 212, 217.
 Оффие Жан, французский юрист XVI в. . 166, 179, 256, 258, 264.
 Ошероу С. А., переводчик. 238.
 Павел Диакон, историк. 84, 110, 225, 236, 245.
 Пакат Дрепанний, галльский ритор. 25, 70, 216.
 Пакье, Этьен, французский историк-гуманист. 8, 10, 23, 30, 44.
 Панормитан, средневековый юрист. 27, 181, 188, 259, 260.
 Пап Ги, французский юрист. 27, 95, 232.
 Папон, Жан, французский юрист. 97, 104, 163, 164, 165, 168, 232.
 Параден, Гийом, французский историк. 165, 255.
 Парин А., переводчик. 206.
 Парис де Путео, итальянский юрист XV в. 27, 99, 233.
 Пасхалий II, римский папа. 231.

- Педро Арагонский. 121, 122, 239, 240.
 Перетерский И.И., юрист и переводчик «Дигест». 244.
 Пертинакс, римский император. 206.
 Петр Ломбардский, церковный и политический деятель. 110, 236.
 Петрова М.С., переводчик сочинения Эйнгарда. 217, 226, 233, 235, 240, 245, 264.
 Петровский Ф. М. , переводчик трудов Цицерона. 257, 264.
 Пипин Геристальский, майордом франков. 190, 217, 242, 261.
 Пипин Короткий, король франков. 43, 66, 72, 86, 88, 89, 100, 102, 103, 128, 134, 138, 140—144, 147, 153, 155, 213, 218, 230, 233, 234, 236, 245—247.
 Пипин Ланденский, майордом. 71, 217.
 Пипин, сын Карла Великого. 110, 234.
 Пипин, сын Людовика Благочестивого. 133, 226, 231, 234.
 Писон Аквитанский, кельт. 60.
 Платеа Джованни да, итальянский юрист XV в. 195, 263.
 Платина Бартоломео, итальянский гуманист. 26, 176, 258.
 Платон, античный философ. 24, 54, 60, 62, 113, 114, 118, 206, 209, 210, 237, 239.
 Плацидия, мать Аркадия. 192, 263.
 Плектруда, жена Пипина Геристальского. 190, 261.
 Плиний Старший, античный ученый. 63, 64, 71, 75, 117, 148, 211, 220, 238.
 Плутарх, античный историк. 24, 67, 85, 137, 214, 225, 244.
 Покровский М.М., переводчик. 208.
 Полибий, греческий историк. 24, 56, 57, 60, 113, 207, 238.
 Поллион Требеллий, историк. 63, 81, 206, 223.
 Помпей Трог, античный историк. 210, 214, 234.
 Помпоний Лэт, итальянский гуманист, историк-эрудит. 26.
 Помпоний Секст, римский юрист. 116, 162, 238.
 Постум, правитель Галлии. 81, 216, 223.
 Проб, римский император. 76, 216.
 Провансальская Маргарита, королева Франции. 191, 192, 250, 260.
 Прокопий Кесарийский, историк. 25, 75, 78, 220, 222.
 Протадий, майордом королевы Брунгильды. 189, 261.
 Птолемей Август, античный ученый. 24, 71, 77, 216.
 Птолемей, египетский царь. 157, 252.
 Приам, легендарный царь Трои. 77, 221.
 Пьер Моклер, граф Бретани. 150, 195, 249, 260, 262.
 Пьетро да Винеа, советник императора Фридриха II. 73, 101, 219.
 Рагнетруда, мать Сигиберта, сына Дагоберта, короля франков. 227.
 Радагайс, предводитель германских племен. 220, 224.
 Ранульф Аквитанский. 217.
 Регинон, аббат, хронист. 25, 33, 73, 86—88, 93, 100, 102, 103, 110, 130, 131, 140, 144, 146, 153, 218.
 Ремигий (Реми) св. , церковный деятель в период правления Хлодвига. 80, 88, 93, 150, 233.
 Ригунта, дочь Хильперика I. 139, 245.
 Рикимер, король вестготов. 239.
 Рикимер, легендарный сын короля Хлогона. 101, 231.
 Рициус Микеле, итальянский историк-гуманист. 190, 261.
 Ричард Львиное Сердце, король Англии. 111, 112, 237.
 Ришар Бургундский. 88, 94.
 Ришар Отенский. 94, 228, 231, 251.
 Ришар, герцог Нормандский. 155, 254.
 Роберт I, король Франции. 160, 228, 231, 251, 253.
 Роберт II, король Франции. 245.
 Роберт Сильный. 160, 227, 228, 242.
 Бургундский Роберт, герцог. 250.
 Роваом, сын Соломона. 157.
 Родиберт, герцог эпохи Каролингов. 132.
 Ронсар Пьер, великий французский поэт эпохи Возрождения. 8, 221.
 Ротруда, мать Пипина Короткого. 213.
 Рудольф Бургундский, король франков. 88, 93, 94, 154, 228, 231.
 Руси, Робер де Пьернон, граф де. 150, 249.
 Рустик. 62, 65.
 Руфин, античный политический деятель. 109, 236.
 Сабеллико Антонио Марко, итальянский историк-гуманист. 78, 222.
 Савукова В.Д., переводчик. 211, 226, 227, 229, 233, 236, 237, 240, 242, 248, 260.
 Савойская Аделаида, императрица. 241.
 Савойская Алиса, королева Франции. 236, 237.
 Саксонский Иоганн-Фридрих, курфюрст. 14.
 Саллюстий, Гай Крисп, римский историк. 25, 67, 79, 214, 222.
 Салогаст, легендарный франк. 105.
 Сальвиан, марсельский проповедник. 25, 66, 70, 213, 216.
 Сансерр, Этьен де, граф. 150, 249.

- Санчук Э.С., переводчик. 218, 241, 253.
 Сассоферрато, Бартоло, юрист. См. Бартоло да Сассоферрато.
 Сванхильда, мать Грифона. 233.
 Светоний, Гай Транквилл, римский историк. 25, 68, 69, 70, 206, 207, 211, 212, 215, 235.
 Сейssel Клод де, французский мыслитель и историк. 33, 113, 164, 183, 184, 185, 194, 237, 254.
 Секст Руф, позднеантичный историк. 69, 215.
 Семирамида, царица Вавилона. 252
 Сенека, Луций Анней, античный философ. 25, 97, 116, 202, 207, 236, 238
 Сен-Поль, граф. См. Шатийон.
 Септимий Север, римский император. 206.
 Сервий Туллий, римский царь. 208.
 Сергеенко М.Е., переводчик. 210, 244.
 Сердан Доменико, арагонский верховный судья. 121, 122.
 Сердан Хуан, арагонский верховный судья. 119, 122
 Сиагрий. См. Эгидий.
 Сигиберт из Жамблу, хронист. 24, 66, 71, 79, 80, 87, 88, 90, 91—93, 105, 126, 138—140, 142, 150, 159, 160, 213, 245.
 Сигиберт, король Австразии. 86, 102, 106, 189, 226, 227, 235, 243, 244, 245, 260.
 Сигиберт, сын Дагоберга. 87.
 Сигизмунд, бургундский король. 240.
 Сикст V, римский папа. 47, 48.
 Симениус Педро, арагонский верховный судья. 120.
 Скирон, мифологический персонаж. 54, 207.
 Смирин В.М., переводчик. 225.
 Соболевский С.И., переводчик. 252.
 Сократ, древнегреческий философ. 156, 252.
 Соломон, библейский царь. 252.
 Стефан III, римский папа. 27, 138, 145, 245, 247.
 Стилихон, политический деятель позднего Рима. 74, 82, 220, 221, 223, 224, 236.
 Страбон, античный географ. 24, 57, 59, 61, 62, 71, 207, 208, 209.
 Стратановский А.Л., переводчик. 208.
 Суавегота, бургундская принцесса. 240.
 Суассон, Жан де Фальви, граф де. 150, 249.
 Сулла, Луций Корнелий, римский полководец. 85, 225.
 Сульпиций Александр, римский историк. 74, 220.
 Тазгетий, царь галлов. 60.
 Тарквиний Древний, римский царь. 59, 208.
 Тацит, Публий Корнелий, римский историк. 10, 23—25, 29, 57, 63—65, 67—69, 71, 77, 79, 80, 85, 89, 111, 159, 162, 187, 208, 210—212, 214, 215, 220—222, 225, 229, 237, 254, 259.
 Тебальд, доверенное лицо Плектруды, вдовы майордома Пипина Геристальского. 190.
 Титберга, жена Лотаря. 243.
 Тевкр, мифологический персонаж. 53, 206.
 Теламон, мифологический персонаж. 53, 206.
 Теодобальд, внук Пипина Геристальского. 261.
 Теодоберт I, король франков. 240.
 Теодоберт II, король франков. 189, 243, 244.
 Теодехад, король остготов. 260.
 Теодрада, дочь Карла Великого. 219.
 Теодорих Великий, король остготов. 91, 188, 248, 260.
 Теодорих. См. Тьерри.
 Терруж Жан, юрист. 179, 180, 181, 182, 258.
 Терция Сибилла, 4-я жена Педро IV Арагонского. 121, 240.
 Тесей, мифологический герой. 207.
 Тиберий Клавдий Цезарь, император. 69, 70, 215.
 Тирако, Андре, французский юрист XVI века. 97, 232.
 Требоний Поллион, римский историк. См. Поллион.
 Тритемиус, Иоганн, немецкий мыслитель. 24, 26, 27, 92, 94, 101, 126, 139, 140, 143, 223, 225, 230.
 Трояцилл Валерий Гай. 61.
 Туар, Алиса де, графиня Бретани. 249.
 Турмайр Иоганн. См. Авентин.
 Тьерри I, король франков. 102, 233, 263.
 Тьерри II, король франков. 136, 189, 244.
 Тьерри III, король франков. 30, 89, 91, 92, 108, 132, 207, 217, 219, 227, 228—230, 242, 243, 245, 261.
 Тьерри IV, король франков. 229.
 Тюрнеб Адриан, французский ученый-гуманист. 77, 221.
 Тюрпен, архиепископ Реймса. 25, 34, 79, 222.
 Уильям Ньюбургский, английский средневековый хронист. 111, 112, 237.
 Ульпиан, римский юрист. 26, 61, 63, 97, 156, 172, 209.
 Уолсингем, Томас, английский историк. 26, 27, 146, 164, 168, 171, 194, 252.
 Урпергский аббат. См. Эккехард и Монк, Робер де.
 Файлеуба, королева франков. 244.

- Фальстрада, жена Карла Великого. 319, 234.
- Фарамонд, легендарный король франков. 83, 86, 104, 105, 107, 224.
- Фараульф, постельничий короля. 111, 237.
- Фенелон Франсуа, французский писатель XVII в. . 12.
- Феодосий Великий, римский император. 26, 70, 83, 147, 216, 223, 224.
- Феопомп, спартанский царь. 121, 239.
- Фердинанд III, король Кастилии. 191, 262.
- Филипп I, король Франции. 241, 249.
- Филипп II, король Испании. 47.
- Филипп II Август, король Франции. 36, 111, 237, 249, 262.
- Филипп III, король Франции. 103, 250.
- Филипп IV, король Франции. 48, 104, 167, 168, 183, 197, 199, 200, 234, 235, 263, 264.
- Филипп V, король Франции. 47, 151, 250, 259.
- Филипп VI Валуа, король Франции. 104, 106, 164, 182, 183, 235.
- Филипп Юрпель, сын Филиппа Августа. 191, 260, 262.
- Филипп, еп. Бове. 150.
- Флавий Агрикола, наместник Галлии
- Фландрская Адель, жена Кнута IV Датского. 241
- Фландрская Жанна, графиня. 149, 249.
- Фландрская Маргарита III, герцогиня Бургундская, графиня. 250.
- Фландрская Матильда, королева Англии. 239.
- Фландрский, Карл Датский, граф. 128, 241.
- Фландрский, Томмазо Савойский, граф. 150, 249.
- Флодоард, каноник Реймса, хронист. 25, 87, 93, 154, 227, 231.
- Фонтей, римский чиновник. 61, 68, 209.
- Фор Жан де, французский юрист. 129, 241.
- Фортескую Джон, английский политический деятель и мыслитель. 27, 118, 239, 263.
- Фоссий, советник Бузириса. 207.
- Франкион (Франсион), легендарный вождь франков. 77, 221.
- Франциск I, король Франции. 65, 157, 175, 201, 232, 252, 255.
- Фредегонда, королева франков, жена Хильперика I. 189, 226, 243, 245, 247, 248, 260.
- Фридрих I Барбаросса, император. 72, 100, 128, 212, 217, 218, 241.
- Фридрих II Гогенштауфен, император. 27, 73, 220, 233.
- Фридрих III, курфюрст Пфальца. 28, 53, 206.
- Фродоард. См. Флодоард.
- Фруассар Жан, хронист. 26, 162, 164, 165, 254.
- Фудрад, аббат Сен-Дени 306. 246.
- Хариберт, король франков, сын Хлодвига I. 102, 146, 235, 248.
- Хариберт, сын Хлотаря II. 100, 102, 233.
- Хедвиг, дочь Генриха Птицелова. 159, 253.
- Хериберт, граф Лана. 247.
- Хильдеберт I, король франков. 23, 102, 106, 108, 126, 139, 188, 192, 226, 235, 236, 240.
- Хильдеберт II, король франков. 127, 132, 136, 188, 235, 242, 243, 244, 245, 260, 262.
- Хильдеберт III, король франков. 132, 242.
- Хильдегарда, жена Карла Великого. 86, 226, 234.
- Хильдерих I, король франков, отец Хлодвига. 83, 84, 86, 90, 91, 224, 226, 229.
- Хильдерих II, король франков. 87, 91, 92, 137, 217, 226, 227, 229, 230, 244—246.
- Хильдерих III, король франков. 30, 43, 89, 93, 138, 140. 143, 230, 244.
- Хильперик I, король франков. 64, 86, 132, 189, 211, 226, 227, 237, 243, 245, 247, 248.
- Хильперик II, король франков. 86, 89, 190, 226, 229, 230, 244.
- Хильперик, король бургундов. 236.
- Хильтруда, дочь Карла Великого. 210.
- Хлогион, легендарный король франков. 83, 101, 107, 224.
- Хлодвиг I, король франков. 80, 102, 126, 139, 150, 223, 224, 226, 229, 233, 235, 236, 260.
- Хлодвиг II, король франков. 88, 92, 127, 134, 138, 139, 219, 227, 228, 230, 242, 244.
- Хлодвиг III, король франков. 88, 132, 1344, 217, 228, 229, 240.
- Хлодвиг IV, король франков. 242.
- Хлодвиг, сын Хильперика I. 244.
- Хлодозинда, дочь Хлодомира, короля франков. 106, 235.
- Хлодомир, брат Хлогиона, король франков. 101.
- Хлодомир, сын Хлодвига I, король франков. 102, 188, 233, 236, 260, 263.
- Хлотарь I, король франков. 23, 87, 94, 100, 101, 107, 108, 132, 139, 188, 211, 226, 227, 233, 235, 236.
- Хлотарь II, король франков. 94, 100, 132, 133, 137, 138, 140, 188, 216, 217, 227, 233, 242, 243, 244, 245, 247.
- Хлотарь III, король франков. 87, 89, 92, 132, 137, 138, 140, 217, 227—229, 230, 245.
- Хлотарь, сын Тьерри II. 189.
- Хуан I, король Арагона. 121, 122, 239.

- Хуппа, конюший в эпоху Меровингов. 145.
 Хэмфри Ланкастерский, герц. Глостер. 165, 255.
- Цезарь Гай Юлий, полководец и политический деятель Древнего Рима. 19, 24, 25, 39, 57—64, 67—69, 97, 107, 110, 117, 207—212, 214, 215, 237.
- Целестин, римский папа. 168, 256.
- Цирцея, волшебница, персонаж «Одиссеи». 168, 256.
- Цицерон Квинт Туллий, брат Марка Туллия, офицер римской армии. 61.
- Цицерон Марк Туллий, политический деятель и мыслитель Древнего Рима. 29, 60, 61, 63, 67, 68, 113, 114, 117, 134, 145, 158, 206, 211, 214, 238, 253, 257.
- Чертко Я.Л., переводчик. 214, 215.
- Чино да Пистоя, итальянский средневековый юрист. 263.
- Шампанский, Луи, граф. 249.
- Шампанский, Тибо IV, граф. 249.
- Шампанская Алиса, королева Кипра. 191, 262.
- Шарлотта Савойская, королева Франции. 256.
- Шароле, граф. См. Карл Смелый.
- Шасне Ги, французский юрист XVI века. 27, 179, 258.
- Шатийон, Луи де, граф Блуа. 150, 249.
- Шатийон, Ги де, граф Невер. 150.
- Шатийон, Гоше де, граф Порсиан. 151, 250.
- Шатийон, Ги де, граф Сен-Поль. 151, 250.
- Э, граф Рауль де, коннетабль. 253.
- Эброин, майордом. 71, 91, 92, 137, 140, 217, 229.
- Эвре, Жанна д', королева Франции. 104, 234.
- Эвре, Луи, граф, брат Филиппа IV Красивого. 154, 250.
- Эгидий, магистр конницы. 86, 90, 91, 226, 229.
- Эд Робертин, король Франции. 88, 89, 93, 217—219, 227—229, 250, 251, 253.
- Эд, граф Шартрский. 245.
- Эдмонд, англосаксонский король. 154, 219, 251.
- Эдуард, англосаксонский король. 218.
- Эдуард I Плантагенет, английский король. 65, 171, 212, 241, 250, 263.
- Эдуард II Плантагенет, английский король. 183, 234, 250.
- Эдуард III Плантагенет, английский король. 104, 128, 163, 164, 183, 234, 254.
- Эймон, хронист. 25, 33, 64, 71, 86, 88, 89, 91—93, 100, 102, 103, 107, 108, 111, 126, 127, 128, 130—135, 139, 140, 142, 143, 146, 147, 153, 154, 160, 188—190, 211, 250, 251, 255.
- Эйнхард, биограф Карла Великого. 26, 72, 86, 99, 102, 103, 105, 138, 139, 153, 197, 217, 226, 233—235, 240, 249, 264.
- Эккхард Урспергский, хронист. 25, 26, 71, 72, 79, 80, 87, 91, 103, 190, 245.
- Элеонора Английская, королева Кастилии. 259.
- Элеонора Бурбонская, мать герцога Немурского. 257.
- Элеонора Провансальская, королева Англии. 212, 241.
- Элеонора Савойская, графиня Прованса. 262.
- Элий Вер, римский император. 206.
- Элий Лампридий, римский историк. 206.
- Элий Спартиан, римский историк. 206.
- Эмилиан Луций Муссий, тиран, упомянутый в «Жизнеописаниях Августов». 63, 210.
- Эмилий Павел, историк-гуманист. 147, 248.
- Эмма Итальянская, королева франков. 228.
- Эно, Маргарита д', герцогиня Бургундская. 255.
- Эразм Роттердамский, гуманист. 212, 242.
- Эрих, король вестготов. 212.
- Эрменгарда, королева франков, первая жена Людовика I. 231, 242.
- Эрминус, король вестготов. 119.
- Эрхиноальд, майордом. 137, 244.
- Этьен Анри, французский гуманист. 4, 252.
- Этьен, еп. Нуайона. 150.
- Ювенал Децим Юний, римский сатирик. 200, 264.
- Югурта, нумидийский царь. 193, 263.
- Юдифь Баварская, императрица, жена Людовика I. 190, 191, 217, 241, 261.
- Юлиан Отступник, римский император. 82, 206, 224.
- Юлий Капитолин, римский историк. 54, 206.
- Юлий Павел, римский юрист. 26, 156, 211.
- Юлий Цивилис, предводитель антиримского восстания. 221.
- Юстин, римский историк. 63, 67, 102, 210, 214, 234.
- Юстиниан, император Византии. 17, 76, 147, 148, 209, 221, 222, 233, 236, 248.
- Якоби, Паоло, средневековый юрист. 182, 259.
- Ясон де Майано, средневековый юрист. 18, 127, 259.

Указатель этнических названий

- Аквитаны — 61.
Аланы — 83, 221.
Алеманны — 71, 72, 216, 221, 224, 226.
Аллобреги — 83, 201.
Англосаксы — 15, 218.
Англы — 83, 106.
Арверны — 57, 59, 68, 208.
Бавары — 72, 102.
Батавы — 74, 77, 78, 81.
Бельги — 59, 61, 74.
Белловаки — 59.
Битуриги — 58.
Бретонцы — 65.
Бритты — 64, 65.
Бургунды — 83, 87, 131, 221, 225.
Буры — 64, 211.
Вандалы — 83, 220, 221, 232.
Венеты — 59.
Вестготы — 139, 223, 225, 226, 243, 245, 261.
Галаты — 210.
Галлы — 24, 32, 39, 55, 58, 61, 62, 64, 65,
67—71, 74, 81, 83, 94, 102, 109—111/
Гельветы — 62.
Гедумыны — 59.
Германцы — 19, 26, 39, 40, 42, 43, 64, 66,
67, 69—71, 73—75, 78, 85, 117, 140, 148,
159, 211—213, 222.
Готы — 64, 78, 83, 216, 232, 248.
Грудии — 59.
Гунны — 83, 189, 225, 260.
Кайсы — 74.
Канниненфаты — 77, 79.
Карнuty — 58, 60, 68.
Кельты — 59, 61, 81, 210.
Кондруи — 59.
Котины — 211.
Лангобарды — 74, 110, 137, 225, 236, 240,
245, 247.
Левки — 68.
Лингоны — 68.
Марсигны — 64, 211.
Нервии — 59.
Нитиоброги — 60.
Осы — 64.
Остготы — 139, 260.
Парисии — 59.
Плевмоксы — 59.
Ремы — 57.
Саксы — 71, 73, 76, 82—84, 108, 128, 130,
160, 221.
Салии — 82.
Свевы (свебы) — 64, 70, 83, 85, 211, 221.
Сорабы — 72.
Секваны — 59, 60, 83, 211.
Сеноны — 58—60.
Сикамбры — 75, 80, 94, 108, 231.
Скотты — 83.
Спартанцы (лакедемоняне) — 118, 119.
Суесены — 60, 68.
Тевтоны — 72, 73.
Треверы — 58, 59.
Турины — 72.
Турки — 115, 117, 118.
Ульбонии — 68.
Фирассы — 77.
Франки — 23, 24, 32, 33, 38, 39, 64, 66, 70—
95, 98, 101—105, 107—111, 126—128,
130—134, 137, 138, 140—144, 146, 147,
153, 155, 156, 159—161, 164, 166, 167,
188, 190, 191, 213, 217—219, 221, 223,
224, 226—236, 242, 243, 245, 247.
Фризы — 78, 242.
Хавки — 74, 75, 109.
Цевтроны — 59.
Шведы — 146.
Эбуроны — 59, 60.
Эдуи — 57, 59, 68, 83, 211.
Этруски — 208.

Указатель географических названий

- Аахен — 127, 130.
Авиньон — 197, 232, 264.
Аврелиан (см. также Орлеан).
Австразия — 73, 87, 92, 217, 219, 226—228, 230, 234, 244.
Ажен — 100.
Азинкур — 253.
Азия — 68, 76, 208, 243.
Аквитания — 60, 69, 72, 83, 93, 123, 124, 139, 153, 191, 212, 217, 218, 227, 231, 242.
Алансон — 152.
Алеманния — 231.
Альбий — см. Эльба.
Альпы — 68, 69, 71, 81, 123.
Амбуаз — 194.
Амьен — 103, 134.
Ананьи — 169, 170, 171.
Англия — 48, 65, 118, 151, 157, 162, 164, 183, 194, 234, 237, 239, 241, 245, 250, 251, 254, 258.
Аравия — 124.
Арагон — 48, 119, 120—122, 239.
Арап, р. — 109.
Арверна — 212.
Арль — 123, 124.
Арморика — см. Бретань.
Ассирия — 124.
Атгиньи — 153.
Афины — 244.
Африка (римская провинция) — 76, 83, 124, 187, 214, 220, 223.
Аугустодун — см. Отен.
Бавария — 72, 128, 231.
Базель — 16, 28, 38, 227, 258.
Барселона — 78.
Батавия — 76, 77, 81, 82.
Безансон — 65, 212.
Бельгика (I и II) (римские провинции) — 69, 72, 75.
Бибракта — 58.
Бигарга — 126.
Блуа — 11, 150, 245, 249.
Бове — 249.
Бордо (Бурдигала в античности) — 163, 193, 195, 212, 254.
Бретань (Арморика) — 150, 194, 195, 349, 255.
Булонь — 191.
Бургундия — 73, 106, 132, 153, 155, 217, 227, 228, 231, 235, 242—244, 249, 251, 254, 262.
Бурж — 15, 146, 254.
Валенсия — 258.
Венсен — 198.
Вестрия — 71.
Витмар — 131.
Вифлеем — 210.
Вормс — 1276 1346 1536 154ю
Вьенна — 69, 123, 222.
Вюрцбург — 246.
Галлия — 30, 35, 39, 40, 57—62, 64—76, 79, 81—84, 87, 90, 97, 100, 109, 117, 123, 124, 137, 139, 160—153, 167, 168, 176, 177, 191, 193, 194, 207, 209, 211, 212, 215, 217, 221, 223, 224, 260.
Гасконь — 100.
Гельвеция — 78.
Германия — 14, 42, 43, 59, 63, 39, 71—73, 77, 79, 190, 208, 219, 222, 234, 241.
Гренобль — 15, 193, 202, 232.
Греция — 68, 76, 117, 208, 252.
Данубий см Дунай
Дижон — 25, 134, 193.
Дофине — 201.
Египет — 206, 210.
Иерусалим — 111.
Изер, р. — 94.
Иллирия — 72, 216, 222.
Ирландия — 226.
Иония — 117.
Испания — 72, 76, 78, 102, 124, 162, 175, 191, 216, 221, 222, 223, 224, 258.
Итака, о. — 54, 206.
Италия — 18, 42, 67, 73, 81, 190, 202, 207, 212, 219, 224, 225, 234, 235.
Кагор — 193, 264.
Камбрэ (Камерак) — 84
Кариньян — 130, 134.
Капри — 215.
Карфаген — 76.
Кастилия — 48, 222, 262.
Каталаун (Каталаунские поля) — 222.
Кельн (Колония Агриппина в античности) — 82, 107, 225.
Кельтика — 72
Керси — 100
Кипр, о. — 191, 258,
Колония Агриппина — см. Кельн.
Константина — см. Арль.
Компьен — 127, 131—133, 217, 231.
Корсика, о. — 146.
Кюссенштейн — 128.
Лан — 150, 154, 155, 160, 213, 223, 249, 253.

- Лангедок — 163.
 Лангр — 249.
 Ле Ман — 165, 255.
 Ливия — 76, 212.
 Лион (Лугдунум) — 14, 15, 65, 66, 212.
 Ломбардия — 236.
 Лотарингия — 72, 93, 159, 219, 228.
 Луара (Легер в античности), р. — 71, 72, 100, 102, 132, 211, 217, 225, 242.
 Лугдунум (I, II, III) (римские провинции) — 69, 72.
 Лугдунум — см. также Лион.
 Лутетия (Париж) — 58.
 Люксей, монастырь — 91, 217.
 Маас (Моза в Античности), р. — 88, 93, 94.
 Мазолано — 88.
 Майнц (Могунтиак в Античности) — 81, 82, 88, 128, 130, 133, 142, 205.
 Македония — 68, 243, 247.
 Максима Секвана (римская провинция) — 69.
 Марсель (Массилия в античности) — 62, 63, 66, 70, 164, 194, 213, 237.
 Марсуя — 133.
 Массилия — см. Марсель.
 Мемфис — 53.
 Мец — 73, 87, 102, 141, 217.
 Милан — 224.
 Могунтиак — см. Майнц.
 Мюнхен — 222.
 Нарбонна (I и II) (римские провинции) — 69.
 Наумбург — 245.
 Неаполь — 233, 255.
 Невер — 153.
 Нейстрия — 71, 130, 217, 227, 228, 234, 243, 244.
 Неккар, р. (Нигр в Античности) — 70, 216.
 Новемпопулана (римская провинция) — 69, 123, 124.
 Нормандия — 154, 251.
 Нуайон — 127, 154.
 Орлеан (Аврелиан в древности) — 14, 71, 84, 102, 106, 128, 153, 160, 225, 260.
 Осер — 150.
 Отен (Аугустодун в древности) — 212, 231.
 Острофранкия — 71.
 Падерборн — 154.
 Паннония — 68, 71, 72, 102.
 Париж — 11, 15, 38, 71, 102, 108, 110—112, 131, 140, 144, 145, 150, 151, 157, 164—167, 169, 172, 177, 178, 184, 191—194, 196, 197, 199, 212, 217, 222, 230, 236, 239, 246, 253, 254, 259.
 Перигор — 100.
 Польша — 48, 162.
 Понт — 76.
 Приморские Альпы (римская провинция) — см. Альпы.
 Прованс — 139, 262.
 Пуатье — 164, 216, 250, 252.
 Пфальц — 28, 53, 55, 206.
 Равенна — 235.
 Реймс (Ремос в античности) — 84, 87, 88, 93, 102, 128, 154, 222, 223, 225, 236, 249.
 Рейн, р. — 68, 70, 72—76, 81—84, 105, 109, 128, 224, 225.
 Рейнланд. — 55.
 Ремос — см. Реймс.
 Реция — 63.
 Рим — 17, 54, 55, 57, 59, 62, 64, 65, 67, 68, 80, 82, 83, 109, 116, 131, 134, 169, 171, 207, 208, 210, 211, 213—215, 224, 225, 238, 241, 253, 263, 264.
 Рона (Родан в Античности), р. — 68, 108, 124.
 Руан — 151, 193, 199.
 Румыния — 225.
 Саксония — 72, 84, 127, 153, 241.
 Савойя — 16, 225.
 Сала, р. — 72.
 Санлис — 150.
 Сант — 100.
 Санс — 150.
 Севенны — 68.
 Сен-Бертен, аббатство — 230.
 Сен-Дени, аббатство — 229, 246.
 Сиракузы — 76.
 Сирия — 112, 214.
 Сицилийское королевство — 73, 220.
 Сицилия, о. — 76, 83.
 Сиция — 83.
 Скандинавия — 77.
 Спарта — 120, 121, 244, 252.
 Суассон — 84, 88, 93, 94, 102, 142, 154, 155, 225.
 Таксандрия — 82.
 Тапробон — 148.
 Теотуад — 154.
 Теруань — 233.
 Тионвиль — 127, 133.
 Толоза — см. Тулуза.
 Трир (Тревиум) — 84, 222, 224.
 Труа — 132, 146, 252, 258, 262.
 Тулуза (в Античности Толоза) — 100, 163, 193, 199, 212, 245, 254.
 Тур — 165, 166, 173, 175, 192, 211, 248, 262.
 Турин — 183, 237.
 Турнэ — 84.
 Турон — 124.
 Тюрингия — 90, 226.
 Фарсал — 253.
 Фермопилы — 117.
 Фландрия — 128, 149, 241, 249, 250.

- Флери, монастырь — 211, 225.
 Фонтенбло — 66.
 Франкия — см. Франция.
 Франкогаллия — 31, 55, 57, 71, 79, 83—85, 87, 90, 91, 94—96, 99, 100, 102, 103, 110, 111, 113, 114, 117, 125, 133, 137, 140, 146, 148, 159, 160, 173, 174, 176, 178, 180, 186, 187, 189, 190, 193, 197, 205, 247.
 Франкфурт — 15, 72.
 Франция — 3, 8—11, 13, 14, 16—21, 27, 31—34, 36, 38—48, 50, 66, 71—73, 77, 92, 93, 102, 103, 107, 110, 126—129, 131—133, 135, 138, 140, 144, 145, 147, 147—149, 150, 151, 153, 155, 158, 159, 161, 163, 167, 169, 171, 179, 180—183, 185, 186, 189—196, 198, 201—205, 207, 213, 217—219, 225, 228, 234, 235, 237, 241, 243, 247—251, 254—258, 262, 263.
 Фризия — 72, 77.
 Фурон — 243.
 Шалон — 222.
 Шампань — 150, 160, 237, 249.
 Шартр — 150, 192, 240, 245, 249.
 Швабия — 72.
 Швеция — 162, 222.
 Шотландия — 48, 151, 254.
 Экс — 183
 Эльба, р. (в древности Альбий) — 70, 216
 Эльзас — 73, 136, 231, 244.
 Эолия — 117.
 Этамп — 191.
 Эхея — 78

Научное издание

Франсуа Отман
Франкогаллия

Макет и оформление Ю.В. Балабанов
Издательский редактор И.В. Румянцева
Корректор Н.С. Головин

Предложения и вопросы можно присылать на электронный адрес серии:
medieval.books@mail.com

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unkniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб».

«Университетская книга-СПб» предлагает книготорговым организациям, библиотекам и простым читателям широкий ассортимент книг по всему спектру гуманитарных наук — философии, филологии, лингвистики, истории, социологии и политологии.

Вы можете приобрести у нас по издательским ценам продукцию ведущих научно-гуманитарных издательств России.

Контакты:

в Санкт-Петербурге: Тел. (812) 640-08-71, e-mail: uknigal@westcall.net

в Москве: ООО «Университетская книга-СПб». Тел. (495) 915-32-84,
e-mail: ukniga-m@libfl.ru

Рассылка по России:

Интернет-магазин Лабиринт.ру: <http://www.labyrinth.ru/>

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
Отпечатано: Публичное акционерное общество «Т8 Издательские
Технологии» 109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42,
корпус 5. Тел.: 8 (495) 221-89-80

Подписано в печать 1.10.2015. Формат 70×100/16. Заказ № 1139. Тираж
500 экз. 10 п.л. 8,5 уч.-изд. л.

Франсуа Отман

Франкогаллия

Сочинение известного французского юриста, публициста и ведущего идеолога тираноборчества Франсуа Отмана (1524–1590) «Франкогаллия» является одним из ярчайших памятников политической мысли XVI века.

Впервые трактат увидел свет непосредственно после Варфоломеевской ночи, т.е. в 1573 г., и его содержание в значительной степени было определено религиозным и политическим противостоянием в эпоху гражданских войн во Франции XVI в. Широкая популярность «Франкогаллии» в Европе оказалась связана с изложением учения о правах народа, суверенитете и легитимацией политического сопротивления монархической власти.

Автор сочинения также изложил собственную концепцию этногенеза и истории Франции. Перевод был осуществлен с последнего, наиболее полного издания данного сочинения.

